К 54 2/3
Кн. 3
Б. Ф.
1

ИЗЪ БИБЛІОТЕКИ
Алексѣя Сергѣевича Суворина.
Шкафъ №

Benevole Lector, in hac tabulâ VRBIS MOSKVÆ quadripartitam sectionem, aut murorum quatuor munitiones vides: quarum intima KITAYGOROD dicitur, ipsaque est VRBS. Huic proximè adiacet Castellum, aut Regia, muris seclusa, appellaturq, KREMLENAGRAD, quæ duæ muro cinguntur Lapideo, nonnullâ materiâ adiectâ. Civitas, quæ ab Oriente, Septentrione, et Occidente has cingit TZARGOROD dicitur, Cæsarea civitas: muro ex albo lapide cingitur, sed materiâ terreâ aggestâ. Extrà circumcingens has SKORODVM nominatur, murum habet ligneum, sine ullâ terrâ; pars huius Meridionalis, ultra flumen Moskua sita, etiam STRELZKA SLABODA dicitur, quod domos istas milites inhabitent, et custodia Magni Domini Cæsaris, et Magni Ducis, alijque alumni Martis.
In KITAYGRAD, id est, in intimâ Urbe, numeris suis hæc notata loca designantur.
1. Troyts; Templum S. Trinitatis, etiam Hierusolem dicitur, ad quod Palmarum festo Patriarcha asino insidens, a Cæsare introducitur.
2. Turris cymbalaria templi prædicti.
3. Nalobnemeest; Conclave, seu cœnaculum è latere extructum, in quo Patriarcha diebus supplicationum nonnullos canit cantus, etiam servit publicis promulgationibus.
4. Plosset, planities supplicijs dicata.
5. Porta Neglinea quæ et Porta Iacnu nominatur
6. Porta ad flumen Moskua.
7. Officinæ ocreas vendentium
8. Tamosene. Telonium quo omnes merces quæ importantur vectigal pendunt
9. Mercatorum tabernæ, ubi omnes merces venduntur.
10. Tabernæ pictorum.
11. Hospitium, quo Russi ex circumiacentibus urbibus hospitio excipiuntur, ut merces suas vendant.
12. Officina monetaria.
13. Aula Anglorum Moskuæ negotiantium.
14. Vosnesene. Templum Ascensionis Christi cuius turris tegumentum deauratum est
15. Aula Mikiti Romanovits, qui avus fuit hodie regnantis Cæsaris Michaelis Fædorovits.
16. Aula Bulgakoviorum.
17. Aula Legatorum.
18. Aula Metropolis Novogradensis.
19. Aula Stephani Vacilievits Golovoff.
20. Turmen, Carceres sunt.
21. Uorvarsche vorod; Porta est.
22. Porta Elinschie.
23. Porta Nicolai.
24. Typographia.
25. Aula Ioannis de Vlad,
26. Aula Michaelis Mikitovits Romanoffschi.
27. Aula Knees Petri Boroffschio.
28. Aula Knees Andreæ Teleterske.
29. Aula Petri Mikitovits Seleметoffschi.
30. Aula Knees Boris Teerkaske.
31. Armamentarium, quo tormenta bellica adservantur.
32. Aula tribunalis, ubi quæstiones Civiles deteruntur
33. S. Nicola; Monasterium, quo crucis basiationes, formâ iuramenti fiunt, ut dubia omnia solvantur.
In TZARGRAD, notata sunt hæc.
1. Cæsaris equile.
2. Porta ad aquas ducens, ut inserviat stabulis.
3. Hortus herbifer Pharmacopei Cæsarei.
4. Nova civium Curia.
5. Nosocomium.
6. Domus quâ tormenta bellica conflantur.
7. Forum equarum.
8. Aula Mercatorum Polonorum, cui contigua Mercatorum Armenianorum Aula.
9. Nosocomium, ubi sal et Pisces venduntur.
10. Brasnik turmen, Carcer ebriosorum.
Nomina portarum in exterioribus Urbibus.
1. Tsertoffskie.
2. Orbatskie.
3. Nikitskie.
4. Tverskie.
5. Dmitroffskie.
6. Petroffskie.
7. Oustretenskie.
8. Pokroffskie.
9. Iauskie.
10. Xeropagoffskie.
11. Koluskie.
12. Froloffskie.
SKORODVM has notas habet.
1. Magni Ducis hortus.
2. Aquæ calidæ seu Thermæ.
3. Forum lignarium.
Moskua fluvius
КОЛУСКИ
ТВЕСКИ
НІКИЦКИ
ДМИТРОВСКИ
ПЕТРОВСКИ
ОСТРЕТЕСКИ
ПОКРОСКИ

РОДЪ
ШЕРЕМЕТЕВЫХЪ

Помѧни́те дни̑ вѣ̑чныѧ, разꙋмѣ́йте
лѣ̑та ро́да родѡ́въ: вопроси̑ ѻ҆ц҃а̀ твоего̀,
и҆ возвѣсти́тъ тебѣ̀, ста́рцы твоѧ̑, и҆
рекꙋ́тъ тебѣ̀.

Второзак. л҃в: з҃.

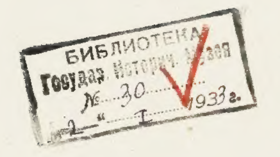
Александра Барсукова

члена-корреспондента Императорскаго общества любителей древней письменности,
члена-сотрудника Императорскаго Русскаго Археологическаго общества.

КНИГА ТРЕТЬЯ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
1883

[770]



Типографія М. М. Стасюлевича, Спб. Вас. Остр., 2 л., 7.

ОГЛАВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕЙ КНИГИ.

СТРАН.

ГЛАВА I. Женитьба князя Никиты Ивановича Одоевскаго на Евдокіѣ Өедоровнѣ Шереметевой. — Царское жалованье новобрачному. — Высокое положеніе Өедора Ивановича Шереметева при дворѣ царя Михаила Өедоровича. — Властительство патріарха Филарета Никитича. — Личныя отношенія Филарета и Өедора Ивановича Шереметева. — Служебное положеніе племянниковъ Өедора Ивановича Шереметева: Ивана, Василья и Бориса Петровичей Шереметевыхъ. — Иванъ Петровичь Шереметевъ посланъ на береговую службу въ Рязань. — По возвращеніи въ Москву, онъ участвовалъ въ брачномъ торжествѣ своего троюроднаго брата, царевича Михаила Михаиловича Кайбулина. — Исканіе въ чужихъ краяхъ невѣсты для царя Михаила Өедоровича. — Пересмотръ дѣла о нареченной невѣстѣ государевой дѣвицѣ Марьѣ Хлоповой. — Дѣло это поручено переслѣдовать Өедору Ивановичу Шереметеву. — Посылка Өедора Ивановича въ Нижній, для освидѣтельствованія Хлоповой . . . . . 1— 17

ГЛАВА II. Василій Петровичь Шереметевъ на воеводствѣ въ Свіяжскѣ. — Мѣстническій споръ Өедора Ивановича Шереметева съ княземъ Даниломъ Ивановичемъ Долгоруковымъ. — Челобитная по этому дѣлу Бориса Петровича Шереметева. — Участіе Шереметевыхъ въ торжествѣ бракосочетанія царя Михаила Өедоровича съ княжною Марьей Владиміровной Долгоруковою. —

СТРАН.

Странное челобитье отца государевой невѣсты, князя Владиміра Тимоѳеевича Долгорукова, на Ѳедора Ивановича Шереметева. — Болѣзнь царицы Марьи Владиміровны. — Уборская вотчина Ивана Петровича Шереметева въ 1624 году . . . . 18— 35

ГЛАВА III. Новый мѣстническій споръ Ѳедора Ивановича Шереметева съ княземъ Даниломъ Ивановичемъ Долгоруковымъ. — Кончина царицы Марьи Владиміровны. — Почетная встрѣча Персидскихъ пословъ. — Даточные люди Ѳедора Ивановича Шереметева, выставленные на посольскую встрѣчу. — Шереметевы за столомъ у государя, въ царскихъ богомольныхъ походахъ и при отпускѣ Персидскихъ пословъ. — Князь Сицкій отказывается, по мѣстничеству, быть въ товарищахъ у Ѳедора Ивановича Шереметева. — Трое Шереметевыхъ сопровождаютъ государя въ Троицкомъ походѣ. — Пышность царскаго поѣзда. — Побѣгъ Шереметевскихъ дворовыхъ людей. — Примѣты бѣжавшихъ. — Слѣдствіе и судъ по мѣстническому дѣлу Ѳедора Ивановича Шереметева съ княземъ Сицкимъ. — Иванъ и Василій Петровичи Шереметевы взяты въ Комнату государеву . . . . . 36— 53

ГЛАВА IV. Общественное положеніе Евдокіи Лукьяновны Стрѣшневой до вступленія ея въ бракъ съ царемъ Михаиломъ Ѳедоровичемъ. — Чинъ бракосочетанія царя Михаила съ Стрѣшневою. — Ѳедору Ивановичу Шереметеву поручено устройство и береженье сѣнника или брачнаго чертога. — Участіе въ брачномъ торжествѣ прочихъ Шереметевыхъ. — Марья Петровна Шереметева въ штатѣ пріѣзжихъ боярынь новой царицы. — Большой пожаръ въ Москвѣ. — Дворъ Петра Никитича Шереметева въ Китаѣ-городѣ. — Чертежъ города Москвы. — Убытки отъ пожара, понесенные Ѳедоромъ Ивановичемъ Шереметевымъ. — Дворы его племянниковъ, Василья и Бориса Петровичей Шереметевыхъ. — Шереметевы на новосельѣ у государя. — Ѳедору Ивановичу Шереметеву поручено вѣдать Москву. — Значеніе царскихъ богомольныхъ походовъ. — Кротость правленія царя Михаила. — Общая поземельная перепись, какъ мѣра къ улучшенію положенія крестьянъ . . . . . . 54— 78

СТРАН.

ГЛАВА V. Шереметевы за столомъ у государя въ день празднованія Ѳедоровской иконы Божіей Матери, а также за родильными и крестинными столами, по случаю рожденія и крестинъ царевенъ Ирины и Пелагеи. — Отписка Ѳедора Ивановича Шереметева, какъ образчикъ переписки вѣдавшаго Москву боярина. — Ѳедору Ивановичу Шереметеву поручено завѣдывать Печатнымъ приказомъ. — Описаніе Шереметевской подмосковной вотчины села Василева (Воскресенскаго). — Позднѣйшіе владѣльцы этой вотчины. — Описаніе Саларевской вотчины Ѳедора Ивановича Шереметева . . . . 79— 94

ГЛАВА VI. Описаніе подмосковныхъ пустошей, доставшихся Ивану Петровичу Шереметеву отъ тестя, думнаго дьяка Вылузгина. — Межа Саларевской вотчины Ѳедора Ивановича Шереметева съ Уборскою вотчиною Ивана Петровича Шереметева. — Пустоши, прикупленныя Ѳедоромъ Ивановичемъ Шереметевымъ для округленія Кусковской дачи. — Описаніе Бузаевской вотчины Ивана Петровича Шереметева. — Его споръ изъ-за межи съ сосѣдними владѣльцами. — Шереметевы участвуютъ въ торжественномъ пріемѣ новыхъ Персидскихъ пословъ и праздновaніи новоселья у государя. — Рожденіе царевича Алексѣя Михайловича. — Кружка, принесенная въ даръ новорожденному царевичу бояриномъ Ѳедоромъ Ивановичемъ Шереметевымъ . . . . 95—110

ГЛАВА VII. Шереметевы сопровождаютъ царскую семью въ путешествіи къ Троицѣ. — Переписка государя съ патріархомъ Филаретомъ во время «путнаго шествія». — Ѳедоръ Ивановичь Шереметевъ руководитъ перепискою по Литовскимъ дѣламъ. — Первый Французскій посолъ въ Москвѣ. — Ѳедоръ Ивановичь Шереметевъ опять выставляетъ даточныхъ людей на посольскую встрѣчу. — Вмѣстѣ съ другими боярами ведетъ переговоры съ Шведскимъ посломъ Мониромъ. — Назначенъ начальникомъ Приказа приказныхъ дѣлъ. — Женитьба Семена Васильевича Головина на дочери Ѳедора Ивановича Шереметева, Ульянѣ Ѳедоровнѣ. — Ѳедоръ Ивановичь скупаетъ царское отставное платье. — Положеніе Ульяны Ѳе-

*

СТРАН.

доровны Шереметевой (по мужу Головиной) при дворѣ царицы. — Другая дочь Ѳедора Ивановича Шереметева, инокиня Александра. — Его сынъ Алексѣй Ѳедоровичь Шереметевъ. — Кончина короля Сигизмунда III. — Приготовленія къ войнѣ съ Польшею. — Кончина Алексѣя Ѳедоровича Шереметева . . . . 111—136

ГЛАВА VIII. Переписка Ѳедора Ивановича Шереметева съ игуменомъ и братіей Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря. — Его поѣздка въ сію обитель . . . . . 137—159

ГЛАВА IX. Кончина патріарха Филарета Никитича. — Польская война. — Ѳедоръ Ивановичь Шереметевъ назначенъ вести мирные переговоры съ Польскими послами. — Отъѣздъ Ѳедора Ивановича Шереметева въ Вязьму. — Посольскіе съѣзды при рѣчкѣ Поляновкѣ. — Заключеніе Поляновскаго мирнаго договора. — Тайная статья договора. — Шереметевъ отклоняетъ предложеніе Поляковъ поставить памятники для вѣчнаго воспоминанія о заключенномъ мирѣ. — Царское милостивое слово Ѳедору Ивановичу Шереметеву. — Награды, полученныя Ѳедоромъ Ивановичемъ Шереметевымъ за посольское дѣло. — Служебныя отличія его племянниковъ. — При совершеніи обряда царскаго крестнаго цѣлованія Ѳедоръ Ивановичь держитъ скипетръ. — Угощеніе Польскихъ пословъ. — Мѣстническая челобитная князя Андрея Васильевича Хилкова на Ѳедора Ивановича Шереметева . . . . 160—181

ГЛАВА X. Прибытіе въ Москву Голштинскаго посольства. — Олеарій и прочіе члены посольства. — Услуги, оказанныя посольству Нижегородскимъ воеводою Васильемъ Петровичемъ Шереметевымъ. — Пріѣздъ посольства въ Нижній. — Василій Петровичь Шереметевъ принимаетъ Олеарія въ своемъ домѣ. — Домашняя обстановка Василья Петровича Шереметева. — Его семья. — Прибытіе Голштинскаго посольства въ Казань. — Перстень, полученный отъ пословъ Казанскимъ воеводою Иваномъ Петровичемъ Шереметевымъ. — Возвращеніе Ивана Петровича Шереметева въ Москву. — Его семья. — Первое извѣстіе о службѣ Василья Борисовича Шереметева. — Ивану Петровичу Шереметеву поручено проводить тѣло усопшаго

стран.

королевича Датскаго Іоанна. — Служебное старшинство Ивана Петровича Шереметева предъ княземъ Дмитріемъ Михайловичемъ Пожарскимъ. — Ѳедоръ Ивановичь Шереметевъ жертвуетъ Кирилло-Бѣлозерскому монастырю свою Нижегородскую вотчину село Меленки . . . . 182—200

ГЛАВА XI. Взятіе Азова казаками. — Иванъ Петровичь Шереметевъ на передовой государевой службѣ въ городѣ Крапивнѣ. — Письменный отзывъ его по дѣлу объ умаленіи царскаго титула въ отпискахъ пограничныхъ Литовскихъ властей. — Дѣятельность Ивана Петровича Шереметева по исправленію Лихвинской засѣки. — Ѳедоръ Ивановичь Шереметевъ временно завѣдуетъ приказами Стрѣлецкимъ и Большой Казны. — Назначенъ начальникомъ Приказа что̀ на сильныхъ бьютъ челомъ. — Ивану Петровичу Шереметеву порученъ Приказъ сбора ратныхъ людей. — Борисъ Петровичь Шереметевъ на воеводствѣ въ Двинской области. — Его печать. — Кончина царевичей Ивана Михайловича и Василья Михайловича. — Шереметевы, въ числѣ другихъ, дневали и ночевали у гробовъ почившихъ царевичей. — Переговоры Ѳедора Ивановича Шереметева съ Олеаріемъ. — Василій Петровичь Шереметевъ возвращается изъ Нижняго и вслѣдъ за тѣмъ идетъ съ прибылымъ полкомъ во Мценскъ . . 201—220

ГЛАВА XII. Послы въ Москвѣ отъ Азіатскихъ и Европейскихъ государей. — Василій Борисовичь Шереметевъ въ должности рынды. — Его наружность. — Ивану Петровичу Шереметеву поручено вести переговоры съ Польскими послами. — Василій Борисовичь Шереметевъ сопровождаетъ государя во Владиміръ. — Иванъ Петровичь Шереметевъ назначенъ начальникомъ Суднаго Владимірскаго приказа. — Василій Петровичь Шереметевъ пожалованъ въ бояре. — Придворная служба Василья Борисовича Шереметева. — Значеніе Шереметевыхъ усиливается. — Ихъ отношешенія къ царской семьѣ. — Объ игрушкахъ царевича Алексѣя Михайловича, подаренныхъ царицей Евдокіей Лукьяновной «боярынѣ Шереметевой». — Пріѣзды ко двору Марьи Петровны Шереметевой. — Церемонія шествія на осляти вновь поставленнаго па-

СТРАН.

тріарха Іосифа. — Участіе въ этой церемоніи Василья Петровича Шереметева. — По кончинѣ князя Ивана Борисовича Черкасскаго, Өедоръ Ивановичь Шереметевъ занимаетъ первенствующее положеніе въ государствѣ. — Перечень приказовъ, состоявшихъ подъ его начальствомъ. — Свѣдѣнія о службѣ Өедора Ивановича, какъ начальника Аптекарскаго приказа. — Болѣзнь царя Михаила Өедоровича. — Переговоры о бракосочетаніи царевны Ирины съ Датскимъ королевичемъ Вольдемаромъ. — Порученія, возложенныя на придворнаго доктора Сибелисту . . . . 221—242

ГЛАВА XIII. Князь Левъ Александровичь Шляковъ-Чешскій, крестникъ Өедора Ивановича Шереметева. — Его женитьба на дочери Василья Петровича Шереметева, Марөѣ Васильевнѣ. — Мѣстническій споръ Ивана Петровича Шереметева съ княземъ Андреемъ Васильевичемъ Хилковымъ. — Олеарій въ гостяхъ у князя Шлякова-Чешскаго. — Наружность Марөы Васильевны Шереметевой (по мужу княгини Шляковой-Чешской). — Самозванство князя Шлякова-Чешскаго. — Донесеніе государю доктора Сибелисты. — Его переписка съ Өедоромъ Ивановичемъ Шереметевымъ. — Извѣтъ относительно произнесенія «непригожихъ словъ» о бояринѣ Өедорѣ Ивановичѣ Шереметевѣ. — Рака къ мощамъ преподобнаго Кирилла-Бѣлозерскаго, пожертвованная Өедоромъ Ивановичемъ Шереметевымъ . . . . 243—264

ГЛАВА XIV. Ожиданіе жениха царевны Ирины, королевича Вольдемара. — Походъ государя въ село Покровское. — Василій Борисовичь Шереметевъ возницей въ царскомъ поѣздѣ. — Пріѣздъ королевича Вольдемара въ Москву. — Шестеро Шереметевыхъ участвуютъ въ церемоніяхъ пріема королевича. — Начало службы сыновей Василья Петровича Шереметева, Петра и Матвѣя. — Вкладъ Өедора Ивановича Шереметева въ Николаевскій Антоніевъ монастырь. — Пожертвованная имъ плащаница. — Храмозданная грамота на постройку въ Шереметевской подмосковной деревнѣ Вешняковѣ каменной церкви. — Хоромы князя Одоевскаго въ Вешняковѣ. — Изразцы, найденные на мѣстѣ этихъ хоромъ. — Соколиная охота въ Вешняков-

СТРАН.

скихъ рощахъ. — Двѣ пустоши, прикупленныя Θедоромъ Ивановичемъ Шереметевымъ къ селу Вешнякову. — Полюбовное размежеваніе. — Служебная дѣятельность Θедора Ивановича Шереметева по документамъ Аптекарскаго приказа. — Ходатайствуетъ за иноземцевъ . . . . 265—283

ГЛАВА XV. Стѣсненное положеніе Датскаго королевича Вольдемара. — Домогается отпуска домой. — Проситъ ходатайствовать о томъ боярина Θедора Ивановича Шереметева. — Поведеніе Датчанъ, состоявшихъ въ свитѣ королевича. — Драка съ казаками, возвращавшимися отъ Шереметева. — Вѣсти о появленіи новаго самозванца. — Ивану Петровичу Шереметеву поручено вести переговоры съ Турецкими и Польскими послами. — Мѣстническій споръ Ивана Петровича Шереметева съ княземъ Никитой Ивановичемъ Одоевскимъ. — Отношенія Θедора Ивановича Шереметева къ своимъ племянникамъ, сыновьямъ Петра Никитича Шереметева. — Семейная междуусобица. — Челобитная Θедора Ивановича Шереметева. — Кончина царя Михаила Θедоровича . . . . 284—302

ГЛАВА XVI. Новый государь Алексѣй Михайловичь поспѣшаетъ кончить дѣло королевича Вольдемара. — Отпускная аудіенція королевичу. — Шереметевы на почетныхъ встрѣчахъ королевича. — Мѣстническій споръ Шереметевыхъ съ Бутурлиными. — Василью Петровичу Шереметеву поручено провожать королевича Вольдемара до рубежа. — Королевичь въ гостяхъ у Василья Петровича Шереметева. — Наказъ, данный Василью Петровичу Шереметеву. — Прощаніе королевича съ Шереметевымъ. — Кончина вдовствующей царицы Евдокіи Лукьяновны. — Знаменія небесныя. — Послѣдній докладъ Θедора Ивановича Шереметева. — Новые дѣятели. — Вѣнчаніе на царство Алексѣя Михайловича. — Участіе Шереметевыхъ въ священномъ дѣйствіи царскаго поставленія. — Дары, принесенные Шереметевыми нововѣнчанному царю. — Награды. — Служебное положеніе Шереметевыхъ въ новое царствованіе. — Челобитная Θедора Ивановича Шереметева . . . . 303—318

стран.

ГЛАВА XVII. Духовное завѣщаніе боярина Ѳедора Ивановича Шереметева . . . . 319—336

ГЛАВА XVIII. Позднѣйшая судьба вотчинъ, распредѣленныхъ въ духовномъ завѣщаніи Ѳедора Ивановича Шереметева. — Отзывы иностранцевъ о царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ. — Бояринъ Борисъ Ивановичъ Морозовъ. — Василій Петровичъ и Василій Борисовичъ Шереметевы отправлены на государеву службу въ Украйну. — Вкладъ Ѳедора Ивановича Шереметева въ Троицкій Сергіевъ монастырь. — Мѣстническое дѣло Василья Петровича Шереметева съ княземъ Юрьемъ Александровичемъ Долгоруковымъ. — Мѣстническая челобитная Василья Борисовича Шереметева на Плещеева. — Вѣсти о Татарахъ. — Василью Борисовичу Шереметеву назначено стоять съ сторожевымъ полкомъ въ Ельцѣ. — Валовое дѣло въ царствованіе Алексѣя Михайловича. — Возвращеніе Шереметевыхъ въ Москву. — Розыски по дѣлу о порчѣ государевой невѣсты Евфиміи Всеволожской. — Показаніе шапошницы Аленки Ѳедотовой о боярынѣ Екатеринѣ Никитичнѣ Шереметевой . . . . 337—354

ГЛАВА XIX. Начало сближенія царя Алексѣя Михайловича съ Новоспасскимъ архимандритомъ Никономъ. — Придворная служба Шереметевыхъ. — Кончина Ивана Петровича Шереметева. — Его предсмертная челобитная. — Его старшій сынъ, Василій Ивановичъ Шереметевъ. — Рѣчь Польскаго посла въ Грановитой палатѣ. — Василій Борисовичъ Шереметевъ ѣздилъ къ послу со столомъ отъ государя. — Мѣстническій споръ Василья Ивановича Шереметева съ княземъ Ѳедоромъ Ѳедоровичемъ Долгоруковымъ. — Кончина короля Владислава IV. — Женитьба царя Алексѣя Михайловича на Марьѣ Ильинишнѣ Милославской. — Участіе Шереметевыхъ въ свадебномъ церемоніалѣ. — Дары, принесенные Шереметевыми царю и царицѣ. — Сравненіе свадьбы царя Алексѣя Михайловича съ прежними царскими свадьбами . . . . 355—371

ГЛАВА XX. Женитьба Василья Ивановича Шереметева. — Царское жалованье новобрачному. — Женитьба Морозова на сестрѣ царицы. — Мятежъ въ Москвѣ. — Кончина Екатерины Никитичны Шереме-

стран.

тевой. — Вкладъ по ней. — Бортныя угодья Василья Петровича Шереметева, въ Нижегородскомъ уѣздѣ. — Патріаршія богомольныя грамоты. — Дѣятельность правительства послѣ мятежа.— Уложеніе.— Василій Борисовичь Шереметевъ назначенъ начальникомъ Суднаго Владимірскаго приказа, а Василій Петровичь Шереметевъ — воеводою въ Казань. — Мѣстническій споръ Василья Борисовича Шереметева съ княземъ Иваномъ Андреевичемъ Хилковымъ. — Василій Борисовичь Шереметевъ назначенъ воеводою въ Тобольскъ. — Данная Василью Петровичу Шереметьеву на родовыя вотчины, завѣщанныя ему дядей, Ѳедоромъ Ивановичемъ Шереметевымъ. — Отъѣздъ Василья Петровича Шереметева съ сыномъ Матвѣемъ въ Казань . . . . 372—385

ГЛАВА XXI. Встрѣча Василья Петровича Шереметева съ протопопомъ Аввакумомъ. — Укоръ Матвѣю Васильевичу Шереметеву за бритье бороды. — Пребываніе Василья Петровича Шереметева въ Казани. — Возвращеніе въ Москву. — Изустная память Ѳедора Ивановича Шереметева. — Отъѣздъ Ѳедора Ивановича Шереметева въ Кирилло-Бѣлозерскій монастырь. — Царская грамота о немъ въ Кирилловъ монастырь . . . . 386—403

ГЛАВА XXII. Ѳедоръ Ивановичь Шереметевъ принимаетъ постригъ и нареченъ Ѳеодосіемъ. — Его кончина. — Его вклады въ Кирилло-Бѣлозерскій монастырь. — Судьба сокровищъ этой обители. — Вклады Ѳедора Ивановича Шереметева въ другіе монастыри. — Безслѣдное исчезновеніе памятниковъ старины. — Кончина Бориса Петровича Шереметева. — Догадка о мѣстѣ его погребенія. — Шлемъ, принесенный имъ въ даръ царю Алексѣю Михайловичу. — Вторая жена Бориса Петровича Шереметева . . . 404—422

ГЛАВА XXIII. Служба Василья Борисовича Шереметева въ Сибири, въ должности Тобольскаго воеводы.— Злоупотребленія его предмѣстниковъ. — Среднія и малыя воеводства, подчиненныя Василью Борисовичу Шереметеву. — Значеніе Верхотурья. — Тобольскъ въ пору пріѣзда туда Василья Борисовича Шереметева. — Сближеніе Русскихъ поселенцевъ съ тузем-

СТРАН.

нымъ населеніемъ. — Первыя распоряженія Василья Борисовича Шереметева. — Сибирская торговля. — Малочисленность служилыхъ людей въ Сибирскихъ городахъ. — Контайша и тайши Калмыцкіе. — Переписка Василья Борисовича Шереметева съ подчиненными воеводами. — Кучумовичи . . . . . . 423—443

ГЛАВА XXIV. Набѣгъ Калмыковъ. — Распоряженія изъ Москвы. — Василій Борисовичь Шереметевъ отправляетъ пословъ къ контайшѣ. — Прибытіе Калмыцкихъ пословъ въ Тобольскъ. — Привезенные ими дары. — Шереметевъ отдариваетъ Калмыцкихъ пословъ. — Пожары и грабежи въ волостяхъ по рѣкѣ Исети. — Разгромъ Успенскаго Далматова монастыря. — Служилые люди отказываются идти противъ Калмыковъ. — Донесенія Шереметева. — Дѣло боярскаго сына Чередова. — Предписаніе Шереметева подчиненнымъ воеводамъ. — Тарскій воевода князь Горчаковъ. — Своеволіе Тарскихъ служилыхъ людей. — Василій Борисовичь Шереметевъ снаряжаетъ посольство въ Китай. — Возвращается въ Москву . . . . 444—464

ГЛАВА XXV. Придворная служба Шереметевыхъ. — Новая встрѣча Василья Петровича Шереметева съ протопопомъ Аввакумомъ и примиреніе съ нимъ. — Младшій братъ Аввакума былъ духовникомъ жены Василья Петровича Шереметева. — Шереметевы, состоявшія въ штатѣ пріѣзжихъ боярынь царицы. — Фамильная черта Шереметевыхъ. — Мятежи въ Новгородѣ и Псковѣ. — Кончина первой жены Василья Ивановича Шереметева, Ксеніи. — Межеваніе Кускова и Вешнякова. — Шереметевы сопровождаютъ государя въ Кашинъ. — Царская соколиная охота. — Въ отсутствіе государя Василій Петровичь Шереметевъ вѣдаетъ Москву. — Царская медвѣжья охота въ Звенигородскихъ лѣсахъ. — Явленіе Преподобнаго Саввы Сторожевскаго. — Открытіе его мощей. — Петръ Васильевичь Шереметевъ возницей въ царскомъ поѣздѣ. — Кончина Василья Ивановича Шереметева. — Его единственный сынъ Петръ Васильевичь Меньшой Шереметевъ. — Мощи Святителей Московскихъ. — Мѣстническій споръ князей Ромода-

стран.

новскихъ. — Мѣстническая челобитная Василья Петровича Шереметева на Плещеевыхъ. — Прибытіе въ Москву мощей патріарха Іова. — Кончина патріарха Іосифа. — Рожденіе Бориса Петровича Шереметева (впослѣдствіи фельдмаршала) . . . . 465—492
Буквальный текстъ духовной и изустной памяти боярина Ѳедора Ивановича Шереметева . . . . 493—524
Указатель . . . . 525—556
Списокъ приложеній . . . . 557—559

ГЛАВА I.

Въ 1622 году, незадолго до пріѣзда писца Кологривова въ Кусковскую вотчину, владѣлецъ ея, бояринъ Ѳедоръ Ивановичь Шереметевъ, праздновалъ свадьбу своей дочери Евдокіи Ѳедоровны съ стольникомъ княземъ Никитой Ивановичемъ Одоевскимъ, представителемъ древнѣйшаго въ Россіи княжескаго рода. На другой день послѣ вѣнчанія, князь Одоевскій, по обычаю, ѣздилъ со всѣмъ свадебнымъ поѣздомъ челомъ ударить государю царю Михаилу Ѳедоровичу. Въ книгѣ расходной государева жалованья 1622 года записано: «Февраля въ 11 день, въ Верхъ къ государю въ хоромы пріѣзжалъ столникъ князь Никита Ивановичь Одоевской, назавтрея своей свадбы, государю челомъ ударилъ, и государь

столника князь Никиту Ивановича Одоевскаго пожаловалъ благословилъ: образъ Спасовъ, окладъ и вѣнецъ басмянной; да ему жъ государь пожаловалъ: кубокъ серебренъ золоченъ, съ покрышкою, на высокомъ стоянцѣ; по кубку и по стоянцу и по покрышкѣ ложки большіе, чеканные; межъ тѣхъ ложекъ ложечки маленькіе чеканные жъ; подъ пузомъ столбикъ, на немъ 12 ложечекъ гладкихъ, подъ пузомъ и повыше стоянца травки рѣзные, гнутые, бѣлы; подъ пузомъ же три дуги литые, завернулись; на покрышкѣ кубчикъ, на кубчикѣ травка бѣла съ нацвѣты; вѣсу 3 гривенки 14 золотникъ, цѣна по 6 рублей гривенка. Да 10 аршинъ бархату алого, 10 аршинъ атласу лазореваго, 10 аршинъ камки куфтерю червчатаго, 10 аршинъ камки адамашки жолтой; да сорокъ соболей; и то государево жалованье отвозилъ къ столнику ко князю Никитѣ Ивановичю Одоевскому діакъ Булгакъ Миловановъ»[1].

Царская милость, оказанная молодому

---

[1] Дополненія къ Дворцовымъ разрядамъ, собранныя изъ книгъ и столбцовъ преждебывшихъ дворцовыхъ приказовъ архива Оружейной палаты И. Е. Забѣлинымъ (Чтенія въ императорскомъ Обществѣ исторіи и древностей Россійскихъ при Московскомъ университетѣ. 1882 г. Кн. I. Отд. II. столб. 287).

стольнику князю Одоевскому, косвеннымъ образомъ относилась къ его заслуженному тестю, Өедору Ивановичу Шереметеву, сохранившему за собою и по возвращеніи изъ плѣна Филарета Никитича то исключительное положеніе, какое онъ занималъ при особѣ царя Михаила Өедоровича вмѣстѣ съ двумя ближайшими родственниками царскаго величества, Иваномъ Никитичемъ Романовымъ и княземъ Иваномъ Борисовичемъ Черкасскимъ. Три эти лица составляли какъ-бы семейный совѣтъ молодаго государя и пользовались большимъ уваженіемъ не только въ царской семьѣ, но и среди самихъ бояръ. Такъ, старѣйшій бояринъ высшаго синклита, князь Өедоръ Ивановичъ Мстиславскій, предъ смертью, послѣдовавшею 19-го февраля 1622 года, назначилъ своими душеприкащиками именно Романова, князя Черкасскаго и Шереметева. Они и приводили въ исполненіе духовную грамоту этого послѣдняго представителя родовитыхъ князей Мстиславскихъ, распредѣляя по монастырямъ завѣщанныя имъ денежныя суммы[2].

[2] Вкладная книга Троицкаго Калязина монастыря 1653 года. По выпискамъ, сообщеннымъ А. Е. Викторовымъ. — Вкладная книга Новоспасскаго монастыря, напечатанная въ Краткомъ историческомъ описаніи Московскаго Новоспасскаго монастыря. М. 1802. стр. 83.

Трудно однако сказать, въ какой мѣрѣ распространялось вліяніе Шереметева и его сотоварищей, царскихъ совѣтниковъ, также и на дѣла общаго государственнаго управленія. Утверждаютъ, что Ѳедоръ Ивановичъ Шереметевъ, въ царствованіе Михаила Ѳедоровича, «двигалъ главнѣйшими пружинами государства»[3]. Но такое общее опредѣленіе значенія Шереметева едвали можетъ быть вполнѣ примѣнимо именно къ описываемому времени, когда на кормилѣ правленія лежала властная рука родителя государева, патріарха Филарета Никитича. Мудрый святитель, ставъ соправителемъ царя Михаила, не даромъ именовался великимъ государемъ. «Сей же убо Ѳиларетъ,—читаемъ въ хронографѣ,—владѣтеленъ таковъ былъ, яко і самому царю боятися его; боляръ же і всякаго чина царскаго сигклита зѣло томяше заточенми необратными і инѣми наказанми; всякими же царскими дѣлами владѣлъ»[4]. Ничего не дѣлалось безъ воли и благословенія строгаго патріарха, и лѣтописецъ съ понятною радостью объяв-

---

[3] Берхъ. Царствованіе царя Михаила Ѳеодоровича. Спб. 1832. стр. 120.

[4] Рукописный сборникъ императорской публичной библіотеки, въ Собраніи Карамзина. F. IV. № 343. Л. 204 на оборотѣ.

ляетъ, что при Филаретѣ «ни отъ когожъ въ Московскомъ государствѣ сильниковъ не бысть, опричь ихъ государей»[5].

Замѣтимъ къ тому же, что Ѳедоръ Ивановичъ Шереметевъ, не смотря на свое высокое положеніе въ Комнатѣ государя, до самой кончины патріарха Филарета не завѣдывалъ ни однимъ изъ главнѣйшихъ приказовъ. Да и въ личныхъ отношеніяхъ Шереметева и Филарета, со времени вступленія послѣдняго на патріаршій престолъ, примѣчается нѣкоторое охлажденіе, и въ 1630 году, патріархъ Филаретъ, въ одномъ письмѣ къ царю Михаилу Ѳедоровичу, только трехъ лицъ называлъ своими «пріятелями»: брата Ивана Никитича Романова, князя Ивана Борисовича Черкасскаго и князя Бориса Михайловича Лыкова[6].

Что же касается до двоюродныхъ племянниковъ Ѳедора Ивановича Шереметева, Ивана Петровича, Василія Петровича и Бориса Петровича, то всѣ они и въ «великое государствованіе» патріарха Филарета Никитича оставались на прежней степени дворянъ Московскихъ, чина очень высокаго, котораго

---

[5] Русская лѣтопись, по Никонову списку. Ч. VIII. стр. 245.
[6] Письма Русскихъ государей. Т. I. М. 1848. № 346. стр. 270.

усердно добивались не только городовые дворяне, но и стольники. Московскій дворянинъ получалъ помѣстной земли отъ 500 до 1000 четвертей, да денежнаго жалованья отъ 20 до 100 рублей[7]. Но главное преимущество Московскихъ дворянъ предъ городовыми заключалось въ близости ихъ къ царскому двору: они составляли какъ-бы придворный штатъ государя. Вмѣстѣ съ тѣмъ Московскихъ дворянъ нерѣдко употребляли и для ратнаго дѣла. Такъ, въ іюнѣ мѣсяцѣ 1622 года, Ивана Петровича Шереметева послали въ Рязань, принять отъ воеводы Ивана Никифоровича Сабурова большой полкъ; причемъ сдѣлано было распоряженіе, чтобы, въ случаѣ прихода на Рязанскія мѣста Крымскихъ людей, воеводы изъ Тулы, Михайлова и Пронска сходились въ Рязань, къ Шереметеву, при которомъ находилось всякихъ ратныхъ людей, дворянъ и дѣтей боярскихъ, а также Татаръ Бардаковскихъ и Кадомскихъ, всего 1024 человѣка[8].

На сей разъ, Крымскіе люди, задобренные поминками, не выходили изъ своего юрта,

---

[7] Маржеретъ. Состояніе Россійской державы въ началѣ XVII вѣка. Переводъ съ Французскаго, Устрялова. Спб. 1830. стр. 57.

[8] Дворцовые разряды. Т. I. Спб. 1850. столб. 504 и 505. — Книги разрядныя. Т. I. Спб. 1853. столб. 862.

и въ октябрѣ мѣсяцѣ, послѣ того какъ войско, собранное въ Рязанскихъ городахъ, по царскому указу распущено было по домамъ, Иванъ Петровичь Шереметевъ возвратился въ Москву [9].

Нѣсколько мѣсяцевъ спустя, именно въ февралѣ 1623 года, Ивану Петровичу Шереметеву довелось принять непосредственное участіе въ брачномъ торжествѣ своего троюроднаго брата, царевича Михаила Михайловича Кайбулина, родного внука Ивана Васильевича Большаго Шереметева отъ его старшей дочери Агаѳіи Ивановны. Государь пожаловалъ царевича, «велѣлъ ему жениться, а понять (Марью) Григорьеву дочь Ляпунова». Свадьба была отпразднована весьма пышно и, какъ кажется, на счетъ дворца. По крайней мѣрѣ, въ разрядной книгѣ отмѣчено, что «обиходы были государевы и ѣствы съ дворца всѣ сполна» [10].

По царскому указу, посаженымъ отцомъ у царевича былъ его двоюродный дядя бояринъ Ѳедоръ Ивановичь Шереметевъ, а посаженою матерью — боярыня Настасья Алексѣевна

---

[9] Книги разрядныя. Т. I. Спб. 1853. столб. 877.

[10] Дворцовые разряды. Т. I. Спб. 1850. столб. 537—540.

Пильемова; въ невѣстину сторону: посаженымъ отцомъ — окольничій Θедоръ Леонтьевичь Бутурлинъ, посаженою матерью—Елена Ляпунова (мать невѣсты). Иванъ Петровичь Шереметевъ былъ тысяцкимъ въ свадебномъ поѣздѣ. Сохранилась подробная роспись и всѣхъ прочихъ свадебныхъ чиновъ, изъ кото рой видно, что съ Θедоромъ Ивановичемъ Шереметевымъ были въ сидячихъ, по нынѣшнему, въ почетныхъ гостяхъ, безъ должностей: Иванъ Дмитріевичь Заика-Плещеевъ, князь Романъ Ивановичь Гагаринъ и князь Никита Никитичь Гагаринъ. Въ поѣздѣ съ Иваномъ Петровичемъ Шереметевымъ было десять человѣкъ стольниковъ и стряпчихъ: Емельянъ Ивановичь Бутурлинъ, князь Юрій Андреевичь Звенигородскій, князь Данило Григорьевичь Гагаринъ, князь Дмитрій Петровичь Львовъ, двое князей Волконскихъ, Григорій Алексѣевичь Зюзинъ и другіе.

Свадьба царевича Кайбулина вѣроятно лишній разъ напомнила Филарету Никитичу, что давно приспѣло время и его державному сыну «пріяти законнаго брака сочтаніе». Царю Михаилу Θедоровичу шелъ уже двадцать седьмой годъ. Не было еще примѣра, чтобы Рус-

скіе государи оставались такъ долго въ безбрачіи. По свидѣтельству лѣтописца, Филаретъ Никитичь и Марѳа Ивановна неоднократно увѣщевали сына и просили избрать себѣ царицу, но царь Михаилъ не измѣнилъ своихъ чувствъ къ Хлоповой и отвѣчалъ родителямъ: «сочетался есмь бракомъ по закону Божію и по преданію святыхъ апостолъ и святыхъ отецъ, и обручена ми есть царица: кромѣ еѣ иные не хощу поняти»[11]. Филаретъ Никитичь не одобрялъ брака съ Хлоповою. Ему непремѣнно хотѣлось, въ видахъ государственной выгоды, женить сына на иноземной королевичнѣ. Съ этою цѣлью, еще въ 1621 году, дворянину Юрью Родіонову дано было тайное порученіе ѣхать за границу и развѣдать, нѣтъ ли у кого-либо изъ Нѣмецкихъ государей дочери или сестры, которая была бы «лицомъ красна, и очьми и всякимъ возрастомъ добра, и ничѣмъ не увѣчна, и къ такому великому дѣлу годна; а парсоны (портреты) государскихъ дочерей привезти съ собою подлинные безъ приписи». О самомъ же царѣ Михаилѣ приказано было сказывать, что онъ «образомъ красенъ и полонъ и собою во

[11] Полное собраніе Русскихъ лѣтописей. Т. V. Спб. 1851. стр. 65.

всякихъ мѣрахъ, и розуменъ и въ обычеѣ милостивъ». Родіоновъ, подъ видомъ торговаго человѣка, побывалъ въ Дрезденѣ, Лейпцигѣ, Нюренбергѣ, Страсбургѣ, въ Парижѣ, ѣздилъ и въ Англію, но годныхъ невѣстъ не нашелъ. Ему указывали, напримѣръ, на трехъ сестеръ принцессы Альтенбургской Доротеи, но одна изъ нихъ была игуменья, а двѣ другія были «столь жирны, что никто за нихъ не сватался»[12].

Между тѣмъ, при дворѣ все громче и громче стали говорить, что Марья Хлопова, уже перемѣщенная въ то время на жительство изъ Сибири въ Нижній, «здорова во всемъ, а болѣзни нѣтъ никакой», что она никогда и не была подвержена опасной болѣзни, а удалена-де отъ двора по злоумышленной клеветѣ Салтыковыхъ.

Патріархъ Филаретъ призналъ нужнымъ пересмотрѣть и провѣрить все дѣло о болѣзни и ссылкѣ нареченной государевой невѣсты.

Въ началѣ сентября 1623 года, въ государевой комнатѣ собирались на семейный совѣтъ ближніе бояре: Иванъ Никитичь Романовъ, князь Иванъ Борисовичь Черкасскій и Өедоръ

---

[12] Памятники дипломатическихъ сношеній древней Россіи съ державами иностранными. Т. II. Спб. 1852. столб. 1353—1375.

Ивановичь Шереметевъ. Рѣшено было допросить Михайла Салтыкова, а также докторовъ и лѣкарей, о томъ, какая именно болѣзнь была у Марьи Хлоповой въ бытность ея въ Верху, «мочно ли ее было отъ тое болѣзни излѣчити, и впередъ она ко государской радости непрочна»?

16 сентября, въ присутствіи названныхъ бояръ, самъ царь лично допрашивалъ Салтыкова, придворнаго доктора Валентина Бильса и лѣкаря Балсыря. Затѣмъ, вызвали изъ Дмитрова Ивана и Гаврилу Хлоповыхъ, отца и дядю нареченной государевой невѣсты. Показаніе Гаврилы Хлопова, отличавшееся наибольшею полнотою и искренностію, почти убѣдило государя, патріарха и ближнихъ бояръ, что ссылка Хлоповой была дѣломъ злыхъ козней братьевъ Салтыковыхъ.

Оставалось допросить саму Марью Ивановну Хлопову и на мѣстѣ собрать свѣдѣнія о состояніи ея здоровья. Это дѣло поручили Ѳедору Ивановичу Шереметеву.

21 сентября, указано было, вмѣстѣ съ Шереметевымъ, ѣхать въ Нижній, «для роспросу и сыску Марьина здоровья и болѣзни Хлоповы», Чудовскому архимандриту Іосифу,

ясельничему Богдану Матвѣевичу Глѣбову, дьяку Ивану Михайлову, придворнымъ докторамъ—Артемію Дію и Валентину Бильсу, а также лѣкарю Балсырю.

По прибытіи въ Нижній, Ѳедоръ Ивановичь Шереметевъ, согласно данному ему наказу, обстоятельно допрашивалъ Марью Ивановну Хлопову, «какою болѣзнью она была больна прежъ того, какъ была на государевѣ дворѣ, и гдѣ у ней та болѣзнь объявилася, до тѣхъ ли мѣстъ была, или тутъ будучи на государевѣ дворѣ, и нынѣ у ней та болѣзнь поминовалася-ль; и будетъ поминовалася, и сколь давно и отъ чего поминовалася, и нынѣ не вспоминается-ль и нѣтъ ли въ ней нынѣ какія болѣзни; и будетъ есть, и сколь давно въ ней та болѣзнь появилася»? Шереметевъ накрѣпко говорилъ Хлоповой, чтобъ она «болѣзни своей не таила никоими мѣрами, и объявила-бъ подлинно правду; а будетъ болѣзнь въ себѣ какую нибудь утаитъ, а послѣ про то сыщется, а она хоти и будетъ за государемъ, а болѣзнь ея объявится, и ей то мочно самой знать, что государь любити ее не учнетъ, и отъ великаго государя святѣйшаго патріарха Филарета Никитича быти ей за то въ великомъ духовномъ

запрещеньи; и она-бъ болѣзни своей не таила, и тѣмъ на весь родъ свой не навела государскія опалы и казни».

Нареченная государева невѣста чистосердечно объяснила Шереметеву, что «какъ она была у отца и у матери и у бабки, и у ней-де болѣзни никакія не бывало, да и на государевѣ дворѣ будучи, была здорова шесть недѣль; а послѣ того появилася болѣзнь, рвало и ломало нутръ и опухль была; а чаетъ-де того, что то ей учинилося отъ супостатъ ея; а была-де та болѣзнь у ней дважды по двѣ недѣли, и послѣ того давали ей пити воду святую съ мощей, и отъ того исцѣлѣла и полегчало вскорѣ; и послѣ того спустя два дни, какъ сведена съ государева двора, та болѣзнь у ней поминовалась, и отъ тѣхъ мѣстъ не поминывалась, и посямѣста и нынѣ во всемъ здорова».

Показаніе это подтвердила бабка Маріи Хлоповой, Өедора Григорьевна Желябужская и всѣ прочіе родные, съ тѣмъ лишь поясненіемъ, что ее, Марью, лечили еще камнемъ безуемъ[13], и что для нея «имали крестъ у Во-

[13] Въ старину, камень безуй считали самымъ дѣйствительнымъ средствомъ «отъ окормовъ и отъ упойства, сирѣчь отъ порчи лихихъ людей».

лынскихъ, и отъ того-де ей далъ Богъ исцѣленье».

Независимо отъ распросовъ, Шереметевъ лично производилъ наблюденія надъ Хлоповою: «смотрилъ и примѣчалъ у ней во всякихъ мѣрахъ, таки-ль она во всемъ здорова». А доктора Дій и Бильсъ «здоровье и болѣзнь Маріи Хлоповы смотрили ихъ дохтурскими науками». Оба доктора объявили, что Хлопова, «по ихъ дохтурскому разсмотру, во всемъ здорова и что чадородію помѣшки въ ней не чаятъ».

16 октября, вслѣдъ за врачебнымъ освидѣтельствованіемъ Хлоповой, Ѳедоръ Ивановичь Шереметевъ отправилъ въ Москву съ Нижегородскимъ городовымъ прикащикомъ Иваномъ Ширяевымъ подробное донесеніе обо всемъ, что было сдѣлано по государеву дѣлу [14]; самой же Хлоповой послалъ «денегъ триста рублевъ и запасы хлѣбные и медвяные, чтобъ ей ни въ чемъ скудости не было».

Донесеніе Шереметева рѣшило участь бывшихъ временщиковъ, племянниковъ инокини Марѳы Ивановны, братьевъ Салтыковыхъ. Изъ уваженія къ родительницѣ государя, они

---

[14] Напечатано въ Собраніи государственныхъ грамотъ и договоровъ. Ч. III. М. 1822. № 63.

и при Филаретѣ Никитичѣ были еще вхожи во дворецъ; но 24 октября 1623 года, думный дьякъ Иванъ Грамотинъ сказалъ имъ въ Посольской палатѣ царскій указъ о немедленномъ выѣздѣ изъ столицы на житье въ дальнихъ вотчинахъ. Грамотинъ, вычитывая Салтыковымъ ихъ неправды и измѣну по дѣлу Хлоповой, говорилъ, между прочимъ: «Вѣдомо всѣмъ людямъ Московскаго государства, какая къ вамъ была государская милость и жалованье, и учинены есте по государской милости въ чести и въ приближеньи не по вашему достоинству, паче всѣхъ братьи своей; и вы то все поставили ни во что, только и дѣлали, что лише себя богатили, и домы свои и племя свое полнили, и земли крали, и во всякихъ дѣлѣхъ дѣлали неправду и промышляли тѣмъ, чтобъ вамъ при государской милости, кромѣ себя, никого не видѣти, а доброхотства есте и службы ко государю не показали; и нынѣ-де при государѣ вамъ быти и государевыхъ очей видѣть непригоже»[15].

Между тѣмъ, пока Өедоръ Ивановичъ Шереметевъ сидѣлъ въ Нижнемъ, ожидая даль-

[15] Собраніе государственныхъ грамотъ и договоровъ. Ч. III. М. 1822. № 64.

нѣйшихъ распоряженій относительно Марьи Ивановны Хлоповой, при дворѣ встрѣтилась новая и ничѣмъ уже неустранимая «помѣшка государской радости и женитвѣ». Инокиня Марѳа Ивановна, оскорбленная позорной ссылкой своихъ племянниковъ Салтыковыхъ, клялась, что не покажется къ сыну, если Хлопова будетъ у него царицей[16]. Михаилъ Ѳедоровичь, устрашенный родительскою клятвою, навсегда отказался отъ нареченной невѣсты.

Черезъ недѣлю послѣ ссылки Салтыковыхъ, именно 1 ноября, съ тѣмъ-же Ширяевымъ, который привезъ въ Москву донесеніе по дѣлу объ освидѣтельствованіи Хлоповой, послана была къ Шереметеву грамота о томъ, что государь Марью Хлопову «взять за себя не изволили» и о томъ, чтобы онъ, Шереметевъ съ товарищами тотчасъ же ѣхали къ Москвѣ на подводахъ[17].

Должно полагать, что именно поѣздка Ѳедора Ивановича Шереметева въ Нижній, для допроса и врачебнаго освидѣтельствованія Хлоповой, дала поводъ къ предположенію, что

---

[16] Полное собраніе Русскихъ лѣтописей. Т. V. Спб. 1851. стр. 66.
[17] Собраніе государственныхъ грамотъ и договоровъ. Ч. III. М. 1822. № 65.

въ то время онъ завѣдывалъ Аптекарскимъ приказомъ. Дѣйствительно, предметъ только что исполненнаго Шереметевымъ порученія относился къ вѣдѣнію этого приказа, существовавшаго подъ именемъ «Аптекарской палаты» уже въ 1613 году[18]. Но Ѳедоръ Ивановичь начальствовалъ въ семъ учрежденіи гораздо позже, именно съ 1642 года[19]. Ему поручено было произвести слѣдствіе по Хлоповскому дѣлу не какъ начальнику Аптекарскаго приказа, но какъ лицу весьма близко стоявшему къ царской семьѣ и пользовавшемуся наибольшимъ довѣріемъ государя.

---

[18] А. Е. Викторовъ. Описаніе записныхъ книгъ и бумагъ старинныхъ дворцовыхъ приказовъ. Вып. I. М. 1877. стр. 101.— Рихтеръ (Исторія медицины въ Россіи. Ч. 2. М. 1820. стр. 7), основываясь на показаніи Маржерета о существованіи въ его время при Московскомъ дворѣ должности Аптекарскаго боярина, допускаетъ, что Аптекарскій приказъ могъ существовать и до 1607 года.

[19] Какъ это видно, между прочимъ, и изъ дѣлъ бывшаго Аптекарскаго приказа, хранящихся въ архивѣ министерства внутреннихъ дѣлъ (Матеріалы для исторіи медицины въ Россіи. Спб. 1881).

ГЛАВА II.

Въ то время, какъ Θедоръ Ивановичь Шереметевъ занятъ былъ дѣломъ Хлоповой, племянникъ его, Василій Петровичь Шереметевъ, находился на воеводствѣ въ Свіяжскѣ.

Городъ Свіяжскъ, основанный еще въ 1551 году, при участіи внучатнаго дяди Василья Петровича, Ивана Васильевича Большаго Шереметева, состоялъ въ вѣдѣніи приказа Казанскаго Дворца, въ которомъ начальствовалъ въ описываемую пору князь Дмитрій Мамстрюковичь Черкасскій. Обязанности Свіяжскаго воеводы весьма осложнялись отношеніями къ инородцамъ. Лицамъ, отправляемымъ на воеводство въ Свіяжскъ, предписывалось, подъ страхомъ великой опалы и наказанія, «держать ласку и привѣтъ къ Татарамъ,

Чувашѣ, къ Черемисамъ и ко всѣмъ иноземцамъ; и во всякихъ дѣлѣхъ Татаръ и Чувашу и Черемису для своей корысти ни въ чемъ не жесточити, и смотрити и беречи на-крѣпко, чтобы толмачи и приставы въ Свіяжскомъ городѣ и уѣздѣ, ѣздя для государева дѣла, Татарамъ и Чувашѣ и Черемисѣ продажъ и убытковъ и насильствъ и налогъ никакихъ ни въ чемъ не чинили»[20].

Надо думать, что и самыя лица, назначаемыя на должности воеводъ въ города Казанскаго края, по своимъ нравственнымъ качествамъ, соотвѣтствовали такой мудрой заботливости Московскаго правительства о выгодахъ инородческаго населенія.

Къ сожалѣнію, не сохранилось никакихъ историческихъ актовъ, относящихся до служебной дѣятельности Василья Петровича Шереметева на воеводствѣ въ Свіяжскѣ. Извѣстно только, что онъ оставался тамъ въ продолженіи всего 1623 года, а въ мартѣ 1624 года получилъ приказаніе возвратиться въ Москву, вмѣстѣ съ своимъ товарищемъ дьякомъ Пятымъ Григорьевымъ. На мѣсто же Шере-

---

[20] Древняя Россійская вивліоѳика. Изд. 1. Ч. VII. Спб. 1775. стр. 442 и слѣд.

метева посланъ былъ въ Свіяжскъ князь Алексѣй Григорьевичь Долгоруковъ[21].

Троюродный братъ новаго Свіяжскаго воеводы, окольничій князь Данила Ивановичь Шибановскій-Долгоруковъ велъ въ томъ году мѣстническій споръ съ Ѳедоромъ Ивановичемъ Шереметевымъ. Споръ этотъ начался 14 марта 1624 года, въ праздникъ Ѳедоровской иконы Божіей Матери, за государевымъ столомъ въ столовой избѣ. По росписи, присланной изъ Разряда, лицамъ, приглашеннымъ къ столу, указано было сидѣть въ такомъ порядкѣ: на первомъ мѣстѣ Ѳедоръ Ивановичь Шереметевъ, потомъ бояринъ князь Данила Ивановичь Мезецкій, окольничій князь Данила Ивановичь Шибановскій-Долгоруковъ; далѣе слѣдовали дворяне: князь Иванъ Михайловичь Катыревъ-Ростовскій, князь Алексѣй Никитичь Трубецкой, князь Иванъ Андреевичь Голицынъ и Иванъ Петровичь Шереметевъ. Князь Данила Ивановичь Долгоруковъ заявилъ, что ему невмѣстно сидѣть ниже Ѳедора Ивановича Шереметева, такъ какъ дядя его, Шереметева, Ѳедоръ Васильевичь, былъ мень-

---

[21] Дворцовые разряды. Т. I. Спб. 1850. столб. 566 (въ варіантахъ).—Книги разрядныя. Т. I. Спб. 1853. столб. 926 и 1034.

ше князя Ѳедора Андреевича Ноготкова-Оболенскаго, съ которымъ онъ, князь Долгоруковъ, по родству ровенъ въ отечествѣ; а Ѳедоръ Ивановичь Шереметевъ, по обычному мѣстническому счисленію, тремя мѣстами меньше своего дяди. Государь сказалъ князю Долгорукову, что ему «менши боярина Ѳедора Шереметева быть лзе и впредь бы не билъ на него челомъ; а только учнетъ бить челомъ и ему быть въ наказаньѣ». Долгоруковъ безпрекословно сѣлъ за столъ по росписи [22]. Но этимъ не кончилось дѣло.

Послѣ стола, явился къ государю съ челобитьемъ на Долгорукова меньшой племянникъ Ѳедора Ивановича, Борисъ Петровичь Шереметевъ. Онъ не могъ не сдѣлать и съ своей стороны заявленія по поводу безчестія, нанесеннаго его дядѣ челобитьемъ Долгорукова. На этотъ случай неизбѣжно сослался бы настоящій или будущій мѣстникъ и употребилъ бы его въ свою пользу. Борисъ Петровичь Шереметевъ, въ челобитной, поданной государю, писалъ слѣдующее: «Пожаловалъ ты, государь царь и великій князь Михайло Ѳедоровичь всеа Русіи, велѣлъ быть у своего государева стола:

---

[22] Дворцовые разряды. Т. I. Спб. 1850. столб. 603—605.

дядѣ моему, боярину Ѳедору Ивановичу Шереметеву, да боярину князь Данилу Ивановичу Мезецкому, да окольничему князь Данилу Ивановичу Долгорукову; и князь Долгоруковъ билъ челомъ тебѣ, государю, что будто ему у дяди моего, у Ѳедора Ивановича Шереметева, сидѣть невмѣстно, и тѣмъ князь Данила Долгоруковъ дядю моего безчеститъ. А отечество наше и Долгоруковыхъ князей извѣстно вамъ, государямъ. Не токмо самому князь Данилу, но и отцу его, князь Ивану Долгорукову, лзе меньше быть и меня холопа твоего Бориска, потому что отецъ князь Даниловъ, князь Иванъ Долгоруковъ, бывалъ меньше тѣхъ, которые бывали безсловно съ дѣдомъ моимъ съ Ѳедоромъ Васильевичемъ Шереметевымъ, съ меньшимъ братомъ дѣда жъ моего боярина Никиты Васильевича Шереметева. Милосердый государь царь и великій князь Михайло Ѳедоровичь всеа Русіи, и великій государь святѣйшій патріархъ Ѳиларетъ Никитичь Московскій и всеа Русіи! пожалуйте меня, холопа своего, велите мнѣ отъ князь Данила въ отечествѣ оборонь учинить, чтобъ, государи, родители наши по смерти, а мы, холопы ваши, живы вашею государскою милостію, отъ князь Данила

безчестны и позорны не были. Смилуйтеся, пожалуйте»![23] Такъ какъ по этой челобитной не послѣдовало царскаго указа, то въ ноябрѣ того-же года, Борисъ Петровичъ Шереметевъ подалъ другую челобитную, въ которой, ссылаясь на примѣры, объяснялъ, что «многимъ по государской милости оборонь учинена, кто на кого не бивалъ челомъ въ отечествѣ не по своей мѣрѣ; а ему, Борису, указу нѣтъ», почему вновь просилъ, дать ему оборонь отъ князя Долгорукова. Въ разрядной книгѣ отмѣчено, что и по второй челобитной Бориса Шереметева «государевъ указъ не учиненъ-же»[24].

Едвали была и своевременна подобная настойчивость Бориса Петровича Шереметева. Въ ту пору все вниманіе царя Михаила и всего двора было сосредоточено на дѣлѣ первостепенной важности: опять поднятъ былъ вопросъ о выборѣ невѣсты для государя. По указанію инокини Мароы Ивановны, выборъ остановился наконецъ на княжнѣ Марьѣ Владиміровнѣ Долгоруковой, дочери боярина князя

---

[23] Дворцовые разряды. Т. I. Спб. 1850. столб. 605 и 606. — Книги разрядныя. Т. I. Спб. 1853. столб. 1157 и 1158.—Русскій историческій сборникъ, издаваемый Обществомъ исторіи и древностей Россійскихъ. Т. II. М. 1838. стр. 378 и 379.

[24] Дворцовые разряды. Т. I. Спб. 1850. столб. 606—609.

Владиміра Тимоѳеевича Долгорукова. Лѣтописецъ прямо говоритъ, что на княжну Долгорукову указала именно Марѳа Ивановна и что выборъ этотъ ненравился державному жениху: «онъ же благочестивый царь, аще и не хотя, матере не преслушавъ, поятъ вторую царицу Марью»[25].

Какъ бы то ни было, но въ іюнѣ 1624 года, государь былъ уже сговоренъ съ княжною Долгоруковою.

Незадолго до помолвки, именно 12 мая, царь Михаилъ Ѳедоровичь съ инокинею Марѳою Ивановною ходилъ на богомолье къ Троицѣ, и въ свое отсутствіе велѣлъ вѣдать Москву Ѳедору Ивановичу Шереметеву, которому въ товарищи назначены были: бояринъ князь Дмитрій Михайловичь Пожарскій, окольничій князь Григорій Константиновичь Волконскій и думный дьякъ Ѳедоръ Лихачевъ.

Такъ называемый «Троицкій вѣшній походъ» государя продолжался всего восемь дней. Во все это время, Ѳедоръ Ивановичь Шереметевъ, чередуясь съ своими товарищами, жилъ во дворцѣ; при немъ дневали и ночевали дворяне, дьяки и жильцы, всего 37 че-

[25] Полное собраніе Русскихъ лѣтописей. Т. V. Спб. 1851. стр. 66.

ловѣкъ[26]. Въ отсутствіе государя за всѣмъ зорко слѣдило «недремательно око» патріарха Филарета, который ежедневно увѣдомлялъ государя-сына о благосостояніи «пресловущаго града Москвы»[27].

Свадьба царя съ княжною Долгоруковою назначена была на 19 сентября. До этого времени обрядъ государевой комнатной и выходной жизни неизмѣнно совершался изо дня въ день по установленному порядку. 12 іюля государь праздновалъ свои именины. Въ этотъ день у него былъ столъ въ Золотой палатѣ. Кушалъ у государя самъ патріархъ Филаретъ, а у стола были бояре, дворяне и дьяки по списку. Иванъ Петровичъ Шереметевъ уже сидѣлъ за столомъ, хотя и на послѣднемъ мѣстѣ[28].

1 августа, въ день Происхожденія Честнаго и Животворящаго Креста Господня, Иванъ Петровичъ сопровождалъ государя въ обычномъ его выѣздѣ въ Симоновъ монастырь, противъ котораго въ этотъ день обыкновенно устроивалась на Москвѣ-рѣкѣ іордань; госу-

---

[26] Дворцовые разряды. Т. I. Спб. 1850. столб. 615 и 616.
[27] Письма Русскихъ государей. Т. I. М. 1848. стр. 136—139.
[28] Дворцовые разряды. Т. I. Спб. 1850. столб. 622.

дарь торжественно погружался въ освященную воду со всѣми сопровождавшими его придворными[29].

Между тѣмъ, по мѣрѣ приближенія дня «государской радости», замѣтно оживлялась дѣятельность въ Мастерской палатѣ и въ Вознесенскихъ хоромахъ Мареы Ивановны. По одному уже количеству отнесеннаго туда изъ Казеннаго двора бархату, атласу, тафты виницѣйки и другихъ цѣнныхъ товаровъ[30], можно, до нѣкоторой степени, судить о великолѣпіи царской свадьбы, которая совершилась съ обычными пышными обрядами въ назначенный день.

Всѣ Шереметевы принимали участіе въ брачномъ торжествѣ. По свадебной разрядной запискѣ, Өедоръ Ивановичь Шереметевъ съ отцомъ царицы, княземъ Владиміромъ Тимоөеевичемъ Долгоруковымъ, былъ у постели царя; а жена Өедора Ивановича, боярыня Марья Петровна Шереметева, съ женою князя Владиміра Тимоөеевича, княгинею Марьей Васильевной Долгоруковою — у царицыной по-

[29] Дворцовые разряды. Т. I. Спб. 1850. столб. 623. — Забѣлинъ. Домашній бытъ Русскихъ царей. Ч. I. М. 1862. стр. 344.

[30] Забѣлинъ. Домашній бытъ Русскихъ царицъ. М. 1869. Матеріалы. стр. 67 и слѣд.

стели. Сынъ Өедора Ивановича, Алексѣй Өедоровичь Шереметевъ, былъ въ числѣ другихъ сорока четырехъ стольниковъ изъ лучшихъ фамилій, въ поѣзжанахъ и записанъ въ спискѣ двадцать первымъ.

Поѣзжане, считаясь вторымъ свадебнымъ чиномъ, состояли въ распоряженіи князя Ивана Борисовича Черкасскаго, который, по должности тысяцкаго, «былъ въ поѣзду большимъ человѣкомъ». Въ Успенскомъ соборѣ, во время вѣнчанія, всѣ поѣзжане находились при царѣ и царицѣ, а за свадебными столами они «сидѣли выше всѣхъ людей».

Въ первый день государской радости, обѣденное кушанье было въ Золотой палатѣ, причемъ Иванъ Петровичь Шереметевъ смотрѣлъ въ большой столъ, вмѣстѣ съ Григоріемъ Андреевичемъ Плещеевымъ; а Борисъ Петровичь Шереметевъ, вмѣстѣ съ княземъ Өедоромъ Өедоровичемъ Волконскимъ—въ кривой столъ[31].

По свидѣтельству лѣтописца, «въ первый день веселія бысть радость велія»[32]. Новобрач-

[31] Дворцовые разряды. Т. I. Спб. 1850. столб. 629—638.—Древняя Россійская вивліоѳика. Изд. 2. Ч. XIII. М. 1790. стр. 138 и слѣд.

[32] Новый лѣтописецъ, по списку князя Оболенскаго. М. 1853. стр. 187.

ные, прямо отъ стола, послѣ того какъ принесли третью ѣству, лебедя, отправились въ сопровожденіи всѣхъ свадебныхъ чиновъ въ опочивальню. Өедоръ Ивановичь Шереметевъ и тесть государевъ, князь Владиміръ Тимоөеевичь Долгоруковъ, по должности постельничихъ, стлали къ подклѣти атласы, «по чему государю съ государыней къ подклѣту идти». Тутъ едвали не впервые омрачилось брачное веселіе. Князь Долгоруковъ билъ челомъ государю на своего стараго друга, Өедора Ивановича Шереметева, но не по поводу мѣста или старшинства, что было бы вещью очень обыкновенною, а недружбою, какъ сказано въ разрядной запискѣ[33]. Челобитье странное, небывалое, и чѣмъ оно было вызвано, рѣшительно неизвѣстно[34].

Но вотъ умолкъ брачный пиръ. Изъ свадебныхъ чиновъ остался только конюшій князь Борисъ Михайловичь Лыковъ, который, сидя на конѣ, съ мечемъ на-голо, разъѣзжалъ до самаго свѣта около той палаты, гдѣ

[33] Дворцовые разряды. Т. I. Спб. 1850. столб. 1221.

[34] Авторъ Сказанія о родѣ князей Долгоруковыхъ (Спб. 1840) вовсе не упоминаетъ объ этомъ челобитьѣ. Онъ говоритъ только въ общихъ чертахъ, что многіе бояре сильно негодовали на выборъ княжны Долгоруковой, страшась возвышенія Долгоруковыхъ.

царь съ царицею почивали, и дозиралъ, чтобы никто къ тому мѣсту близко не подходилъ[35].

Нерадостно было пробужденіе придворныхъ и всѣхъ участниковъ брачнаго торжества. «Царица Марія Владиміровна обрѣтеся испорчена»[36],—повторяли въ Москвѣ съ одного конца до другаго. Свадебное веселіе оборвалось на первомъ днѣ. По росписи, въ слѣдующіе два дня Иванъ Петровичь и Борисъ Петровичь Шереметевы назначены были опять смотрѣть въ столы, а Василій Петровичь Шереметевъ—наряжать вина; но служба эта не состоялась. Въ разрядной запискѣ читаемъ: «А Иванъ Петровичь Шереметевъ съ братьею (у стола) не были, потому что въ тѣ дни государевыхъ свадебныхъ чиновъ не было: государыня царица Марья Владиміровна понемогла»[37].

Молодая царица уже не вставала. Какая именно болѣзнь постигла ее, неизвѣстно. Въ лѣтописи сказано только, что «скорбь ея (то есть болѣзнь) бысть велія зѣло»[38].

---

[35] Котошихинъ. О Россіи въ царствованіе Алексѣя Михайловича. Изд. 2. Спб. 1859. стр. 9.

[36] Новый лѣтописецъ, по списку князя Оболенскаго. М. 1853. стр. 187.

[37] Дворцовые разряды. Т. I. Спб. 1850. столб. 639.

[38] Новый лѣтописецъ, по списку князя Оболенскаго. М. 1853. стр. 187.

На четвертый день послѣ несчастной свадьбы, царь отправился въ обычный Троицкій походъ, къ празднику Чудотворца Сергія. Ѳедору Ивановичу Шереметеву опять поручено было вѣдать Москву, вмѣстѣ съ княземъ Дмитріемъ Михайловичемъ Пожарскимъ и княземъ Григоріемъ Константиновичемъ Волконскимъ[39]. Вообще изъ разрядныхъ книгъ видно, что загадочная болѣзнь царицы Маріи Владиміровны нисколько не нарушала разъ установленнаго обряда комнатной и выходной жизни государя. Все шло по-прежнему: столы въ церковные праздники, то у самого царя, то у патріарха, съ возношеніемъ заздравной чаши, выѣзды въ монастыри и тому подобное.

За все это время имени Ивана Петровича Шереметева, столь обычнаго участника придворныхъ церемоній, не встрѣчается въ разрядныхъ росписяхъ. Можетъ быть, онъ ѣздилъ тогда въ свою Звенигородскую вотчину, деревню Уборы, для присутствованія при производившейся тамъ, именно въ 1624 году, правительственной переписи[40].

---

[39] Дворцовые разряды. Т. I. Спб. 1850. столб. 644.

[40] Во второй книгѣ нашей исторіи (стр. 368) сказано, что село Уборы, въ тридцатыхъ годахъ нашего столѣтія, перешло во владѣніе отъ Шереметевыхъ къ Бибиковымъ. Нынѣ въ бумагахъ

Князь Иванъ Леонтьевичъ Шаховской, описывавшій вмѣстѣ съ подьячимъ Иваномъ Волковымъ деревню Уборы и принадлежавшія къ ней пустоши, засталъ эту вотчину въ довольно жалкомъ видѣ. Изъ восьми крестьянскихъ семей, проживавшихъ въ осьми же дворахъ, на лицо оказалась только одна семья крестьянина Бориски Емельянова, по прозванію Жегаръ. Всѣ остальные крестьяне съ ихъ семействами разбѣжались изъ Уборъ еще въ 1621 году, за исключеніемъ старосты Власки Никитина, по прозванію Влазня, который вмѣстѣ съ женою сбѣжалъ въ самый годъ пріѣзда писцовъ. Было-бы напрасно искать причину бѣгства почти всей деревни въ какихъ-либо великихъ бѣдствіяхъ, постигшихъ Уборы, или въ произволѣ и притѣсненіяхъ вотчинника. Крестьянскіе побѣги описываемаго времени объясняются гораздо проще. Крайняя нужда въ работникахъ заставляла землевладѣльца набирать ихъ со стороны. Обыкновенно онъ пріѣзжалъ съ своими людьми въ

баронессы Елизаветы Сергѣевны Дёлеръ (рожденной Шереметевой) нашлась довѣренность на имя Екатерины Васильевны Шереметевой, изъ которой видно, что село Уборы продано Варварой Петровной Шереметевой Софьѣ Сергѣевнѣ Бибиковой въ 1850 году. Въ настоящее же время, какъ уже извѣстно, село Уборы опять возвратилось въ родъ Шереметевыхъ.

чужую деревню и обѣщаніемъ разныхъ льготъ, а иногда даже силою, перетягивалъ къ себѣ все населеніе. Вѣроятно и самъ Иванъ Петровичь Шереметевъ прибѣгаль бы къ такимъ-же рѣшительнымъ мѣрамъ пополнять недостатокъ въ работникахъ, еслибы чаще жилъ въ деревнѣ и не былъ бы такъ занятъ придворною службою. Вотъ почему во всѣхъ искахъ о бѣглыхъ крестьянахъ землевладѣлецъ всегда жаловался не на крестьянъ, а на землевладѣльца же[41]. Впрочемъ, Уборскіе дворы бѣглыхъ крестьянъ не совсѣмъ пустовали. Въ одномъ жилъ дѣловой человѣкъ Андрюшка Ѳоминъ, въ другомъ—дѣловой человѣкъ Костка Ѳоминъ, въ третьемъ — вотчинниковъ конюхъ, въ четвертомъ — крестьянинъ Агапко Мининъ съ семьею, тоже можетъ быть перебѣжавшій отъ сосѣдняго владѣльца, въ пятомъ дворѣ проживала бобылка Ѳеклица съ сыномъ, въ шестомъ—бобыль Нестерко съ женою и тремя дѣтьми; наконецъ, во дворѣ сбѣжавшаго старосты жили дворовые люди, сколько именно, въ описи не показано. Въ описи ничего не говорится о дворѣ вотчинника. Между тѣмъ, названія

[41] И. Д. Бѣляевъ. Крестьяне на Руси. М. 1860. стр. 134.

должностныхъ лицъ: «конюхъ» и «дворовые люди», ясно указываютъ на то, что въ Уборахъ былъ и дворъ вотчинника, который можетъ быть сгорѣлъ до пріѣзда писцовъ.

По показанію князя Шаховскаго, при деревнѣ Уборахъ была на рѣчкѣ Уборѣ мельница наливная[42]—«вотчинниково строенье»; а всей земли насчитано 60 четвертей, изъ нихъ: пашенной вотчинниковой средней земли 18 четвертей, пашенной же земли наѣздомъ 5 четвертей, перелогу 17 четвертей, остальныя 20 четвертей «лѣсомъ поросло»; съ луговъ по Москвѣ рѣкѣ снималось 200 копенъ сѣна. За тѣмъ слѣдуетъ перечень принадлежавшихъ къ Уборамъ пяти пустошей:

1) Пустошь, что была деревня Дубецъ, Степановское тожъ, на рѣкѣ Москвѣ, а подъ пустошью озерко Дубецкое; всей земли 50 четвертей, въ томъ числѣ пашенной наѣздомъ средней земли 4 четверти, 16 четвертей перелогу и 30 четвертей лѣсомъ поросло; сѣна накашивалось 100 копенъ.

2) Пустошь Ананьино, всей земли 35 чет-

---

[42] Въ наливныхъ водяныхъ мельницахъ вода падаетъ на колесо ручьемъ сверху, въ противуположность подливнымъ, у которыхъ вода течетъ снизу подъ колесо.

вертей, изъ нихъ 15 перелогу, остальныя 20 лѣсомъ поросло; сѣна накашивалось 5 копенъ.

3) Пустошь Череповская на рѣчкѣ Уборѣ, всего 15 четвертей, въ томъ числѣ 5 перелогу, остальныя десять лѣсомъ поросло; сѣна накашивалось 20 копенъ.

4) Пустошь Борисовская, въ ней пашни лѣсомъ поросло средней земли 12 четвертей, а сѣна накашивалось 5 копенъ.

и 5) Пустошь Упадкинская: пашни лѣсомъ поросло средней земли 8 четвертей, сѣна снималось 8 копенъ; къ этой пустоши принадлежалъ также лугъ Козловъ, Упадкинскій тожъ, по Москвѣ рѣкѣ, съ котораго снималось сѣна 50 копенъ.

Во всей Уборской вотчинѣ показано 180 четвертей въ полѣ, а въ дву по тому-жъ; слѣдовательно, всего 540 четвертей или 270 десятинъ, на 66 десятинъ болѣе противъ Кусковской вотчины. По качеству же почвы Уборская земля была, по видимому, одинакова съ Кусковскою. Пашенной средней земли въ Уборахъ и въ пустошахъ было всего 22 десятины, наѣздомъ распахивалось 13 съ половиною десятинъ, перелогу 79 съ половиною десятинъ, остальныя 155 десятинъ лѣсомъ по-

росли. Самыя цѣнныя статьи въ Уборской вотчинѣ заключались въ заливныхъ Москворѣцкихъ лугахъ, съ которыхъ собиралось 388 копенъ сѣна, и въ «хоромномъ лѣсѣ».

Въ описи князя Шаховскаго сказано, что Уборскую вотчину дала Ивану Петровичу Шереметеву, «во 118 (1610) году, теща его вдова Степанида Елизарьевская Вылузгина» и что онъ, Шаховской, «написалъ ту вотчину за Иваномъ по данной тещи его, и по обыскамъ, и по сказкамъ за его рукою»[43].

Въ день Рождества Христова, Иванъ Петровичъ Шереметевъ находился уже въ Москвѣ и въ числѣ другихъ лицъ былъ за столомъ у государя въ Золотой палатѣ[44].

---

[43] Московскій архивъ министерства юстиціи. Писцовая книга Звенигородскаго уѣзда 7132—7133 гг. Л. 192—196.

[44] Дворцовые разряды. Т. I. Спб. 1850. столб. 579.

ГЛАВА III.

Предъ Рождествомъ, въ праздникъ Петра митрополита, у Ѳедора Ивановича Шереметева произошла новая мѣстническая стычка съ княземъ Даниломъ Ивановичемъ Долгоруковымъ, во время столоваго кушанья у патріарха Филарета Никитича.

По разрядной росписи назначено было сидѣть за столомъ у патріарха въ слѣдующемъ порядкѣ: Ѳедоръ Ивановичь Шереметевъ, князь Дмитрій Михайловичь Пожарскій, князь Данило Ивановичь Шибановскій - Долгоруковъ; затѣмъ думные дьяки: Иванъ Грамотинъ, Ѳедоръ Лихачевъ и такъ далѣе. Князь Долгоруковъ, не смотря на то, что въ томъ-же году ему уже было сказано самимъ государемъ, что ему «меньше Шереметева быть лзе» и чтобы онъ впредь не билъ на него челомъ,

опять заявилъ, что ему невмѣстно сидѣть ниже Шереметева и просилъ суда. На этотъ разъ Шереметевъ билъ челомъ государю, чтобъ онъ пожаловалъ, велѣлъ ему отъ князя Долгорукова оборонь учинить, объясняя, что Долгоруковъ «бьетъ челомъ на него въ другорядь не дѣломъ и тѣмъ его позоритъ и безчеститъ. Мочно-де съ нимъ, Ѳедоромъ Шереметевымъ, быть даже дѣду князя Данилы, князю Андрею Семеновичу Долгорукову; а ему, князю Данилу Долгорукову, не токмо съ нимъ, Ѳедоромъ Шереметевымъ, и съ племянники его меньшими быть мочно и о томъ-де билъ уже челомъ племянникъ его Борисъ».

За Шереметевымъ всталъ князь Дмитрій Михайловичь Пожарскій и сказалъ: «Князь Данило Долгоруковъ бьетъ челомъ о мѣстѣхъ на боярина Ѳедора Ивановича Шереметева не дѣломъ. А онъ-де князь Пожарскій и иные его братья бояре по государеву указу бываютъ съ бояриномъ Ѳедоромъ Ивановичемъ Шереметевымъ всегды безсловно, которые ему, князю Данилу, въ версту, а иные и больше». Князь Пожарскій просилъ, чтобы «въ томъ княжъ Даниловѣ челобитьѣ имъ безчестія и отечеству ихъ впредь порухи не было».

Государь велѣлъ думному дьяку Ѳедору Лихачеву посадить князя Долгорукова за столъ на мѣсто, которое назначено ему по разрядному списку; а смотрѣвшему въ большой столъ стольнику князю Ѳедору Семеновичу Куракину сказалъ, чтобы въ столъ къ князю Долгорукову ни отъ него, государя, ни отъ патріарха никакихъ подачь не было. Послѣ-же того, какъ патріархъ Филаретъ «учалъ подавать заздравную чашу сына своего, великаго государя Михаила Ѳедоровича», думный дьякъ Лихачевъ, по приказанію государя, сказалъ Ѳедору Ивановичу Шереметеву: «билъ челомъ государю и патріарху на тебя, на Ѳедора, въ отечествѣ окольничій князь Данило Долгорукой преже сего и нынѣ не по своей мѣрѣ, и тѣмъ онъ тебя безчестилъ; и государь тебя, боярина Ѳедора Ивановича, пожаловалъ, велѣлъ тебѣ отъ князь Данила Долгорукаго въ отечествѣ оборонь учинить, велѣлъ его, князь Данила, посадить въ тюрьму; а не достало ему, князь Данилу, въ отечествѣ не токмо до тебя, и до племянниковъ твоихъ».

Вслѣдъ за симъ, Степанъ Карауловъ повелъ князя Данилу Ивановича Долгорукова въ тюрьму, изъ которой онъ былъ выпущенъ

только въ праздникъ Рождества Христова, съ приказаніемъ не выѣзжать со двора впредь до указа[45].

Лишь въ январѣ 1625 года, въ Богоявленьевъ день, государь пожаловалъ велѣлъ князю Долгорукову свои царскія очи видѣть; но и тутъ онъ повторилъ провинившемуся мѣстнику, что онъ билъ челомъ на Ѳедора Шереметева прежъ сего и нынѣ не по своей мѣрѣ и тѣмъ его безчестилъ.

Вечеромъ того-же 6 января скончалась царица Марія Владиміровна. Смотрите-же,— восклицаетъ по этому поводу лѣтописецъ,— что̀ дѣлаетъ Богъ «сотворшимъ по насилію»![46]

Едва справили сороковины по усопшей

---

[45] Дворцовые разряды. Т. I. Спб. 1850. столб. 654—657.—Книги разрядныя. Т. I. Спб. 1853. столб. 1158—1161.

[46] Полное собраніе Русскихъ лѣтописей. Т. V. Спб. 1851. стр. 66.— Забѣлинъ. Домашній бытъ Русскихъ царицъ. М. 1869. стр. 248.— Князь Петръ Долгоруковъ (Сказаніе о родѣ князей Долгоруковыхъ. Спб. 1840. стр. 15) увѣряетъ, что царица Марія Владиміровна была отравлена, но что розысковъ по этому дѣлу никакихъ не было и убійцы остались извѣстными единому Богу. На насильственную смерть царицы намекаетъ и Псковской лѣтописецъ, повѣствуя, что «все то зло сотворися отъ злыхъ чаровниковъ и звѣрообразныхъ человѣкъ, не хотящихъ видѣти христіянскаго покою и тишины» (Полное собраніе Русскихъ лѣтописей. Т. V. Спб. 1851. стр. 66). Прямыхъ указаній на то, чтобы царица Марія Владиміровна была отравлена или изведена какимъ инымъ способомъ—нигдѣ нѣтъ. Въ хронографахъ кратко говорится, что «судомъ Божіимъ государыни царицы Маріи Владиміровны въ животѣ не стало».

царицѣ, какъ въ Москвѣ уже совершалось пышное торжество встрѣчи пословъ славнаго шаха Персидскаго Аббаса I-го, имя котораго чествовалось не только въ Азіи, но и въ Европѣ. Представители знаменитаго государя востока встрѣчены были съ особенною почестью главнымъ образомъ потому, что они несли отъ своего повелителя въ даръ патріарху Филарету Никитичу честную ризу Господа нашего Іисуса Христа, яже есть хитонъ, сохранившуюся, по преданію, въ потомствѣ Грузинскаго воина, который, находясь при распятіи Спасителя, получилъ тогда-же по жребію это безцѣнное сокровище.

Встрѣча шаховыхъ пословъ происходила 25 февраля 1625 года, за Срѣтенскими воротами, по Переяславской дорогѣ, куда выѣхали стольники, стряпчіе, дворяне Московскіе, дьяки, жильцы и всякихъ чиновъ люди «на аргамакѣхъ и на конѣхъ, въ чюгахъ золотныхъ и въ бархатныхъ, и во всякомъ цвѣтномъ платьѣ, и сабли и палаши на нихъ были оправные; а у лошадей многихъ наряды были: конскіе чепи серебреные, гремячеи и поводные и сѣдла кованые[47]. На посольскую встрѣ-

[47] Дворцовые разряды. Т. I. Спб. 1850. столб. 662.

чу выставлено было въ такомъ же богатомъ одѣяніи и вооруженіи 325 человѣкъ такъ называемыхъ даточныхъ людей или дворовыхъ отъ бояръ, соотвѣтственно знатности и богатству каждаго. Больше всѣхъ выставилъ князь Иванъ Борисовичь Черкасскій, именно 30 человѣкъ, потомъ Иванъ Никитичь Романовъ — 25 человѣкъ; Ѳедоръ Ивановичь Шереметевъ, князь Иванъ Михайловичь Воротынскій и Василій Петровичь Морозовъ выставили каждый по 20 человѣкъ[48].

Персидскіе послы оставались въ Москвѣ до 17 мая. Во все это время Ѳедоръ Ивановичь Шереметевъ только одинъ разъ обѣдалъ у государя, именно въ Благовѣщеньевъ день, когда у государева стола были и племянники Ѳедора Ивановича, Иванъ и Василій Петровичи Шереметевы; оба они обѣдали у государя также 14 марта, на праздникъ Ѳедоровской иконы Божіей Матери. А въ Вербное Воскресеніе (10 апрѣля), за государевымъ столомъ у патріарха Филарета, изъ Шереметевыхъ былъ только Иванъ Петровичь.

8 мая государь ѣздилъ въ Угрѣшскій монастырь къ празднику, въ сопровожденіи

[48] Дворцовые разряды. Т. I. Спб. 1850. стр. 663.

многочисленной свиты, въ которой находились и оба брата Шереметевы: Иванъ и Василій Петровичи. По пути въ Угрѣшу, царскій поѣздъ остановился неподалеку отъ села Кускова на рѣчкѣ Голедяхъ, по другому списку разрядной книги, «на Граворонахъ», и государь съ своею свитою кушалъ въ столовомъ шатрѣ. На другой день, въ Угрѣшскомъ монастырѣ, послѣ божественной службы, у государя былъ опять столъ, за которымъ братья Шереметевы сидѣли на послѣднихъ мѣстахъ, послѣ князя Алексѣя Никитича Трубецкаго и князя Ивана Андреевича Голицына[49].

На 17 мая назначено было Персидскимъ посламъ быть у государя на отпускѣ. Азіаты зажились въ хлѣбосольной Москвѣ и въ концѣ концовъ перессорились другъ съ другомъ. По свидѣтельству лѣтописца, главный посолъ Русамъ-Бекъ «начатъ на Москвѣ упиватися, и уби до смерти жену свою, да людей шесть человѣкъ, иныхъ же хотяше побити»[50]. Товарищи Русамъ-Бека просили государя

---

[49] Дворцовые разряды. Т. I. Спб. 1850. столб. 671. 673. 676 и 681.
[50] Новый лѣтописецъ, по списку князя Оболенскаго. М. 1853. стр. 188.

развести ихъ по разнымъ дворамъ. Просьба эта была уважена, но вмѣстѣ съ тѣмъ поспѣшили отпустить во-свояси все посольство.

Отпускная аудіенція Персіянамъ происходила въ меньшой Золотой палатѣ. Во время представленія пословъ Ѳедоръ Ивановичь Шереметевъ, одѣтый въ золотное одѣяніе, сидѣлъ вмѣстѣ съ другими боярами при государѣ; а въ ряду стольниковъ и дворянъ находились, между прочими, князь Яковъ Куденетовичь Черкасскій, князь Никита Ивановичь Одоевскій и всѣ три брата Шереметевы: Иванъ, Василій и Борисъ Петровичи. Послѣ представленія, Персидскіе послы позваны были къ столу, накрытому въ большой Грановитой палатѣ. Во время стола пить носили предъ государя 18 стольниковъ, въ томъ числѣ и князь Никита Ивановичь Одоевскій; а Борисъ Петровичь Шереметевъ, вмѣстѣ съ другими 50-ю стольниками, предъ государя ѣсть ставили. Всѣ присутствовавшіе на обѣдѣ чины одѣты были въ охабни съ горлатными шапками на головахъ[51].

Персидскіе послы выѣхали изъ Москвы «водянымъ путемъ въ судахъ» 26 мая, а 31

[51] Дворцовые разряды. Т. I. Спб. 1850. столб. 682—696.

числа, при дворѣ начались приготовленія къ богомольному походу государя въ Троицкій монастырь. Ѳедору Ивановичу Шереметеву опять поручено было вѣдать Москву, а въ товарищи къ нему назначены: бояринъ князь Андрей Васильевичь Сицкій и разрядный думный дьякъ Ѳедоръ Ѳедоровичь Лихачевъ.

Князь Сицкій, прямой потомокъ удѣльныхъ князей Ярославскихъ-Рюриковичей, связанный кровнымъ родствомъ съ царствующимъ домомъ Романовыхъ[52], счелъ невмѣстнымъ быть ниже Шереметева и по царскому указу въ Верхъ, то есть во дворецъ, не пошелъ. Дьякъ Лихачевъ вторично послалъ подьячаго Ивана Сѣверова объявить князю Сицкому, что государь приказалъ ему безъ себя быть на Москвѣ и вѣдать столицу въ товарищахъ при Ѳедорѣ Ивановичѣ Шереметевѣ. «Воленъ Богъ да государь,—отвѣтилъ Сицкій,—готовъ бы быть (въ Верху) да мало могу» (то есть нездоровъ). 1 іюня, по государеву указу, посыланъ былъ къ Сицкому на дворъ подьячій Григорій Ларіоновъ и не оди-

[52] Бабка князя Андрея Васильевича Сицкаго, княгиня Анна Романовна, была родною сестрою царицы Анастасіи Романовны; а его троюродный дядя, князь Иванъ Васильевичь Сицкій, былъ женатъ на сестрѣ патріарха Филарета, Евѳиміѣ Никитичнѣ Романовой.

нова сказывалъ ему, чтобъ ѣхалъ въ Верхъ, но тотъ твердилъ одно, что мало можетъ. Государь приказалъ сказать Сицкому, что если онъ не выѣдетъ въ городъ (въ Кремль) добровольно, то его вывезутъ силою. Только послѣ этой угрозы князь Сицкій пріѣхалъ наконецъ въ городъ, и когда дьякъ Лихачевъ объявилъ ему о назначеніи вѣдать Москву въ товарищахъ при Шереметевѣ, отвѣчалъ, что «готовъ быть». Но предъ самымъ выступленіемъ въ походъ, когда царь, выходя изъ Успенскаго собора, пожаловалъ, позвалъ къ рукѣ Ѳедора Ивановича Шереметева и князя Сицкаго, послѣдній билъ челомъ государю, что ему съ Шереметевымъ быть невмѣстно. Шереметевъ, въ свою очередь, объяснилъ, что князю Сицкому не токмо что съ нимъ, Ѳедоромъ Шереметевымъ, но и съ племянниками его меньшими быти мочно, потому что отецъ княжъ Андреевъ, князь Василій Сицкій, былъ меньше отца его, Ѳедорова, меньшаго брата, Ѳедора Васильевича Шереметева. Ѳедоръ Ивановичь просилъ государя и патріарха, чтобы они пожаловали его, велѣли дать ему оборонь отъ князя Андрея Сицкаго. Оба челобитья были приняты, но рѣшеніе по

нимъ отложено до возвращенія государя, который въ тотъ-же день, то есть 1 іюня, выѣхалъ изъ Москвы. Князь Сицкій долженъ былъ остаться при Шереметевѣ и поочередно съ нимъ дневалъ и ночевалъ во дворцѣ съ одинаковымъ числомъ дворянъ и дьяковъ по росписи. И при Шереметевѣ и при Сицкомъ состояло по 39 дворянъ и по 8 дьяковъ[53].

Всѣ три племянника Ѳедора Ивановича Шереметева, Иванъ, Василій и Борисъ Петровичи, сопровождали государя въ Сергіевъ монастырь, къ празднику Святыя Троицы[54]. О пышности царскаго поѣзда можно судить по тому, что даже лица, входившія въ составъ свиты государя, имѣли при себѣ свою собственную конную свиту изъ дворовыхъ людей, въ полномъ вооруженіи и въ разнообразномъ богатомъ одѣяніи. На послѣднемъ станѣ предъ Троицкимъ монастыремъ, въ селѣ Вздвиженскомъ, свита Ивана Петровича и Бориса Петровича Шереметевыхъ нѣсколько разстроилась: 4 іюня, у того и другаго бѣжало по два дворовыхъ, для отысканія кото-

[53] Дворцовые разряды. Т. I. Спб. 1850. столб. 697—701.—Русскій историческій сборникъ. Т. II. М. 1838. стр. 382. — Книги разрядныя. Т. I. Спб. 1853. столб. 1161.

[54] Дворцовые разряды. Т. I. Спб. 1850. столб. 703 и 704.

рыхъ въ тотъ-же день посланъ былъ царскій указъ съ подробнымъ описаніемъ примѣтъ бѣглецовъ. У Ивана Петровича Шереметева бѣжали: 1) Ивашко Третьяковъ — росту средняго, волосомъ русъ, бѣлоусъ, бороду брѣетъ, глаза сѣры; платье на немъ: кафтанъ суконный красновишневъ, нашивка шелкъ багровъ; подъ исподомъ зипунъ киндячный, цѣнинной, стеганъ; штаны суконные червчаты; шапка Кумыцкая багрецовая, съ соболемъ; сапоги сафьянные; да саадакъ, да сабля Кизильбашская; подъ нимъ конь буръ, грива на-право. 2) Ивашко Бровкинъ — ростомъ высокъ, волосомъ чернъ, шелудивъ, бороду сѣчетъ, глаза кари; платье на немъ: кафтанъ суконный, багровъ, поношенъ, нашивка шелкъ гвоздиченъ; подъ нимъ зипунъ, дороги зелены, стеганъ; штаны, сукно темносинее; шапка Кумыцкая, сукно червчато, съ соболемъ; сапоги сафьянны, желты; саадакъ; подъ нимъ конь темносѣръ. У обоихъ, у Третьякова и у Бровкина, епанчи бѣлыя. Изъ свиты Бориса Петровича Шереметева бѣжали: 1) Васька Жаворонковъ — ростомъ великъ, усъ бѣлъ, волосомъ русъ, бороду брѣетъ; платье на немъ: кафтанъ лазоревъ, суконный;

да зипунъ киндячный, рудожелтъ; штаны лазоревы; въ саадакѣ лубья шиты волоченымъ золотомъ; лукъ Мешетцкой (Мцхетскій), набитъ костьми; подъ нимъ кобыла въ-чалѣ пѣга. 2) Лукашка Мармылевъ — ростомъ невеликъ, волосомъ чернъ, глаза кари, впали, сухощекъ, руки и ноги кривы; платье на немъ: кафтанъ зеленъ, настрофильной[55]; зипунъ тафтянъ, лазоревъ; штаны лазоревы; лядунка шита золотомъ по бархату червчату, у лядунки тесьма шелкъ цвѣтной; наконечникъ и пряжка серебрены на лукѣ; пистолетъ — втираны кость и раковины; подъ нимъ кобыла сѣра, четырехъ лѣтъ.

Шереметевы заявили, что по ихъ соображенію, названные дворовые люди бѣжали «на Донъ, на Воронажскія мѣста», почему царскій указъ посланъ былъ въ Воронежъ къ тамошнему воеводѣ Ивану Васильевичу Волынскому съ строгимъ приказаніемъ, чтобы онъ въ тотъ-же часъ на посадѣ и въ Воронежскомъ уѣздѣ крѣпкій заказъ учинилъ о поимкѣ бѣглыхъ; а какъ ихъ приведутъ къ

---

[55] Настрафиль или страфиль — родъ сукна (См. Описаніе старинныхъ царскихъ утварей, одеждъ и проч. П. И. Савваитова. Спб. 1865. стр. 272 и 273).

нему, то велѣлъ бы ихъ «на Воронажѣ вкинуть въ тюрьму», до царскаго указа[56].

Въ отсутствіе государя, патріархъ Филаретъ Никитичь приказалъ Ѳедору Ивановичу Шереметеву, по поданному имъ челобитью на князя Андрея Васильевича Сицкаго, принести «случаи», то есть доводы и доказательства, для пріиску въ разрядѣ. Шереметевъ не замедлилъ поднести патріарху требуемые случаи, восходившіе до 1560 года. Въ Разрядѣ дополнили дѣло вновь пріисканными случаями и вычислили, что отецъ Ѳедора Ивановича Шереметева, бояринъ Иванъ Васильевичь Меньшой, больше отца князя Сицкаго, князя Василья Васильевича, однимъ мѣстомъ; самъ же счетчикъ князь Андрей Васильевичь Сицкій меньше отца своего семью мѣстами (какъ 5-й сынъ), а потому Иванъ Васильевичь Меньшой Шереметевъ больше счетчика князя Андрея Васильевича Сицкаго восемью мѣстами; а Ѳедоръ Ивановичь Шереметевъ меньше своего отца тремя мѣстами и

[56] Древнія грамоты и другіе письменные памятники, касающіеся Воронежской губерніи и частію Азова. Собраны и изданы Н. Второвымъ и К. Александровымъ-Дольникомъ. Воронежъ. Книжка I. 1851. стр. 115. — Воронежскія губернскія вѣдомости 1850 года. Часть неоффиціальная. № 9. стр. 73.

слѣдовательно больше князя Андрея Васильевича Сицкаго пятью мѣстами.

12 іюня, какъ только государь возвратился изъ Троицкаго похода, назначено было къ слушанію счетное дѣло Шереметева съ княземъ Сицкимъ, для чего въ столовую избу собраны были: князь Иванъ Борисовичь и князь Дмитрій Мамстрюковичь Черкасскіе, князь Иванъ Никитичь Одоевскій, Михайло Борисовичь Шеинъ, князь Данила Ивановичь Мезецкій, князь Дмитрій Михайловичь Пожарскій и князь Данила Ивановичь Шибановскій-Долгоруковъ.

По выслушаніи всѣхъ доводовъ и выписокъ изъ дѣлъ Разряда, думный дьякъ Θедоръ Θедоровичь Лихачевъ, отъ имени государя и патріарха, сказалъ князю Сицкому: «Билъ ты челомъ государямъ на боярина на Θедора Ивановича Шереметева въ отечествѣ, что тебѣ меньше его быть невмѣстно, и то ты билъ челомъ не дѣломъ, тѣмъ ты боярина Θедора Ивановича безчестилъ; а быть тебѣ съ нимъ льзя. И за безчестіе боярина Θедора Ивановича, государь и святѣйшій патріархъ велѣли тебя посадить въ тюрьму. А сколькими ты мѣсты меньше боярина Θедора Ива-

новича, и тебѣ про то сказка будетъ». Князь Сицкій сталъ-было говорить, что онъ, хотя и подалъ челобитье, все-таки былъ съ Шереметевымъ по росписи; но оправданіе это не было принято во вниманіе и дьякъ Ѳедоръ Шушеринъ повелъ Сицкаго въ тюрьму.

18 іюня, князя Сицкаго привели изъ тюрьмы въ столовую избу для того, чтобы объявить ему при всѣхъ боярахъ, что онъ меньше боярина Ѳедора Ивановича Шереметева пятью мѣстами[57].

Послѣ тюремнаго наказанія, выдержаннаго такими родовитыми мѣстниками, какъ князь Долгоруковъ и князь Сицкій, въ теченіи десяти лѣтъ никто уже не заводилъ счетовъ съ Ѳедоромъ Ивановичемъ Шереметевымъ и, по выраженію князя Пожарскаго, «всегда бывали съ нимъ безсловно».

Съ 1625 года, двое старшихъ племянниковъ Ѳедора Ивановича Шереметева, Иванъ и Василій Петровичи, стали еще ближе къ особѣ государя. По особому государскому благоволенію, оба они въ томъ году взяты были въ Комнату государя[58], то есть, имъ предо-

[57] Дворцовые разряды. Т. I. Спб. 1850. столб. 707 и 708.— Книги разрядныя. Т. I. Спб. 1853. столб. 1165 и 1166.

[58] Книга, а въ ней писаны дворяне и приказные люди, которые,

ставленъ былъ свободный входъ во внутренніе покои дворца, что составляло весьма важное повышеніе по службѣ. Въ торжественныхъ случаяхъ, напримѣръ, въ Свѣтлое Воскресеніе, при совершеніи обряда царскаго лицезрѣнія, ближніе или комнатные придворные, въ отличіе отъ некомнатныхъ, удостоивались милости видѣть государскія пресвѣтлыя очи въ самой Комнатѣ, тогда какъ прочіе оставались въ сѣняхъ и тамъ ожидали царскаго выхода[59].

Съ поступленіемъ Шереметевыхъ въ разрядъ комнатныхъ служилыхъ людей, рѣдкая придворная церемонія проходила безъ ихъ участія[60], и мы, во избѣжаніе однообразныхъ повтореній, будемъ указывать только на болѣе выдающіеся случаи придворной службы какъ Ѳедора Ивановича Шереметева, такъ и его племянниковъ.

Въ томъ-же 1625 году, въ осенній походъ

по государеву указу, на праздникъ на Свѣтлое Воскресенье видаютъ государскіе очи въ комнатѣ и въ передней избѣ, съ 134 (1625) году. Рукопись Московскаго главнаго Архива министерства иностранныхъ дѣлъ. № 86.

[59] Забѣлинъ. Домашній бытъ Русскихъ царей. Ч. I. М. 1862. стр. 333.

[60] Дворцовые разряды. Т. I. Спб. 1850. столб. 711. 724. 725. 727. 728. 761. 762 и т. д.

государя въ Троицкій монастырь, къ празднику Чудотворца Сергія, Ѳедору Ивановичу Шереметеву снова поручено было вѣдать Москву и опять товарищами къ нему назначены были князь Андрей Васильевичь Сицкій и думный дьякъ Ѳедоръ Ѳедоровичь Лихачевъ. На этотъ разъ Василій Петровичь Шереметевъ оставленъ былъ при дядѣ и въ числѣ другихъ двадцати пяти Московскихъ дворянъ, пяти дьяковъ и четырехъ жильцовъ, дневалъ и ночевалъ съ нимъ на государевѣ дворѣ[61].

---

[61] Дворцовые разряды. Т. I. Спб. 1850. столб. 749.

ГЛАВА IV.

Четыре мѣсяца спустя послѣ Троицкаго похода, въ Московскомъ Успенскомъ соборѣ совершился обрядъ бракосочетанія царя Михаила Ѳедоровича съ дѣвицею Стрѣшневою.

Преданіе гласитъ, что «обраніе государской радости» производилось по древнему обычаю. Заблаговременно и, по всѣмъ вѣроятіямъ, весьма скоро послѣ упомянутаго осенняго похода къ Сергію, сдѣлано было распоряженіе о привозѣ въ Москву на смотрины дѣвицъ «ростомъ, красотою и разумомъ исполненныхъ». Изъ привезенныхъ шестидесяти дѣвицъ выборъ царя остановился на Евдокіи Стрѣшневой, «отроковицѣ доброзрачной»[62],

---

[62] Изборникъ Славянскихъ и Русскихъ сочиненій и статей, внесенныхъ въ хронографы Русской редакціи. М. 1869. стр. 208.

дочери того самаго Лукьяна Стрѣшнева, который, не далѣе какъ въ 1614 году, состоя на службѣ въ Дорогобужѣ, завѣдывалъ обозомъ въ отрядѣ Василья Петровича Шереметева[63]. Преданіе называетъ Стрѣшневу «прислужницею» одной изъ дѣвицъ, привезенныхъ на смотрины[64]. А Шведъ Страленбергъ, пользовавшійся источниками, давно погибшими, прямо говоритъ, что Евдокія Лукьяновна Стрѣшнева была изъ сѣнныхъ дѣвушекъ (Cammer Fräulein) двора боярина Ѳедора Ивановича Шереметева[65]. Если тесть царя Алексѣя Михайловича, Илья Даниловичъ Милославскій, до возвышенія своей дочери, служилъ кравчимъ у посольскаго дьяка Ивана Грамотина[66], то нѣтъ ничего страннаго и въ томъ, что тесть царя Михаила Ѳедоровича, Лукьянъ Степановичъ Стрѣшневъ служилъ нѣкогда при дворѣ боярина Ѳедора Ивановича Шереметева въ числѣ другихъ знакомцевъ или держальниковъ, которыми наполнены

[63] См. первую книгу нашей исторіи, стр. 377.

[64] Русскій Вѣстникъ 1811 года. № 1. стр. 8.

[65] Das Nord und Östliche Theil von Europa und Asia. Stockholm. 1730. стр. 211.

[66] По свидѣтельству лейбъ-медика царя Алексѣя Михайловича Самуила Коллинса (Чтенія въ императорскомъ Обществѣ исторіи и древностей Россійскихъ за 1846 годъ. Книга I. Матер. иностр.).

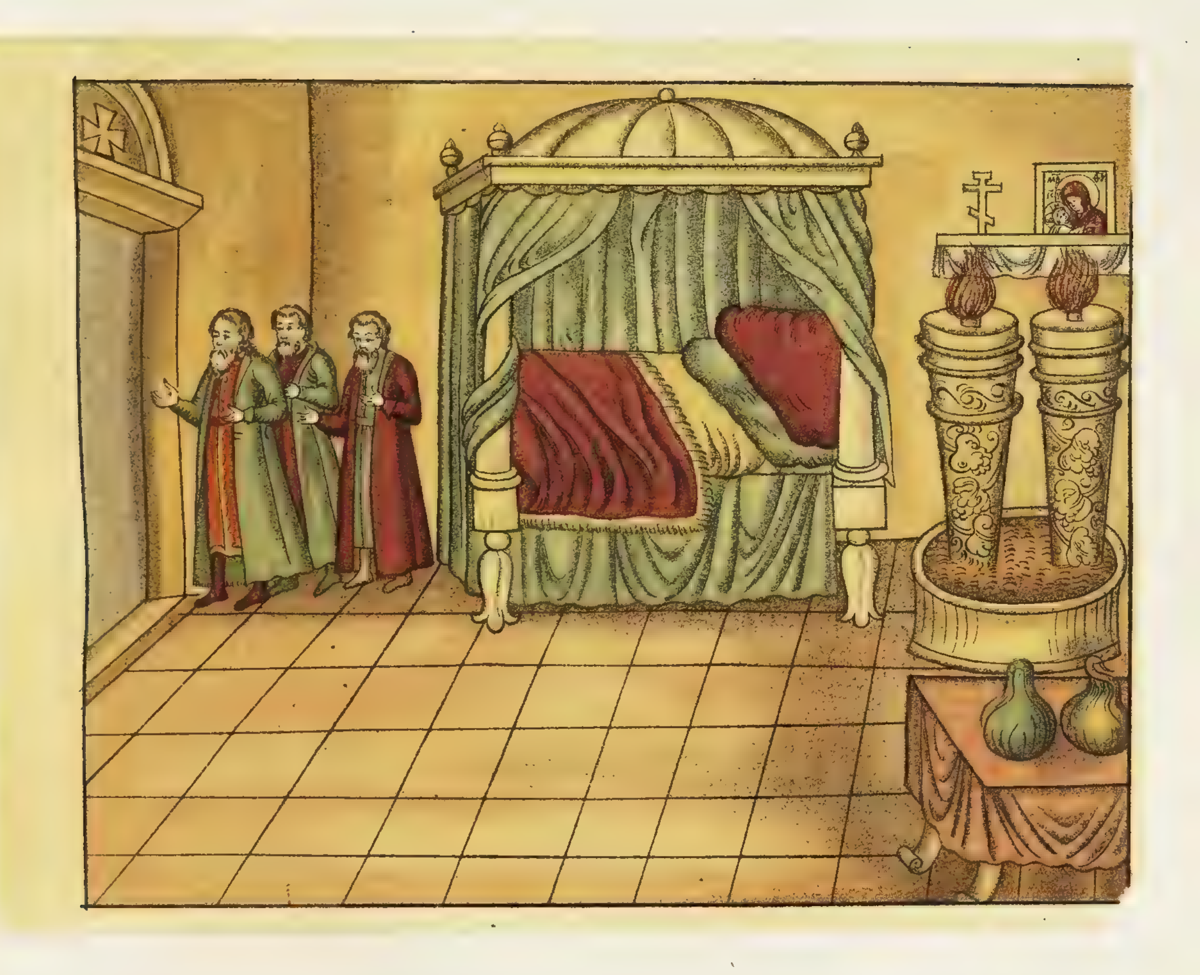
были дворы знатныхъ бояръ. Болѣе способные изъ знакомцевъ исправляли разныя должности по дому, а дочери ихъ составляли штатъ боярыни, въ качествѣ сѣнныхъ дѣвушекъ. Скромное общественное положеніе Евдокіи Лукьяновны Стрѣшневой, до вступленія въ бракъ съ царемъ, было извѣстно всѣмъ. Ея же постельницы говаривали про себя: «не дорога-де она государыня; знали мы ее, коли она хаживала въ жолтикахъ (простыхъ чеботахъ); нынѣ-де ее государыню Богъ возвеличилъ»[67].

Но каково бы ни было прошлое Евдокіи Лукьяновны Стрѣшневой, съ той минуты какъ царь подалъ ей платокъ и кольцо, знакъ избранія въ супруги, она пріобрѣтала полное царственное значеніе и разомъ отрѣшалась отъ условій своей прежней бытовой обстановки. Не только Ѳедоръ Ивановичъ Шереметевъ, но даже и родители и кровные родные иначе и не могли уже называть ее, какъ великой государыней царицей.

Чинъ бракосочетанія царя Михаила Ѳедоровича съ Евдокіей Лукьяновной Стрѣшневой

---

[67] Забѣлинъ. Домашній бытъ Русскихъ царицъ. М. 1869. стр. 223.



Хромолит. V. М. Осипова. Гаваньская у. д. 53

совершилъ, 5 февраля 1626 года, духовникъ государевъ, Благовѣщенскій протопопъ Максимъ. Новобрачные, послѣ того какъ пѣвчіе дьяки пропѣли имъ большое многолѣтіе демественомъ[68], выступили изъ Успенскаго собора въ Грановитую палату къ столовому кушанью. Государь ѣхалъ верхомъ на аргамакѣ, а царица съ свахами—въ саняхъ. По пришествіи въ палату, когда свадебные чины усѣлись по своимъ мѣстамъ, государь велѣлъ предъ себя и въ столы ставить ѣствы и подавать Фряжскія вина. На царскаго же аргамака сѣлъ конюшій, бояринъ князь Борисъ Михайловичь Лыковъ, и съ обнаженнымъ мечемъ поѣхалъ къ крыльцу сѣнника или брачнаго чертога, устройство котораго и береженье, по свадебному церемоніалу, лежало на обязанности Өедора Ивановича Шереметева и его товарищей: окольничаго Льва Ивановича Далматова-Карпова и государева тестя Лукьяна Степановича Стрѣшнева.

По старому обычаю, опочивальня для молодыхъ устроена была въ нежиломъ, нетопленномъ покоѣ, обитомъ коврами золотными. Государскія постели стлалъ самъ Өедоръ Ива-

[68] Старинный церковный напѣвъ.

новичь Шереметевъ съ товарищами, а также дружки, свахи и спальники, что̀ въ Комнатѣ у государя жили. По лѣвую сторону сѣнника положены были прямо на полъ тридевять ржаныхъ сноповъ, на которыхъ возложили: семь перинъ и бумажниковъ (тюфяковъ) и сголовій бархатныхъ, камчатныхъ и атласныхъ[69], и все это покрыли тяжелымъ параднымъ одѣяломъ, богато убраннымъ жемчугомъ и драгоцѣнными каменьями[70]. Весь этотъ постельный нарядъ заранѣе принесенъ былъ съ большою торжественностію въ сѣнникъ изъ царицыной Мастерской палаты, въ предшествіи воздвизальнаго креста и двухъ иконъ, Рождества Христова и Рождества Пречистыя Богородицы, и сданъ съ рукъ на руки Ѳедору Ивановичу Шереметеву. По его распоряженію, принесенныя иконы поставлены были у постели въ головахъ, рядомъ съ образомъ Пречистыя Богородицы съ Младенцемъ, письма чудотворца Петра, митрополита Московскаго. Кромѣ того, въ головахъ же постели помѣщены были: два сголовійца, на нихъ

---

[69] Сголовья—длинныя подушки во всю ширину постели.

[70] Забѣлинъ. Домашній бытъ Русскихъ царей. Ч. I. М. 1862. стр. 204.

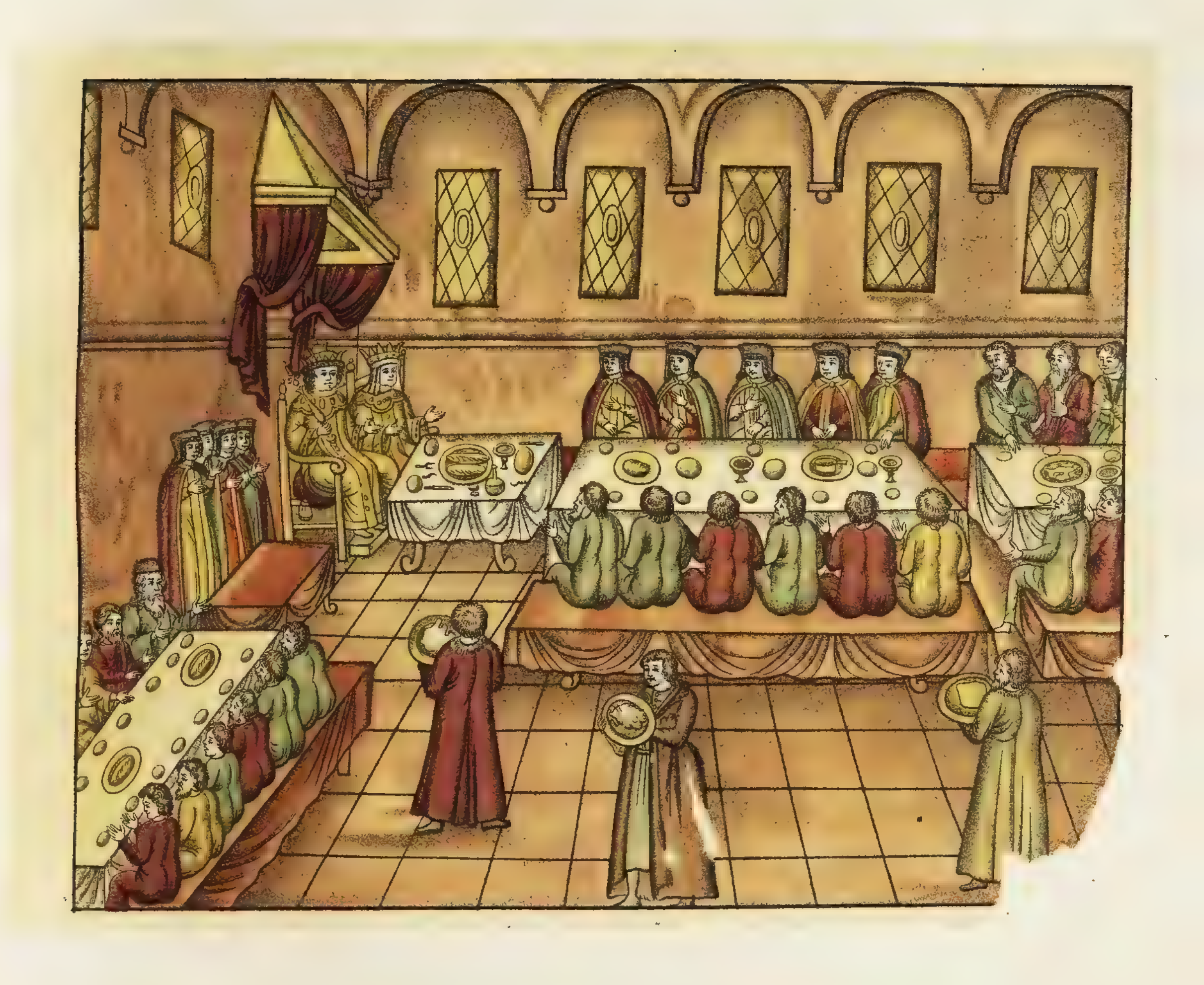
шапки государскія и кадка съ пшеницей; а въ ногахъ—коверъ да шуба соболья.

Послѣ третьей ѣствы въ Грановитой палатѣ, когда предъ новобрачными поставили куря верченое, большой государевъ дружка, князь Дмитрій Мамстрюковичь Черкасскій, снялъ того куря со стола и, обвертѣвъ его съ блюдомъ, съ перепечею (сдобный куличъ или коровай) и солонкою въ скатерть, понесъ въ сѣнникъ и отдалъ Ѳедору Ивановичу Шереметеву. Вслѣдъ затѣмъ, царь Михаилъ Ѳедоровичь всталъ изъ-за стола и отправился съ царицей Евдокіей Лукьяновной къ сѣннику же, сопровождаемый тысяцкимъ, княземъ Иваномъ Борисовичемъ Черкасскимъ, всѣми дружками и свахами. Впереди шли бояре и боярыни сидячіе съ обручальными свѣчами и короваями. При входѣ въ сѣнникъ, посаженый отецъ государевъ, бояринъ Иванъ Никитичь Романовъ, сказалъ царю краткую рѣчь о держаніи царицы Евдокіи по закону истинныя православныя Христіанскія вѣры и по преданію апостольскому и святыхъ отецъ; а жена Ивана Никитича, боярыня Ульяна Ѳедоровна Романова, посаженая мать государя, надѣвъ на себя соболью шубу шерстью

вверхъ, осыпала молодыхъ хмелемъ изъ золотой мисы. Обручальныя же свѣчи поставили въ кадку съ пшеницею, стоявшую въ сѣнникѣ у постели въ головахъ.

Послѣ того, какъ новобрачные вошли въ сѣнникъ, то есть въ опочивальню, посаженый отецъ, тысяцкій, всѣ дружки, бояре, поѣзжане и дворяне возвратились въ Грановитую палату и опять сѣли за столы. Посаженая же мать, свахи, ближнія боярыни и жены тѣхъ бояръ, которые состояли при сѣнникѣ, именно Марья Петровна Шереметева и Анна Константиновна Стрѣшнева, теща государева, пошли въ царицыны хоромы и также сѣли за столы. Въ Грановитой палатѣ, въ большой столъ, за которымъ сидѣли бояре, сказывалъ Иванъ Петровичь Шереметевъ съ Григоріемъ Андреевичемъ Плещеевымъ; а въ кривой столъ, за которымъ сидѣли поѣзжане, стольники и дворяне, сказывалъ Василій Петровичь Шереметевъ съ княземъ Семеномъ Өедоровичемъ Волконскимъ. Вина наряжалъ князь Никита Ивановичь Одоевскій.

Черезъ часъ времени, свадебные чины, узнавъ отъ большаго дружки, что царь и царица находятся въ добромъ здоровьѣ, собра-



Хромо-Лит. М.М. Осипова, Гаваньская у. д. 58.

лись въ сѣняхъ передъ сѣнникомъ. Здѣсь чины поздравляли молодыхъ съ сочетаніемъ законнымъ бракомъ и, покормивъ ихъ кашей изъ двухъ «горшковъ фарфурныхъ, обогнутыхъ двумя парами соболей», разъѣхались по домамъ въ радости и веселіи о благополучномъ «совершеніи добраго государскаго дѣла».

На другой и на третій день свадьбы во дворцѣ, съ утра до самой ночи, играли въ сурны и въ трубы и били по накрамъ, а на площади, «для свѣтлости», всю ночь жгли въ разныхъ мѣстахъ дрова.

Оба дня свадебные чины пировали за государевымъ столомъ въ большой Грановитой палатѣ. Молодые сидѣли рядомъ за золотымъ столомъ. Государь жаловалъ ближнихъ бояръ, самъ подавалъ имъ ѣствы и романею въ кубкахъ.

Лишь на четвертый день свадьбы, 8 февраля, патріархъ Филаретъ со властьми пришелъ поздравить своего державнаго сына и остался у него кушать. Изъ бояръ у стола были только двое: Ѳедоръ Ивановичъ Шереметевъ и князь Данило Ивановичъ Мезецкій; ниже ихъ сидѣли думные дьяки и 19 человѣкъ

Московскихъ дворянъ, сидѣвшихъ въ такомъ порядкѣ: два брата Шереметевы: Иванъ и Василій Петровичи, три брата Стрѣшневы: Лукьянъ, Иванъ и Сергѣй Степановичи, Григорій Андреевичь Плещеевъ и такъ далѣе[71].

Молодая царица, съ перваго же дня замужества, уединилась въ таинственный, замкнутый кругъ теремной жизни, рѣзко очерченный вѣковымъ обычаемъ старой Руси. Жена Ѳедора Ивановича Шереметева, боярыня Марья Петровна, принадлежала къ числу весьма немногихъ особъ, имѣвшихъ пріѣздъ въ царицыны хоромы. Она имѣла чинъ пріѣзжей боярыни царицы Евдокіи Лукьяновны[72] и этимъ обязана была исключительно свойству своего мужа съ государемъ. Только родственныя лица по мужьямъ или по рожденію пользовались правомъ пріѣзда

---

[71] Собраніе государственныхъ грамотъ и договоровъ. Ч. III. М. 1822. № 72. — Книга, содержащая описаніе въ лицахъ чина бракосочетанія царя Михаила Ѳеодоровича съ дѣвицей Евдокіей Лукьяновной Стрѣшневою (Лицевая рукопись Московскаго главнаго Архива министерства иностранныхъ дѣлъ. № 17). — Бракосочетаніе царя Михаила Ѳедоровича (Лицевая рукопись библіотеки его высочества принца Александра Петровича Ольденбургскаго. XIII. Д. № 145). — Дворцовые разряды. Т. I. Спб. 1850. столб. 763—788. — Древняя Россійская вивліоѳика. Ч. VII. Изд. I. Спб. 1775. стр. 150 и слѣд.

[72] Забѣлинъ. Домашній бытъ Русскихъ царицъ. М. 1869. стр. 349.

къ царицѣ, да и то не иначе, какъ по назначенію въ извѣстные праздничные или торжественные дни[73]. Марья Петровна Шереметева сопровождала царицу Евдокію Лукьяновну и въ ея богомольныхъ выѣздахъ въ Московскіе монастыри. Въ разрядной книгѣ записанъ первый по времени выѣздъ царицы въ Вознесенскій монастырь. То было 17 февраля 1626 года, слѣдовательно, на 13-й день послѣ свадьбы. Въ саняхъ съ царицею сидѣли: вдова князя Ѳедора Ивановича Мстиславскаго, княгиня Ирина Ивановна, и жена Ивана Никитича Романова, боярыня Ульяна Ѳедоровна. Вслѣдъ за царицыными санями ѣхали тетка государева вдова Ивана Ивановича Годунова, Ирина Никитична, съ женою князя Ивана Борисовича Черкасскаго, княгиней Авдотьей Васильевной. За ними Марья Петровна Шереметева съ женою князя Юрья Еншеевича Сулешева, княгиней Мароой Михайловной. Далѣе, жена князя Бориса Михайловича Лыкова, княгиня Настасья Никитична, съ матерью царицы Анной Константиновной Стрѣшневой и наконецъ жена

[73] Забѣлинъ. Домашній бытъ Русскихъ царицъ. М. 1869. стр. 347.

Василья Ивановича Стрѣшнева, Ирина Прокофьевна, со вдовою князя Василья Романовича Пронскаго, княгиней Марьей. Противъ боярынь сидѣли по двѣ постельницы, а по сторонамъ саней шли по два сына боярскихъ царицыныхъ да люди ихъ[74].

Въ первый же годъ женитьбы государевой въ Москвѣ случилось большое бѣдствіе: въ маѣ мѣсяцѣ страшный пожаръ испепелилъ большую часть столицы. Государь и царица находились тогда въ богомольномъ Троицкомъ походѣ, а Москву вѣдалъ, по обыкновенію, Ѳедоръ Ивановичъ Шереметевъ, имѣя въ товарищахъ князя Андрея Васильевича Сицкаго, князя Григорья Константиновича Волконскаго и думнаго дьяка Ѳедора Ѳедоровича Лихачева[75]. По заведенному порядку, улицы запирались рѣшетками, при которыхъ состояли объѣзжіе головы, рѣшеточные прикащики и огневщики, оберегавшіе городъ отъ пожарныхъ случаевъ. Кремль объѣзжалъ «для огней и для всякаго береженья» князь Алексѣй Васильевичъ Пріимковъ-Ростовскій съ дьякомъ Семеномъ Го-

---

[74] Дворцовые разряды. Т. I. Спб. 1850. столб. 789.

[75] Тамъ-же, столб. 817.

ловинымъ; Китай-городъ объѣзжалъ князь Иванъ Ѳедоровичь Волконскій съ дьякомъ Андреемъ Шиповымъ. Такимъ же образомъ дозирались и прочія части столицы[76]. Не смотря на всѣ эти предосторожности, 3 мая, въ среду Преполовенія, въ 10-мъ часу дня, въ царствующемъ градѣ Москвѣ «бысть пожаръ великъ зѣло и страшенъ». Первоначально загорѣлся дворъ вдовы Третьяковой, въ Ипатьевскомъ переулкѣ, между Варваркой и Ильинкой, и оттуда пламя быстро раскинулось по всему Китаю и Кремлю «и отняти пламени было нельзя, потому что въ тѣ поры вѣтры были великіе, да и потому, что улицы и переулки и тупики были тѣсны»[77].

Черезъ пять часовъ времени оба города представляли ужасную картину разрушенія. По словамъ хронографа, «на соборной церкви Пречистыя Богородицы и на Иванѣ великомъ и у Троицы на рву, у всѣхъ церквей верхи и монастыри и въ монастырѣхъ, въ каменныхъ церквахъ церковное строеніе и древяные церкви со всякимъ церковнымъ строеніемъ, и царевъ и патріарховъ дворъ и хо-

[76] Дворцовые разряды. Т. I. Спб. 1850. столб. 819 и 820.

[77] Снегиревъ. Памятники Московской древности. М. 1842—1845. Пояснительныя примѣчанія, стр. 7.

ромы, и въ палатахъ каменныхъ нутри и на палатахъ верхи, и въ приказѣхъ каменныхъ на площади, и во дворцѣ государева казна и всякіе дѣла и дворовые запасы на Сытномъ, на Кормовомъ и на Хлѣбенномъ дворцахъ, и сушила, и на Житномъ дворѣ хлѣбъ въ житницахъ, и жилецкихъ всякихъ людей дворы и торги и лавки, и Земскій дворъ и таможенная изба, и на городѣхъ и на башняхъ кровли въ обѣихъ городѣхъ, все погорѣло безъ остатка въ пять часовъ, и отъ того всякаго пожара каменныя церкви и палаты многія не устояли, и своды и двери желѣзные горѣли»[78].

Екатерина Великая справедливо сказала, что «ни въ одномъ Европейскомъ государствѣ не производятся строенія съ такою поспѣшностію, какъ у насъ»[79]. Это замѣчали и иностранцы, посѣщавшіе Россію. Такъ, Голландецъ Стрюйсъ, отзываясь съ большою похвалою о нашихъ плотникахъ, говоритъ, что они строили дома «обыденкою», притомъ весьма искусно, дешево и удобно[80]. Благо-

---

[78] Изборникъ Славянскихъ и Русскихъ сочиненій и статей, внесенныхъ въ хронографы Русской редакціи. М. 1869. стр. 428.

[79] Переписка Россійской императрицы Екатерины II и господина Вольтера. М. 1812. Ч. II. стр. 26.

[80] Путешествіе по Россіи Голландца Стрюйса (Русскій Архивъ. 1880. Кн. I. стр. 34).

даря этой способности быстро строиться и обилію лѣсовъ, окружавшихъ тогда столицу, Москва весьма скоро обстроилась и послѣ пожара 1626 года; но въ этотъ бѣдственный случай она понесла утрату ничѣмъ уже невознаградимую: вмѣстѣ съ приказами сгорѣли всѣ письменныя и архивныя дѣла. Правда, по всему государству разосланы были особые писцы для снятія противней съ дѣлъ и бумагъ, отправленныхъ изъ приказовъ въ города, но мѣра эта только на половину помогла горю; масса драгоцѣннаго историческаго матеріала (родословныя и разрядныя книги, лѣтописи и тому подобное) погибла безвозвратно, къ великому ущербу отечественной исторіографіи.

Въ боярскихъ дворахъ Китая и Кремля сгорѣло множество частныхъ крѣпостныхъ документовъ и право на владѣніе имуществомъ возстановлялось по сохранившимся писцовымъ книгамъ. Такъ, князь Михаилъ Борисовичь Долгоруковъ, купившій, въ 1621 году, бывшій дворъ Петра Никитича Шереметева, на Никольской, у его вдовы, а своей сестры, Θедосьи Борисовны Шереметевой, подалъ въ 1629 году челобитную, въ кото-

рой, объяснивъ, что «купчая на этотъ дворъ утерялася у него въ пожарѣ, какъ горѣлъ Кремль и Китай», просилъ дать ему данную уже не на дворъ, сгорѣвшій до основанія, а на дворовое мѣсто. Данная была выдана именно съ писцовыхъ книгъ 1621 года, въ которыхъ написано, что тотъ дворъ «въ Китаѣ городѣ у Троицы на старыхъ поль» былъ мѣрою «вдоль двѣнадцать сажень, поперегъ одиннадцать сажень съ полусаженью»[81].

Вскорѣ послѣ пожара, 12 мая, царь Михаилъ указалъ окольничему князю Григорью Константиновичу Волконскому да дьяку Василью Волкову ѣхать въ Кремль-городъ и въ Китай для описанія большихъ улицъ, переулковъ и тупиковъ и измѣренія ихъ въ государеву указную дворовую сажень, означивъ, «сколько у дворовъ съ обѣ стороны въ прибавку къ улицамъ и къ переулкамъ земли отойдетъ, для береженья отъ пожаровъ»[82]. На основаніи описи князя Волконскаго, составленъ, въ 1627 году, новый чертежъ Москвы; по указу великаго государя, въ Китаѣ-

[81] Архивъ графа С. Д. Шереметева. № 792.

[82] Снегиревъ. Памятники Московской древности. М. 1842—1845. Пояснительныя примѣчанія, стр. 7 и 8.

Лѣта ЗРЛИ ноября въ .ХИ. билъ челомъ

государю царю и великому князю Михаилу Фе

доровичю всеа Русии холопъ твой Михалко Федоровъ

[illegible] челобитно свое написано для дела чево

[illegible] Китае городе у Троецкихъ старыхъ поля

купленое сестры своей вдовы боярыни

на Петровой жены Микитина Шереметева

[illegible]

Фот. Литография Н. [illegible] № 1

городѣ, на Никольскомъ крестцѣ[83] распространены были ряды иконный и сайдачный[84], а между ними проложена улица[85], для чего пришлось отдѣлить, между прочимъ, и часть двороваго мѣста, принадлежавшаго Петру Никитичу Шереметеву. «И по государеву указу,—сказано въ той-же данной на имя князя Долгорукова,—изъ того двороваго мѣста изъ длиннику двѣ сажени отошло на проѣздъ къ городу въ улицу»[86].

Въ началѣ настоящей книги помѣщенъ древній чертежъ города Москвы, на которомъ, подъ № 29, въ Китаѣ городѣ, изображены палаты Петра Никитича Шереметева[87].

---

[83] Никольскій крестецъ, по объясненію Снегирева, заключалъ почти всю Никольскую улицу; средоточіе его было у обители Николы стараго (нынѣ Греческій Николаевскій монастырь), отъ которой и улица, и крестецъ приняли свое названіе.

[84] Оба ряда на правой рукѣ Никольской, идя отъ Кремля (Хавскій. Семисотлѣтіе Москвы. М. 1847. стр. 193. № 532).

[85] Снегиревъ. Москва. Подробное историческое и археологическое описаніе города. Т. I. М. 1865. стр. XXII.

[86] Архивъ графа С. Д. Шереметева. № 792.

[87] Этотъ драгоцѣнный чертежъ, о которомъ уже было упомянуто во второй книгѣ нашей исторіи (стр. 51, примѣч. 69), составленъ въ царствованіе Михаила Ѳедоровича, доказательствомъ чему служитъ надпись при № 15: «дворъ Микиты Романовича, дѣда нынѣ царствующаго государя Михаила Ѳеодоровича». Сочиненъ чертежъ до пожара 1626 года, иначе не были бы означены съ такою подробностію сгорѣвшіе дворы бояръ, и между прочимъ дворъ Петра Никитича Шереметева. Наконецъ, по вѣрному соображенію Снегирева, первоначальный авторъ чертежа былъ Русскій, а не чуже-

Къ сожалѣнію, на чертежѣ Кремль оставленъ безъ подробнаго описанія. Но и безъ этого, у Никольскихъ воротъ весьма ясно видны палаты Ѳедора Ивановича Шереметева, который понесъ такіе большіе убытки отъ майскаго пожара, что при всемъ своемъ богатствѣ принужденъ былъ даже обращаться къ частнымъ займамъ на возобновленіе обгорѣвшихъ хоромъ.

Замѣчательно, что Ѳедоръ Ивановичъ при жизни не успѣлъ расплатиться со всѣми долгами, сдѣланными по случаю пожара и вмѣстѣ съ обширными вотчинами оставилъ своимъ наслѣдникамъ и неудовлетворенныя долговыя обязательства. Въ духовномъ завѣщаніи его, отъ 29 ноября 1645 года, сказано, между прочимъ: «Да послѣ пожару 134 (1626) году, далъ мнѣ дьякъ Семенъ Собакинъ на дворовое строенье 50 рублевъ безкабально; а онъ, Семенъ, у меня взялъ иноходей кауръ Нагайскихъ за 20 рублевъ; и Семенову сыну Собакина Василью заплатити 30 рублевъ»[88].

странецъ, въ чемъ удостовѣряютъ Русскія надписи. Латинскія же объясненія частей и зданій города вѣроятно переведены съ Русскаго; потому что въ нихъ находятся Русскія слова, написанныя Латинскими буквами и объясненныя по-латини (Памятники Московской древности. М. 1842—1845. стр. 106).

[88] Архивъ графа С. Д. Шереметева. № 10.

Борисъ Петровичь Шереметевъ былъ въ этомъ случаѣ счастливѣе своего дяди. Онъ жилъ въ мѣстности, значительно обезпеченной отъ пожарныхъ бѣдствій. По указанію Снегирева, дворъ Бориса Петровича находился на Срѣтенской улицѣ, въ Бѣломъ городѣ[89], почитавшемся тогда еще загородьемъ. Понятно, что тамъ жили шире, просторнѣе, чѣмъ въ Кремлѣ и Китаѣ. Должно полагать, что и дворъ Василья Петровича Шереметева также находился въ Бѣломъ городѣ, именно около церкви Николы въ Гнѣздникахъ. Догадка эта основывается на томъ, что старшій сынъ Василья Петровича, Петръ Васильевичь Большой Шереметевъ, и внукъ, Владиміръ Петровичь, слыли коренными прихожанами Гнѣздниковскаго прихода; мѣстный причтъ даже жилъ въ ихъ дворѣ[90]. Николо-Гнѣздниковская церковь уже существовала въ 1625 году[91] и, по предположенію нынѣшняго настоятеля ея, когда-то была домовою Шереметевскою церковью. Достовѣрно извѣстно, что настоящій домъ Олсуфьева на

---

[89] Памятники Московской древности. М. 1842—1845. стр. LII.
[90] Хавскій. Семисотлѣтіе Москвы. М. 1847. № 158.
[91] Тамъ-же.

Тверской улицѣ и все мѣсто по Леонтьевскому переулку и до Гнѣздниковскаго принадлежали нѣкогда Шереметевымъ[92].

Во время пожара, какъ горѣли государевы и патріаршія палаты, Филаретъ Никитичь выѣхалъ за городъ въ патріаршій Новинскій монастырь; туда же отправился и царь Михаилъ Ѳедоровичь по возвращеніи изъ Троицкаго монастыря. Благословясь у родителя, государь пошелъ въ тотъ-же день, въ 3-мъ часу ночи, вмѣстѣ съ царицею Евдокіей Лукьяновной и съ матерью великою старицею Марѳой Ивановной, въ село Покровское, гдѣ и прожилъ до тѣхъ поръ, пока не очистили Кремлевскихъ палатъ[93].

Ко дню ангела государева, 12 іюля, па-

---

[92] Это указаніе директора императорскаго Эрмитажа Александра Алексѣевича Васильчикова подтверждается и старымъ планомъ, находящимся въ дѣлахъ Московскаго Архива министерства юстиціи. Изъ этого плана, сообщеннаго намъ въ спискѣ Алексѣемъ Александровичемъ Мартыновымъ, видно, что въ прошломъ столѣтіи весь участокъ по Тверской улицѣ, по Леонтьевскому и Малому Гнѣздниковскому переулкамъ (по Тверской—40 саж., по Леонтьевскому переулку—30 саж. и по Малому Гнѣздниковскому—33 саж.) былъ занятъ дворомъ Шереметевыхъ. Въ 1737 году, этотъ дворъ принадлежалъ полковнику Алексѣю Ѳедоровичу Шереметеву (правнуку Петра Васильевича Большаго Шереметева); въ 1765 году — его вдовѣ Анастасьѣ Никитичнѣ; въ 1767 году — ихъ сыну гвардіи поручику Александру Алексѣевичу Шереметеву; а въ 1801 году, поступилъ во владѣніе Дмитрія Адамовича Олсуфьева.

[93] Дворцовые разряды. Т. I. Спб. 1850. столб. 824.

мять преподобнаго Михаила Малеина, дворцовый плотничій староста Первуша Исаевъ успѣлъ привести въ порядокъ Золотую палату, въ которой и угощалъ государь свой дворъ именинным обѣдомъ. У стола были всѣ три брата Шереметевы: Иванъ, Василій и Борисъ Петровичи[94]. Къ половинѣ сентября Исаевъ поставилъ государю новыя жилыя постельныя хоромы, въ которыхъ въ Софьинъ день царь справлялъ новоселье. Въ этотъ день за государевымъ столомъ, во вновь срубленной передней избѣ, изъ бояръ были только трое: князь Иванъ Борисовичь Черкасскій, Өедоръ Ивановичь Шереметевъ и князь Дмитрій Михайловичь Пожарскій; а въ числѣ дворянъ находился и Василій Петровичь Шереметевъ, сидѣвшій между тестемъ государя Лукьяномъ Степановичемъ Стрѣшневымъ и княземъ Андреемъ Даниловичемъ Сицкимъ[95].

---

[94] Дворцовые разряды. Т. I. Спб. 1850. столб. 827.

[95] Тамъ-же, столб. 855 и 856. — Забѣлинъ. Домашній бытъ Русскихъ царей. Ч. I. М. 1862. стр. 55. — Въ промежутокъ времени отъ переѣзда въ село Покровское до празднованія новоселья государь ходилъ по обычаю на богомолье въ Новодѣвичій монастырь и въ Симоновъ. Иванъ и Василій Петровичи Шереметевы сопровождали государя, а также были за столомъ у государя и патріарха въ праздники Преображенія, Успенія и Рождества Пресвятыя Богородицы (Дворцовые разряды. Т. I. Спб. 1850. столб. 829, 830, 831, 854).

Четыре дня спустя послѣ новоселья, государь опять пошелъ въ Троицкій монастырь, къ празднику чудотворца Сергія. Ѳедоръ Ивановичъ Шереметевъ и на этотъ разъ оставленъ былъ вѣдать столицу, вмѣстѣ съ княземъ Дмитріемъ Михайловичемъ Пожарскимъ, княземъ Григорьемъ Константиновичемъ Волконскимъ и думнымъ разряднымъ дьякомъ Ѳедоромъ Лихачевымъ[96].

За Троицкимъ походомъ слѣдовалъ выходъ царя въ село Покровское на освященіе мѣстной церкви, причемъ въ свитѣ государя находился и Иванъ Петровичъ Шереметевъ[97].

Разрядныя книги, изъ которыхъ мы почерпаемъ всѣ эти свѣдѣнія о придворной службѣ Ѳедора Ивановича Шереметева и его племянниковъ, при всемъ своемъ внѣшнемъ однообразіи, представляютъ весьма цѣнный матеріалъ для исторіи оффиціальнаго быта Московскаго двора. Въ царствованіе Михаила Ѳедоровича самою характерною чертою этого быта была церковность: на глазахъ у всѣхъ, въ теченіи цѣлаго года, набожный государь, вмѣстѣ съ своими придворными, съ неизмѣн-

---

[96] Дворцовые разряды. Т. I. Спб. 1850. столб. 857.
[97] Тамъ-же, столб. 861.

ною точностью соблюдаетъ изо дня въ день уставный кругъ церковныхъ служеній и празднествъ. И нельзя не согласиться, что эти непрестанные молебные выходы и богомольные походы царя, представителя народа и его избранника, дѣйствительно, «являли собою по преимуществу образъ всенародной молитвы, носили въ себѣ смыслъ общественный, выражали молитву о цѣляхъ и дѣлахъ всего народа, всего царства»[98]. Особенно послѣ бурь смутнаго времени эта церковность государя и его приближенныхъ какъ нельзя болѣе отвѣчала сокровеннымъ чувствамъ всего народа и въ значительной мѣрѣ способствовала умиротворенію и успокоенію страстей, такъ сильно возбужденныхъ страшными, долголѣтними потрясеніями. Большинство было довольно правленіемъ благочестиваго, богобоязненнаго царя Михаила[99]. Строго

---

[98] Забѣлинъ. Домашній бытъ Русскихъ царицъ. М. 1869. стр. 303.

[99] Между недовольными были, напримѣръ, мелкіе помѣщики, которыхъ очень раздражали частые выводы крестьянъ. Одинъ изъ такихъ помѣщиковъ, Ливенскій помѣстный казакъ Авдѣй Яковлевъ, сказалъ однажды во всеуслышаніе: «государь насъ не жалуетъ, крестьянъ изъ насъ велитъ выводить; насъ въ заговорѣ человѣкъ съ пятьсотъ: кто изъ за насъ крестьянъ выводитъ, у тѣхъ мы вотчины выжжемъ, а крестьянъ побьемъ, а найдемъ-де иного государя» (Соловьевъ. Исторія Россіи. Т. IX. М. 1859. стр. 504).

соблюдая миръ съ сосѣдственными государствами, онъ управлялъ своими подданными кротко и снисходительно. Самъ патріархъ Филаретъ Никитичь былъ строгъ и опальчивъ только съ боярами и вообще съ правящимъ классомъ, а, напримѣръ, къ духовному чину онъ былъ даже милостивъ[100]. Олеарію «всѣ говорили, что Московское государство, противъ обыкновенія, въ продолженіи болѣе ста лѣтъ, не имѣло еще такого кроткаго государя, какъ царь Михаилъ»[101]. Примѣромъ разумной умѣренности новаго правленія можетъ служить милостивый указъ, отъ 10 іюля 1625 года, коимъ «пожалованы и въ винахъ пощажены» всѣ лица, участвовавшіе въ Московской смутѣ[102]. Получилъ полное прощеніе даже и такой тяжкій преступникъ, какъ князь Иванъ Хворостининъ, который былъ изобличенъ въ презрѣніи обрядовъ Православной церкви, въ оскорбленіи царскаго величества и въ писаніи виршами многихъ укоризнен-

---

[100] Рукописный сборникъ императорской публичной библіотеки, въ собраніи Карамзина. F. IV. № 343. л. 204 на оборотѣ.

[101] Подробное описаніе путешествія Голштинскаго посольства въ Московію и Персію въ 1633, 1636 и 1639 годахъ, составленное секретаремъ посольства Адамомъ Олеаріемъ. М. 1870. стр. 241.

[102] Русскій Вѣстникъ. 1843 г. Т. VIII. стр. 38 (Книга указная царя Михаила Θеодоровича).

ныхъ и хульныхъ словъ на всѣхъ Московскихъ людей[103].

При царѣ Михаилѣ Ѳедоровичѣ состоялся цѣлый рядъ распоряженій, свидѣтельствующихъ о заботливости правительства улучшить положеніе крестьянъ и посадскихъ людей, чтобы они «жили въ покоѣ и въ тишинѣ и отъ всякихъ бѣдъ и отъ скорбей порозживались»[104]. Общая поземельная перепись, вновь предпринятая послѣ великаго Московскаго пожара, имѣла, между прочимъ, цѣлію избавить народъ отъ тяготы равномѣрнымъ распредѣленіемъ податей.

Ѳедоръ Ивановичь Шереметевъ, стоявшій такъ близко къ особѣ царя Михаила, вѣроятно имѣлъ свою долю участія во всѣхъ этихъ благихъ мѣропріятіяхъ, если не дѣломъ, то совѣтомъ. Правда, прямыхъ указаній на это не имѣется, но такова уже особенность нашей исторіи. Погодинъ очень мѣтко объяснилъ, въ чемъ заключается отличіе Русской исторіи отъ исторіи Запада: «тамъ на всякое дѣло есть по нѣскольку героевъ, истинныхъ

---

[103] Собраніе государственныхъ грамотъ и договоровъ. Ч. 3. М. 1822. № 90.

[104] Акты, собранные Археографическою экспедиціею. Т. III. Спб. 1836. № 115.

и мнимыхъ. У насъ не найдешь часто ни одного. За самыя важныя дѣйствія не знаешь кого и благодарить, кромѣ Русскаго Бога»[105].

---

[105] Москвитянинъ. 1847 г. Кн. I. стр. 88.

ГЛАВА V.

14 марта 1627 года, всѣ Шереметевы сидѣли за обѣденнымъ столомъ у государя въ Золотой подписной палатѣ. То былъ знаменательный день празднованія Ѳедоровской иконы Божіей Матери, установленнаго въ воспоминаніе нареченія государева. По указу патріарха Филарета, въ этотъ день обыкновенно совершался «благовѣстъ въ новой болшой колоколъ, а звонъ во вся съ болшимъ колоколомъ»; къ вечерни же благовѣстили въ ревутъ[106]. Изъ бояръ, кромѣ Ѳедора Ивановича Шереметева, за столомъ у государя былъ еще князь Дмитрій Михайловичь По-

[106] Русская историческая библіотека, издаваемая Археографическою коммиссіею. Т. III. Спб. 1876. столб. 57 (Указъ трезвономъ во весь годъ). —Древняя Россійская вивліоѳика. Ч. VIII. Спб. 1775. стр. 167.

жарскій, а между Московскими дворянами на первыхъ мѣстахъ сидѣли рядомъ всѣ три племянника Ѳедора Ивановича: Иванъ Петровичъ, Василій Петровичъ и Борисъ Петровичъ Шереметевы[107].

Царь и его сотрапезники вѣроятно не одинъ разъ обращались мыслію къ царицѣ Евдокіи Лукьяновнѣ, находившейся тогда въ послѣдней порѣ беременности. Понятно, что рожденіе наслѣдника мужескаго пола, представлявшагося не только корнемъ рода, но и корнемъ государства, составляло предметъ общихъ пожеланій и надеждъ, которыя на этотъ разъ однако не оправдались: 22 апрѣля, царица разрѣшилась отъ бремени первородною дочерью Ириною.

За родильнымъ столомъ въ Грановитой палатѣ братья Шереметевы сидѣли опять рядомъ, между тестемъ государевымъ Лукьяномъ Степановичемъ Стрѣшневымъ и княземъ Андреемъ Даниловичемъ Сицкимъ.

6 мая новорожденную царевну крестили въ Чудовомъ монастырѣ. Воспріемниками были: келарь Троице-Сергіева монастыря Александръ Булатниковъ и мать царицы

[107] Дворцовые разряды. Т. I. Спб. 1850. столб. 903 и 904.

Анна Константиновна Стрѣшнева. По окончаніи богослуженія государь угощалъ своихъ придворныхъ обѣдомъ въ Золотой подписной палатѣ. Изъ бояръ за столомъ сидѣли только двое: Ѳедоръ Ивановичь Шереметевъ и князь Данила Ивановичь Мезецкій, а въ ряду дворянъ занимали свои обычныя мѣста Иванъ Петровичь, Василій Петровичь и Борисъ Петровичь Шереметевы[108].

Ровно годъ спустя, въ апрѣлѣ же мѣсяцѣ 1628 года, Шереметевы принимали участіе въ такомъ же торжественномъ празднованіи рожденія второй царевны Пелагеи Михайловны[109]. Вскорѣ послѣ крестиннаго стола, именно 28 мая, царь Михаилъ Ѳедоровичь отправился въ обычный «Троицкій объѣздъ», а въ Москвѣ оставилъ вѣдать столицу Ѳедора Ивановича Шереметева; къ нему въ товарищи назначены были: бояринъ князь Дмитрій Михайловичь Пожарскій и окольничій князь Григорій Константиновичь Волконскій, а также думный разрядный дьякъ Ѳедоръ Лихачевъ[110].

---

[108] Дворцовые разряды. Т. I. Спб. 1850. столб. 913. 914 и 922.
[109] Тамъ-же, столб. 1004. 1005 и 1009.
[110] Тамъ-же, столб. 1014 и 1015.

Какъ образчикъ переписки вѣдавшаго Москву боярина съ отсутствующимъ государемъ, его обязанностей и отношеній къ патріарху Филарету, представляемъ сохранившуюся отписку Ѳедора Ивановича Шереметева съ товарищами, писанную въ началѣ іюня 1628 года:

«Государю царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Русіи холопи твои Федка Шереметевъ съ товарыщи да Ѳедка Лихачевъ челомъ бьютъ. Іюня, государь, въ 1 день въ твоей государевѣ царевѣ и великого князя Михаила Федоровича всеа Русіи грамотѣ писано къ намъ, холопемъ твоимъ, а велѣно по Бѣлогородцкимъ и по Рыльскимъ вѣстемъ доложа отца твоего государева великого государя святѣйшего патріарха Филарета Никитича Московскаго и всеа Русіи, какъ онъ великій государь произволитъ послати по городамъ въ Бѣлгородъ и во Брянескъ къ воеводамъ твои государевы грамоты съ опалою, почему изъ Бѣлагорода про Литовскихъ людей, что стоятъ на полѣ, а изо Брянска про Рыльскіе вѣсти къ тебѣ къ государю не пишутъ, а живутъ оплошно; и велѣти князю Михаилу Козловскому изъ

Бѣлагорода тотчасъ послати станицы добрые, чтобъ про Литовскихъ людей провѣдали подлинно и языка добыли, куды Литовскихъ людей походу чаятъ и на которые городы; а изо Брянска бъ князь Романъ Пожарской про Рыльскіе вѣсти провѣдалъ подлинно жъ, куды изъ Снѣжина Литовскіе люди пошли и многіе-ль люди; и въ Путивль и въ польскіе городы къ воеводамъ про тѣ вѣсти велѣно намъ, холопемъ твоимъ, отписати, чтобъ они про то подлинно жъ провѣдали, и сами бъ воеводы въ городѣхъ жили съ великимъ береженьемъ, чтобъ Литовскіе люди и Черкасы безвѣстно не пришли и дурна какова не учинили, и къ тебѣ, государю, писали о всемъ почасту; а будетъ почаютъ тѣхъ Литовскихъ людей приходъ подъ которые твои государевы городы, и тѣмъ бы городомъ велѣть помогать и промыслъ надъ Литовскими людьми чинити; а какъ мы, холопи твои, о томъ твои государевы грамоты по городамъ пошлемъ, и намъ велѣно о томъ къ тебѣ, къ государю, отписати. И по твоей государевѣ грамотѣ отца твоего великого государя святѣйшаго патріарха Филарета Никитича Московскаго и всеа Русіи мы, холопи твои, докладывали;

и отецъ твой государевъ святѣйшій патріархъ Филаретъ Никитичь Московскій и всеа Русіи намъ, холопемъ твоимъ, сказалъ: «то дѣло ратное, а не ево государево»; а говорили бъ о томъ мы, холопи твои. И по твоему государеву указу, мы, холопи твои, въ городы къ твоимъ государевымъ воеводамъ во Брянескъ ко князю Роману Пожарскому и въ Бѣлгородъ ко князю Михайлу Козловскому твои государевы грамоты послали тово-жъ числа. А въ твоихъ государевыхъ грамотехъ писали во Брянескъ ко князю Роману Пожарскому, что онъ во Брянску живетъ оплошно и вѣстей про сборъ Литовскихъ людей и про Черкасъ и про ихъ умышленье не провѣдываетъ, пишетъ къ тебѣ, государю, изъ Рыльска воевода мимо ево князя Романа, что въ Литовской землѣ Брянскіе лазутчики переиманы и въ порубежныхъ городѣхъ Литовскіе люди и Черкасы сбираются и къ походу готовятца; а онъ тово всево не вѣдаетъ и къ тебѣ, государю, про то не пишетъ; а Брянескъ къ Литовскимъ городомъ близокъ и въ Литовскихъ въ порубежныхъ городѣхъ мочно всякихъ вѣстей провѣдати вскорѣ; и онъ бы князь Романъ тотчасъ въ

Литовскихъ въ порубежныхъ городѣхъ про сборъ Литовскихъ людей и про Черкасъ велѣлъ провѣдати всякими обычаи подлинно: многіе-ль Литовскіе и Черкасы въ Снѣжинѣ или индѣ гдѣ въ сборѣ, и куды ихъ походу чаятъ, или куда пошли, и сколь давно и о кою пору, и въ которые въ Литовскіе городы, и какіе люди и кто имянемъ для вѣстей отъ нево изо Брянска посланы, и бывали-ль тѣ лазутчики во Брянескъ, и что какихъ вѣстей про сборъ и про походъ Литовскихъ людей и про Черкасъ сказывали, да о томъ о всемъ князю Роману Пожарскому велѣно отписати къ тебѣ государю наскоро безо всякаго мотчанья. А въ Бѣлгородъ къ твоему государеву воеводѣ ко князю Михаилу Козловскому въ твоей государевѣ грамотѣ писано, а велѣно ему тотчасъ послати станицы добрые, чтобъ про тѣхъ Литовскихъ людей провѣдати подлинно и промыслъ бы надъ ними учинить, чтобъ и языка добыть и провѣдать подлинно, куда ихъ походъ чаятъ и на которые городы. А съ опалою, государь, къ нему не писали потому, что князь Михайло Козловской про Литовскихъ людей и про Черкасъ писалъ къ тебѣ къ государю тово-жъ

числа послѣ Тульскіе отписки, какъ къ тебѣ государю Тульская вѣстовая отписка отпущена. А Бѣлогородцкой гонецъ вожъ Мартынко Чеушовъ въ распросѣ намъ холопемъ твоимъ сказывалъ, что онъ пригналъ на Тулу въ четвергъ, мая въ 29 день, въ третьемъ часу дни; и князь Ѳедоръ Телятевской да Иванъ Пушкинъ, взявъ у нево вѣстовые отписки, списывали себѣ и держали ево затѣмъ на Тулѣ во весь день; а съ Тулы отпустили ево къ Москвѣ послѣ вечеренъ и дали ему подводишка худые; а съ тѣми-де Бѣлогородцкими вѣстми Тульскіе воеводы князь Ѳедоръ да Иванъ отпустили къ тебѣ государю своего гонца напередъ его съ утра. Да по твоей же государевѣ грамотѣ писали мы, холопи твои, отъ тебя государя по городамъ къ твоимъ государевымъ воеводамъ: въ Рылескъ, въ Сѣвескъ, въ Курескъ, на Осколъ, на Валуйку, на Ливны, на Елецъ; а велѣли имъ жити въ городѣхъ съ великимъ береженьемъ неоплошно, и служилые бъ люди, смотря по вѣстемъ, были съ ними сполна противъ наряду, и велѣли имъ беречи того накрѣпко и станицы посылати безпрестанно, чтобъ Литовскіе люди и Черкасы къ твоимъ

государевымъ городамъ безвѣстно не пришли и дурна какова надъ городы не учинили и уѣздовъ не повоевали; а что у нихъ про Литовскихъ людей и про Черкасъ какихъ вѣстей объявитца, и воеводамъ о всякихъ вѣстехъ велѣно писати къ тебѣ къ государю почасту; а будетъ почаютъ приходу Литовскихъ людей и Черкасъ подъ которые городы, и воеводамъ велѣно, промежъ себя ссылаясь, тѣмъ городомъ помогать ратными людьми и промыслъ надъ Литовскими людьми и надъ Черкасы дѣлати, смотря по тамошнему дѣлу, да о томъ воеводамъ велѣно писати къ тебѣ къ государю почасту жъ, чтобъ тебѣ государю про то про все было вѣдомо»[111].

Изъ приведенной отписки видно, что Ѳедору Ивановичу Шереметеву, во время его многократныхъ завѣдываній Москвою въ отсутствіи государя, когда онъ оставался въ столицѣ какъ-бы намѣстникомъ царскимъ, приходилось вести обширную переписку съ

---

[111] Подлинная отписка хранится въ Московскомъ главномъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ и сообщена въ спискѣ при письмѣ управляющаго архивомъ барона Ѳ. А. Бюлера къ графу С. Д. Шереметеву, отъ 29 декабря 1881 года. — О распоряженіяхъ Ѳедора Ивановича Шереметева по государевой грамотѣ извѣщалъ царя и патріархъ Филаретъ (Письма Русскихъ государей. Т. I. М. 1848. стр. 181).

воеводами городовъ, разбирать и провѣрять ихъ вѣстовыя отписки, снимать допросы съ гонцовъ и такъ далѣе. Кромѣ этихъ хлопотливыхъ обязанностей, Ѳедору Ивановичу, съ 1628 года, порученъ былъ еще Печатный приказъ[112], имѣвшій своимъ предметомъ удостовѣреніе подлинности грамотъ, наказовъ, указовъ, памятей, подорожныхъ и вообще всякихъ выдаваемыхъ частнымъ лицамъ актовъ, приложеніемъ къ нимъ государственной печати; а также завѣдываніе сборомъ печатныхъ пошлинъ, поступавшихъ въ присутственныя мѣста по всему государству[113].

Въ описываемое время, дѣятельность Печатнаго приказа находилась въ исключительныхъ условіяхъ, чѣмъ и объясняется, почему это второстепенное учрежденіе поручено было такому важному сановнику, какъ Ѳедоръ Ивановичъ Шереметевъ.

Дѣло въ томъ, что тотчасъ-же послѣ большаго Московскаго пожара 1626 года, во

---

[112] Древняя Россійская вивліоѳика. Изд. 2. Ч. XX. М. 1791. стр. 353.—Спиридовъ. Записки о старинныхъ службахъ Русскихъ благородныхъ родовъ. Ч. 5. стр. 140 (Рукопись императорской публичной библіотеки).

[113] Неволинъ. Полное собраніе сочиненій. Т. VI. Спб. 1859. стр. 168.—Ивановъ. Описаніе государственнаго разряднаго архива. М. 1842. Вступленіе, стр. 14 и 39.

всѣ концы Россіи разосланы были писцы и дозорщики для новаго описанія и межеванія земель и составленія писцовыхъ книгъ, сгорѣвшихъ во время пожара. Писцамъ нерѣдко приходилось ограничиваться сбивчивыми показаніями старожиловъ, часто не знавшихъ гдѣ искать не только межевыхъ знаковъ, но даже и цѣлыхъ пустошей, показанныхъ въ прежнихъ описаніяхъ. Возникало множество тяжбъ, нерѣдко кончавшихся новыми крѣпостными или полюбовными сдѣлками. Все это значительно усложняло работу Печатнаго приказа, мимо котораго не проходилъ ни одинъ крѣпостной актъ. Ѳедору Ивановичу Шереметеву, какъ первому судьѣ или начальнику приказа, очевидно, трудно было отлучаться изъ Москвы въ такую горячую пору. А между тѣмъ, именно въ это время производилось межеваніе и въ его собственныхъ вотчинахъ. Такъ, отцовскую его вотчину село Василево, Воскресенское тожъ, Московскаго уѣзда, Жданскаго стана, описывалъ и межевалъ писецъ Ѳедоръ Пушкинъ съ дьякомъ Андреемъ Строевымъ.

По описанію Пушкина, въ селѣ Воскресенскомъ на рѣчкѣ Медвѣдкѣ, находился

дворъ вотчинниковъ боярскій, въ которомъ жили прикащикъ Первой Казаковскій, конюхи и дѣловые люди, то есть работники. Въ селѣ показана церковь Воскресенія Христова съ придѣломъ Благовѣщенія Пречистыя Богородицы, «древяна вверхъ, стоитъ безъ пѣнья», то есть безъ службы. Къ селу припущены въ пашню пустоши Микитино-Козыцильская и другое Микитино, Даниловское тожъ. Въ составъ вотчины входили: деревня Мордовская, на рѣчкѣ Медвѣдкѣ, и деревня Лутошкино, на рѣчкѣ Нищенкѣ, съ припущенною къ ней въ пашню пустошью Хлѣбниковою, два селища Долгинины, да 5 пустошей: Пѣнкино на рѣчкѣ Нищенкѣ, Новинки, Медвѣдково Кортуновское, Гаврилково на рѣчкѣ Медвѣдкѣ, съ припущеннымъ къ ней въ пашню селищемъ Денисовскимъ, и Лялино на Лялинскомъ врагѣ. Всей земли въ Воскресенской вотчинѣ показано 249 четвертей въ полѣ, а въ двухъ по тому-жъ, то есть по нынѣшнему, 373 десятины съ половиною, въ томъ числѣ пашенной средней земли 61 десятина съ половиною, 261 десятина перелогу и лѣсомъ поросло, остальное (51 десятина) распахивалось наѣздомъ. Кро-

мѣ того, при вотчинѣ имѣлось непашеннаго лѣса 51 десятина и лѣса-рощи 26 десятинъ. Сѣна собиралось по всей вотчинѣ 450 копенъ.

Кромѣ вотчинникова боярскаго двора въ самомъ селѣ Воскресенскомъ, въ принадлежавшихъ къ нему двухъ деревняхъ показано 12 крестьянскихъ дворовъ и 5 бобыльскихъ.

Изъ межеваго описанія Воскресенской вотчины видно, что она прилегала къ Коломенскому уѣзду и граничила: съ пустошью Исадковою, принадлежавшею «Залѣшенину» Ѳреневу; съ землею и лѣсомъ сельца Ильинскаго, Коломенскаго уѣзда, принадлежавшаго Григорію и Ѳедору Алябьевымъ; съ пустошью Загорьемъ, Коломенскаго уѣзда, принадлежавшею Ивану Ивановичу Салтыкову; съ владѣніями Угрѣшскаго монастыря—деревней Рогачевой и пустошью Шишкиной, и наконецъ селомъ Вишневскимъ, принадлежавшимъ князю Василью Григорьевичу Ромодановскому.

Запись Пушкина оканчивается такъ: «А владѣетъ бояринъ Ѳедоръ Ивановичь Шереметевъ тою вотчиною селомъ Василевымъ, а Воскресенское тожъ, съ деревнями и съ пу-

стошами, по старымъ крѣпостемъ по мѣновнымъ отца своего боярина Ивана Васильевича Шереметева, что отецъ его, бояринъ Иванъ Васильевичь Шереметевъ Меньшой вымѣнилъ ту вотчину у вдовы Ульяны у Андреева дочери Капустина у Ивановы жены Степанова сына Мансурова, да у Өедора Григорьева сына Протасьева, въ 76 (1567—68) году»[114].

Въ первой книгѣ нашей исторіи (стр. 459) уже было объяснено, что Воскресенская вотчина, состоящая, по нынѣшнему административному дѣленію, въ Бронницкомъ уѣздѣ, давно вышла изъ рода Шереметевыхъ. Самъ Өедоръ Ивановичь Шереметевъ, въ 1645 году, отдалъ село Воскресенское съ деревнями и пустошами въ приданое своей внучкѣ, княжнѣ Прасковьѣ Никитичнѣ Одоевской, бывшей за князем Григорьемъ Сунчалѣевичемъ Черкасскимъ. Прасковья Никитична, въ свою очередь, вѣроятно дала то село въ приданое дочери, княжнѣ Еленѣ Григорьевнѣ, вышедшей за князя Юрья Юрьевича Трубецкаго,

[114] Московскій архивъ министерства юстиціи. № 9807: Книга писцовая и межевая письма и мѣры и межеванья Өедора Пушкина да дьяка Андрея Строева 135 и 136 гг., первая половина. л. 141—143. 159 и 160.

дѣда по матери графини Варвары Алексѣевны Шереметевой. Въ 1852 году, село Воскресенское состояло за княземъ Иваномъ Алексѣевичемъ Трубецкимъ, праправнукомъ князя Юрья Юрьевича[115].

Тѣ-же писцы, Θедоръ Пушкинъ и Андрей Строевъ, въ періодъ времени между 1626 и 1628 годами, описывали земли и въ Медвенскомъ станѣ, Московскаго уѣзда, и между прочимъ, село Саларево, Солословлево тожъ, пожалованное Θедору Ивановичу Шереметеву за Московское осадное сидѣніе въ королевичевъ приходъ. Въ селѣ Саларевѣ, на рѣчкѣ Медвенкѣ, показано «мѣсто церковное, что была церковь преподобнаго Сергія Чудо-

---

[115] Нистремъ. Указатель селеній и жителей уѣздовъ Московской губерніи. М. 1852. стр. 192. — Въ началѣ XVIII вѣка, село Василево, Воскресенское тожъ, почему-то состояло во владѣніи графа Θедора Матвѣевича Апраксина, какъ это видно изъ дѣлъ бывшей Печатной конторы. Тамъ записана «Копія изъ Вотчинной конторы съ межевыхъ писцовыхъ книгъ 136 и 137 годовъ, выданная генералу адмиралу и кавалеру графу Θедору Матвѣевичу Апраксину по его челобитью, что ему дана на вотчину его въ Московскомъ уѣздѣ, въ Жаденскомъ (такъ!) стану, село Василево, Воскресенское тожъ, которая написана за бояриномъ Θедоромъ Ивановичемъ Шереметевымъ; пашни, по отказной его графа Θедора Матвѣевича наказной памяти, какова ему запечатана въ 706 году октября 15 числа, на 249 четвертей въ полѣ, а въ дву по тому жъ, впредь для владѣнія» (Дѣла бывшей Печатной конторы, хранящіяся въ Московскомъ архивѣ министерства юстиціи. Пошлинная 1724 г. Кн. № 713. стр. 189).

творца», да 6 крестьянскихъ дворовъ и 7 бобыльскихъ. Къ селу принадлежало 9 пустошей: Бабино на врагѣ, Лапка, Бѣлково, Плешково, Пучнино на рѣчкѣ Медвенкѣ, Смолково — Яковлево тожъ, Обрамово на рѣчкѣ Медвенкѣ, Ѳокина на рѣчкѣ Медвенкѣ, и Оѳремовская. Всей земли по Саларевской вотчинѣ написано во всѣхъ трехъ поляхъ 1032 четверти или нынѣшнихъ 516 десятинъ, изъ нихъ 229 десятинъ доброй земли и 287 десятинъ средней земли. Кромѣ того, въ вотчинѣ находилось 37 десятинъ непашеннаго лѣса, а сѣна по рѣкѣ Медвенкѣ, по оврагамъ и за Москвою рѣкою на Дубенскомъ долу накашивалось 457 копенъ.

ГЛАВА VI.

Въ Медвенскомъ же станѣ Пушкинъ и Строевъ описывали смежныя съ Саларевскою вотчиною три пустоши Ивана Петровича Шереметева, доставшіяся ему отъ тестя его, дьяка Елизарья Вылузгина, а именно: Бронниково на врагѣ, Поварово—Поварская тожъ и Захарово на прудѣ. Вся земля въ этихъ пустошахъ показана среднею, въ количествѣ 78 четвертей (въ трехъ поляхъ) или 39 десятинъ; кромѣ того, 12 десятинъ пашеннаго лѣса и 35 копенъ сѣна. Пушкинъ называетъ три поименованныя пустоши «Елизарьевской вотчиной Вылузгина», поясняя, что она «написана за Иваномъ Шереметевымъ по его сказкѣ, какову онъ, Иванъ, прислалъ къ писцамъ за своею рукою; а го-

сударевы грамоты и никакія крѣпости на ту вотчину не положилъ».

Изъ межеваго описанія Саларевской вотчины видно, что она также граничила и съ вотчинною землею Ивана Петровича Шереметева въ Звенигородскомъ уѣздѣ, съ деревнею Уборы и пустошью Дубецъ: «А межа вотчины боярина Ѳедора Ивановича Шереметева села Саларева съ вотчинною землею Ивана Петровича Шереметева въ Звенигородскомъ уѣздѣ деревни Уборъ — лугъ, что за Москвою рѣкою у Дубецкаго брода; отъ Дубецкаго брода Звенигородскою дорогою мимо лощинки до проточины и куста ивоваго, а у куста яма съ угольемъ и каменьемъ: на-право земля и лѣсъ боярина Ѳедора Ивановича Шереметева лугу Дубецкаго, а на-лѣво земля и лѣсъ Ивана Петровича Шереметева деревни Убору. Далѣе, отъ ямы и отъ куста и отъ дороги Звенигородской направо въ крутѣ проточиною до озерка Дубецкаго, у котораго яма съ каменьемъ, черезъ озерко на проточину, на кустъ ивовый, а подъ нимъ яма съ каменьемъ, опять на проточину до озерка на государевой землѣ Быкова села: направо земля и лѣсъ боярина Ѳедора Ивано-

вича Шереметева Дубецкаго лугу, а на-лѣво земля и лугъ Ивана Петровича Шереметева пустоши Дубца». Съ другихъ сторонъ Саларевская вотчина граничила съ вотчиною вдовы Ирины Григорьевны Пушкиной сельцомъ Озаровымъ, Лапино тожъ, съ вотчиною Саввинскаго монастыря пустошью Савковою и съ помѣстьемъ Василія и Ивана Аргамаковыхъ деревнею, что̀ было село, Сарыево[116].

Изъ Медвенскаго стана Пушкинъ и Строевъ перешли въ сосѣдній Сѣтунскій станъ, отдѣлявшійся отъ Медвенскаго рѣчкою Медвенкою съ городищемъ на ея устьѣ[117]. Ближайшая къ этой границѣ вотчина въ Сѣтунскомъ станѣ, село Бузаево, принадлежала Ивану Петровичу Шереметеву и поступила къ нему также отъ тестя Вылузгина. Въ описаніи Пушкина и Строева читаемъ о Бузаевской вотчинѣ слѣдующее: «За Иваномъ Петровичемъ Шереметевымъ, что̀ была вотчина дьяка Елизарья Вылузгина, село Бузаево, на

[116] Московскій архивъ министерства юстиціи: Книга писцовая и межевая письма и мѣры и межеванья Θедора Пушкина да дьяка Андрея Строева. 135 и 136 годы, первая половина (№ 9807 архивн. описи). Л. 760—762. 767. 774 (на оборотѣ). 775—778.

[117] Забѣлинъ. Кунцово и древній Сѣтунскій станъ. М. 1873. стр. 135.

рѣкѣ на Москвѣ, пусто; а въ селѣ церковь Живоначальныя Троицы, ветха, обвалилась». Далѣе названы входившія въ составъ вотчины 10 пустошей: Борокъ при прудѣ у Москвы-рѣки, Мамонино на рѣчкѣ Вшивкѣ, Копцово—Коптево тожъ, Широносово, Сигово и Сапогово—всѣ четыре на рѣчкѣ Взлезнѣ; Лаговкина, Григорово—Ивашево тожъ, Хлопово и Гнетнево. Вся земля въ Бузаевской вотчинѣ показана среднею и въ количествѣ 507 четвертей по тремъ полямъ, то есть по нынѣшнему, 253 десятины съ половиною, изъ нихъ: 213 десятинъ перелогу и лѣсомъ поросло, остальное (40 десятинъ съ половиною) наѣзжей пашни; кромѣ того, 32 десятины непашеннаго лѣсу-бору, а сѣна собиралось по Москвѣ-рѣкѣ 200 копенъ и въ пустошахъ 130 копенъ. Писцы поясняютъ въ заключеніи, что и Бузаевская вотчина «написана за Иваномъ Петровичемъ Шереметевымъ по его сказкѣ, какову онъ прислалъ къ нимъ, писцамъ, за своею рукою» и что «государевы грамоты и никакія крѣпости на тое вотчину не положилъ»[118].

[118] Московскій архивъ министерства юстиціи: Книга писцовая и межевая письма и мѣры и межеванья Пушкина и Строева. 135 и 136 годы, первая половина (№ 9807 архивн. описи). Л. 833—835.

Болѣе точное установленіе границъ поземельныхъ владѣній и ихъ перепись имѣли, между прочимъ, ту выгоду, что привели наконецъ въ извѣстность, такъ называемыя, порозжія земли, состоявшія нѣкогда въ помѣстьяхъ за служилыми людьми, но уверстанныя за неявку послѣднихъ на службу, а затѣмъ оставшіяся какъ-бы забытыми всѣми. Такіе участки порозжей земли открыты были писцомъ Лаврентьемъ Кологривовымъ и на границахъ Кусковской вотчины, именно двѣ пустоши, состоявшія нѣкогда въ помѣстьи за Михаиломъ и Романомъ Шокуровыми: пустошь Домрачѣево на суходолѣ, съ 22½ десятинами средней земли (перелогомъ и лѣсомъ поросло) и 4 десятинами пашеннаго лѣса, да пустошь Тіуново-Жулебино — Онофріево сельцо тожъ, на рѣчкѣ Выхонкѣ, съ 150 десятинами (перелогомъ-же и лѣсомъ поросло) и съ 4-мя десятинами пашеннаго лѣса. Обѣ пустоши округляли Кусковскую дачу, и Ѳедоръ Ивановичь Шереметевъ, еще до большаго Московскаго пожара, рѣшился купить ихъ изъ Помѣстнаго приказа. Но когда присланные по государеву указу писцы Григорій Алексѣевичь Загряжскій и Елизарій Михай-

ловъ приступили къ межеванію тѣхъ пустошей, у Шереметева возникъ споръ изъ-за межи съ сосѣдями: Юрьемъ и Степаномъ Телепневыми, владѣльцами сельца Косина и съ братьями Свіязевыми, владѣльцами деревни Волохово — Борки тожъ. Дѣло окончательно рѣшилось лишь въ августѣ 1629 года, когда Ѳедору Ивановичу Шереметеву выдали изъ Помѣстнаго приказа купчую крѣпость на обѣ пустоши и взяли за нихъ 38 рублей 11 алтынъ и 2 деньги[119]. Споръ этотъ можетъ служить примѣромъ того, какъ трудно было въ то время производить межеваніе и рѣшать тяжбы о межахъ, потому что зачастую приходилось ограничиваться исключительно сказками окрестныхъ крестьянъ и старожиловъ, до крайности сбивчивыми и неопредѣленными.

Прежде всего спрошены были крестьяне Шереметевской деревни Выхиной: Илюшка Тарасовъ, Ѳѳремко Яковлевъ и Тимошка Гавриловъ, такъ какъ они подъ присягой заявили, что знаютъ старыя межи пустошей Домрачеевой и Тіуновой съ сельцомъ Косинымъ — Телепневыхъ, а также съ деревнею

---

[119] Архивъ графа С. Д. Шереметева. № 531.

Волоховымъ—Свіязевыхъ, «а слыхали-де они про тѣ старыя межи отъ старожильца вотчины боярина Ѳедора Ивановича Шереметева отъ крестьянина Евтюшки Петрова, а тотъ-де крестьянинъ былъ лѣтъ съ семьдесятъ и больше». Названные крестьяне повели писцовъ Загряжскаго и Михайлова по старымъ межамъ съ дороги Каменки налѣво, указавъ имъ по пути на пять старинныхъ межевыхъ ямъ. Но слѣдовавшіе тутъ-же Телепневскіе крестьяне сказали, что «тѣ ямы не старыя межевыя, а жгли-де въ нихъ уголье на продажу крестьяне изъ стараго села Косина на своей землѣ; въ удостовѣреніе чего просили допросить Шереметевскихъ крестьянъ: «есть ли въ тѣхъ ямахъ уголье или каменье или кости»? Тѣ отвѣчали: «есть ли въ ямахъ уголье и каменье и кости, то они не вѣдаютъ, только-де въ тѣхъ ямахъ въ старину уголье на продажу не жигали».

Загряжскій и Михайловъ велѣли копать ямы. Уголье и каменье нашли только въ трехъ ямахъ, ближайшихъ къ дорогѣ каменкѣ. «Тѣ ямы не старинная межа, — заявили Телепневскіе крестьяне, — старинную межу пустошей Домрачеевой и Тіуновой съ

сельцомъ Косинымъ мы знаемъ: она идетъ по дорогѣ по каменкѣ до рѣчки до Выхонки». Затѣмъ Телепневскіе крестьяне повели писцовъ отъ березоваго пня прямо къ рѣчкѣ Выхонкѣ дорогою по каменкѣ. По пути попадались только малыя ямки отъ пашни; никакихъ другихъ признаковъ и граней не оказалось. Телепневцы указали на спорной землѣ только на старыя печища, увѣряя, что «тѣ печища пустоши Слободки», принадлежавшей къ селу Косину.

Шереметевскіе же крестьяне показали, что «тое Слободку поставилъ Борисъ Годуновъ, какъ былъ въ правителехъ, на Жулебинской и на Домрачеевской землѣ; а было-де въ той Слободкѣ 11 дворовъ за дорогою каменкою, а на другой сторонѣ дороги каменки промежъ Гжельской дороги были гумна той же Слободки крестьянъ, и ямы знатьны».

Телепневцы возразили, что гумна въ Слободкѣ были позади дворовъ, а не за дорогою каменкою. И дѣйствительно, позади дворовыхъ мѣстъ нашли одну овинную яму.

По измѣреніи всей спорной земли съ Телепневыми оказалось 12 десятинъ да лѣсу непашеннаго полторы десятины.

Та-же исторія повторилась и на участкѣ во 100 десятинъ, состоявшемъ въ спорѣ съ братьями Свіязевыми. Писцовъ сопровождали тѣ-же самые Шереметевскіе крестьяне-старожильцы; а со стороны Свіязевыхъ, вмѣстѣ съ крестьянами, явился еще племянникъ владѣльцевъ, Ѳедоръ Свіязевъ; кромѣ того приглашенъ былъ еще служка Симонова монастыря, владѣнія котораго прикасались къ спорной землѣ.

Шереметевскіе крестьяне повели писцовъ опять дорогою каменкою по правую сторону и остановясь у ямы, что̀ близъ сосны, сказали, что «та яма изстари старинная межа». Яму раскопали и нашли тамъ уголье. Пошли потомъ дорожкою на-право «къ лежачей гнилой березѣ». По объясненію Шереметевскихъ крестьянъ, та береза лежитъ на прямомъ межникѣ. Ѳедоръ Свіязевъ и крестьяне его дядей возразили, что береза лежитъ на пашенной межѣ, а не на старинной. Далѣе подошли къ большой ямѣ. Шереметевскіе крестьяне сказали, что та яма старая межа. «Да эта яма волчья, а не межевая, — возразилъ Ѳедоръ Свіязевъ съ крестьянами, — такихъ большихъ ямъ писцы

на межахъ не копаютъ». Разрыли и эту яму и нашли въ ней 8 камней да брусъ. Споря такимъ образомъ у каждой ямы, встрѣчавшейся по пути, дошли наконецъ до большой Гжельской дороги; пройдя нѣсколько по большой дорогѣ, Шереметевскіе крестьяне повели писцовъ озимымъ полемъ къ дорожкѣ и, остановившись у липы съ гранью, сказали, что ту грань положилъ писецъ Лаврентій Кологривовъ. Служка Симонова монастыря Василій Лукьяновъ подтвердилъ, что та грань на обчей дорогѣ: на-право земля пустошная, чтò покупаетъ бояринъ Ѳедоръ Ивановичь Шереметевъ въ вотчину, а на лѣвой сторонѣ земля Симонова монастыря пустоши Остѣевой.

Ѳедоръ Свіязевъ съ крестьянами ударилъ челомъ писцамъ, что-де боярина Ѳедора Ивановича Шереметева крестьяне вели не прямою дорогою, а старую-де межу они знаютъ, и вели по ней писца Лаврентія Кологривова. Пошли за Свіязевымъ и его крестьянами, и всѣ ямы оказались непоновливаны. Загряжскій и Михайловъ спросили Свіязева: «Колиде писецъ Кологривовъ ѣхалъ по тѣмъ ямамъ, почему онъ тѣхъ ямъ не понавливалъ»? Тотъ отвѣчалъ, что ямы не понавли-

ваны потому, что его дядья не били о томъ челомъ Кологривову, такъ какъ въ тѣ поры спору не было. Слѣдуя далѣе за Гжельскою дорогою къ каменкѣ, писцы замѣтили, что по пути «натесываны натесы новые и верчены китки»[120]. Шереметевскіе крестьяне объяснили писцамъ, что тѣ китки вертѣли и натесы натесывали сами же Свіязевскіе крестьяне[121].

Споръ рѣшился въ пользу Ѳедора Ивановича Шереметева, какъ это можно судить по вышеупомянутой купчей крѣпости на спорныя пустоши, отъ 3 августа 1629 года. Пустошь Тіуново-Жулебино — Онофріево сельцо тожъ, нынѣ деревня Жулебина, принадлежитъ къ Кусковской вотчинѣ и въ настоящее время.

Въ сентябрѣ 1628 года, когда писцы Пушкинъ и Строевъ уже оканчивали межеваніе и описаніе подмосковныхъ вотчинъ Ѳедора Ивановича Шереметева и его племянника Ивана Петровича, въ самой Москвѣ происходили встрѣчи и угощенія вновь при-

[120] Китка, кита — витушка изъ хворосту или соломы.

[121] Московскій архивъ министерства юстиціи: Списокъ съ писцовой и межевой книги Московскаго уѣзда разныхъ годовъ (№ 701 архивн. описи). Л. 1196—1205.

бывшихъ Персидскихъ пословъ, купчинъ Мирмахтуя Мааметева и Юсупа Ахметева. На этотъ разъ они прибыли къ царю Михаилу съ жалобою своего повелителя, шаха Аббаса, на нашего посла въ Персіи, князя Григорія Тюфякина, прогнѣвившаго шаха, между прочимъ тѣмъ, что за столомъ не допилъ своей чаши, когда пили шахово здоровье, и отказывался явиться ко двору въ томъ платьѣ, которое было подарено ему шахомъ. Царь Михаилъ Ѳедоровичь, дорожившій дружбою съ могущественнымъ Аббасомъ, который въ трудныя минуты ссужалъ его даже деньгами, возложилъ опалу на князя Тюфякина, отобравъ у него помѣстья и вотчины[122]. 14 сентября, посламъ Аббаса дана была въ Золотой подписной палатѣ торжественная аудіенція, на которой присутствовалъ и Ѳедоръ Ивановичь Шереметевъ съ своими племянниками, за исключеніемъ Василія Петровича. Самъ государь былъ въ полномъ царскомъ одѣяніи, а всѣ придворные въ золотѣ[123]. По отпускѣ шаховыхъ пословъ, государь отправился въ

---

[122] Русская лѣтопись, по Никонову списку. Ч. VII. Спб. 1791. стр. 254.

[123] Дворцовые разряды. Т. II. Спб. 1851. столб. 3—8.

обычный Троицкій походъ къ празднику Чудотворца Сергія, взявъ съ собою, въ числѣ другихъ, и Бориса Петровича Шереметева; а Ѳедоръ Ивановичь былъ оставленъ вѣдать столицу[124]. Между тѣмъ, дворцовый плотничій староста Исаевъ продолжалъ обстроивать царскія хоромы, и 23 ноября государь справлялъ новоселье во вновь срубленной имъ брусяной столовой избѣ, кушавъ въ ней въ тѣсномъ кругу близкихъ людей. Изъ бояръ были только трое: князь Иванъ Борисовичь Черкасскій, Ѳедоръ Ивановичь Шереметевъ и Семенъ Васильевичь Головинъ. Въ ряду дворянъ сидѣлъ также Иванъ Петровичь Шереметевъ. По обычаю, приглашенные къ столу били челомъ государю на новосельи хлѣбомъ-солью и соболями[125].

Конецъ 1628 года и начало 1629 прошли въ тревожномъ ожиданіи исхода беременности царицы Евдокіи Лукьяновны. 10 марта 1629 года, Богъ «простилъ царицу», даровавъ ей, къ общей радости, чадо мужескаго пола, давно желаннаго наслѣдника престола:

---

[124] Дворцовые разряды. Т. II. Спб. 1851. столб. 9. 11 и 12.
[125] Забѣлинъ. Домашній бытъ Русскихъ царей. Ч. I. М. 1862. стр. 55.

явился на свѣтъ царевичь Алексѣй, «егоже ради рожденія велія радость сотворися»[126].

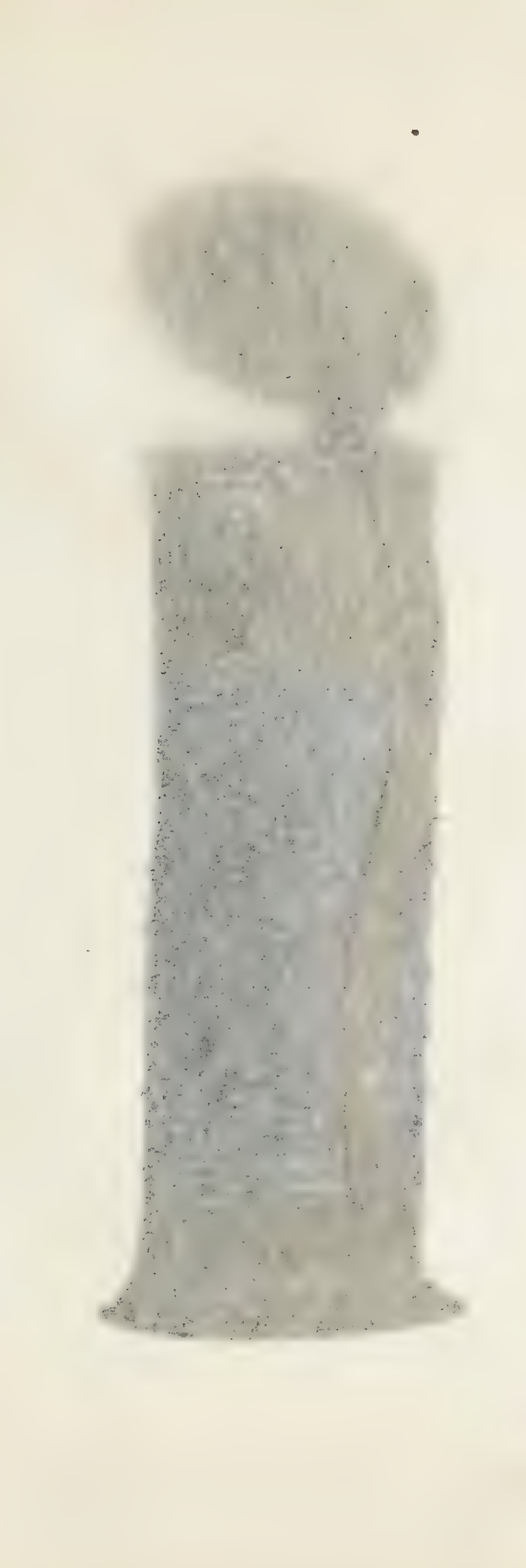
На третій день у государя былъ родильный столъ въ Грановитой палатѣ. У стола были патріархъ Филаретъ Никитичь и трое бояръ: князь Иванъ Борисовичь Черкасскій, Ѳедоръ Ивановичь Шереметевъ и Семенъ Васильевичь Головинъ. Иванъ Петровичь, Василій Петровичь и Борисъ Петровичь Шереметевы занимали свои мѣста въ ряду дворянъ Московскихъ[127].

22 марта, утромъ, изъ государева двора открылось торжественное шествіе въ Чудовъ монастырь для крещенія царевича. Четверо Шереметевыхъ окружали колыбель будущаго тишайшаго царя Алексѣя Михайловича. Всѣ они, именно Ѳедоръ Ивановичь съ тремя племянниками, по указу государя, шли у каптаны, то есть у возка съ опущенными тафтяными завѣсами, въ которомъ везли новорожденнаго царевича. Послѣ крещенія, совершеннаго въ трапезѣ у Алексѣя Чудотворца государевымъ духовникомъ Благовѣ-

---

[126] Новый лѣтописецъ, по списку князя Оболенскаго. М. 1853. стр. 189.

[127] Дворцовые разряды. Т. II. Спб. 1851. столб. 41.



[illegible] Семенъ [illegible] Петровичъ, [illegible]

[illegible] шествие въ Чудовъ [illegible] для крещения царевича. Четверо Шереметевыхъ окружали колыбель буду- [illegible] они, имени [illegible] никами. [illegible] везли [illegible] крещенія. [illegible] Чудо- [illegible] Благовѣ-

[illegible] князя Оболенскаго [illegible]

[illegible] 1851 [illegible]

3 вершка

щенскимъ протопопомъ Максимомъ Максимовымъ, причемъ воспріемникомъ опять былъ Троицкій келарь старецъ Александръ Булатниковъ, каптана съ царевичемъ тѣмъ-же порядкомъ возвратилась во дворецъ, а участвовавшіе въ церемоніи приглашены были государемъ къ крестинному столу, накрытому въ столовой избѣ. Кушалъ у государя и патріархъ со властьми[128]. Послѣ обѣда власти благословляли царевича образами, а потомъ приносили ему дары вмѣстѣ съ боярами и прочими чинами. Дары отъ бояръ и большихъ властей принималъ самъ царь, а отъ прочихъ — ближніе люди.

Ѳедоръ Ивановичъ Шереметевъ поднесъ отъ себя царевичу Алексѣю каменную кружку, которая, въ описи царской казны, составленной въ 1640 году, оцѣнена въ 60 рублей и описана такъ: «вѣнецъ, и кровля, и дуга, и поддонъ серебряно, золочено, рѣзное; на кровлѣ на верху вычеканена личинка; подъ вѣнцомъ и выше поддона чеканены личины да травы; середка оправлена серебромъ сканнымъ, незолоченнымъ»[129].

---

[128] Дворцовые разряды. Т. II. Спб. 1851. столб. 51 и 52.

[129] Викторовъ. Описаніе записныхъ книгъ и бумагъ старин-

Кружка эта до сихъ поръ хранится въ Московской Оружейной палатѣ.

ныхъ дворцовыхъ приказовъ 1584—1725 г. Вып. I. М. 1877. № 4. стр. 29. — Весьма подробное описаніе упомянутой кружки (№ 2547) находится въ описи Московской Оружейной палаты. Ч. II. Кн. 3. л. 74. № 13. Эта опись составлена въ 1865 году Г. Д. Филимоновымъ, который объяснилъ намъ и клейма, мелко выбитыя снизу кружки на поддонѣ: на одномъ клеймѣ изображена сосновая шишка — марка города Аугсбурга; на другомъ клеймѣ два креста, изъ коихъ одинъ согнутъ внизъ — марка неизвѣстнаго мастера.

Въ Оружейной палатѣ хранятся еще два кубка (№ 1131 и 1135), изъ коихъ у каждаго снизу на поддонѣ вырѣзана надпись: «кубокъ боярина Ѳеодора Ивановича Шереметева». Кому именно и когда поднесены были эти кубки — изъ документовъ и описей не видно. Оба кубка тщательно описаны въ той-же описи Г. Д. Филимонова (Ч. II. Кн. 1. л. 422 и 425 на оборотѣ).

ГЛАВА VII.

Два мѣсяца спустя послѣ рожденія царевича Алексѣя, именно 8 мая 1629 года, царь Михаилъ Ѳедоровичь отправился молиться къ Николѣ на Угрѣшу, сопровождаемый, между прочими, тремя братьями Шереметевыми, Иваномъ Петровичемъ, Василіемъ Петровичемъ и Борисомъ Петровичемъ. По пути царскій поѣздъ опять останавливался недалеко отъ Кускова, при деревнѣ Гравороновой. На берегахъ рѣчки Голядей, какъ и прежде, раскинуты были шатры, въ которыхъ государь кушалъ съ своею свитою[130].

Затѣмъ, 16 іюня царь Михаилъ ходилъ, по обѣщанію, въ Троице-Сергіевъ монастырь; на этотъ разъ съ государемъ была вся его

[130] Дворцовые разряды. Т. II. Спб. 1851. столб. 67 и 68.

семья: старица Мароа Ивановна, царица Евдокія Лукьяновна, царевна Ирина, а также новорожденный царевичь Алексѣй Михайловичь. Въ свитѣ государя находился и Θедоръ Ивановичь Шереметевъ съ двумя племянниками Василіемъ и Борисомъ[131]. Путешествіе это прерывалось большими остановками, такъ что къ Троицѣ царственные богомольцы прибыли лишь наканунѣ Петрова дня. Во все время «путнаго шествія», государь ежедневно пересылался съ Филаретомъ Никитичемъ письмами и записками, наполненными обоюдными пожеланіями тѣлеснаго здравія и душевнаго спасенія[132]. Отъ времени до времени патріархъ пересылалъ на разрѣшеніе государя получаемыя съ Литовскаго рубежа отписки о тамошнихъ вѣстяхъ и о посольскомъ дѣлѣ. Такъ, при письмѣ отъ 20 іюня, Филаретъ отправилъ двѣ отписки изъ Вязьмы о томъ, что къ порубежной заставѣ пріѣзжали Литовскіе люди и говорили о посланникахъ, что будутъ-де къ рубежу и что мостъ для нихъ уже мостятъ. Вяземскіе воеводы Алексѣй Головинъ и Иванъ

---

[131] Дворцовые разряды. Т. II. Спб. 1851. столб. 70—72.
[132] Письма Русскихъ государей. Т. I. М. 1848. стр. 200—225.

Благой спрашивали, какъ имъ поступить въ томъ случаѣ, «если Литовскіе посланники упрямствомъ, для задору, учнутъ приходить къ Вяземской заставѣ сильно, или учнутъ обходить дальними дорогами или стежками». До окончанія Деулинскаго перемирія оставалось еще два съ половиною года и до истеченія этого срока не имѣлось въ виду вступать въ какіе либо переговоры съ Литовцами, а потому государь отвѣтилъ Филарету, что онъ уже послалъ Вяземскимъ воеводамъ указъ не принимать Литовскихъ посланниковъ; а если придутъ силою, воротить назадъ, не давая ни подводъ, ни кормовъ. Государь поручалъ патріарху подтвердить Вяземскимъ воеводамъ отнюдь не пропускать Литовцевъ къ Москвѣ, ни о чемъ съ ними не говорить, не драться съ ними и «быть со остереганіемъ, чтобъ они изгономъ и украдомъ дурна какова не учинили»[133]. Очевидно, что Вяземскія отписки были разсматриваемы Ѳедоромъ Ивановичемъ Шереметевымъ и отвѣты по нимъ составлялись именно подъ его руководствомъ, такъ какъ въ то время при государѣ, въ Троицкомъ походѣ, кромѣ

[133] Письма Русскихъ государей. Т. I. М. 1848. № 267.

его изъ бояръ былъ только Семенъ Васильевичь Головинъ, который никогда не имѣлъ никакихъ порученій по Литовскимъ дѣламъ. Уклоняясь отъ переговоровъ съ Литовцами до истеченія перемирныхъ лѣтъ, Московское правительство, вмѣстѣ съ тѣмъ, строго соблюдало условія Деулинскаго перемирія, подтвержденіемъ чему можетъ служить отвѣтъ, данный послу Шведскаго короля Густава II Адольфа, Федулу Фастаму, прибывшему въ Москву, вскорѣ послѣ рожденія царевича Алексѣя, съ предложеніемъ помочь Шведамъ противъ Польскаго короля. Послу отвѣтили: «Царь Московскій съ Польскимъ королемъ въ миру, а въ Христіанскомъ государствѣ того не повелося, чтобы нарушить крестное цѣлованіе; а какъ перемирныя лѣта выдутъ, и государь тотчасъ не потерпитъ своему недругу»[134].

Въ годъ рожденія царевича Алексѣя Михайловича пріѣзжалъ въ Москву «Французжскаго Лодвика короля посолъ Нѣмчинъ Лодвикъ Курмененъ». Это было первое Француз-

---

[134] Русская лѣтопись, по Никонову списку. Ч. VII. стр. 255. — Новый лѣтописецъ, по списку князя Оболенскаго. М. 1853. стр. 189 и 190.

ское посольство въ Россію. Курмененъ прибылъ въ Москву черезъ Дерптъ и Псковъ. Онъ имѣлъ порученіе выразить царю Михаилу желаніе короля Людовика XIII быть въ вѣчной дружбѣ съ Россіей и установить съ нею торговыя сношенія. Переговоры съ посломъ велъ князь Иванъ Борисовичь Черкасскій, а участіе во всемъ этомъ дѣлѣ Ѳедора Ивановича Шереметева, какъ видно изъ документовъ, выразилось лишь въ томъ, что 29 октября, онъ, подобно другимъ боярамъ, выставилъ за Тверскіе ворота, для торжественной встрѣчи посла, и своихъ 17 человѣкъ дворовыхъ людей на коняхъ и въ цвѣтномъ одѣяніи, по посольскому обычаю. Большее число дворовыхъ выставили только двое: князь Иванъ Борисовичь Черкасскій и князь Иванъ Ивановичь Шуйскій, первый 25 человѣкъ, второй — 21 человѣка[135]. Выставка людей на посольскую встрѣчу обходилась очень дорого, а Ѳедоръ Ивановичь Шереметевъ отправлялъ эту повинность почти каждый разъ. Такъ, въ февралѣ 1630 года, онъ выставилъ на встрѣчу новаго Шведскаго посла Антона Монира 16 дворовыхъ, а въ маѣ того-же года,

[135] Дворцовые разряды. Т. II. Спб. 1851. столб. 97.

на встрѣчу Турецкаго посла Ѳомы Кантакузина и Венгерскихъ пословъ — по 20-ти человѣкъ[136].

Пріѣздъ новаго Шведскаго посла въ Москву совпадаетъ съ тѣмъ знаменательнымъ моментомъ раздиравшей въ то время Западную Европу, такъ называемой, тридцатилѣтней войны католиковъ съ протестантами, когда Густавъ Адольфъ рѣшился наконецъ выступить на защиту протестантскихъ князей Германіи и самой протестантской церкви, доведенныхъ до конечной гибели побѣдами знаменитаго вождя цесарскихъ войскъ, герцога Валленштейна. Для большаго успѣха въ этомъ предпріятіи, Густавъ Адольфъ заключилъ перемиріе съ Польскимъ королемъ, что̀ давало ему возможность обратить всѣ свои силы на цесаря. Послу Мониру поручено было извѣстить царя Михаила о заключенномъ съ Польшею перемиріи и, вмѣстѣ съ тѣмъ, просить дозволенія купить въ Россіи безпошлинно хлѣбъ, крупу, смолу и селитру.

Государь принималъ Шведскаго посла 17 февраля. Всѣмъ придворнымъ указано было быть въ золотѣ, а переговаривать съ посломъ

[136] Дворцовые разряды. Т. II. Спб. 1851. столб. 115. 136 и 138.

назначены бояре: князь Иванъ Борисовичь Черкасскій, князь Иванъ Ивановичь Шуйскій, князь Дмитрій Мамстрюковичь Черкасскій, Өедоръ Ивановичь Шереметевъ, князь Юрій Еншеевичь Сулешевъ и Василій Петровичь Морозовъ. Въ разрядной росписи, въ числѣ Московскихъ дворянъ, назначенныхъ присутствовать при пріемѣ посла, записанъ и Иванъ Петровичь Шереметевъ, но противъ его имени стоитъ отмѣтка: «отпущенъ», точно также какъ противъ Ивана Никитича Романова написано: «болѣнъ»[137]. По указу государя, Өедоръ Ивановичь Шереметевъ и прочіе бояре, назначенные «быть въ отвѣтѣ», говорили послу Мониру, что царь не сердится на короля за перемиріе съ Польшею, потому что оно заключено по нуждѣ; что же касается до просьбы королевской о безпошлинной покупкѣ хлѣба, то хотя бы и не довелось дозволять этого, потому что въ Московскомъ государствѣ въ нынѣшнемъ году хлѣбу недородъ, но для дружбы и любви, государь разрѣшаетъ купить безпошлинно 75.000 четвертей ржи и 4000 четвертей проса. Дозволено также ку-

---

[137] Дворцовые разряды. Т. II. Спб. 1851. столб. 837—840.

пить 200 бочекъ смолы, равно какъ и селитры, гдѣ сыщутъ[138].

По какому случаю Иванъ Петровичь Шереметевъ былъ «отпущенъ» или уволенъ отъ службы — неизвѣстно. Должно полагать, что именно въ это время онъ лишился своей первой супруги, Марьи Елизаровны, рожденной Вылузгиной[139]. Вдовство Ивана Петровича Шереметева продолжалось до 1634 года, когда онъ сочетался вторымъ бракомъ съ вдовою Богдана Нагого, Мароой Васильевной, рожденной княжной Волконской-Веригиной[140]. За второю женою Иванъ Петровичь получилъ въ приданое «дворъ въ Москвѣ, въ Богоявленскомъ переулкѣ», да въ Муромскомъ

---

[138] Соловьевъ. Исторія Россіи. Т. IX. М. 1859. стр. 181 и 182.

[139] Имя первой жены Ивана Петровича Шереметева, дочери думнаго дьяка Елизара Вылузгина, мы узнали наконецъ изъ поколѣнной росписи, найденной въ Московскомъ архивѣ министерства юстиціи (Вотчинной коллегіи по городу Москвѣ, «молодыхъ лѣтъ», книга № 65, дѣло № 18. л. 137), а также изъ находящейся въ томъ-же дѣлѣ сенатской справки 1713 г. л. 142.

[140] Родъ князей Волконскихъ-Веригиныхъ прекратился еще въ XVII столѣтіи. Его послѣднимъ представителемъ былъ двоюродный братъ Мароы Васильевны Шереметевой, окольничій князь Василій Богдановичь, скончавшійся бездѣтнымъ. Отецъ Мароы Васильевны, князь Василій Өедоровичь Волконскій-Веригинъ не имѣлъ сыновей. У него были только двѣ дочери. Другая дочь Марья (жена Павла Сомова), приходится бабкой первой женѣ фельдмаршала Бориса Петровича Шереметева, Евдокіи Алексѣевнѣ, рожд. Чириковой.

уѣздѣ, въ Дубровскомъ станѣ, сельцо Пертово съ деревнями и съ пустошами; а ея «прожиточное» помѣстье въ Романовскомъ уѣздѣ, въ Васильевскомъ станѣ, деревню Веригину, Неврюево тожъ[141], съ деревнями и пустошами, всего 332 четверти, купилъ въ вотчину[142].

Необходимо замѣтить, что послѣ того, какъ отпущенъ былъ со службы Иванъ Петровичъ Шереметевъ, ни его имени, ни именъ братьевъ его, Василья и Бориса Петровичей, не встрѣчается въ разрядныхъ росписяхъ въ теченіи четырехъ лѣтъ: съ 1630 по 1633 годъ включительно[143]. Между тѣмъ, за все это время они вносились изъ года въ годъ въ списки комнатныхъ дворянъ и дьяковъ, которымъ государь повелѣлъ видѣть свои госу-

---

[141] См. вторую книгу нашей исторіи. стр. 367 и 369.

[142] Московскій архивъ министерства юстиціи: Вотчинной коллегіи по городу Москвѣ, «молодыхъ лѣтъ», книга № 65, дѣло № 18. л. 131 и 138.

[143] Во II томѣ Дворцовыхъ разрядовъ (столб. 179), подъ 1631 годомъ ошибочно помѣщенъ мѣстническій споръ «боярина» Ивана Петровича Шереметева съ княземъ Андреемъ Васильевичемъ Хилковымъ, по поводу назначенія перваго въ Владимірскій судный приказъ, а втораго — въ Московскій судный приказъ. Споръ этотъ происходилъ въ 1642 году, когда въ дѣйствительности сдѣланы были указанныя назначенія (Дворцовые разряды. Т. II. Спб. 1851. столб. 696). Въ 1631 году, Иванъ Петровичъ и не былъ еще бояриномъ.

дарскія очи, въ праздникъ Свѣтлаго Христова Воскресенія[144]. Всѣ три брата Шереметевы записаны въ самомъ началѣ этихъ списковъ, составлявшихся каждый годъ къ первому дню Пасхи, и объ отсутствующихъ лицахъ не могло быть и рѣчи.

Какъ бы то ни было, но за указанные четыре года мы имѣемъ свѣдѣнія только о Ѳедорѣ Ивановичѣ Шереметевѣ. Въ 1630 году, онъ сдалъ завѣдываніе Печатнымъ приказомъ окольничему Льву Ивановичу Далматову-Карпову[145], а самъ назначенъ начальникомъ Приказа приказныхъ дѣлъ.

Однимъ изъ послѣднихъ документовъ, которые были запечатаны въ Печатномъ приказѣ во время управленія этимъ учрежденіемъ Ѳедора Ивановича Шереметева, была царская жалованная грамота, данная ему самому на отцовскую деревню Есинову, Иванисово тожъ, переходившую со временъ царя Ѳедора Ивановича къ разнымъ владѣльцамъ. Въ дѣлахъ Печатной конторы, подъ 13 числомъ октября 1630 года читаемъ слѣдующую запись: «Запечатана жалованная грамота боя-

---

[144] Дворцовые разряды. Т. II. Спб. 1851. столб. 843. 855 и 862.
[145] Древняя Россійская вивліоѳика. Ч. XX. М. 1791. стр. 353.

рина Θедора Ивановича Шереметева на старую его вотчину въ Московскомъ уѣздѣ, въ Доблинскомъ стану на деревню Иванисово съ деревнями и съ пустошми на 297 четь, что была та вотчина въ 101 (1592—93) году отдана боярину Ивану Головину да окольничему князю Ивану Туренину, а во 102 (1593—94) году поворочена та вотчина ему-жъ въ вотчину; въ 109 (1600—1601) году, при царѣ Борисѣ та вотчина отдана была въ помѣстье боярину князю Дмитрію Мамстрюковичу Черкасскому, а во 121 (1613) году, та его вотчина изъ помѣстья поворочена ему-жъ боярину Θедору Ивановичу Шереметеву въ вотчину»[146].

Во вновь порученномъ Θедору Ивановичу Шереметеву Приказѣ приказныхъ дѣлъ, о которомъ не упоминаютъ ни Котошихинъ, ни исторіографъ Миллеръ, по всѣмъ вѣроятіямъ, разрѣшались разные вопросы по примѣненію и разъясненію существующихъ законоположеній, какъ это можно видѣть изъ слѣдующей справки или памяти, выданной «При-

[146] Дѣла бывшей Печатной конторы, хранящіяся въ Московскомъ архивѣ министерства юстиціи: Книга безпошлинныхъ грамотъ № 8, съ 1629 по 1633 г., стр. 2.

казомъ приказныхъ дѣлъ боярина Ѳедора Ивановича Шереметева», за приписью дьяка Семена Бредихина, отъ 8 ноября 1630 года: «Въ помѣстномъ дѣлѣ Ивана Тургенева съ товарищи, въ прошломъ 131 году, въ государевѣ указѣ написано: которые челобитчики, подавъ челобитную, за выпискою не ходятъ, а послѣ станутъ бити челомъ иные челобитчики, а прежній челобитчикъ за ихъ выпискою опять пристанетъ, и тѣмъ прежнимъ челобитчикамъ велѣно отказывать»[147].

Предмѣстникомъ Ѳедора Ивановича Шереметева по этой новой должности былъ бояринъ Василій Петровичь Морозовъ, который въ спискѣ лицъ, сидѣвшихъ въ 1628 году въ приказахъ, показанъ состоящимъ «у приказныхъ дѣлъ»[148].

Разрядныя записи 1629 года указываютъ на нѣкоторую перемѣну и въ семействѣ Ѳедора Ивановича Шереметева: дочь его Ульяна Ѳедоровна уже называлась боярыней Головиною[149]. Зять Ѳедора Ивановича Шереметева, бояринъ Семенъ Васильевичь Головинъ,

---

[147] Русскій Вѣстникъ 1843 г. Т. VIII. стр. 99 (Книга указная царя Михаила Ѳедоровича).

[148] Дворцовые разряды. Т. I. Спб. 1850. столб. 1030.

[149] Дворцовые разряды. Т. II. Спб. 1851. столб. 84.

неоднократно сидѣвшій съ нимъ рядомъ за столомъ у государя, съ 1628 года завѣдывалъ Московскимъ суднымъ приказомъ[150]. Онъ приходился шуриномъ знаменитому воеводѣ князю Михаилу Васильевичу Скопину-Шуйскому и состоялъ въ свойствѣ съ Романовыми: его двоюродный племянникъ, Алексѣй Ивановичь Головинъ, былъ женатъ на двоюродной сестрѣ царя Михаила, княжнѣ Маринѣ Ивановнѣ Троекуровой[151]. Когда именно состоялось бракосочетаніе Головина съ Шереметевою — неизвѣстно. По видимому, Ѳедоръ Ивановичь еще съ 1627 года началъ припасать приданое для своей дочери. По крайней мѣрѣ, только этимъ и можно объяснить, почему онъ именно въ это время закупалъ такое большое количество отставнаго царскаго платья изъ государевой Мастерской палаты. Въ архивѣ Оружейной палаты сохранились подробныя росписи проданнаго царскаго платья съ означеніемъ покупателей, каковыми преимущественно были бояре, а именно: князь Иванъ Борисовичь Черкасскій, князь Алексѣй Ми-

---

[150] Дворцовые разряды. Т. I. Спб. 1850. столб. 1030.

[151] Князь Лобановъ-Ростовскій. Русская родословная книга. Спб. 1873. стр. 26.

хайловичь Львовъ, князь Алексѣй Ивановичь Воротынскій, князь Юрій Андреевичь Сицкій и многіе другіе. Но самымъ усерднымъ покупателемъ является Ѳедоръ Ивановичь Шереметевъ. Вотъ что̀ продано ему въ разное время съ 1627 по 1629 годъ:

«Опашень объярь бруснична; цѣна четыре рубли, взято шесть рублевъ.

«Охабень малиновой цвѣтъ; цѣна рубль шесть алтынъ 4 деньги, взято три рубля.

«Охабень зуѳь коричной цвѣтъ; цѣна рубль 6 алтынъ 4 деньги, взято рубль 26 алтынъ 4 деньги.

«Спорокъ (съ шубы) камка лимонна; цѣна три рубля, взято 4 рубля съ полтиной.

«Спорокъ камка Кизыльбашская шолкъ бѣлъ да рудожелтъ; цѣна три рубля, взято 6 рублей.

«Однорядка темно-лимонной цвѣтъ; цѣна три рубля, взято 4 рубля съ полтиной.

«Однорядка красновишнева; цѣна 5 рублей съ полтиною.

«Ѳерези[152] таѳта вишнева на черевехъ на бѣлыхъ; цѣна 3 рубля съ полтиной.

---

[152] У Турокъ есть мужская и женская одежда, называемая фераджe. Отъ этого слова происходитъ названіе и нашей старинной

«Сараѳанецъ кары (такъ!) червчаты; цѣна три рубли.

«Наволока камка куѳтерь червчата; цѣна 5 рублей.

«Зипунъ камка темно-лимонной цвѣтъ, подпушка таѳта вишнева, подкладка таѳта зелена; цѣна 3 рубля.

«Подкладка кутня ала; цѣна 2 рубля съ полтиной.

«Опашень зуѳь вишнева; цѣна рубль 6 алтынъ 4 деньги.

«Опашень зуѳь гвоздична; цѣна 2 рубля съ полтиной.

«Опашень зуѳь зелена; цѣна 2 рубля.

«Опашень зуѳь лимонна; цѣна 2 рубля.

«Опашень зуѳь вишнева Нѣмецкая; цѣна рубль съ полтиной.

«Однорядка коричной цвѣтъ; цѣна 4 рубля.

«Однорядка вишнева, подпушка темно-зелена, мелкотравная; цѣна 4 рубля съ полтиной.

ферези. Въ Тверской губерніи ферезью называется и нынѣ сарафанъ. — Объясненіе старинныхъ названій, встрѣчающихся въ нашей росписи, читатель найдетъ въ извѣстной книгѣ Павла Ивановича Саввaитова: Описаніе старинныхъ царскихъ утварей, одеждъ, оружія, ратныхъ доспѣховъ и конскаго прибора, извлеченное изъ рукописей архива Московской Оружейной палаты. Спб. 1865.

«Спорокъ съ шубы, камка ангулинной цвѣтъ; цѣна 3 рубля.

«Ѳерези холодные, объярь зелена; цѣна 3 рубля.

«Кобенякъ валеной бѣлъ; цѣна 2 рубля.

«Кафтанъ ѣздовой, атласъ червчатый, стеганъ, потертъ; цѣна 6 рублей.

«Зипунъ атласъ червчатъ; цѣна 6 рублей.

«Зипунъ атласъ зеленъ; цѣна 5 рублей.

«Зипунъ камка червчата, мелкотравная; цѣна 3 рубля»[153].

По поводу выставленныхъ въ росписи цѣнъ, считаемъ нелишнимъ напомнить, что тогдашній рубль по вѣсу равнялся нынѣшнимъ 6 рублямъ 70 копѣйкамъ (нормальнаго денежнаго курса)[154]. На какой бы предметъ ни предназначалось купленное царское платье, построенное по преимуществу изъ шелковыхъ тканей, во всякомъ случаѣ оно составляло довольно цѣнное пріобрѣтеніе.

Авторъ «Родословной Головиныхъ», имѣвшій въ рукахъ бумаги семейнаго Головин-

---

[153] Архивъ Оружейной палаты № 586. Лл. 9. 12. 18. 20. 21. 23. 25. 30. 32. 41. 47. 51. 67—69. 71—74 и 76. Приведенная роспись купленнаго царскаго платья сообщена намъ А. Е. Викторовымъ.

[154] И. Д. Бѣляевъ. Его предисловіе къ отдѣлу Матеріаловъ во Временникѣ императорскаго Московскаго Общества исторіи и древностей Россійскихъ. 1849 г. Кн. 4. стр. IX.

скаго архива, говоритъ, что Ульяна Ѳедоровна Шереметева пользовалась при дворѣ особеннымъ уваженіемъ[155]. Независимо отъ двойнаго свойства съ царствующимъ домомъ и своихъ личныхъ качествъ, она имѣла право на почетъ и по тому высокому положенію, какое занимали въ государствѣ ея отецъ, Ѳедоръ Ивановичь Шереметевъ, и мужъ — Семенъ Васильевичь Головинъ. Ульяна Ѳедоровна получила высшее отличіе, какое только могла получить боярыня: она, подобно своей мачихѣ, Марьѣ Петровнѣ Шереметевой, записана была въ штатъ пріѣзжихъ боярынь царицы Евдокіи Лукьяновны[156], и также бывала приглашаема царицей къ столу на свою половину[157]. Такъ, между прочимъ, и 1 марта 1630 года, на именины Евдокіи Лукьяновны, по разрядной росписи, за столомъ у царицы сидѣли только три боярыни, въ томъ числѣ «боярина Семенова жена Васильевича Головина, боярыня Ульяна Ѳедоровна». Самъ же Семенъ Васильевичь Головинъ, съ своимъ

[155] Казанскій. Родословная Головиныхъ. М. 1847. стр. 146.

[156] Забѣлинъ. Домашній бытъ Русскихъ царицъ. М. 1869. стр. 349.

[157] Дворцовые разряды. Т. П. Спб. 1851. столб. 122. 283. 285. 308. 354.—Повсядневныя дворцовыя записки. Ч. I. М. 1769. стр. 15. 19. 42 и 52.

тестемъ Өедоромъ Ивановичемъ Шереметевымъ и отцомъ царственной именинницы, Лукьяномъ Степановичемъ Стрѣшневымъ, сидѣлъ въ тоже самое время за столомъ у государя въ столовой избѣ. Въ теченіи всего 1630 года, мы постоянно видимъ за царскимъ столомъ, рядомъ съ Өедоромъ Ивановичемъ Шереметевымъ, его зятя Семена Васильевича Головина. Оба они въ томъ-же году сопровождали государя въ его обычномъ осеннемъ походѣ въ обитель преподобнаго Сергія[158]. Такъ продолжалось до 1634 года, когда Семенъ Васильевичъ Головинъ скончался и погребенъ въ Московскомъ Симоновомъ монастырѣ[159]. Въ томъ-же году, Ульяна Өедоровна дала на поминокъ своего мужа въ Троице-Сергіевъ монастырь 200 рублей денегъ и для церкви преподобнаго Никона — серебреное паникадило, вѣсомъ 12 фунтовъ[160].

Годъ смерти Ульяны Өедоровны Головиной неизвѣстенъ; знаемъ только, что послѣ 1634 года ея имени уже не встрѣчается въ разрядныхъ росписяхъ, и что она погребена

---

158 Дворцовые разряды. Т. II. Спб. 1851. столб. 129. 132. 157. 169.

159 Казанскій. Село Новоспасское, Деденово тожъ. М. 1847. стр. 122. № 33.

160 Казанскій. Родословная Головиныхъ. М. 1847. стр. 147.

рядомъ съ мужемъ въ Симоновѣ монастырѣ[161], родовой усыпальницѣ Головиныхъ. Ульяна Ѳедоровна не имѣла дѣтей и до самой кончины владѣла мужниною вотчиною въ Нижегородскомъ уѣздѣ, въ Закудемскомъ станѣ, селомъ Шахмановымъ, съ деревнями: Чернухою, Претыкиною, съ пустошью Карандашевою и жребіемъ въ селѣ Егорьевскомъ. Въ вотчинѣ числилось 505 четвертей земли, а въ самомъ селѣ Шахмановомъ былъ и дворъ боярскій. Послѣ Ульяны Ѳедоровны Шахмановскою вотчиною владѣлъ ея троюродный братъ Иванъ Петровичь Шереметевъ, потомъ старшій сынъ послѣдняго, Василій Ивановичь Шереметевъ[162].

Другая дочь Ѳедора Ивановича Шереметева, Евдокія, какъ сказано выше, была замужемъ за княземъ Никитой Ивановичемъ Одоевскимъ, а третья — Анна весьма рано постриглась въ Новодѣвичьемъ монастырѣ, мѣстѣ вѣчнаго успокоенія своей бабки Домны Михайловны. Анна Ѳедоровна Шереметева въ иночествѣ именовалась Александрой.

[161] Казанскій. Село Новоспасское, Деденово тожъ. М. 1847. стр. 122. № 33.

[162] Московскій архивъ министерства юстиціи: Вотчинной коллегіи по городу Москвѣ, «молодыхъ лѣтъ», книга № 65. дѣло № 18. л. 24. 98 и 134.

При Өедорѣ Ивановичѣ оставался единственный его сынъ Алексѣй Өедоровичь Шереметевъ, который еще въ 1624 году упоминается въ числѣ стольниковъ царя Михаила. Онъ пользовался большою милостію государя: изъ записныхъ книгъ архива Оружейной палаты видно, что 29 марта 1627 года, царь Михаилъ Өедоровичь пожаловалъ ему «опашень объярь лазорева съ струею золотою»[163]. Въ 1631 году, въ святую недѣлю, Алексѣй Өедоровичь Шереметевъ былъ «поднощикомъ» или «приноіцикомъ» обычныхъ великоденскихъ даровъ, приносимыхъ царственной семьѣ. Назначеніе въ поднощики было и почетно, потому что въ эту должность избирали стольниковъ наиболѣе приближенныхъ къ государю; и выгодно, потому что за каждый поднесенный золотой, стольникъ-приноіцикъ получалъ отъ государя рубль, а за каждую ширинку, то есть платокъ, въ которыхъ подносимы были золотые—пять рублей[164].

Вслѣдъ за приносомъ великоденскихъ даровъ, Алексѣй Өедоровичь Шереметевъ былъ

---

[163] Архивъ Оружейной палаты. № 586. л. 46 (по выпискѣ, сообщенной А. Е. Викторовымъ).

[164] Забѣлинъ. Домашній бытъ Русскихъ царей. Ч. I. М. 1862. стр. 341 и 509.

участникомъ другой церемоніи—пріема Шведскаго посла Антона Монира, опять прибывшаго въ Москву съ просьбою о дозволеніи купить у насъ безпошлинно еще 50.000 четвертей хлѣба. Государь принималъ Монира 17 мая въ Золотой меньшой палатѣ. По лавкамъ сидѣли въ золотѣ и въ горлатныхъ шапкахъ бояре, между которыми пятое мѣсто занималъ Ѳедоръ Ивановичь Шереметевъ. Выше его сидѣли: Иванъ Никитичь Романовъ, князь Иванъ Борисовичь Черкасскій, князь Иванъ Ивановичь Шуйскій и князь Дмитрій Мамстрюковичь Черкасскій; ниже Шереметева — зять его Семенъ Васильевичь Головинъ, Михаилъ Борисовичь Шеинъ, князь Борисъ Михайловичь Лыковъ, князь Дмитрій Михайловичь Пожарскій и другіе. Алексѣй Ѳедоровичь Шереметевъ находился въ ряду стольниковъ, занимая шестое мѣсто. Выше его были, между прочими, князь Яковъ Куденетовичь Черкасскій и князь Никита Ивановичь Одоевскій[165]. Послѣ этого случая имя Алексѣя Ѳедоровича Шереметева встрѣчается еще одинъ разъ, но уже въ частномъ документѣ, сохранившемся въ архивѣ графа Сер-

---

[165] Дворцовые разряды. Т. II. Спб. 1851. столб. 208 и 209.

гія Дмитріевича Шереметева, именно въ купчей крѣпости того-же 1631 года, въ которой читаемъ: «Се азъ Дементей Васильевъ сынъ Кавтыревъ продалъ есми послѣ пожару боярину Ѳедору Ивановичу Шереметеву да сыну ево Алексѣю Ѳедоровичу свое дворовое мѣсто въ Бѣломъ царевѣ каменномъ городѣ ..... а взялъ 35 рублевъ денегъ».

Извѣстный Коломенскій старожилъ и археологъ Иванчинъ-Писаревъ говоритъ, что находящаяся въ иконостасѣ Николаевской церкви села Ѳедоровскаго, Коломенскаго уѣзда, икона Успенія Богоматери, писанная, по преданію, знаменитымъ Андреемъ Рублевымъ, была благословеніемъ отъ царя Алексѣя Михайловича сыну боярина Ѳедора Ивановича Шереметева, Алексѣю Ѳедоровичу, при вступленіи послѣдняго въ бракъ и что существовавшая до 1806 года Ѳедоровская Успенская каменная церковь, вѣроятно, была построена Алексѣемъ Ѳедоровичемъ Шереметевымъ, въ честь упомянутой иконы царскаго благословенія[166].

Это любопытное показаніе, основанное на

---

[166] Иванчинъ-Писаревъ. Прогулка по древнему Коломенскому уѣзду. М. 1843. стр. 66. 67 и 69.

Се яз [illegible] продал
есми [illegible] боярину Федору Ивано-
вичю [illegible]
[illegible] свое дворовое место [illegible]
[illegible] городе [illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible] дворовое место [illegible]
[illegible] дворовое место [illegible]
[illegible] дворового места [illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible] свое дворовое место [illegible] боярину
Федору Ивановичю [illegible]
[illegible]
[illegible] боярина Федора Ивано-
вича [illegible] Федоровича на про-
дано [illegible] взял [illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible] боярину Федору
Ивановичю [illegible] Федоровича
[illegible]
[illegible] боярину Федору Ивано-
вичю [illegible] Федоровичю [illegible]
[illegible]
[illegible] боярина Федора [illegible]
[illegible] Федоровича [illegible]
[illegible]
[illegible] боярину Федору Ивановичю [illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible] боярин [illegible] Федора [illegible]
168[illegible] [illegible]
25 [illegible]
[illegible]

Заволжанин [illegible]

[illegible] октября в [illegible] день в Судном при-
казе перед Степаном Матвеевичем
Проестевым да перед Василием
Ивановичем Степановым да перед дьяки [illegible]
[illegible]
[illegible]
продавец [illegible] Дементей [illegible] место
свое дворовое продал [illegible]
[illegible]
[illegible]

[illegible] писал на площади подьячий [illegible]
Послуси [illegible]
[illegible]
взяти [illegible]
[illegible]
[illegible]

преданіи, записанномъ на мѣстѣ, заключаетъ въ себѣ ошибку, столь обыкновенную въ устныхъ преданіяхъ вообще. Ниже мы увидимъ, что Алексѣй Ѳедоровичь Шереметевъ далеко не дожилъ до воцаренія Алексѣя Михайловича. Очевидно, въ памяти народа Алексѣй Михайловичь смѣшанъ съ Михаиломъ Ѳедоровичемъ, который конечно могъ благословить иконою своего любимаго стольника Алексѣя Ѳедоровича Шереметева; но когда именно случилось это, сказать трудно, такъ какъ до сихъ поръ не имѣется никакихъ свѣдѣній о самомъ бракѣ Алексѣя Шереметева.

Въ 1631 году, вслѣдъ за Шведскимъ посломъ Мониромъ, въ торжественномъ пріемѣ котораго участвовалъ Алексѣй Ѳедоровичь Шереметевъ, въ Москву пріѣхалъ Шведскій дипломатическій агентъ Яганъ Меллеръ съ порученіемъ предостеречь насъ отъ опасныхъ замысловъ короля Сигизмунда противъ Московскаго государства, въ виду приближавшагося срока Деулинскаго перемирія, а также выхлопотать дозволеніе пропустить двухъ Шведскихъ посланцевъ къ Запорожцамъ, для склоненія ихъ къ возстанію противъ Польши. Шведы увѣряли, что католики,

въ лицѣ іезуитовъ, распоряжавшихся тогда въ Польшѣ, суть общіе недруги и протестантовъ, на защиту которыхъ выступилъ Густавъ Адольфъ, и людей Греческой вѣры, и что «Густавъ Адольфъ съ своимъ войскомъ— передняя стѣна Московскаго государства, передовой полкъ, бьющійся въ Германіи за Русское царство»[167].

Но и безъ этихъ увѣреній и предостереженій, отношенія наши къ Рѣчи Посполитой были крайне натянуты и событія только ускорили открытый разрывъ съ нею, столь желательный Шведамъ.

20 апрѣля 1632 года, скончался король Сигизмундъ III. Польша заволновалась сеймиками, по случаю избранія новаго короля. Іезуиты старались отклонить отъ престола нелюбимаго ими сына Сигизмундова, памятнаго Москвѣ Владислава. Это еще болѣе усиливало смуту. У насъ нашли нужнымъ начать приготовленія къ военнымъ дѣйствіямъ, не дожидаясь окончанія Деулинскаго перемирія, срокъ которому истекалъ 1 декабря 1632 года.

Уже въ половинѣ августа, когда Владиславъ еще не былъ избранъ на престолъ, по

---

[167] Соловьевъ. Исторія Россіи. Т. IX. М. 1859. стр. 182.

монастырямъ разосланы были грамоты, возвѣщавшія, что «государь, по совѣту съ отцомъ своимъ, святѣйшимъ патріархомъ Филаретомъ Никитичемъ, послалъ боярина и воеводу Михаила Борисовича Шеина и иныхъ воеводъ и рать свою многую, на недруга его государьскаго величества и всѣхъ православныхъ христіянъ Московскаго государьства разорителя, противъ Владислава королевича и Ляховъ-еретиковъ, за ихъ многія неправды, какъ подъ Троицею учинено перемирье, на чемъ крестъ цѣловали, чего было имъ не дѣлати, и то все измѣнили, и вскорѣ имъ государемъ многія грубости и неправды учинили, и николи на своей правдѣ не стоятъ, послѣ крестнаго цѣлованья, коли не цѣлуютъ, всегда лжутъ, и вѣрить-де имъ никакъ не лзѣ, за ихъ ложное и безмѣрное лукавство»[168].

По особеннымъ обстоятельствамъ, участіе Ѳедора Ивановича Шереметева въ этой новой войнѣ съ Польшею ограничилось лишь тѣмъ, что онъ, подобно нѣкоторымъ другимъ боярамъ и дворянамъ, перевозилъ на своихъ собственныхъ подводахъ государевы хлѣб-

[168] Акты, собранные Археографическою экспедиціею. Спб. 1836. Т. III. №№ 333 и 334.

ные запасы въ нашъ станъ подъ Смоленскъ[169]. Сперва ему порученъ былъ и самый сборъ этихъ подводъ съ дворовъ, точно также какъ князю Дмитрію Михайловичу Пожарскому — сборъ пятой деньги съ торговыхъ и посадскихъ людей[170]. Но въ іюлѣ мѣсяцѣ 1632 года, Ѳедоръ Ивановичь Шереметевъ былъ «отставленъ» отъ этой службы[171]. Причиною тому была болѣзнь, а затѣмъ смерть его единственнаго сына Алексѣя.

---

169 Книги разрядныя. Т. II. Спб. 1855. столб. 448 и 450.

170 Дворцовые разряды. Т. II. Спб. 1851. столб. 301 (въ варіантахъ).

171 Повсядневныя дворцовыя записки. Ч. I. М. 1769. стр. 19.— Дворцовые разряды. Т. II. Спб. 1851. столб. 280.

ГЛАВА VIII.

Въ концѣ сентября 1632 года, въ Кирилло-Бѣлозерскомъ монастырѣ, вслѣдъ за окружнымъ посланіемъ Ростовскаго митрополита Варлаама о пѣніи молебновъ по случаю войны съ Польшею, получена была слѣдующая грамотка Ѳедора Ивановича Шереметева:

«Въ пресвятую и великую обитель пречистыя Богородицы честнаго и славнаго ея Успенія и великаго преподобнаго Кирила Бѣлозерскаго чюдотворца, господамъ игумену Ѳеодосію да келарю Аврамію да казначею Варѳоломѣю еже о Христе зъ братьею Ѳедоръ Шереметевъ челомъ бью. Пожалуйте, велите ко мнѣ писать о своемъ душевномъ спасеніи и о тѣлесномъ здравіи, какъ васъ Богъ душевне спасаетъ, а тѣлесне милуетъ.

А похотите вѣдать про меня, и язъ на Москвѣ въ своихъ безконечныхъ настоящихъ бѣдахъ августа по 30 день (1632 года) только живъ. Августа въ 28 день, судомъ Божіимъ, сына моево Олексѣя не стало, а погребенъ на Москвѣ у васъ въ Ѳѳонасьевскомъ монастырѣ; а по первому зимнему пути привезу ево къ вамъ въ Кириловъ монастырь. И вамъ бы насъ пожаловать, велѣть ево написать въ сенадики, въ вѣчной и въ литѣйной, и поминать по своему монастырьскому чину, какъ у васъ ведетца. А язъ вамъ господамъ своимъ челомъ бью»[172].

Аѳанасьевскій монастырь, въ которомъ первоначально погребено было тѣло Алексѣя

---

[172] По поводу смерти Алексѣя Ѳедоровича Шереметева завязалась цѣлая переписка между Ѳедоромъ Ивановичемъ Шереметевымъ и братіей Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря, продолжавшаяся до 1634 года. Изъ нея сохранилось девять подлинныхъ грамотокъ Ѳедора Ивановича и три монастырскія черновыя отписки. Эти драгоцѣнные документы, недавно пріобрѣтенные графомъ С. Д. Шереметевымъ отъ коммиссіонера Общества любителей древней письменности, Самарскаго купца П. В. Шибанова, склеены въ одинъ общій свитокъ безъ соблюденія хронологическаго порядка. Грамотки Ѳедора Ивановича Шереметева сохранились очень хорошо. Всѣ онѣ имѣютъ одинаковый внѣшній видъ съ тѣмъ снимкомъ, который приложенъ, для образца, въ концѣ настоящей главы. Начало и конецъ во всѣхъ грамоткахъ писаны почти по одной формѣ. Вмѣсто подписи имѣется знакъ, напоминающій цыфру 8. Адресъ помѣщенъ на оборотѣ грамотокъ, и по уцѣлѣвшимъ слѣдамъ складокъ можно видѣть, какъ свертывали грамотки при отправленіи.

Өедоровича Шереметева, на другой же день послѣ его кончины, составлялъ подворье Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря и находился въ Кремлѣ, у Фроловскихъ (нынѣ Спасскихъ) воротъ, на теперешней царской площади, насупротивъ Вознесенскаго дѣвичьяго монастыря[173].

Похороны усопшаго сына, «строеніе его души», сборы въ Кирилло-Бѣлозерскій монастырь и самая поѣздка туда надолго отвлекли Өедора Ивановича Шереметева отъ дѣлъ государственныхъ. 22 сентября онъ отправилъ въ Кирилловъ монастырь новую грамотку, въ которой пишетъ игумену съ братьею: «Послалъ, господа, язъ къ вамъ съ людми своими, съ Жданкомъ Зиновьевымъ да съ Пашкою Милюковымъ съ товарищи, три жеребца: жеребецъ аргамачей, да жеребецъ домашней, да жеребецъ Нагайской—иноходь; да шесть кобылъ аргамачихъ, да пять кобылъ иноходныхъ, да тридцать кобылъ; а каковы жеребцы и кобылы аргамачьи и иноходные шерстью и лѣты и примѣты, и тому послана роспись подъ сею грамоткою. А тридцать кобылъ велѣлъ

---

[173] Аөанасьевскій монастырь сломанъ въ царствованіе Екатерины II.

язъ взять въ Костромской своей деревнишкѣ въ Борисоглѣбскомъ Жданку Зиновьеву да Пашкѣ Милюкову съ товарищи и отослать къ вамъ въ монастырь. И вамъ бы, господа, жеребцы и кобылы у людей моихъ по росписемъ взять во вкладъ по душѣ сына Олексѣя; а за сколько за вкладъ тѣ жеребцы и кобылы возмѣтя, и про то пожалуйте ко мнѣ отпишите»[174].

Особенно озабочивало Ѳедора Ивановича Шереметева устройство могилы для сына въ Кирилловой обители. Отъ 14 октября, онъ писалъ игумену Ѳеодосію съ братіею: «Да жаловать бы вамъ велѣть приготовить мѣсто, гдѣ мнѣ погресть тѣло сына своево Олексѣя, велѣть выкопать и выкласть кирпичомъ тутъже, гдѣ у васъ лежатъ родители мои, подлѣ отца моево Ивана Васильевича, то мѣсто, что язъ, будучи у васъ въ монастырѣ, себѣ оста-

---

[174] По числу лошадей, отданныхъ Ѳедоромъ Ивановичемъ Шереметевымъ въ даръ Кирилловой обители, можно догадываться, что онъ тогда-же началъ переводить свой конскій заводъ въ селѣ Борисоглѣбскомъ. Видно, что усопшій сынъ его, Алексѣй Ѳедоровичь, принималъ самостоятельное участіе въ отцовскомъ хозяйствѣ. Въ подклеенной къ приведенной грамоткѣ «росписи лошадямъ, которыя посланы въ Кирилловъ монастырь» означено, что «у двухъ жеребцовъ на задней лѣвой ногѣ пятно Олексѣя Ѳедоровича»; у десяти кобылъ тоже «пятно Олексѣя Ѳедоровича». Только у третьяго жеребца и у одной кобылы стояло «пятно Ѳедора Ивановича».

вилъ; а подлѣ тово порожнево мѣста погребено тѣло жены моей Еуѳросиньи[175]. А язъ къ пречистой Богородицѣ и къ Кириллу чюдотворцу къ вамъ въ монастырь повезу тѣло сына своево по первому зимнему пути, какъ рѣки станутъ. И вамъ бы пожаловать къ моему пріѣзду мѣсто изготовить, гдѣ погресть тѣло сына Олексѣя подлѣ дѣда ево, а моево отца Ивана Васильевича».

[175] Такимъ образомъ оказывается, что Марья Петровна Шереметева была не второю, а третьею супругою Ѳедора Ивановича. Имя второй его жены указывается въ приведенной грамоткѣ. Всѣ три жены Ѳедора Ивановича Шереметева погребены въ разныхъ мѣстахъ: Ирина Борисовна (рожденная княжна Черкасская) — въ Новоспасскомъ монастырѣ, Евфросинья — въ Кирилловомъ монастырѣ; а для третьей жены Марьи Петровны, приготовлена была могила, какъ увидимъ ниже, въ Аѳанасьевскомъ монастырѣ. — Изъ напечатанныхъ недавно И. Е. Забѣлинымъ дополненій къ Дворцовымъ разрядамъ видно, что Ѳедоръ Ивановичъ Шереметевъ женился во второй разъ лишь восемь мѣсяцевъ спустя послѣ кончины Ирины Борисовны. Въ книгѣ расходной государева жалованья подъ 1616 годомъ записано, что 13 ноября, царь Михаилъ Ѳедоровичь пожаловалъ боярина Ѳедора Ивановича Шереметева, «какъ пріѣзжалъ на-завтрея своей свадбы государю челомъ ударить», благословилъ его: образъ живоначальныя Троицы, окладъ серебренъ золоченъ, вѣнцы сканные; да ему жъ дано — кубокъ серебренъ, золоченъ, съ покрышкою, на высокомъ стоянцѣ, по кубку и по стоянцу ложки короткіе, по вѣнцу у кубка и по стоянцу рѣзаны травы, повыше стоянца веревочка; подъ пузомъ яблоко, на немъ три образинки человѣчьи литые; межъ ихъ узлы, на яблокѣ три лошадки литые, на покрышкѣ подъ кружечкомъ три лошади литые, на кругу человѣкъ въ латахъ, въ правой рукѣ повѣза (?), въ лѣвой трость; вѣсу 5 гривенокъ; да 10 аршинъ отласу лазоревого, 10 аршинъ камки куфтерю червчатого, да 10 аршинъ камки куфтерю зеленаго, да сорокъ соболей» (Чтенія въ императорскомъ Обществѣ исторіи и древностей Россійскихъ при Московскомъ университетѣ. 1882 г. Кн. I. Отд. II. столб. 72).

Лишь 11 ноября получена была наконецъ слѣдующая грамота иноковъ Кирилловской обители[176], служащая отвѣтомъ на двѣ первыя грамотки Ѳедора Ивановича Шереметева:

«Государя царя и великаго князя Михаила Ѳедоровича всеа Русіи великому болярину государю Ѳедору Ивановичю царьскаго богомолья Успенія пречистые Богородицы Кирилова монастыря игуменъ Ѳеодосей съ братьею Бога молимъ и челомъ бьемъ. Пожалуй, государь, вели къ намъ писати о своемъ по Бозе благомъ пребываніи и о здравіи какъ тебя, государя, милосердый Христосъ сохраняетъ. А пожалуешь, государь, по вѣрѣ своей поволишь вѣдати про домъ пречистые Богородицы и предивнаго въ чюдесехъ великаго чюдотворца Кирила и опщей нашъ Творецъ и Содѣтель всемилостивый въ Троице славимый Христосъ Богъ нашъ домъ Матере своея и угодника своего великаго чюдотворца Кирила строитъ, якоже святая благодать его волитъ, октября по 21 день здорово и нашему

---

[176] Грамота эта пущена изъ Кириллова 21 октября, слѣдовательно была въ пути 21 день. Изъ отмѣтокъ на грамоткахъ Ѳедора Ивановича Шереметева видно, что онѣ доходили до Кириллова: въ мартѣ и въ маѣ — на 14—15-й день, въ сентябрѣ и октябрѣ — на 23—25-й день.

окоянству по неизреченней своей милости щедротъ ради своихъ неизреченныхъ терпитъ по тожъ число телесне въ живыхъ, а души болящія во гресехъ онъ Содѣтель целити мощенъ. Писалъ ты, государь, къ намъ въ монастырь, что въ прошломъ 140 году августа въ 28 день, судомъ Божіимъ, сына твоего Алексѣя Ѳедоровича въ животѣ не стало, а погребенъ на Москвѣ на нашемъ монастырьскомъ подворьѣ, въ Ѳѳонасьевскомъ монастырѣ; а по первому зимнему пути ты, государь, привезешь-де тѣло его къ намъ въ Кириловъ монастырь, и по твоей, государь, грамотѣ про то намъ вѣдомо. И мы, государь, по твоей грамотѣ сына твоего Алексѣя Ѳедоровича имя написали во всѣ сенадики въ вѣчной поминокъ, доколѣ и обитель сія святая стоитъ. Да писалъ ты, государь, къ намъ въ монастырь съ людьми своими со Жданомъ Зиновьевымъ съ товарищи и прислалъ подъ грамотою своею подклееену роспись сколько по сынѣ своемъ Алексѣѣ Ѳедоровичѣ послано въ домъ пречистые Богородицы и великому чюдотворцу Кирилу вкладомъ жеребцовъ и кобылицъ аргамачьихъ и Нагайскихъ и Рускихъ. И по твоей, государь, грамотѣ и по

росписи лошади пригнали къ намъ въ монастырь октября въ 18 день здорово. И мы, государь, пересмотря лошади по росписи, на соборѣ оцѣнили жеребцы и кобылицы за триста рублевъ; а сверхъ того, Ѳедоръ Ивановичь, какъ тебѣ, государю, годно написати ихъ цѣною вкладомъ, и тебѣ бы, государь, пожаловать велѣти къ намъ о томъ отписати, и мы, государь, по твоей грамотѣ во вкладныя книги напишемъ и вкладную противъ тово за руками къ тебѣ пришлемъ. И мы тебѣ, государю, челомъ бьемъ и о твоемъ многолѣтномъ здравіи должни Бога молити соборне и келейне. Буди, государь, здравъ и многолѣтенъ и покровенъ десницею всемогущаго вышняго Бога нынѣ и во вѣки. Аминь».

Монастырская грамота пришла въ Москву довольно скоро. Уже 22 ноября Ѳедоръ Ивановичь Шереметевъ послалъ къ Кирилловскимъ инокамъ отвѣтную грамотку, въ которой писалъ, между прочимъ, слѣдующее по поводу оцѣнки лошадей, посланныхъ имъ въ обитель: «А въ лошадиной оцѣнкѣ воленъ Богъ да вы, чѣмъ естѣ ихъ оцѣнили; а аргамачьи да иноходные кобылы самъ язъ ихъ знаю, послалъ язъ ихъ къ вамъ изъ подмо-

сковные своей деревни; а тридцать кобылъ стадныхъ велѣлъ язъ послать къ вамъ изъ Костромскіе своей деревни людемъ своимъ, а язъ самъ ихъ не знаю. И тово не вѣдаю, каковы кобылы къ вамъ посланы, добры ли или середніе или осышные (такъ!); а людишка мои ко мнѣ писали, что послали къ вамъ кобылы добры. И вамъ бы, господа, пожаловать взять лошади по середней цѣнѣ, а не по дешевой, а триста рублевъ имъ дешевая цѣна; а за буланой жеребецъ давали мнѣ 45 рублевъ, а за коуро-чалой жеребецъ съ чубариною давали 33 рубли, а за саврасо-чалой иноходой жеребецъ, какъ онъ былъ цѣлъ до хромоты, данъ 16 рублевъ. А кобылы аргамачьи и иноходные иные куплены а иные домашніе; а которые въ тѣхъ купленные, и худая аргамачея меньши 9 рублевъ не куплена, а иноходая меньши 5 рублевъ не куплена. А въ томъ воленъ Богъ да вы, за што пожалуетя, возмѣтя; а за триста рублевъ мало, пожаловать бы взять вамъ за четыреста рублевъ и вкладная пожаловать ко мнѣ прислать. А отъ меня въ монастырь вашъ по сынѣ Олексѣе, сверхъ тово вкладу, и вотчинная дача будетъ, только

государь и государь патріархъ пожалуютъ поволятъ дать вотчину».

Старцы Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря исполнили желаніе благочестиваго вкладчика и прислали вкладную «въ четыре сотъ рублехъ». Игуменъ съ братіею извѣщали Ѳедора Ивановича, что они «ожидаютъ его къ себѣ пріѣзду съ тѣломъ сына Алексѣя Ѳедоровича» и что могила усопшему приготовлена «подлѣ его дѣда Ивана Ивановича».

Такая неловкая описка въ отчествѣ родителя очень огорчила Ѳедора Ивановича Шереметева и онъ высказалъ это Кирилловской братіи въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Господа, вамъ самимъ вѣдомо, что отецъ мой Иванъ Васильевичъ, а не Иванъ Ивановичъ; старые мы у васъ въ монастырѣ вкладчики, а не новые, лзѣ вамъ вѣдать; а хотя и новые у васъ въ монастырѣ вкладчики и у васъ есть записныя книги вкладомъ, мочно вамъ вѣдать, чей кто сынъ, и тово невѣдомо для чево такъ написано».

Между тѣмъ, наступило время отъѣзда Ѳедора Ивановича Шереметева въ дальнюю и трудную дорогу.

По первому же зимнему пути, установив-

шемуся въ томъ году въ концѣ ноября, тѣло Алексѣя Ѳедоровича Шереметева было вывезено изъ Москвы къ «мѣсту вѣчнаго жилища», въ Кирилло-Бѣлозерскій монастырь. Въ печальномъ поѣздѣ, вмѣстѣ съ Ѳедоромъ Ивановичемъ Шереметевымъ, слѣдовали самыя близкія къ усопшему лица: его двоюродный дядя (по матери Иринѣ Борисовнѣ) князь Яковъ Куденетовичь Черкасскій и сестринъ мужъ князь Никита Ивановичь Одоевскій.

Какъ медленно двигались наши путники, можно судить по тому, что лишь 16 декабря достигли они дворцоваго села Даниловскаго[177], находящагося всего въ 300 верстахъ отъ Москвы. Отсюда Ѳедоръ Ивановичь Шереметевъ отправилъ на-спѣхъ трехъ мѣстныхъ крестьянъ въ Кирилло-Бѣлозерскій монастырь съ грамоткою и съ двумя досками «надъ сына своего Алексѣя». Дождавшись возвращенія посланцевъ, путники отправились далѣе и 12 января 1633 года прибыли въ Салтыковскую вотчину, село Кубенское, и въ тотъ же день Шереметевъ послалъ Кирил-

[177] Село Даниловское въ 1777 году было обращено въ уѣздный городъ Ярославскаго намѣстничества.

ловскимъ инокамъ грамотку, въ которой писалъ слѣдующее: «А похотите вѣдать про меня, и язъ на стану въ Кубенскомъ генваря по 12 день въ своей безголовной и безконечной бѣдѣ еще живъ, а ѣду къ вамъ въ монастырь, везу тѣло сына Олексѣя; и вамъ бы, господа, пожаловать отписать и прислать ко мнѣ роспись, сколько у васъ въ монастырѣ всей братіи и сколько соборныхъ старцовъ и священниковъ и дьяконовъ и головщиковъ, и по чему у васъ кормы болшіе и середніе; и по чему, по вашему монастырьскому уложенію, даетца на четыредесятницу ото псалтири и на погребеніи, и по чему сорокоусты въ болшомъ храму и въ предѣлехъ, и сколко въ монастырѣ по церквамъ служебъ повсякодневныхъ; и сколко старицъ въ Горахъ въ дивиче монастырѣ[178], и сколко въ немъ служебъ повсякодневныхъ въ болшихъ храмѣхъ и въ предѣлехъ; и съ коево мѣста мнѣ тѣло сына Олексѣя къ монастырю нести, и прислать бы вамъ пожаловать священниковъ и дьяконовъ,

---

[178] Горицкій Воскресенскій дѣвичій монастырь, называющійся также Горами и Горицами, находится недалеко отъ Кирилло-Бѣлозерской обители. Въ немъ подвизалась родная тетка Ѳедора Ивановича Шереметева, Агаѳья Ивановна, жена царевича Михайла Кайбуловича.

кому итти за гробомъ. А у меня послѣдней станъ будетъ въ вашей плотнишной слободѣ. А самимъ бы вамъ пожаловать встрѣтить по своему монастырьскому чину у святыхъ воротъ; и вамъ бы про то про все ко мнѣ отписать съ человѣкомъ моимъ, кто къ вамъ пріѣдетъ съ сею моею грамоткою. Да декабря въ 16 день писалъ язъ къ вамъ и послалъ въ монастырь надъ сына Олексѣя двѣ цки государева села Даниловсково со крестьяны деревни Бедриковы съ Степанкомъ Посниковымъ, да деревни Ѳѳонинской съ Викуломъ Ѳедоровымъ, да деревни Кушегиной съ Гараськой Окинѳеевымъ; и тѣ крестьяне въ Даниловскомъ мнѣ сказывали, что онѣ тѣ цки къ вамъ въ монастырь отвезли и вамъ отдали; а про грамоту сказали, что вы имъ грамоты ко мнѣ о тѣхъ цкахъ не дали, взявъ у нихъ цки, отпустили ихъ безъ грамоты; и вамъ бы, господа, отписать ко мнѣ по грамоткѣ моей, привезли ли къ вамъ цки Даниловскіе крестьяне Степанко Посниковъ съ товарыщи, или нѣтъ».

Въ нашихъ документахъ не имѣется отвѣтной отписки Кирилловскихъ иноковъ на послѣднюю грамотку Шереметева. Точно

также нѣтъ никакихъ свѣдѣній о встрѣчѣ монастырскою братіею тѣла Алексѣя Ѳедоровича Шереметева, о погребеніи его и о пребываніи Ѳедора Ивановича Шереметева и его спутниковъ въ обители преподобнаго Кирилла. Въ монастырской приходо-расходной книгѣ, въ которой вмѣстѣ съ вкладами въ обитель отъ знатныхъ лицъ обыкновенно означался и пріѣздъ ихъ сюда, подъ 1633 годомъ отмѣчено только, что въ семъ году приходили въ Кирилловскій монастырь: «бояринъ Ѳедоръ Ивановичь Шереметевъ, князь Яковъ Куденетовичь Черкасскій, князь Никита Ивановичь Одоевскій и государевъ дворянинъ Иванъ Гавриловичь Кондыревъ»[179].

Ѳедоръ Ивановичь Шереметевъ выѣхалъ изъ Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря весьма скоро послѣ погребенія сына; по крайней мѣрѣ изъ разрядныхъ книгъ видно, что 13 февраля 1633 года онъ уже былъ въ Москвѣ и пошелъ въ этотъ день при государѣ въ богомольное путешествіе къ Троицѣ въ Сергіевъ монастырь. Съ государемъ былъ и ца-

---

[179] Архимандритъ Варлаамъ. Описаніе историко-археологическое древностей и рѣдкихъ вещей, находящихся въ Кирилло-Бѣлозерскомъ монастырѣ (Чтенія въ императорскомъ Обществѣ исторіи и древностей Россійскихъ. 1859 г. Кн. 3. Изслѣдованія. стр. 82).

ревичь Алексѣй Михайловичь съ своимъ дядькой Борисомъ Ивановичемъ Морозовымъ. Въ свитѣ царской находился также и Кирилловскій спутникъ Өедора Ивановича Шереметева, стольникъ князь Никита Ивановичь Одоевскій, состоя рындой у государева саадака. И въ Троицкомъ монастырѣ, и на обратномъ пути, въ селѣ Танинскомъ (21 февраля), Шереметевъ сидѣлъ за столомъ у государя, въ первый разъ съ княземъ Дмитріемъ Михайловичемъ Пожарскимъ, а во второй разъ — съ своимъ зятемъ Семеномъ Васильевичемъ Головинымъ[180].

Придворная служба съ разнообразными выѣздами и выходами не могла разсѣять горя Өедора Ивановича Шереметева, и онъ все еще пребывалъ «въ своей безконечной бѣдѣ», сосредоточивъ всѣ свои мысли на «строеніи души» усопшаго сына. Отъ 20 марта 1633 года, онъ извѣщалъ братію Кирилловой обители о своей вотчинной дачѣ на поминокъ сына Алексѣя: «далъ язъ въ домъ пречистые Богородицы честнаго и славнаго ея Успенія и великаго преподобнаго Кирила Бѣлозерскаго чюдотворца въ монастырь по сынѣ

[180] Дворцовые разряды. Т. II. Спб. 1851. столб. 317 и 318.

своемъ Олексѣе вкладъ на Резани, въ Пронскомъ уѣздѣ, въ Каменскомъ стану, вотчину свою сельцо Никитинское, а Переладниково тожъ[181], съ деревнями, съ пустошми, а въ ней 24 выти съ полувытью[182], а крестьянъ 145 человѣкъ, да бобылей 13 человѣкъ, да дворъ боярской, да два двора людцкихъ. Ржи моей сѣяные въ Переладниковѣ и въ Чулковѣ и на Гремякѣ 66 десятинъ: мѣра десятинамъ длина 80 саженъ, поперегъ 40 саженъ; да въ житницахъ яровово сѣменново хлѣба овса на 63 десятины 252 четверти, проса на 3 десятины три полуосмины; маку на 2 десятины. И данную за своею рукою на ту свою вотчину отдалъ язъ на Москвѣ строителю вашему Ѳѳонасьевсково монастыря старцу Гурью, а велѣлъ ту данную и сю грамотку послать къ вамъ. И вамъ бы, господа, прислать ко мнѣ на ту вотчину вкладная, и язъ къ вамъ пришлю крѣпости, что въ той данной написаны»[183].

---

[181] Когда и какимъ путемъ поступила эта вотчина во владѣніе Ѳедора Ивановича Шереметева, неизвѣстно.

[182] Выть — мѣра земли въ 19 десятинъ 2010 саженъ.

[183] Въ принадлежащей Павлу Ивановичу Савваитову «Описи движимаго и недвижимаго имущества Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря», составленной въ 1668 году, на л. 628 на оборотѣ значится: «Данная болярина Ѳеодора Іѳановича Шереметева въ Пронскомъ

Монастырскій служка Ермолай Баскаковъ, посланный старцемъ Гуріемъ въ Кирилловъ монастырь съ грамоткою Өедора Ивановича Шереметева и его данною на новый и весьма значительный вкладъ въ обитель, вернулся въ Москву 4 мая и привезъ отвѣтную грамоту игумена Өеодосія съ братіею, на имя «болярина государя Өедора Ивановича», въ которой, между прочимъ, сказано: «И мы, государь, на томъ твоемъ государеве великомъ неизреченномъ жалованье со всею братьею много челомъ бьемъ, и должны о твоемъ многолѣтнемъ здравіи и о душевномъ спасеніи о всемъ благодатномъ дому твоемъ Бога молить и пречистую его Богоматерь и всѣхъ чюдотворцовъ соборне и келейне; а родителей твоихъ государевыхъ и сына твоего Алексѣя Өедоровича безпрестанно поминати, и по немъ братію на указные дни кормити безпереводно доколѣ и святая сія обитель стоитъ. И на ту твою государеву данную вотчину на Переладниково съ деревнями и

уѣздѣ на Резанскую вотчину, въ Каменскомъ стану, на село Никитинское, Переладниково тожъ, съ деревнями и съ пустошми, лѣта 7141 году марта въ 11 день. Позади пишетъ: къ сей данной бояринъ Өедоръ Иванович Шереметевъ руку приложилъ». Этого документа не было въ нашихъ рукахъ.—Въ той же Описи на стр. 1036 показано, что въ селѣ Никитинскомъ находится «церковь Козма и Дамьянъ».

пустошми вкладную къ тебѣ государю послали за казенною печатью и за своими руками; а ту твою данную вотчину написали во вкладные книги къ прежнему твоему данью, къ четыремъ стамъ рублемъ; а твоего государева сына Алексѣево имя написали въ листъ и во всѣ синодики и въ кормовые книги въ вѣчный поминокъ безъ выгладки».

Грамоту эту вручилъ Шереметеву самъ строитель Аѳанасьевскаго монастыря старецъ Гурій Шишкинъ, при чемъ поднесъ ему отъ Кирилловской братіи рыбу, присланную съ служкою Баскаковымъ.

Вмѣстѣ съ Баскаковымъ прибылъ въ Москву Кирилловскій старецъ Пафнутій Карачевскій да послушка Любимъ Сущовъ, которымъ игуменъ приказалъ явиться къ Шереметеву и «съ его докладу» ѣхать въ данную вотчину село Никитинское для принятія этого имѣнія въ монастырское владѣніе.

Къ 19 мая всѣ обряды ввода во владѣніе были исполнены, и Ѳедоръ Ивановичь Шереметевъ отправилъ къ игумену Ѳеодосію съ братіею новую грамотку, въ которой писалъ слѣдующее: «И мая въ 4 день строитель вашъ старецъ Гурей Шишкинъ вкладную вашу на

вотчину мою на село Никитинское, а Переладниково тожъ, и грамоту вашу ко мнѣ принесъ; и я на вашемъ благословеніи на вкладной челомъ бью, что вы сына моево Олексѣя за вкладъ написали въ вѣчные сенадики и въ годовые поминки поминать по-двожды въ году; а ту вотчину село Никитинское, Переладниково тожъ, человѣкъ мой Володимеръ Горяиновъ отдалъ монастырю ..... Да челомъ бью на вашемъ благословеніи, что по вашему приказу строитель вашъ старецъ Гурей Шишкинъ меня рыбою кормилъ; я же, дастъ Богъ живъ буду, очи ваши увижу, самъ вамъ буду бити челомъ на вашемъ благословеніи».

Ѳедоръ Ивановичь Шереметевъ долго не могъ придти въ себя отъ потери единственнаго сына. Въ теченіи всего 1633 года, «безголовная и безконечная бѣда» видимо удручала его наболѣвшую душу. Правда, онъ, по прежнему, бывалъ у государя за столомъ, участвовалъ и въ нѣкоторыхъ придворныхъ церемоніяхъ, напримѣръ, 16 іюня, когда онъ шелъ въ крестинномъ поѣздѣ у каптаны новорожденнаго царевича Ивана Михайловича[184];

---

[184] Дворцовые разряды. Т. II. Спб. 1851. столб. 320. 326. 327. 331 и 332.

но мысли его постоянно обращались къ благословенной обители преподобнаго Кирилла, къ дорогой могилѣ. Безутѣшный отецъ, размышляя и о своемъ смертномъ часѣ, непремѣнно желалъ, чтобъ его грѣшное тѣло положено было подлѣ любимаго сына. Осенью 1633 года Ѳедоръ Ивановичь писалъ въ Кирилловъ монастырь: «Пожаловать игумену Ѳеодосію да келарю Аврамію да казначею Ѳедориту и соборнымъ старцомъ и священникамъ и всей братье не займовать мѣста, гдѣ моему грѣшному тѣлу погребену быть. Будетъ мошно вмѣститца межъ сына моево Олексѣя и межъ жены моей (Евфросиньи) гробомъ, ино то мѣсто; а будетъ тутъ тѣсно, ино не велѣть займовать мѣста въ ногахъ у сына моево Олексѣя, гдѣ моему грѣшному тѣлу погребену быть. Да пожаловать отписать къ Москвѣ въ Ѳеонасьевской свой монастырь къ строителю, тово мѣста, гдѣ былъ погребенъ сынъ Олексѣй, займовать и класть въ томъ мѣстѣ никово не велѣть же. А Богъ повелитъ, тутъ погребенной быти женѣ моей Марье у сына своево и у моево у Мокѣя въ ногахъ. А цку на томъ мѣстѣ язъ положу, гдѣ лежалъ сынъ Олексѣй. Да отписать ко мнѣ къ Москвѣ и

прислать росписцу, на которыхъ родителехъ моихъ цки попортились и что на цкахъ было подписано, и язъ пришлю цки новые, а подписано на нихъ будетъ тожъ, что̀ было подписано. И пожаловать прислать ко мнѣ ризамъ мѣру, сколь ризы мѣрны дѣлать въ вашемъ отласѣ».

Игуменъ Ѳеодосій съ братіею извѣщали Шереметева, что они «на родителехъ его цки досматривали, и на Иванѣ Васильевичѣ, во иноцѣхъ Іонѣ, Шереметевѣ Большомъ камень на немъ розвалился, а подпись на немъ: лѣта 7085 году мѣсяца маія въ 27 день преставися Иванъ Васильевичь Шереметевъ Болшой, во иноцехъ Іона, на память святаго Священномученика Ѳерапонта, въ 12 часу дни[185]. На Григорьѣ Васильевичѣ Шереметевѣ камень розвалился же и подпись на немъ слиняла же. (И тебѣ бы, государю, пожаловати со цками прислати

[185] Теперь мы имѣемъ, наконецъ, точное свѣдѣніе о времени кончины Ивана Васильевича Большаго Шереметева, инока Кирилло-Бѣлозерской обители Іоны, о которомъ писалъ Грозный съ такимъ ожесточеніемъ въ извѣстномъ посланіи къ игумену Козьмѣ. Годъ смерти инока Іоны составляетъ вмѣстѣ съ тѣмъ весьма существенное обстоятельство для опредѣленія времени написанія этого документа. Подтверждаются высказанныя нами въ первой книгѣ (стр. 324) соображенія, что посланіе Грознаго написано не въ 1578 году, какъ предполагалъ Карамзинъ, а раньше.

росписи лѣтописецъ, что̀ на томъ Григорьевѣ Васильевичѣ камени подписати)[186]. А на иныхъ, государь, на родителехъ твоихъ цки цѣлы. А къ строителю къ Москвѣ въ Ѳеонасьевскій монастырь старцу Гурью писали, не велѣли мѣста сына твоего Алексѣя Ѳедоровича займовать никому».

Ѳедоръ Ивановичь Шереметевъ, въ своей отвѣтной грамоткѣ, повторивъ содержаніе приведенной монастырской грамоты, писалъ въ заключеніи: «И я, господа, цки на дядю на Ивана Васильевича, во иноцехъ на Іону, и на дядю на Григорья Васильевича велѣлъ сдѣлать; а какъ поспѣютъ, и язъ къ вамъ пришлю; а вамъ бы велѣть сыскать въ записныхъ книгахъ по вкладу, въ коемъ году дядя Григорей Васильевичь у васъ въ монастырѣ погребенъ[187], коли на цкѣ ево надпись слиняла. А то добро, что вы пожаловали во Ѳеонасьевской монастырь къ строителю отписали тово мѣста, гдѣ былъ погребенъ сынъ Олексѣй, займовать никому не велѣли, и впредь бы вамъ инымъ строителемъ такъ-же приказы-

[186] Мѣсто, заключенное въ скобки, въ черновой отпискѣ Кирилловскихъ иноковъ зачеркнуто.

[187] Григорій Васильевичь Шереметевъ убитъ подъ Казанью, въ 1548 году.

Вцарству великих особ царства [illegible] святиатоп [illegible]
начальнику [illegible] святынь великого преподобнаго от-
ри лавры [illegible] [illegible] [illegible]
о [illegible] мире [illegible] на себя [illegible]
ломове [illegible] всемир [illegible]
человеку по [illegible] писание [illegible] своя души
но [illegible] здравии [illegible]
[illegible] и не могу [illegible] а походити [illegible]
и дан [illegible] во своей [illegible]
по [illegible] [illegible]
[illegible] на родителя
мои [illegible] до [illegible] и на [illegible]
на Иван Васильев сын [illegible] на помин
родом [illegible] а по памяти [illegible]
маиа в [illegible] преставися Иван Васильев сын Шере-
метев [illegible] на [illegible]
священному чину [illegible] [illegible] ча
[illegible] на [illegible] Васильев сын Шереметева
[illegible] а по памяти [illegible]
родителя моего [illegible]
на [illegible] митрополиту и строителю и [illegible]
[illegible] в [illegible] потребно [illegible] заклада
[illegible] [illegible]
Ивана Васильева сына [illegible] на помин [illegible]
[illegible] Григорья Васильева сына [illegible]
[illegible] [illegible] [illegible]
[illegible] на [illegible] [illegible] году
[illegible] Григорьева Васильева сына [illegible]
[illegible] [illegible]
[illegible] митрополиту
строителю [illegible] [illegible]
[illegible] заклада [illegible]
[illegible] строителю [illegible]
[illegible] [illegible] [illegible]
[illegible] [illegible]
[illegible] [illegible]
[illegible]

[illegible] тъй [illegible] прѣ [illegible] стинатори [illegible]
[illegible] пре [illegible] лос [illegible]
[illegible]
[illegible] Хрис зора [illegible]

вать, чтобъ тово мѣста никто не заимовалъ. Будетъ судитъ Богъ, тутъ женѣ моей лечь у сына у Мокѣя. А язъ вамъ, господамъ своимъ, челомъ бью»[188].

---

[188] На этой грамоткѣ, при семъ прилагаемой для образца въ точномъ снимкѣ, обрывается переписка Ѳедора Ивановича Шереметева съ иноками Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря.

ГЛАВА IX.

Въ томъ-же 1633 году, къ личному горю Ѳедора Ивановича Шереметева присоединилось горе общее, повергшее въ плачь и рыданіе всю царскую семью: 1 октября, въ день Покрова Пресвятыя Богородицы, кончилъ жизнь патріархъ Филаретъ Никитичь[189]. Строгій патріархъ, столь ревниво относившійся къ славѣ и чести отечества, не дожилъ до окончанія злополучной Польской войны, о которой мы не говорили до сихъ поръ потому, что никто изъ Шереметевыхъ не участвовалъ въ ней.

Война эта сперва ведена была довольно удачно; но, начиная съ лѣта 1633 года, когда

---

[189] Онъ пережилъ 2 годами и 8 мѣсяцами великую государыню инокиню Марѳу Ивановну, скончавшуюся 27 января 1631 года.

подъ Смоленскъ, осажденный Шеинымъ, пришелъ самъ король Владиславъ, обстоятельства совершенно измѣнились и дѣло кончилось, какъ извѣстно, постыднымъ отступленіемъ нашихъ отъ Смоленска. Быть можетъ, время откроетъ настоящія причины—почему наше стотысячное войско, при осадномъ паркѣ во сто орудій[190], оставило осаду Смоленска и при томъ на самыхъ унизительныхъ условіяхъ. Справедливо или нѣтъ, но начальникъ войска, знаменитый бояринъ Шеинъ, былъ обвиненъ въ измѣнѣ и лишился головы[191]. Поляки же, заслышавъ о приближеніи Турецкаго войска къ границамъ Польши, сами предложили Московскому правительству вступить въ переговоры о мирѣ.

Предложеніе Поляковъ, разумѣется, принято было весьма охотно, и 11 января 1634 года, государь указалъ быть на посольствѣ съ Литовскими послами боярину Ѳедору Ивановичу Шереметеву, а въ товарищи ему назначены: окольничій князь Алексѣй Михайловичъ Львовъ, дворянинъ Степанъ Матвѣе-

---

[190] Ласковскій. Матеріалы для исторіи инженернаго искусства въ Россіи. Ч. I. Спб. 1858. стр. 195.

[191] Лѣтопись о многихъ мятежахъ. Изд. 2. М. 1788. стр. 345.

вичь Проѣстевъ, да дьяки: Григорій Нечаевъ и Василій Сергѣевичь Прокофьевъ. По посольскому обычаю, Шереметеву предоставленъ былъ титулъ намѣстника Псковскаго, князю Львову — намѣстника Суздальскаго и дворянину Проѣстеву — намѣстника Шацкаго[192]. Съ Польской стороны для мирныхъ переговоровъ назначены были великіе послы: бискупъ Хелминскій Якубъ Жадикъ, канцлеръ коронный Христофоръ Радзивилъ, воевода Смоленскій Александръ Корвинъ-Гонсѣвскій, референдарь и писарь великаго княжества Литовскаго ксендзъ Марціянъ Тризна и многіе другіе. Рѣшено было съѣхаться обѣимъ сторонамъ на порубежной рѣчкѣ Поляновкѣ, на томъ-же мѣстѣ, на которомъ въ 1619 году происходилъ размѣнъ плѣнныхъ.

Ѳедоръ Ивановичь Шереметевъ съ своими товарищами выѣхалъ изъ Москвы на страстной недѣлѣ, начавшейся въ томъ году 31 марта. Его сопровождали 500 человѣкъ стольниковъ, стряпчихъ, дворянъ Московскихъ, жильцовъ, дѣтей боярскихъ и дворянъ городовыхъ. Нѣсколько ранѣе посланы были подъ Смоленскъ къ королю Владиславу

[192] Дворцовые разряды. Т. II. Спб. 1851. столб. 355 и 356.

«объявливать пословъ» дворянинъ Григорій Ивановичь Горихвостовъ и дьякъ Пятый Спиридоновъ. Наши послы, остановившіеся въ Вязьмѣ, и Польскіе коммиссары, стоявшіе за 20 верстъ, въ селѣ Семлевѣ, болѣе тридцати разъ сходились на съѣзжемъ мѣстѣ при рѣчкѣ Поляновкѣ въ особые шатры, поставленные «полами вмѣстѣ»[193]. Король Владиславъ невидимо присутствовалъ при переговорахъ, скрываясь невдалекѣ въ потаенныхъ мѣстахъ; иногда онъ просто лежалъ на травѣ, на берегу рѣчки Поляновки, около посольскихъ шатровъ, и Польскіе коммиссары иногда выходили къ нему для полученія приказаній въ наиболѣе трудныхъ случаяхъ.

Ѳедоръ Ивановичь Шереметевъ былъ достаточно опытенъ въ дѣлѣ переговоровъ съ Поляками по прежнимъ посольскимъ съѣздамъ; тѣмъ не менѣе спѣсь коммиссаровъ и ихъ неумѣренныя притязанія нерѣдко ставили его въ крайне затруднительное положеніе. Но Шереметева справедливо называютъ первымъ дипломатомъ того времени[194]. Онъ

---

[193] Изборникъ Славянскихъ и Русскихъ сочиненій и статей, внесенныхъ въ хронографы Русской редакціи. М. 1869. стр. 373 и 374.

[194] Забѣлинъ. Прямые и кривые въ смутное время (Русскій Архивъ, 1872 г. стр. 901).

съумѣлъ и на этотъ разъ вести дѣло съ честью и достоинствомъ. По данному наказу, главные послы, то есть Шереметевъ и князь Львовъ, «должны были говорить сердито, а остальные унимать и покрывать гладостью и разговоромъ, чтобъ договора не разорвать и безславными не быть же».

Послѣ долгихъ пререканій и припоминаній старыхъ дѣлъ, Поляки начали доказывать права Владислава на Московскій престолъ. Ѳедоръ Ивановичь Шереметевъ прямо заявилъ, что если Владиславъ не откажется отъ титула Московскаго царя, который онъ себѣ присвоиваетъ со времени вступленія на Польскій престолъ, то ни онъ, Шереметевъ, ни его товарищи ни о чемъ говорить не станутъ: «У насъ у всѣхъ людей великихъ Россійскихъ государствъ начальное и главное дѣло государскую честь оберегать, и за государя всѣ мы до одного человѣка умереть готовы». Польскіе коммиссары потребовали, чтобы за отказъ отъ титула и отъ правъ на Московскій престолъ царь Михаилъ ежегодно выплачивалъ Владиславу по сту тысячъ рублей и чтобы заплатилъ за издержки послѣдней войны. Шереметевъ отвѣтилъ, что это

слова непригожія: «Мы вамъ отказываемъ, что намъ о такихъ запросахъ съ вами впередъ не говорить; несбыточное то дѣло, что намъ такіе запросы вамъ давать, чего никогда не бывало и впередъ не будетъ, за то намъ всѣмъ людямъ Московскаго государства стоять и головы свои положить». — Такъ чѣмъ же вы станете дарить нашего государя, если онъ, по нашему челобитью, сниметъ съ васъ крестное цѣлованіе и уступитъ титулъ свой Московскій вашему государю? — «Намъ, отвѣтилъ Шереметевъ, этого дѣла въ уступку и въ даръ не ставьте, что король хочетъ титулъ Московскій съ себя сложить; дарить намъ государя вашего за это не за что, потому что великій государь нашъ на Московскомъ государствѣ царствуетъ по дару и волѣ Всемогущаго Бога, по древней своей царской чести предковъ своихъ великихъ государей; а наше Московскихъ людей крестное цѣлованье отъ государя вашего короля и отъ вашихъ неправдъ въ Московское разоренье омылось кровью, и мы отъ него чисты».

Затѣмъ, когда приступили къ настоящему дѣлу, къ заключенію вѣчнаго мира, Поляки поставили непремѣннымъ условіемъ уступку

въ королевскую сторону всѣхъ городовъ, отданныхъ имъ по Деулинскому перемирію и взятыхъ Москвичами назадъ при разрывѣ его. Шереметевъ съ товарищами, побуждаемые наказами изъ Москвы, должны были на каждомъ съѣздѣ уступать по одному городу или по два. Нерѣдко въ посольскихъ шатрахъ подымался большой шумъ, послы вставали съ мѣстъ, готовые совсѣмъ прекратить переговоры; потомъ опять садились на мѣста и «говорили гладостно, какъ бы къ доброму сходству повести».

17 мая приступлено было къ составленію статей мирнаго договора, но и тутъ Ѳедоръ Ивановичь Шереметевъ и его товарищи спорили и дѣлали замѣчанія почти по каждому пункту. Напримѣръ, на прочитанную коммиссарами статью о томъ, чтобы обоимъ государствамъ имѣть общихъ враговъ, наши послы сказали: «Написать именно, кто королю непріятель, по тому и договоръ будетъ». Въ случаѣ непріятельскаго нападенія,—говорилось въ другой предложенной статьѣ,—другъ друга оборонять. Ѳедоръ Ивановичь Шереметевъ замѣтилъ на это: «У государя нашего только и пограничныхъ государствъ,

что Швеція и Крымъ, и съ обоими государь въ докончаніи, такъ помогать на нихъ ему не доведется». Польскіе коммиссары предлагали, чтобы подданнымъ обоихъ государствъ вольно было жениться и «сродствоваться», вотчины и помѣстья выслуживать и покупать, по жонамъ и инымъ всякимъ обычаемъ наживать. Но Шереметевъ возразилъ: «Какъ Русскимъ людямъ у Польскихъ людей, такъ Польскимъ у Русскихъ жениться за разницею вѣръ нельзя, отчинъ продавать изъ государства въ государство не годится, да и прежде этого никогда не бывало». Въ одной статьѣ сказано было, чтобъ Поляки, которые будутъ служить Московскому государю, могли ставить церкви своей вѣры въ своихъ помѣстьяхъ; чтобъ въ Москвѣ и другихъ городахъ были церкви католическія. На это Шереметевъ отвѣчалъ: «Церквей иныхъ вѣръ въ Московскомъ государствѣ прежде не бывало и впередъ этому быть нельзя»[195].

Лишь 3 іюня подписанъ былъ наконецъ такъ называемый Поляновскій договоръ о вѣчномъ мирѣ между Московскимъ государствомъ и Рѣчью Посполитою, по которому

[195] Соловьевъ. Исторія Россіи. Т. IX. М. 1859. стр. 235—243.

король Владиславъ окончательно отказался отъ титула Московскаго царя и отъ притязаній на Россійскій престолъ, обязавшись возвратить подлинный договоръ Жолкѣвскаго и другіе акты, относящіеся къ смутному времени. Съ нашей стороны навсегда уступлены Полякамъ города: Смоленскъ, Бѣлый, Дорогобужъ, Рославль, Городище, Монастыревское (Муромскъ), Черниговъ, Стародубъ, Попова Гора, Новгородъ-Сѣверскій, Почепъ, Трубчевскъ, Невель, Себежъ, Красный и Велижъ[196]. Сверхъ того, Ѳедоръ Ивановичь Шереметевъ вдвоемъ съ первымъ Польскимъ посломъ бискупомъ Жадикомъ, безъ участія прочихъ посольскихъ чиновъ, заключилъ тайную статью о дачѣ изъ Россійской казны двадцати тысячъ рублей королю Владиславу, якобы за уступку съ его стороны Серпейска съ уѣздомъ; на самомъ же дѣлѣ—за поступку чести царской, то есть за отказъ отъ титула царя Московскаго. Шереметевъ и Жадикъ условились не объявлять этой статьи своимъ товарищамъ и не вносить ее въ договорную запись; самыя же деньги принять би-

[196] Временникъ императорскаго Московскаго Общества исторіи и древностей Россійскихъ. Кн. 5. М. 1850 (смѣсь, стр. 1).

скупу отъ Шереметева черезъ довѣренную особу. Въ день заключенія мира, бискупъ дѣйствительно присылалъ въ Дорогобужъ какого-то шляхтича, который и принялъ деньги подъ росписку[197].

Когда мирный договоръ былъ подписанъ, Польскіе коммиссары «потчивали» нашихъ пословъ въ шатрахъ[198] и предложили на томъ мѣстѣ, на которомъ происходили съѣзды, насыпать, для вѣчнаго воспоминанія, два кургана, одинъ на Московской, другой на королевской сторонѣ, и поставить на нихъ два каменныхъ столба съ означеніемъ государевыхъ именъ, времени заключенія договора, а также именъ всѣхъ посольскихъ чиновъ. Но Ѳедоръ Ивановичъ Шереметевъ отклонилъ это предложеніе, сказавъ, что «въ Московскомъ государствѣ такихъ обычаевъ не повелось и дѣлать этого не для чего; все сдѣлалось волею Божіею и съ повелѣнія великихъ государей, и написано будетъ въ посольскихъ книгахъ». Московское правительство одобрило этотъ отвѣтъ и прислало ска-

[197] Чтенія въ императорскомъ Обществѣ исторіи и древностей Россійскихъ. 1862 г. Кн. 4 (Изслѣдованія. стр. 66).

[198] Изборникъ Славянскихъ и Русскихъ сочиненій и статей, внесенныхъ въ хронографы Русской редакціи. М. 1869. стр. 375.

зать Шереметеву, чтобы и впредь отказывалъ въ томъ Литовскимъ посламъ: «дѣло нестаточное бугры насыпать и столпы ставить; доброе дѣло учинилось по Божіей волѣ, а не для столповъ и бугровъ бездушныхъ»[199].

Поляновскій мирный договоръ, о заключеніи котораго узнали въ Москвѣ 6 іюня отъ дворянина Караулова, присланнаго Шереметевымъ съ сеунчемъ къ государю[200], вполнѣ отвѣчалъ желаніямъ Московскаго правительства и, при тогдашнихъ обстоятельствахъ, былъ истиннымъ благодѣяніемъ для государства. Правда, за Рѣчью Посполитою навсегда остались города, уступленные ей по Деулинскому мирному договору, но за то мы пріобрѣтали ту важную выгоду, что окончательно освобождались отъ притязаній Польскаго короля на Московскій престолъ, постоянно грозившихъ государству новыми потрясеніями. Несговорчивость и упрямство Польскихъ пословъ, кичившихся Смоленскимъ успѣхомъ, были побѣждены искуствомъ Шереметева, который не только добился отъ нихъ столь желанной «поступки

[199] Соловьевъ. Исторія Россіи. Т. IX. М. 1859. стр. 244.
[200] Дворцовые разряды. Т. II. Спб. 1851. столб. 373.

чести царской», но даже заключилъ съ ними негласное условіе, что «если Владиславъ умретъ, не оставивъ потомства, то они изберутъ себѣ въ короли Русскаго царя»[201].

Новыя услуги, оказанныя отечеству Ѳедоромъ Ивановичемъ Шереметевымъ, были оцѣнены по достоинству. 8 іюня, государь послалъ стольника Василья Васильевича Бутурлина для почетной встрѣчи Шереметева въ селѣ Кубинскомъ, лежащемъ въ 57 верстахъ отъ столицы, на Смоленскомъ трактѣ. Бутурлинъ сказывалъ Шереметеву и его товарищамъ государево милостивое слово и о здоровьѣ спрашивалъ[202]. Затѣмъ, по прибытіи въ столицу, именно 5 іюля, царь Михаилъ угощалъ Шереметева и его товарищей въ столовой избѣ обѣденнымъ столомъ[203], а послѣ стола посольскій думный дьякъ и печатникъ Иванъ Грамотинъ объявилъ имъ слѣдующее милостивое царское слово: «Великій государь царь и великій князь Михаилъ Ѳедоровичь, всеа Русіи самодержецъ и многихъ государствъ государь и обладатель, ве-

---

[201] Акты, относящіеся къ исторіи южной и западной Россіи. Т. III. Спб. 1861. Дополненія, стр. 25.

[202] Дворцовые разряды. Т. II. Спб. 1851. столб. 373.

[203] Тамъ-же, столб. 380.

лѣлъ вамъ говорити: по нашему государскому повелѣнью и съ совѣту бояръ нашихъ и всѣе земли были есте на нашей государской службѣ на Литовскомъ съѣздѣ, съѣхалися съ Польскими и съ Литовскими послы: со княземъ Якубомъ Жадикомъ, бискупомъ Хельмскимъ съ товарыщи, межъ Вязмы и Дорогобужа, на рѣчкѣ на Поляновкѣ; и будучи на той нашей государской службѣ на Литовскомъ съѣздѣ, намъ великому государю служили, и о нашемъ государскомъ и о земскомъ дѣлѣ радѣли и промышляли, и приговорили межъ насъ великаго государя и Польскаго короля Владислава вѣчное докончанье, и межъ нашего Московскаго государства и коруны Польской учинили миръ и покой и тишину, и кровь Христіанскую по договорамъ унявъ, а наше государское именованіе приговорили есте Польскому королю Владиславу писати съ полнымъ нашимъ царскимъ именованьемъ и съ титлы, и впередъ Владиславу королю Литовскому царемъ и великимъ княземъ всеа Русіи не писатися и не именоватися, и причитанья къ Московскому государству не имѣти ни въ чемъ, и прежней договоръ гетмана Станислава Желковскаго съ товарищи за бояр-

скими и дворянскими руками отдати посломъ нашимъ; и то здѣлалося милостію Божіею и Пречистыя Богородицы помощію и великихъ чудотворцевъ молитвами, а нашимъ государскимъ и нашихъ благородныхъ чадъ царевича князя Алексѣя Михайловича и царевича князя Ивана Михайловича счастьемъ и вашею къ намъ великому государю и ко всему нашему Московскому государству прямою службою и радѣньемъ; и за ту вашу службу мы великій государь жалуемъ васъ нашимъ государскимъ жалованьемъ: тебя боярина нашего Өедора Ивановича шуба отласъ золотной на соболяхъ, пуговицы серебрены золочены; кубокъ серебренъ золоченъ съ кровлею; денежныя придачи къ прежнему окладу— сто рублевъ. Да тебя жъ жалуемъ изъ черныхъ волостей въ вотчину на тысячу четвертей»[204].

Жалованный кубокъ и шубу доставилъ Шереметеву на домъ дьякъ Гаврила Облезовъ. Обѣ эти вещи такъ описаны въ сохра-

[204] Извлечено Н. П. Барсуковымъ изъ портфелей А. Ө. Малиновскаго, хранящихся въ Московскомъ главномъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ (портфель 5. № 66). — Вновь пожалованная Ө. И. Шереметеву вотчина есть Сокольская волость, Юрьевецко-Повольскаго уѣзда (Книга Печатной конторы безпошлинныхъ грамотъ. 1637 и 1638 г. № 13. стр. 12 на оборотѣ).

нившейся росписи государеву жалованью: «Кубокъ серебренъ золоченъ съ кровлею, ложки большіе, межъ ложекъ комофарено[205], подъ пузомъ и повыше стоянца травки гнутые бѣлы, вѣсу 10 гривенокъ безъ 2 золотникъ, по 5 рублевъ гривенка. Шуба отласъ Турецкой двойной, золото съ серебромъ, отласу пошло 8 аршинъ безъ 2 вершковъ, цѣна отласу 50 рублевъ; на опушку и на ожерелье пошло два бобра 14 рублевъ; въ подкройку пошли цки собольи съ рукавы, цѣна 154 рубля; на нашивку пошло торочковъ тафтяныхъ черныхъ 11 аршинъ, по 4 денги аршинъ; пришито 11 пуговицъ серебреныхъ рѣзныхъ золоченыхъ 7 рублевъ 11 алтынъ 4 денги; а тѣ пугвицы принесены изъ Серебреные палаты. И всего шубѣ цѣна 225 рублевъ 19 алтынъ»[206].

Въ правительственной справкѣ о службахъ Шереметевыхъ, выданной въ началѣ нынѣшняго столѣтія изъ Московскаго архива коллегіи иностранныхъ дѣлъ, сказано, что

---

[205] Комофарено значитъ насѣчено точками (Савваитовъ. Описаніе старинныхъ царскихъ утварей, одеждъ, оружія, ратныхъ доспѣховъ и конскаго прибора. Спб. 1865. Примѣч. къ слову крюкъ).

[206] Сообщено И. Е. Забѣлинымъ изъ приготовленныхъ къ печати дополненій къ Дворцовымъ разрядамъ, собранныхъ имъ изъ книгъ и столбцовъ преждебывшихъ дворцовыхъ приказовъ архива Оружейной палаты.

Ѳедоръ Ивановичь Шереметевъ, заключеніемъ вѣчнаго мира съ Польскимъ королевствомъ, «пріобрѣлъ роду своему незабвенную славу»[207]. Такъ-же высоко цѣнило услугу Шереметева и правительство царя Михаила, и это выразилось, какъ въ почестяхъ и наградахъ, полученныхъ самимъ Ѳедоромъ Ивановичемъ Шереметевымъ, такъ и въ служебныхъ отличіяхъ его племянниковъ въ пору заключенія Поляновскаго мира.

Дѣйствительно, старшій племянникъ Ѳедора Ивановича, Иванъ Петровичь Шереметевъ, въ томъ-же 1634 году, былъ возведенъ въ санъ боярина[208], получилъ денежный окладъ въ 400 рублей[209] и назначенъ воеводою въ Казань[210]. Какъ извѣстно, городъ Казань, принадлежалъ къ числу знатныхъ, главныхъ городовъ, наравнѣ съ Новгородомъ,

---

[207] Справка, выданная 11 января 1801 года, изъ Московскаго архива коллегіи иностранныхъ дѣлъ графу Николаю Петровичу Шереметеву.

[208] Древняя Россійская вивліоѳика. Ч. XX. М. 1791. стр. 96.

[209] Ивановъ. Описаніе государственнаго разряднаго архива. М. 1842. стр. 7.

[210] 1 октября 1634 года, Иванъ Петровичь уже былъ на мѣстѣ новаго назначенія, какъ это видно изъ царской грамоты на его имя о высылкѣ изъ Казани Тимоѳея Васильевича Измайлова, сосланнаго туда съ семействомъ «для измѣны» по Смоленскому дѣлу брата его, Артемія Измайлова (Акты, собранные Археографическою экспедиціею. Т. III. Спб. 1836. № 348).

Псковомъ, Астраханью и Тобольскомъ, и Казанскіе воеводы пользовались обширными полномочіями и властью. Иванъ Петровичь Шереметевъ оставался на воеводствѣ въ Казани до 1636 года[211] и одно время, именно въ 1635 году, ему былъ подчиненъ младшій братъ, Борисъ Петровичь Шереметевъ, получившій также важное по времени мѣсто воеводы въ Казанскомъ пригородѣ Свіяжскѣ[212]. Наконецъ, третій племянникъ Ѳедора Ивановича Шереметева, Василій Петровичь, въ 1634-же году былъ назначенъ воеводою въ Нижнемъ Новгородѣ и пробылъ на этомъ мѣстѣ до 1639 года, когда былъ смѣненъ княземъ Иваномъ Васильевичемъ Хилковымъ[213].

Самъ же Ѳедоръ Ивановичь Шереметевъ послѣ Поляновскаго посольскаго дѣла сталъ именоваться «ближнимъ бояриномъ»[214] и былъ замѣтно отличенъ при совершеніи торжественнаго обряда царской присяги въ соблюденіи вѣчнаго мира съ Рѣчью Посполитою.

---

[211] Дворцовые разряды. Т. II. Спб. 1851. столб. 478. — Книги разрядныя. Т. II. Спб. 1855. столб. 923.

[212] Книги разрядныя. Т. II. Спб. 1855. столб. 822.

[213] Акты, собранные Археографическою экспедиціею. Спб. 1836. Т. III. №№ 337 и 346. — Книги разрядныя. Т. II. Спб. 1855. столб. 794 и 889. — Дворцовые разряды. Т. II. Спб. 1851. столб. 588 и 603.

[214] Дворцовые разряды. Т. II. Спб. 1851. столб. 424.

Присяга эта была принесена 19 марта 1635 года, въ присутствіи Польскихъ пословъ Александра Песочинскаго, Казиміра Львовича Сапѣги и Петра Веживица, прибывшихъ въ Москву еще въ первыхъ числахъ февраля.

Въ день, назначенный для царскаго крестнаго цѣлованія, Польскіе послы отправились сперва въ Отвѣтную палату вмѣстѣ съ Ѳедоромъ Ивановичемъ Шереметевымъ, которому указано было договориться съ послами по второстепеннымъ статьямъ Поляновскаго договора, отложеннымъ до настоящаго случая. Товарищами къ Шереметеву назначены были: князь Дмитрій Михайловичь Пожарскій, окольничій князь Ѳедоръ Волконскій и думные дьяки — Иванъ Грамотинъ да Иванъ Гавреневъ. По окончаніи переговоровъ, Шереметевъ съ товарищами вышелъ въ Золотую палату къ государю. Вслѣдъ за тѣмъ царскій духовникъ, Благовѣщенскій протопопъ Никита, сопровождаемый дьяконами, принесъ святый и животворящій крестъ на золотой мисѣ, на пеленѣ, и положилъ его на налой, а дьякъ Гавреневъ пошелъ въ Отвѣтную палату звать пословъ «къ докончанію».

Послѣ обычныхъ спросовъ о здоровьѣ, государь сказалъ посламъ и боярамъ подступить поближе и, вставъ съ своего мѣста, повелѣлъ поднести къ себѣ крестъ. Во время крестнаго цѣлованія, Ѳедоръ Ивановичь Шереметевъ удостоенъ былъ великой почести принять отъ государя скипетръ и держать его. Князь Иванъ Борисовичь Черкасскій держалъ царскій вѣнецъ, князь Дмитрій Михайловичь Пожарскій держалъ мису подъ крестомъ, поднесеннымъ государю княземъ Андреемъ Васильевичемъ Хилковымъ, а дьякъ Грамотинъ подложилъ подъ крестъ утвержденную крестоцѣловальную грамоту.

Черезъ три дня послѣ присяги, Польскіе послы приглашены были къ царскому столу въ Золотую палату. Царь Михаилъ Ѳедоровичь, одѣтый въ нагольную шубу съ кружевомъ и въ шапкѣ, сидѣлъ за окованнымъ серебренымъ столомъ; по правую сторону отъ него стояли двое часовъ, по лѣвую сторону въ окнѣ стоялъ колпакъ, весь низанный жемчугомъ, а на немъ тафья низана, и столъ аспидный окованъ серебромъ, а на немъ часы хрустальные. За большимъ столомъ сидѣли четыре боярина, участвовавшіе въ обрядѣ

присяги, то есть, князь Черкасскій, Шереметевъ, князь Хилковъ и князь Пожарскій. Всѣ они были одѣты, также какъ и государь, въ нагольныя шубы и имѣли черныя шапки на головахъ. Когда присутствующіе сѣли за столъ, бояринъ князь Борисъ Михайловичь Лыковъ, сопровождаемый двумя рядами чашниковъ и стольниковъ, одѣтыхъ въ золото и горлатныя шапки, сталъ подносить ѣствы государю, и его царское величество жаловалъ разсылалъ подачи боярамъ и посламъ. За тѣмъ, когда подали красный медъ, государь послалъ сказать посламъ, что онъ пьетъ чашу своего брата короля Владислава, и когда тѣ встали, проговорилъ: «Послы Александръ, Казиміръ, Петръ! Піемъ чашу здравіе брата своего, государя вашего, Владислава короля»[215].

Любопытно, что еще до описаннаго посольскаго обѣда, на другой же день послѣ царской присяги, бояринъ князь Андрей Васильевичь Хилковъ, подносившій государю крестъ, подалъ челобитную, въ которой

---

[215] Акты историческіе, собранные Археографическою коммиссіею. Т. III. Спб. 1841. № 182. — Дворцовые разряды. Т. II. Спб. 1851. столб. 424—433.

объяснилъ, что ему невмѣстно было быть меньше Ѳедора Ивановича Шереметева, державшаго скипетръ, и что хотя онъ и былъ съ нимъ на той службѣ, но только потому, что не хотѣлъ оставить государева дѣла. Царь Михаилъ не принялъ челобитной и сказалъ Хилкову, что онъ не дѣломъ бьетъ челомъ на Шереметева, съ которымъ ему быть мочно: «не достало-де тебѣ до боярина до Ѳедора Ивановича». Въ силу мѣстническаго обычая, Шереметевъ даже и послѣ такого опредѣленнаго рѣшенія ударилъ челомъ государю о безчестіи и оборонѣ, доказывая, что съ нимъ, Шереметевымъ, можно быть не только князю Андрею Хилкову, но и отцу его, князю Василію Дмитріевичу. Вмѣстѣ съ Шереметевымъ подалъ челобитную на князя Андрея Васильевича Хилкова и князь Дмитрій Михайловичь Пожарскій, державшій во время царской присяги мису подъ крестомъ, который подносилъ государю князь Хилковъ. Пожарскій доказывалъ, что ему невмѣстно быть меньше Хилкова, говоря, что родъ ихъ одинъ и что они равны въ родствѣ своемъ.

Обѣ челобитныя, Шереметева и князя Пожарскаго, были приняты государемъ.

Черезъ три дня послѣ отъѣзда Польскихъ пословъ, оставившихъ Москву 23 марта 1635 года, князь Хилковъ опять билъ челомъ государю по тому-же дѣлу, прося принять у него челобитную на Шереметева «съ случаи», то есть, съ послужнымъ спискомъ; но и на этотъ разъ государь не взялъ челобитной и тѣмъ прекратилъ самое дѣло[216].

---

[216] Дворцовые разряды. Т. II. Спб. 1851. столб. 433 и 446.

ГЛАВА X.

Ровно годъ спустя послѣ пріѣзда Польскихъ пословъ, именно въ мартѣ мѣсяцѣ 1636 года, вторично прибыло въ Москву посольство отъ извѣстнаго въ то время покровителя наукъ и искуствъ, герцога Шлезвигъ-Голштинскаго Фридриха.

Посольство Голштинское, пріѣзжавшее въ Москву въ первый разъ въ августѣ 1634 года, имѣло въ виду установить съ нами непосредственныя торговыя сношенія. Еще въ первый пріѣздъ посольство заручилось разрѣшеніемъ царя Михаила Ѳедоровича прослѣдовать черезъ его владѣнія въ Персію и теперь пріѣхало уже вполнѣ готовое къ дальнему путешествію.

По желанію герцога Фридриха, посоль-

ство должно было также собрать точныя, подробныя свѣдѣнія о Московскомъ государствѣ и о Персіи; для этой чисто научной цѣли, главныхъ пословъ, Филиппа Крузе и Отто Бругманна, сопровождали: извѣстный Саксонскій ученый Адамъ Олеарій, его другъ молодой поэтъ Павелъ Флемингъ, извѣстный путешественникъ по Индіи Албрехтъ Мандельсло и другіе.

Памятникомъ знаменитаго Голштинскаго посольства и просвѣщенной любознательности герцога Фридриха служитъ оставленное Олеаріемъ «Описаніе путешествія въ Московію и Персію», которое еще надолго, если не навсегда, будетъ служить самымъ важнымъ источникомъ для изученія Русскаго домашняго быта XVII вѣка. Для насъ же Олеаріево Описаніе особенно драгоцѣнно по біографическимъ подробностямъ о родномъ дѣдѣ фельдмаршала Бориса Петровича Шереметева, Нижегородскомъ воеводѣ Васильѣ Петровичѣ Шереметевѣ.

Нужно сказать, что Голштинскіе послы, располагавшіе ѣхать въ Персію Волгою и Каспійскимъ моремъ, еще въ первый свой пріѣздъ въ Москву завязали заочныя сноше-

нія съ Васильемъ Петровичемъ Шереметевымъ, отправивъ къ нему въ Нижній Новгородъ корабельнаго мастера Михайла Кордеса съ шестью товарищами для постройки корабля. Шереметевъ оказывалъ всевозможное содѣйствіе корабельнымъ мастерамъ, цѣлый годъ работавшимъ въ Нижнемъ, при помощи Русскихъ плотниковъ.

30 іюня 1636 года, Голштинское посольство сѣло подъ Симоновымъ въ судно и поплыло Москвою-рѣкою къ Коломнѣ, откуда рѣкою Окою слѣдовало далѣе къ Нижнему. Олеарій указываетъ въ своемъ Описаніи на всѣ сколько нибудь замѣчательныя мѣста, встрѣчавшіяся по пути, и между прочимъ на большое село Елатьму[217] съ 300 душъ крестьянъ, принадлежавшее, по его словамъ, боярину Ѳедору Ивановичу Шереметеву.

Въ Нижній Новгородъ посольство прибыло 11 іюля подъ вечеръ и высадилось не въ городѣ, а на свой корабль, уже совсѣмъ оконченный постройкою; оставалось только снарядить его и снабдить запасомъ продовольствія, для чего пришлось прожить въ Нижнемъ почти три недѣли. 24 іюля, по по-

[217] Нынѣ уѣздный городъ Тамбовской губерніи.

рученію пословъ, Олеарій и Мандельсло, сопровождаемые Русскимъ переводчикомъ Гансомъ Арпенбакомъ и приставомъ Родіономъ Матвѣевичемъ Стрѣшневымъ, отправились въ городъ, окруженный каменною стѣною и башнями, къ воеводѣ Василью Петровичу Шереметеву, «поблагодарить его за доброе расположеніе и услуги, которыя онъ оказывалъ корабельнымъ мастерамъ, жившимъ цѣлый годъ въ Нижнемъ ради постройки корабля, и вручить ему въ подарокъ драгоцѣнную вещь, цѣною во сто рейхсталеровъ».

Шереметевъ произвелъ самое выгодное впечатлѣніе на Олеарія и его спутника Мандельсло. Предоставимъ разсказать объ этомъ свиданіи самому Олеарію: «Шереметевъ[218] угостилъ насъ великолѣпно. Вообще онъ былъ весьма вѣжливый и разумный человѣкъ и въ домѣ своемъ держалъ приличную обстановку. Когда мы были приглашены къ нему черезъ нашего пристава, насъ встрѣтили на дворѣ два человѣка и провели прекрасно убраннымъ входомъ, по обѣимъ сторонамъ кото-

---

[218] Олеарій называетъ Шереметева только по имени и отчеству (Wasili Petrowitz) или просто воеводой. Мы, для ясности разсказа, будемъ называть его по фамиліи.

раго до самой лѣстницы стояли слуги и рабы; въ передней насъ приняли двое почтенныхъ стариковъ и проводили въ покой воеводы, убранный коврами, занавѣсами, серебреными блюдами и кубками. Шереметевъ стоялъ въ кафтанѣ изъ золотой парчи, окруженный многими богато одѣтыми мужами, дружески принялъ насъ, благодарилъ длинною, почтительною рѣчью за поклонъ и подарокъ посланниковъ; за тѣмъ, пригласилъ насъ сѣсть за столъ и предложилъ выпить за здоровье его царскаго величества, его свѣтлости герцога Голштинскаго и его посланниковъ. Во время угощенія за столомъ, состоявшаго изъ медовыхъ пряниковъ, водки и различныхъ родовъ меду, Шереметевъ велъ разные веселые и остроумные разговоры, такъ что мы удивлялись ему, зная, что это чуждо Русскимъ. Шереметевъ спрашивалъ насъ, между прочимъ, не боимся ли мы казаковъ, которые разгуливаютъ по Волгѣ, какъ разбойники, и, вѣроятно, не пропустятъ насъ безъ того, чтобы не напасть на насъ: это страшный, безчеловѣчный народъ, который любитъ разбой болѣе нежели Бога и нападаетъ на людей вотъ какъ этотъ звѣрь! При этихъ словахъ Шере-

метевъ указалъ на картину, изображающую льва, которому Самсонъ раздираетъ пасть. Когда мы отвѣтили, что если казаки окажутся по отношенію къ намъ львомъ, то мы будемъ для нихъ Самсономъ, Шереметевъ добавилъ, что онъ вполнѣ на то надѣется и полагаетъ, что имя Нѣмцевъ, извѣстныхъ въ Россіи своею храбростію, которою они оказали немалую услугу и его царскому величеству, достигло и до слуха казаковъ и, безъ сомнѣнія, устрашитъ ихъ. Когда мы простились съ Шереметевымъ, онъ приказалъ проводить насъ черезъ дворъ, прежнимъ порядкомъ, до самыхъ воротъ»[219].

Этотъ любопытный разсказъ Олеарія вполнѣ возмѣщаетъ скудость нашихъ свѣдѣній о Васильѣ Петровичѣ Шереметевѣ за время пребыванія его на воеводствѣ въ Нижнемъ. Изъ разрядныхъ книгъ видно только, что въ годъ посѣщенія Нижняго Голштинцами, при Васильѣ Петровичѣ состояли: «дьякъ Осипъ Пустынниковъ, голова стрѣлецкій, 5 сотниковъ, 500 стрѣльцовъ, 78 человѣкъ ино-

---

[219] Олеарій. Подробное описаніе путешествія Голштинскаго посольства въ Московію и Персію въ 1633, 1636 и 1639 годахъ. Переводъ съ Нѣмецкаго Павла Барсова. М. 1870. стр. 399 и 400.

земцевъ помѣстныхъ Литвы и Нѣмецъ, 19 пушкарей и затинщиковъ, 11 воротниковъ, 138 бортниковъ и 482 человѣка Мордвы, а всего 1235 служилыхъ людей»[220].

Василій Петровичь Шереметевъ, судя по его домашней обстановкѣ, изображенной Олеаріемъ, жилъ въ Нижнемъ со всѣмъ своимъ семействомъ. Но Голштинскій путешественникъ не успѣлъ на столько сойтись съ Нижегородскимъ воеводою, чтобы удостоиться чести видѣть его жену и дѣтей.

До сихъ поръ неизвѣстно, на комъ былъ женатъ Василій Петровичь Шереметевъ. У него было двое сыновей: Петръ да Матвѣй и дочь Марѳа, годы рожденія которыхъ тоже неизвѣстны. Какъ увидимъ ниже, въ 1644 году, Петръ Васильевичь и Матвѣй Васильевичь Шереметевы упоминаются на службѣ стольниками, а Марѳа Васильевна въ 1643 году была уже замужемъ; слѣдовательно, въ 1636 году, всѣ дѣти Василья Петровича Шереметева были уже въ такомъ возрастѣ, что могли удержать въ памяти пріѣздъ къ ихъ родителю знаменитыхъ путешественниковъ.

30 іюля, Голштинцы выѣхали изъ Ниж-

---

[220] Книги разрядныя. Т. II. Спб. 1855. столб. 889.

няго. Василій Петровичъ Шереметевъ подарилъ имъ на дорогу двадцать свиныхъ окороковъ «и разнаго другаго продовольствія», и кромѣ того велѣлъ своему дьяку Пустынникову проводить ихъ нѣсколько верстъ внизъ по Волгѣ и наблюсти, благополучно ли пойдетъ плаваніе на вновь построенномъ кораблѣ. По случаю сильнаго спада водъ въ Волгѣ, путешественники нѣсколько разъ садились на мель и только 3 августа прослѣдовали мимо Нижегородскаго имѣнія Ѳедора Ивановича Шереметева, села Кадницы, находящагося всего въ 40 верстахъ отъ Нижняго.

Къ вечеру 13 августа, Голштинскій корабль прибылъ наконецъ въ Казань, но стоялъ здѣсь на якорѣ всего полторы сутки. Голштинцы успѣли, однако, побывать и у Казанскаго воеводы Ивана Петровича Шереметева; но, къ сожалѣнію, Олеарій не описалъ подробностей этого любопытнаго для насъ посѣщенія. У него записано только слѣдующее: «Воеводою въ Казани въ наше время былъ братъ воеводы Нижегородскаго; ему также, какъ и другимъ, посланники наши подарили прекрасный перстень съ большимъ

рубиномъ». По нашимъ оффиціальнымъ свѣдѣніямъ, при Иванѣ Петровичѣ Шереметевѣ, въ годъ пріѣзда въ Казань Голштинскихъ пословъ, состояли въ товарищахъ: Миронъ Андреевичь Вельяминовъ и дьяки — Александръ Дуровъ да Василій Ключаревъ. Въ распоряженіи Шереметева находились слѣдующіе служилые люди: «голова у Татаръ, 4 человѣка головъ стрѣлецкихъ, 309 дворянъ и дѣтей боярскихъ, 133 человѣка Литвы и Черкасъ съ четырьмя головами, сотня конныхъ стрѣльцовъ, 2000 пѣшихъ стрѣльцовъ, 10 толмачей, колокольный и пушечный литецъ съ четырьмя учениками, 12 пушкарей и затинщиковъ, 15 человѣкъ воротниковъ, часовникъ, 4 сторожа, судовой сторожъ, биричь, 2 тчанные мастеры, 4 человѣка рыбнаго двора продѣльщиковъ и сторожей, пивоваръ и 101 ямщикъ»[221]. Со всѣми этими служилыми людьми Иванъ Петровичь Шереметевъ сидѣлъ въ Казанскомъ кремлѣ, «сильно защищенномъ толстою каменною стѣною и орудіями»[222].

---

[221] Книги разрядныя. Т. II. Спб. 1855. столб. 923.

[222] Олеарій. Подробное описаніе путешествія Голштинскаго посольства въ Московію и Персію въ 1633, 1636 и 1639 годахъ. Переводъ съ Нѣмецкаго Павла Барсова. М. 1870. стр. 413 и 418.

Голштинское посольство останавливалось и въ Свіяжскѣ; но въ то время Борисъ Петровичь Шереметевъ уже не состоялъ воеводою въ этомъ Казанскомъ пригородѣ. Еще въ 1635 году онъ «былъ отпущенъ къ Москвѣ», и его мѣсто занялъ князь Евѳимій Ѳедоровичь Мышецкій[223].

Вскорѣ послѣ отъѣзда Голштинцевъ, оставилъ Казань и Иванъ Петровичь Шереметевъ съ своимъ товарищемъ Мирономъ Вельяминовымъ. Ихъ смѣнили: бояринъ Иванъ Васильевичь Морозовъ и князь Никита Никитичь Гагаринъ[224].

По времени года, возвращеніе въ Москву изъ дальняго воеводства въ Казани не могло быть особенно затруднительнымъ для Ивана Петровича Шереметева. По всѣмъ вѣроятіямъ, ему пришлось ѣхать, подобно Голштинскому посольству, все время водою. Къ тому же Иванъ Петровичь, также какъ и братъ его Василій, не былъ обремененъ большимъ семействомъ: отъ перваго брака, съ Марьей Елизарьевной Вылузгиной, у него былъ сынъ Василій и дочь Анна; а отъ вто-

[223] Книги разрядныя. Т. II. Спб. 1855. столб. 822.
[224] Дворцовые разряды. Т. II. Спб. 1851. столб. 548.

раго брака, съ Мареой Васильевной Нагою (рожденною княжною Волконской-Веригиной) — сынъ Никита. Второй его сынъ отъ Мареы Васильевны, Матвѣй, скончался младенцемъ въ 1644 году, когда старшій сынъ Василій состоялъ уже стольникомъ и слѣдовательно имѣлъ, по крайней мѣрѣ, 15 лѣтъ отъ роду, а въ пору пребыванія Ивана Петровича въ Казани — около шести лѣтъ. Никита же Ивановичъ Шереметевъ былъ гораздо моложе своего единокровнаго брата Василья, потому что онъ въ первый разъ упоминается на стольничьей службѣ лишь въ 1651 году.

Всѣ названные представители новаго, подроставшаго поколѣнія Шереметевыхъ, внуки Псковскаго воеводы Петра Никитича Шереметева, по своей служебной дѣятельности принадлежатъ къ царствованію Алексѣя Михайловича; только самый старшій внукъ Петра Никитича, Василій Борисовичъ Шереметевъ, единственный сынъ бывшаго Свіяжскаго воеводы Бориса Петровича Шереметева, началъ свою службу при царѣ Михаилѣ.

Борисъ Петровичъ Шереметевъ, младшій сынъ Петра Никитича Шереметева, по види-

мому, женился раньше своихъ старшихъ братьевъ, Ивана и Василья. Онъ былъ женатъ два раза: на Екатеринѣ Никитичнѣ, родовая фамилія которой неизвѣстна[225], и на княжнѣ Ульянѣ Петровнѣ Пронской. Василій Борисовичъ Шереметевъ, столь извѣстный въ исторіи долголѣтнимъ плѣномъ у Крымцевъ, родился отъ перваго брака, приблизительно въ 1622 году, потому что въ 1637 году онъ былъ уже стольникомъ.

Первое извѣстіе о службѣ Василья Борисовича Шереметева встрѣчается въ разрядной книгѣ подъ 30 числомъ января 1637 года, въ день торжественнаго пріема Польскаго гонца Адама Орлика, прибывшаго къ царю Михаилу Ѳедоровичу съ письмомъ отъ короля Владислава. Въ пріемѣ гонца, происходившемъ въ Золотой подписной палатѣ, участвовало 93 стольника, въ числѣ которыхъ Василій Борисовичъ Шереметевъ занималъ 18-е мѣсто; тутъ же въ ряду дворянъ Московскихъ находился и отецъ его, Борисъ Пе-

---

[225] Можно догадываться, что Екатерина Никитична, скончавшаяся около 1648 года, была изъ рода Головиныхъ, потому что она принесла съ собою въ приданое село Ховрино, Московскаго уѣзда (Архивъ графа С. Д. Шереметева. № 158), такъ напоминающее своимъ названіемъ Ховриныхъ — родоначальниковъ Головиныхъ.

тровичь; а Өедоръ Ивановичь Шереметевъ занималъ свое обычное мѣсто на лавкѣ бояръ, по лѣвую сторону государя. И во время пріема Польскаго гонца и при отпускѣ его, послѣдовавшемъ 5 февраля, государь былъ въ царскомъ платьѣ, въ діадимѣ и съ скифетромъ; а всѣ присутствовавшіе бояре, дворяне и стольники «были въ золотѣ»[226].

Съ небольшимъ мѣсяцъ спустя послѣ отъѣзда гонца Орлика, именно 8 марта, въ Москвѣ происходила печальная церемонія перенесенія въ Датскую землю тѣла королевича Іоанна (нареченнаго жениха царевны Ксеніи Борисовны Годуновой), погребеннаго въ Москвѣ въ 1602 году. Царь Михаилъ Өедоровичь разрѣшилъ отпустить на родину бренные останки Датскаго королевича, въ-слѣдствіе просьбы о томъ короля Христіана IV, присылавшаго по этому дѣлу нарочнаго гонца Голмера.

Бывшій Казанскій воевода Иванъ Петровичь Шереметевъ получилъ почетное назначеніе провожать тѣло королевича Іоанна за черту города. При Шереметевѣ состоялъ отрядъ изъ 200 человѣкъ дворянъ, а въ то-

---

[226] Дворцовые разряды. Т. II. Спб. 1851. столб. 529. 869—872.

варищи къ нему были назначены: князь Дмитрій Михайловичь Пожарскій, окольничій Степанъ Матвѣевичь Проѣстевъ и дьякъ Григорій Ларіоновъ[227].

Старшинство Ивана Петровича Шереметева, лишь недавно произведеннаго въ бояре, предъ княземъ Дмитріемъ Михайловичемъ Пожарскимъ невольно вызываетъ недоумѣніе, особенно если сравнить прошлую службу этихъ двухъ дѣятелей смутнаго времени. Но нужно помнить, что въ мѣстничествѣ личныя заслуги всегда уступали чести рода или породѣ. Извѣстно, что родъ Пожарскихъ не отличался знаменитостью и древностью. Въ мѣстническихъ спорахъ князю Дмитрію Михайловичу Пожарскому не одинъ разъ указывали на «худобу» его рода, который-де давно «разошелся» съ своими знаменитыми родоначальниками, князьями Стародубскими и Ряполовскими. Князь Дмитрій Михайловичь, дѣйствительно, не могъ опираться на службу своихъ ближайшихъ предковъ и родственниковъ. Онъ первый положилъ начало славы своего рода; имъ-же она и кончилась[228]. Ше-

[227] Дворцовые разряды. Т. II. Спб. 1851. столб. 530.

[228] С. Смирновъ. Біографія князя Дмитрія Михайловича Пожарскаго. М. 1852. стр. 89.

реметевы же издавна занимали почетныя мѣста въ государствѣ «и въ прежнихъ лѣтѣхъ они были въ чести великой».

Приведенный случай служебнаго старшинства Ивана Петровича Шереметева предъ княземъ Пожарскимъ былъ далеко не единичнымъ: въ томъ-же году государь три раза поручалъ Ивану Петровичу Шереметеву, въ свое отсутствіе, вѣдать Москву, именно 13 и 16 мая и 4 ноября, и каждый разъ въ товарищи къ нему назначался князь Дмитрій Михайловичь Пожарскій[229]. Также и за обѣденнымъ столомъ у государя, Иванъ Петровичь занималъ первое мѣсто, а Пожарскій—второе[230].

Въ 1637 году, царь Михаилъ Өедоровичь особенно часто выѣзжалъ изъ Москвы для богомольныхъ путешествій въ монастыри. За исключеніемъ трехъ указанныхъ случаевъ, столицей оставался вѣдать, по прежнему, Өедоръ Ивановичь Шереметевъ[231], который, въ этомъ году, новымъ и весьма значительнымъ вкладомъ выразилъ свое усердіе къ обители чудотворца Кирилла, къ мѣсту вѣчнаго упокоенія своего родителя, люби-

[229] Дворцовые разряды. Т. II. столб. 538 и 557.

[230] Тамъ-же, столб. 543 и 544.

[231] Тамъ-же, столб. 552. 579. 583 и 584.

маго сына-первенца Алексѣя и другихъ родственниковъ: онъ пожертвовалъ монастырю свою Нижегородскую вотчину сельцо Меленки съ 642 десятинами земли. Во вкладной записи Ѳедора Ивановича, отъ 2 іюля 1637 года, читаемъ слѣдующее: «Се язъ бояринъ Ѳедоръ Ивановичь Шереметевъ далъ есьми въ домъ Пресвятыя Богородицы честнаго и славнаго ея Успенія и великаго праведнаго Кирила Бѣлозерскаго чюдотворца игумену Ѳеодосію, да келарю Варфоломею, да казначею Мартіану, да соборнымъ старцамъ и всей братьѣ по себѣ вкладу къ прежнему своему вкладу ко сту рублемъ вотчину свою въ Нижегородскомъ уѣздѣ, въ Закудемскомъ стану, сельцо Меленки съ деревнями: деревню Оболтино, деревню Медвѣдково, деревню Запужаеву, съ пашнею и съ лѣсы и со всѣми угодьи и хлѣбомъ землянымъ, съ рожью и съ ярью. А по писцовымъ книгамъ Нижегородскихъ писцовъ Дмитрія Лодыгина, да Василья Полтева, да дьяка Дементья Обрасцова письма и мѣры 129 (1620—21) году, въ той моей вотчинѣ, въ сельцѣ Меленкахъ съ деревнями, четвертныя пашни 428 четвертей въ полѣ, а въ дву по тому-жъ, опричь лѣсу и по-

косовъ. А та моя вотчина, сельцо Меленки съ деревнями, жалованная мнѣ отца моего Ивана Васильевича; а тою вотчиною сельцомъ Меленками съ деревнями, да сельцомъ Кадницами съ деревнями въ Нижегородскомъ уѣздѣ, въ Закудемскомъ стану, пожаловалъ государь царь и великій князь Иванъ Васильевичь всеа Русіи отца моего Ивана Васильевича противъ взятыхъ ево купленныхъ вотчинъ въ Волоцкомъ уѣздѣ села Бухалова да села Высокаго съ деревнями; а Волоцкія вотчины, село Бухалово да село Высокое съ деревнями, у отца моего Ивана Васильевича взялъ себѣ государь во дворецъ; а отецъ мой Иванъ Васильевичь тѣми вотчинами, сельцомъ Меленками съ деревнями да сельцомъ Кадницами съ деревнями, пожаловалъ меня и въ духовной своей написалъ мнѣ. А духовная за свидѣтельствомъ Антонія, митрополита Московскаго и всеа Русіи, и та духовная у меня. И женѣ моей Ѳедоровѣ и дѣтемъ моимъ и племянникамъ и внучатамъ и роду моему и племени до той вотчины дѣла нѣтъ: та вотчина купля отца моего Ивана Васильевича и дана мнѣ, а не родовая. И далъ язъ ее въ Кириловъ монастырь по себѣ вкладу, по милости

и жалованью къ себѣ государя царя и великаго князя Михаила Ѳедоровича всеа Русіи, съ его государскаго повелѣнія. А списокъ съ государевы жалованныя грамоты на ту вотчину, сельцо Меленки съ деревнями, какъ дана отцу моему Ивану Васильевичу вмѣсто Волоцкихъ ево вотчинъ, и сю данную за своею рукою въ Кириловъ монастырь игумену Ѳеодосію язъ далъ; а государевы жалованныя грамоты не далъ для того, что та моя вотчина, сельцо Меленки съ деревнями написана въ государевѣ жалованной въ одной грамотѣ съ другою моею Нижегородскою вотчиною съ сельцомъ Кадницами съ деревнями вмѣстѣ. И какъ Богъ по душу мою сошлетъ, игумену Ѳеодосію, да келарю Варфоломею, и впредь кто по нихъ будетъ, за тотъ вкладъ тѣло мое грѣшное погрести въ Кириловѣ монастырѣ подлѣ сына моего Олексѣя и поминать меня по своему монастырскому чину, какъ иныхъ вкладчиковъ по дважды въ году: первой поминокъ маія въ шестыйнадесять день (память преподобнаго отца нашего Ѳеодора Освященнаго), другой поминокъ какъ Богъ по душу мою грѣшную сошлетъ. А сю данную писалъ по приказу государя своего боя-

рина Ѳедора Ивановича человѣкъ ево Ѳедка Чюркинъ. Лѣта 7145 іюля вторый день»[232].

---

[232] Отдѣленіе рукописей императорской публичной библіотеки. Карамзинское собраніе. F. IV. № 342. л. 16. — Подлинная данная на село Меленки «за собственною рукою боярина Ѳедора Ивановича Шереметева» показана въ принадлежащей П. И. Савваитову «Описи движимаго и недвижимаго имущества Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря», составленной въ 1668 году (л. 632 на оборотѣ). По той-же Описи (л. 1052) въ селѣ Меленкахъ значится церковь преподобнаго Сергія Радонежскаго чудотворца. — Ѳедоръ Ивановичь Шереметевъ задумалъ пожертвовать село Меленки Кирилло-Бѣлозерскому монастырю еще въ 1634 году, какъ это видно изъ его челобитной царю Михаилу Ѳедоровичу, современный списокъ которой хранится въ архивѣ графа С. Д. Шереметева. Позади челобитной написано: «142 году марта въ 28 день, государь пожаловалъ велѣлъ боярину Ѳедору Ивановичу Шереметеву ту вотчину село Меленки написать въ духовной въ домъ Пречистыя Богородицы и къ преподобному Кириллу Бѣлозерскому чюдотворцу по своей душѣ въ прокъ безъ выкупу».

ГЛАВА XI.

Осенью 1637 года, Московская украйна подверглась внезапному нападенію Ногайскихъ и Крымскихъ Татаръ. Это бѣдствіе было накликано Донскими казаками, которые, незадолго предъ тѣмъ соединившись съ Запорожцами, самовольно осадили Азовъ и, отнявъ эту сильную Турецкую крѣпость у янычаръ, поклонились ею царю Михаилу Ѳеодоровичу. Татары прямо говорили, что нападеніе сдѣлано ими по приказу султана Амурата IV за взятіе Азова казаками, и что весною они опять придутъ на Московское государство еще съ бо́льшею силою.

Въ апрѣлѣ 1638 года, по первымъ же вѣстямъ о приготовленіяхъ Татаръ къ новому

набѣгу, въ украинскіе города послано было войско подъ главнымъ начальствомъ двоюроднаго брата государева, высшаго сановника въ государствѣ, князя Ивана Борисовича Черкасскаго. Въ числѣ другихъ бояръ, назначенныхъ, вмѣстѣ съ княземъ Черкасскимъ, «на передовую государеву службу», былъ и бояринъ Иванъ Петровичъ Шереметевъ.

15 апрѣля, всѣ назначенные въ походъ бояре были у государя у руки, а по прибытіи въ украйну, размѣстились по слѣдующимъ городамъ: въ Тулѣ сталъ самъ князь Черкаскій съ товарищами: княземъ Алексѣемъ Михайловичемъ Львовымъ и Васильемъ Ивановичемъ Стрѣшневымъ; въ Одоевѣ — князь Иванъ Андреевичъ Голицынъ; въ Крапивнѣ — Иванъ Петровичъ Шереметевъ съ своимъ товарищемъ, княземъ Семеномъ Ивановичемъ Харей-Шаховскимъ; въ Веневѣ — князь Семенъ Васильевичъ Прозоровскій; въ Рязани — князь Дмитрій Михайловичъ Пожарскій и, наконецъ, во Мценскѣ — князь Михаилъ Петровичъ Пронскій. Всѣмъ названнымъ боярамъ-воеводамъ «государь указалъ быть съ бояриномъ княземъ Иваномъ Бори-

совичемъ Черкасскимъ, а межъ себя быть на берегу безъ мѣстъ, и стоять по своимъ городамъ, гдѣ кому указано, и никому ни на кого не бить челомъ, кто съ кѣмъ ни будетъ; а писать изо всѣхъ мѣстъ на Тулу, къ одному князю Черкасскому, а послѣднему къ государю писать въ отпискахъ одному же съ товарищи»[233].

Вскорѣ послѣ того, какъ воеводы разъѣхались по своимъ городамъ, въ Тулу пріѣхалъ отъ государя окольничій Степанъ Проѣстевъ, только что возвратившійся изъ Польши, куда онъ былъ посланъ съ запросомъ относительно недописокъ и ошибокъ въ царскомъ титулѣ, примѣченныхъ Московскими дьяками въ отпискахъ пограничныхъ Литовскихъ властей. Московское правительство требовало жестокаго наказанія лицъ, провинившихся въ нарушеніи «государской чести». Но въ привезенномъ Проѣстевымъ отвѣтномъ письмѣ пановъ рады сказано было только, что въ избѣжаніе на будущее время описокъ въ титулѣ, предположено разослать въ порубежные города отпечатанные списки съ царскаго

---

[233] Дворцовые разряды. Т. II. Спб. 1851. столб. 567—569.

титула[234] и что за симъ, шляхтичей, виновныхъ въ умаленіи титула, будутъ сажать въ тюрьму, а простыхъ людей — бить кнутомъ. Въ Москвѣ были недовольны этимъ отвѣтомъ; находили, что онъ даже противорѣчитъ постановленію сейма, который опредѣлилъ смертную казнь за умаленіе государева имени. Царь Михаилъ Ѳедоровичь, желая знать мнѣніе по настоящему дѣлу князя Ивана Борисовича Черкасскаго и всѣхъ бывшихъ съ нимъ большихъ воеводъ, послалъ къ нимъ съ Проѣстевымъ отвѣтное письмо пановъ рады, повелѣвъ спросить воеводъ: «что̀ ихъ мысль»? Князь Черкасскій тотчасъ же послалъ къ большимъ воеводамъ «выписку съ отвѣтнаго письма пановъ радныхъ, каждому особый списокъ, чтобъ они подумали объ этомъ и мысль свою отписали». Такая выписка прислана была и въ Крапивну, къ Ивану Петровичу Шереметеву, который далъ слѣдующій письменный отзывъ: «Какъ государю угодно, такъ и сдѣлаетъ; теперь о такомъ великомъ государственномъ дѣлѣ, не при государскихъ очахъ будучи, и безъ своей братьи мыслить

---

[234] Памятники дипломатическихъ сношеній древней Россіи съ державами иностранными. Т. III. Спб. 1854. столб. 123.

больше того не умѣть, а за государскую честь должно намъ всѣмъ умереть»[235]. Въ такомъ же смыслѣ отписали и всѣ прочіе воеводы, сотоварищи Шереметева по новой береговой службѣ.

Городъ Крапивна, порученный Ивану Петровичу Шереметеву, находится въ 50 верстахъ отъ Тулы, и еще въ XIV столѣтіи имѣлъ для своей обороны небольшую деревянную ограду[236], а въ XVI столѣтіи входилъ въ составъ сторожевой черты, идущей отъ Брянска, черезъ Одоевъ, Веневъ и Рязань къ Шацку. Вся эта черта представляла почти непрерывный рядъ городковъ, острожковъ, окоповъ и лѣсныхъ засѣкъ или зарубовъ съ укрѣпленными воротами. Береговымъ воеводамъ, посланнымъ съ княземъ Черкасскимъ, поручено было, между прочимъ, и исправленіе лѣсныхъ засѣкъ. Иванъ Петровичъ Шереметевъ руководилъ исправленіемъ такъ называемой Лихвинской засѣки на пространствѣ 40 верстъ, заключавшемъ въ себѣ трое воротъ: Орловы, Снятскіе и Палашевскіе. Въ

---

[235] Соловьевъ. Исторія Россіи. Т. IX. М. 1859. стр. 262 и 263.

[236] Ласковскій. Матеріалы для исторіи инженернаго искуства въ Россіи. Ч. I. Спб. 1858. стр. 53.

его распоряженіи состояло 919 человѣкъ сошныхъ дѣловцевъ, работавшихъ въ двухъ участкахъ, отъ Орловыхъ воротъ до Снятскихъ и отъ послѣднихъ до Палашевскихъ, подъ непосредственнымъ надзоромъ особыхъ засѣчныхъ воеводъ: князя Петра Романовича Борятинскаго и Ивана Гавриловича Потемкина. Кромѣ исправленія засѣки, Иванъ Петровичь Шереметевъ устроилъ еще въ засѣчной чертѣ земляной городъ подлѣ села Орлова. Объ этомъ укрѣпленіи находимъ слѣдующія подробности въ современной рукописи: «А по государеву цареву и великаго князя Михаила Ѳедоровича указу, бояринъ и воевода Иванъ Петровичь Шереметевъ сдѣлалъ городъ стоялой земляной, гдѣ стоять въ приходѣ Крымскаго царя и царевичей и большихъ людей съ полскую сторону, въ засѣчной чертѣ къ рощѣ березовой, что прежъ сего припущено къ засѣчному къ черному лѣсу подлѣ села Орлова; вышина городовой стѣны сажень косая съ локтемъ, ширина полъ-двѣ сажени; у землянова же города четыре башни земляныя, да быти двумъ башнямъ деревяннымъ рубленнымъ, проѣзжимъ съ вороты. Кругомъ землянаго всего города по мѣрѣ, кромѣ башень,

400 саженъ; кругомъ же города и башень выкопанъ ровъ 3 сажени ширины и 2 сажени въ глубину»[237].

Береговые воеводы напрасно ожидали Крымцевъ. И на сей разъ все дѣло обошлось небольшими схватками Татаръ съ казаками въ южныхъ степяхъ.

24 сентября, государь нашелъ возможнымъ отпустить къ Москвѣ князя Ивана Борисовича Черкасскаго, Ивана Петровича Шереметева и прочихъ большихъ воеводъ; а на своей государевѣ службѣ на осень указалъ быть меньшимъ воеводамъ. Въ Крапивнѣ остался товарищъ Шереметева, князь Семенъ Ивановичь Харя-Шаховской[238].

На время отсутствія князя Черкасскаго изъ Москвы, состоявшіе въ его вѣдѣніи при-

---

[237] Объ устройствѣ засѣкъ въ Калужской губерніи въ царствованіе царя Михаила Өедоровича (Калужскія губернскія вѣдомости за 1855 годъ, часть неоффиціальная, № 12. стр. 64—67). По объясненію редактора вѣдомостей, указанная статья составлена по подлинной рукописи временъ царя Михаила Өедоровича. — Дополненія къ Актамъ историческимъ, собраннымъ Археографическою коммиссіею. Т. VIII. Спб. 1862. стр. 91. — Въ Козельскомъ уѣздѣ, Калужской губерніи, по правую сторону Медынской дороги, находится сельцо Орлово (Списокъ населенныхъ мѣстъ Калужской губерніи. Спб. 1863. № 1268). Не въ этой ли мѣстности надлежитъ искать слѣдовъ воздвигнутаго Иваномъ Петровичемъ Шереметевымъ укрѣпленія?

[238] Дворцовые разряды. Т. II. Спб. 1851. столб. 590.

казы Стрѣлецкій и Большой казны были поручены Ѳедору Ивановичу Шереметеву[239].

Въ октябрѣ, князь Иванъ Борисовичь Черкасскій возвратился въ Москву, и съ января 1639 года, опять принялъ начальство въ Стрѣлецкомъ приказѣ и въ Большой казнѣ; а Ѳедоръ Ивановичь Шереметевъ, оставаясь, по прежнему, въ Приказѣ приказныхъ дѣлъ, получилъ еще въ завѣдываніе Приказъ что̀ на сильныхъ бьютъ челомъ. Этотъ послѣдній Приказъ учрежденъ въ 1619 году, когда тому-же князю Черкасскому велѣно было «на сильныхъ людей во всякихъ обидахъ сыскивать и указъ по сыску дѣлати»[240]. Неволинъ объясняетъ, что Приказъ, вновь порученный Ѳедору Ивановичу Шереметеву, «называется въ памятникахъ, *то* Приказомъ что̀ на сильныхъ бьютъ челомъ, *то* Приказомъ приказныхъ дѣлъ; въ теченіи же времени для него установилось преимущественно наименованіе: Сыскной приказъ»[241]. Между тѣмъ, въ росписи должностнымъ лицамъ въ Прика-

---

[239] Дворцовые разряды. Т. II. Спб. 1851. столб. 571.

[240] Акты, собранные Археографическою экспедиціею. Т. III. Спб. 1836. № 165. стр. 144. столб. 2.

[241] Неволинъ. Полное собраніе сочиненій. Т. VI. Спб. 1859. стр. 171.

захъ за январь 1639 года опредѣленно сказано, что Θедоръ Ивановичь Шереметевъ сидѣлъ «въ Приказѣ, что на сильныхъ бьютъ челомъ *и* у приказныхъ дѣлъ»[242]. Отсюда видно, что въ описываемое время оба приказа — что̀ на сильныхъ бьютъ челомъ и приказныхъ дѣлъ — составляли отдѣльныя учрежденія, которыя только временно соединились подъ общимъ управленіемъ одного лица, подобно тому, какъ Иноземскій и Рейтарскій приказы обыкновенно поручались завѣдыванію того-же боярина, что̀ сидѣлъ въ Стрѣлецкомъ приказѣ[243].

Въ той-же росписи боярамъ, сидѣвшимъ съ января мѣсяца 1639 года по приказамъ, означено: «Въ Устюжской четверти и у сбору ратныхъ людей сидѣли: бояринъ князь Петръ Александровичь Репнинъ да дьяки Пантелей Чириковъ да Емельянъ Евсевьевъ. И бояринъ князь Репнинъ и дьяки отставлены, а на ихъ мѣсто у сбору ратныхъ людей сидѣли: бояринъ Иванъ Петровичь Шереметевъ да дьяки — Василій Прокофьевъ и

---

[242] Дворцовые разряды. Т. II. Спб. 1851. столб. 596.

[243] Котошихинъ. О Россіи въ царствованіе Алексѣя Михайловича. Изд. 2. М. 1859. стр. 88.

Михайло Невѣровъ»[244]. Такимъ образомъ, не одни только однородные приказы соединялись подъ управленіемъ одного лица. Приказъ Устюжская четверть, вѣдавшій нѣсколько городовъ, и въ томъ числѣ Устюгъ Великій и его доходы, доходившіе до крупной по тому времени цыфры, до 20.000 рублей, дѣйствительно не имѣлъ ничего общаго съ Приказомъ сбора ратныхъ людей, и трудно объяснить, по какимъ соображеніямъ оба эти учрежденія были соединены при князѣ Репнинѣ, а также почему преемникъ послѣдняго, бояринъ Иванъ Петровичь Шереметевъ, назначенъ былъ только въ Приказъ сбора ратныхъ людей.

Самое названіе порученнаго Ивану Петровичу Шереметеву приказа достаточно объясняетъ предметъ его вѣдомства. Учрежденіе это образовано было лишь въ 1633 году, по случаю войны съ Польшею, когда боярину князю Юрью Еншеевичу Сулешеву было поручено быть «у сбору ратныхъ даточныхъ людей» со всѣхъ лицъ, «которымъ на государевой службѣ не быть» и имѣвшихъ свыше

[244] Дворцовые разряды. Т. II. Спб. 1851. столб. 596.

трехсотъ четвертей помѣстной и вотчинной земли всюду, за исключеніемъ Московскаго уѣзда. Въ царскомъ наказѣ, данномъ князю Сулешеву, указано «имать даточныхъ людей добрыхъ (по одному съ каждыхъ лишнихъ трехсотъ четвертей) на лошадяхъ на добрыхъ же, и оружныхъ и въ сбруѣ, въ латахъ, и въ шишекахъ, и въ пансыряхъ, и въ бахтерцахъ[245], а лошади бъ были добрыя, а менши бъ десяти рублевъ лошадей подъ тѣми даточными людми не было»[246].

Ратные люди обыкновенно собирались въ Москвѣ[247]. Бояринъ Иванъ Петровичь Шереметевъ, какъ завѣдывавшій сборомъ, обязанъ былъ все оказавшееся по досмотру записывать безъ утайки въ особыя книги по статьямъ и затѣмъ отсылать тѣ книги въ Разрядъ, въ коемъ сосредоточено было главное военное управленіе.

---

[245] Бахтерцемъ назывался воинскій доспѣхъ, у котораго на боковыхъ, нагрудной и спинной частяхъ было по нѣскольку рядовъ металлическихъ дощечекъ (Савваитовъ. Описаніе старинныхъ царскихъ утварей, одеждъ, оружія, ратныхъ доспѣховъ и конскаго прибора. Спб. 1865. стр. 156).

[246] Акты, собранные Археографическою экспедиціею. Т. III. Спб. 1836. № 222.

[247] Котошихинъ. О Россіи въ царствованіе Алексѣя Михайловича. Изд. 2. Спб. 1859. стр. 110. — Акты, собранные Археографическою экспедиціею. Т. III. Спб. 1836. №№ 225 и 287.

Гораздо труднѣе была служба, которую несъ тогда младшій братъ Ивана Петровича Шереметева, Борисъ Петровичъ.

Еще въ 1638 году, въ то время, какъ Иванъ Петровичъ Шереметевъ, находясь на воеводствѣ въ Крапивнѣ, устроивалъ и исправлялъ Лихвинскую засѣку, Борисъ Петровичъ Шереметевъ назначенъ былъ воеводою въ Архангельскъ[248] или, другими словами, получилъ въ управленіе обширную Двинскую область, которая обыкновенно ввѣрялась лицамъ знатнаго рода, пользовавшимся наибольшимъ довѣріемъ государей. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно взглянуть на списокъ Двинскихъ воеводъ. Предшественниками Бориса Петровича Шереметева были: князь Василій Андреевичъ Звенигородскій, князь Аѳанасій Ивановичъ Вяземскій, князь Дмитрій Петровичъ Пожарскій, князь Василій Петровичъ Львовъ и другіе[249]. Значеніе Двинскихъ воеводъ усиливалось по мѣрѣ развитія Русской торговли съ Европою Бѣломорскимъ путемъ. Сперва Холмогоры, по-

---

[248] Дворцовые разряды. Т. II. Спб. 1851. столб. 588.

[249] Архангельскія губернскія вѣдомости за 1850 годъ. № 49. ч. неоф. стр. 374.

томъ Архангельскъ, служившіе мѣстопребываніемъ Двинскихъ воеводъ, были долгое время единственными пунктами нашихъ непосредственныхъ сношеній съ иностранцами. Сюда ежегодно приходили купеческіе корабли изъ Англіи, Голландіи, Венеціи, Бремена, Гамбурга, Любека и другихъ городовъ Ганзейскаго союза. Черезъ Архангельскъ-же и Холмогоры пріѣзжали въ Московское государство иностранные послы и путешественники. Много чужеземцевъ для торговыхъ цѣлей поселялось навсегда въ этихъ двухъ важныхъ приморскихъ городахъ нашего угрюмаго сѣвера. Отсюда понятно, почему на должность Двинскихъ воеводъ преимущественно назначали лицъ не только знатнаго рода, но и обладавшихъ извѣстною степенью образованія и дипломатическою сноровкою, такъ какъ имъ приходилось быть въ постоянныхъ сношеніяхъ съ иностранцами и въ дѣйствіяхъ по отношенію къ нимъ постоянно сообразоваться съ общимъ направленіемъ Московской политики. Нужно было, съ одной стороны, не допускать сближенія мѣстнаго Русскаго населенія съ иностранцами, «чтобы Русскіе люди съ Нѣмцами не дружили»; съ

другой стороны, необходимо было держать къ иноземцамъ ласку и береженье, дабы ихъ отъ государской милости не отгонять[250].

Надо полагать, что Борисъ Петровичь Шереметевъ съумѣлъ справиться съ трудными обязанностями, лежавшими на правителѣ Двинской области. Прибывши въ Архангельскъ, или, какъ тогда говорили, въ Архангельскій городъ, 22 августа 1638 года, онъ уѣхалъ оттуда лишь въ 1642 году, когда былъ смѣненъ княземъ Иваномъ Никитичемъ Хованскимъ[251]. Столь продолжительное пребываніе Шереметева на трудномъ мѣстѣ Двинскаго воеводы можетъ служить доказательствомъ, что дѣйствіями его были довольны въ Москвѣ.

Двинскіе воеводы обыкновенно жили зимою въ Холмогорахъ, а на время навигаціи и ярмарки переѣзжали въ Архангельскъ. За годъ до прибытія Бориса Петровича Шереметева, Архангельскъ былъ опустошенъ пожаромъ, при чемъ сгорѣлъ и воеводскій

---

[250] Опытъ трудовъ Вольнаго Россійскаго Собранія при императорскомъ Московскомъ университетѣ. Ч. I. М. 1774. стр. 141.

[251] Древняя Россійская вивліоѳика. Ч. XVIII. М. 1791. стр. 25 (Лѣтописецъ Двинской). — Дворцовые разряды. Т. II. Спб. 1851. столб. 588. 616. 640 и 664.

дворъ[252], такъ что Шереметеву, во время пріѣздовъ въ Архангельскъ, приходилось жить въ частномъ домѣ. Въ Холмогорахъ же воеводскій домъ находился въ острогѣ, выстроенномъ въ 1621 году, между посадами Курцевскимъ и Глинскимъ.

Изъ документовъ отъ времени управленія Бориса Петровича Шереметева Двинскою областью до сихъ поръ извѣстны только два: 1) царская грамота, отъ 16 іюня 1640 года, «на Двину воеводѣ Борису Петровичу Шереметеву», о выдачѣ Архангельскаго монастыря черному попу Матвѣю съ братьею, для ихъ скудости, вмѣсто хлѣбной руги, деньгами, по 20 рублей на годъ[253], и 2) память правая того-же 1640 года, данная воеводою Борисомъ Петровичемъ Шереметевымъ игумену Николаевскаго Корельскаго монастыря Памвѣ съ братьею на рыбныя ловли въ Двинскомъ уѣздѣ[254]. Послѣдній документъ для насъ любопытенъ въ томъ отношеніи, что къ нему

---

252 Древняя Россійская вивліоѳика. Ч. XVIII. М. 1791. стр. 24 (Лѣтописецъ Двинской).

253 Акты историческіе, собранные Археографическою коммиссіею. Т. III. Спб. 1841. № 212.

254 Архангельскія губернскія вѣдомости за 1852 годъ. Ч. неоф. № 17. стр. 133.

приложена перстневая печать Бориса Петровича Шереметева, представляемая здѣсь въ точномъ снимкѣ.

Ибисъ надъ шлемомъ съ опущеннымъ забраломъ, изображенная на щиткѣ сирена, выплывающая изъ воды, и всѣ геральдическія, травчатыя арабески выполнены довольно искусно. Вѣроятно, эта печать была заказана Борисомъ Петровичемъ Шереметевымъ за границей, черезъ кого либо изъ иноземцевъ, пріѣзжавшихъ въ Архангельскъ.

Во время воеводства Бориса Петровича на Двинѣ, сынъ его Василій Борисовичь Шереметевъ продолжалъ свою стольничью службу при царѣ Михаилѣ Ѳедоровичѣ, оставаясь въ Москвѣ и въ 1639 году, столь тяжеломъ для царственной семьи, потерявшей въ эту злополучную годину одного за другимъ двухъ царевичей Ивана Михайловича и Василья Михайловича. Первый скончался въ ночь на 10 января, а подъ вечеръ тѣло усопшаго уже было вынесено изъ царскихъ хоромъ въ Архангельскій соборъ. Въ числѣ другихъ стольниковъ, переносившихъ на сво-

ихъ рукахъ тѣло царевича, былъ и Василій Борисовичь Шереметевъ[255].

Ровно за недѣлю до кончины царевича Ивана Михайловича, возвратилось въ Москву изъ дальняго странствованія въ Персію Голштинское посольство, и Олеарій, остававшійся послѣ того въ Москвѣ болѣе двухъ мѣсяцевъ, отмѣтилъ у себя въ запискахъ, что по случаю смерти царевича «по всей Москвѣ и особенно при дворѣ настала печаль великая; всѣ жители столицы сняли съ себя украшенія, золото, жемчугъ и дорогія одежды, и одѣлись въ ветхіе, порванные кафтаны темнаго цвѣта»[256].

Въ теченіи сорока дней у гроба почившаго царевича, въ Архангельскомъ соборѣ, посмѣнно дневали и ночевали бояре, окольничіе, дьяки и стольники, а церковные дьяки денно и ночно читали у гроба псалтырь съ молитвами. Въ 1-й смѣнѣ, 10 января, у гроба царевича находились бояре: князь Иванъ Борисовичь Черкасскій и Глѣбъ Ивановичь Морозовъ, одинъ окольничій, думный дьякъ и 10 стольниковъ; въ числѣ послѣднихъ былъ и

[255] Дворцовые разряды. Т. II. Спб. 1851. столб. 932.

[256] Олеарій. Подробное описаніе путешествія Голштинскаго посольства. Переводъ П. Барсова. М. 1870. стр. 1022.

Василій Борисовичъ Шереметевъ, которому пришлось еще разъ дневать и ночевать въ 23-й смѣнѣ, 1 февраля, при бояринѣ Борисѣ Михайловичѣ Салтыковѣ. Дядя Василья Борисовича, бояринъ Иванъ Петровичъ Шереметевъ дневалъ и ночевалъ у гроба царевича Ивана Михайловича три раза: 15 и 22 января и 15 февраля; при немъ каждый разъ состояли по одному дьяку и по десяти стольниковъ[257].

Ѳедоръ Ивановичъ Шереметевъ ни разу не дневалъ при гробѣ усопшаго царевича, а между тѣмъ онъ былъ въ то время въ Москвѣ и, по порученію государя, велъ переговоры съ Олеаріемъ, которому предлагали перейти на службу его царскаго величества, въ качествѣ придворнаго астронома и географа. Олеарій по-видимому согласился-было принять это предложеніе. По крайней мѣрѣ, 11 марта, Ѳедору Ивановичу Шереметеву уже прислана была опасная грамота на свободный пріѣздъ Олеарія въ Московское государство, въ которой сказано было слѣдующее: «Вѣдомо намъ, великому государю, учинилось, что ты, Адамъ Олеаріусъ, гораздо наученъ и навыченъ астро-

[257] Дворцовые разряды. Т. II. Спб. 1851. столб. 933. 935. 938. 941 и 946.

номіи, и географусъ, и небеснаго бѣгу, и землемѣрію, и инымъ многимъ надобнымъ мастерствамъ и мудростямъ; а намъ, великому государю, таковъ мастеръ годенъ; и мы, великій государь, велѣли къ тебѣ послати сее нашу опасную грамоту, и тебѣ бъ, Адаму, ѣхати къ намъ тѣмъ мастерствомъ своимъ послужити»[258]. Дѣло однако не состоялось, и 15 марта Олеарій, вмѣстѣ съ прочими членами посольства, уѣхалъ изъ Москвы.

Десять дней спустя, съ колокольницы патріаршей церкви снова раздался унылый перезвонъ. Рѣдкіе удары «во единъ колоколъ» возвѣщали столицѣ о кончинѣ другаго сына государева, царевича Василья Михайловича.

Повторилась таже печальная церемонія, что и при погребеніи царевича Ивана Михайловича. Василій Борисовичь Шереметевъ переносилъ тѣло и вновь преставльшагося царевича Василья изъ царскихъ хоромъ въ Архангельскій соборъ, и два раза дневалъ и ночевалъ у его гроба: 28 марта — въ очередь Ѳедора Ивановича Шереметева и 3 апрѣля — въ очередь князя Ивана Андреевича Голи-

[258] Олеарій. Подробное описаніе путешествія Голштинскаго посольства въ Московію и Персію. Перев. съ Нѣмецкаго Павла Барсова. М. 1870. Предисловіе. стр. IV—VI.

цына. Иванъ Петровичъ Шереметевъ дневалъ и ночевалъ у гроба 3 апрѣля и 2 мая[259].

За нѣсколько дней до сороковинъ царевича Василья Михайловича, пріѣхалъ въ Москву съ воеводства въ Нижнемъ Василій Петровичъ Шереметевъ, но не надолго: 1 мая, по указу государя, онъ былъ посланъ «на случай прихода Крымскихъ и Ногайскихъ людей» въ украинный городъ Мценскъ съ прибылымъ, то есть съ вновь набраннымъ, полкомъ[260]. 5 мая, Василій Петровичъ былъ у государя у руки[261], послѣ чего уѣхалъ къ мѣсту назначенія съ своимъ товарищемъ Степаномъ Ѳедоровичемъ Стрѣшневымъ, который вскорѣ былъ замѣщенъ княземъ Даниломъ Матвѣевичемъ Несвицкимъ.

---

[259] Дворцовые разряды. Т. II. Спб. 1851. столб. 963. 965. 967. 974 и 975.

[260] Тамъ-же, столб. 605.

[261] Спиридовъ. Записки о старинныхъ службахъ Русскихъ благородныхъ родовъ. Рукопись императорской публичной библіотеки. Ч. 5. стр. 151.

ГЛАВА XII.

Въ противоположность 1639 году, въ теченіи котораго дворъ почти не снималъ «смирнаго платья» по усопшихъ царевичахъ, слѣдующій 1640 годъ ознаменовался рядомъ пышныхъ церемоній по случаю пріѣзда нѣскольких посольствъ отъ Азіатскихъ и Европейскихъ государей. Мы упомянемъ только о тѣхъ послахъ, въ пріемѣ которыхъ принимали непосредственное участіе Шереметевы.

Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ пріѣзжали посланники короля Владислава, Матвѣй Стохорскій и Христофоръ Раицкій, все по тому-же «начальному, большому дѣлу: о государскомъ титулѣ».

Посланники въ первое же представленіе къ государю, на святой недѣлѣ, въ четвертый

день праздника, подали королевскую грамоту, въ которой сказано, что «его королевское величество накрѣпко и грозно всѣмъ воеводамъ, и старостамъ, и державцамъ и инымъ порубежнымъ урядникамъ приказали и уставомъ сеймовымъ утвердили, чтобы его государская честь въ титлахъ въ великой чести была содержана, а непослушныхъ и преступныхъ карать велѣли»[262].

20 апрѣля Польскимъ посланникамъ дана была вторая аудіенція. На этотъ разъ Василій Борисовичь Шереметевъ стоялъ при государѣ въ должности рынды. Пріемъ происходилъ въ Золотой палатѣ. Василій Борисовичь Шереметевъ и трое другихъ стольниковъ-рындъ, именно три брата Волынскіе[263], стояли подлѣ царскаго мѣста, по два человѣка съ каждой стороны. Всѣ они были одѣты въ бѣлое камчатное платье на горностаяхъ, въ высокихъ бѣлыхъ шапкахъ и въ бѣлыхъ сапогахъ; а въ рукахъ они держали по топору нарядному съ золотомъ и серебромъ[264].

---

[262] Памятники дипломатическихъ сношеній древней Россіи съ державами иностранными. Т. III. Спб. 1854. столб. 122.

[263] Дворцовые разряды. Т. II. Спб. 1851. столб. 632.

[264] Котошихинъ. О Россіи въ царствованіе Алексѣя Михайловича. Изд. 2. Спб. 1859. стр. 51.

Рынды, обыкновенно выбиравшіеся изъ рослыхъ, благообразныхъ юношей, придавали особенный блескъ посольскимъ пріемамъ при Московскомъ дворѣ. Секретарь бывшаго въ Москвѣ Англійскаго посольства Мьежъ говоритъ, что «эти стоявшіе у трона четыре стража, одѣтые съ головы до ногъ въ уборъ бѣлаго цвѣта, взглядывали попеременно то на государя, то на пословъ и этимъ, казалось, давали разумѣть послѣднимъ, чтобъ они удивлялись великолѣпію зрѣлища»[265]. Василій Борисовичь Шереметевъ, какъ увидимъ ниже, весьма часто назначался въ рынды при посольскихъ пріемахъ, такъ какъ дѣйствительно имѣлъ блестящую наружность. Видѣвшіе его двадцать лѣтъ спустя говорили, что «черты лица Шереметева прекрасны, у него высокій лобъ и живые глаза»[266].

Во время пріема Польскихъ пословъ, Василій Борисовичь Шереметевъ въ первый разъ является въ должности рынды, точно также какъ дядя его, бояринъ Иванъ Петро-

---

[265] Успенскій. Опытъ повѣствованія о древностяхъ Русскихъ. Харьковъ. 1818. стр. 165.

[266] Theiner. Monuments historiques, relatifs aux règnes d'Alexis Michaelowitch, Fedor II et Pierre le Grand, extraits des archives du Vatican et de Naples. Rome. 1859. стр. 42.

вичъ Шереметевъ, въ первый же разъ назначенъ былъ тогда «быть въ отвѣтѣ», то есть вести переговоры съ посланниками, при чемъ ему присвоенъ былъ почетный титулъ намѣстника Ростовскаго. Въ товарищахъ при Шереметевѣ состояли: князь Дмитрій Михайловичь Пожарскій, съ титуломъ намѣстника Коломенскаго, князь Ѳедоръ Ѳедоровичь Волконскій, съ титуломъ намѣстника Муромскаго, посольскій думный дьякъ Ѳедоръ Ѳедоровичь Лихачевъ и помѣстный думный дьякъ Михайло Даниловичь Фефилатьевъ. Присутствіе помѣстнаго думнаго дьяка объясняется тѣмъ, что предметомъ переговоровъ, кромѣ статей о нарушеніи царскаго титула и о Запорожскихъ казакахъ, были еще дѣла межевыя о спорныхъ пограничныхъ земляхъ.

Мы не знаемъ подробностей посольскихъ переговоровъ, веденныхъ Иваномъ Петровичемъ Шереметевымъ и его товарищами. Извѣстно только, что они три раза сходились съ посланниками въ Отвѣтной палатѣ, 20 апрѣля, 8 и 18 мая, и что по вопросу о нарушеніи титула, съ нашей стороны, по прежнему, требовали казни виновныхъ.

Одновременно съ Польскими посланни-

ками въ Москвѣ находилось и Персидское посольство. Василій Борисовичь Шереметевъ, вмѣстѣ съ братьями Волынскими, былъ въ рындахъ при отпускныхъ аудіенціяхъ, какъ Польскихъ, такъ и Персидскихъ пословъ, равно какъ и при представленіи Персидскаго гонца, пріѣзжавшаго въ томъ-же году, въ октябрѣ мѣсяцѣ[267].

Василій Борисовичь Шереметевъ, находясь почти неотлучно при особѣ государя, въ декабрѣ мѣсяцѣ сопровождалъ его въ богомольномъ путешествіи въ городъ Владиміръ и за царскимъ столомъ наряжалъ вина.

Въ отсутствіе государя, продолжавшееся до Рождества, Москву вѣдалъ князь Иванъ Борисовичь Черкасскій, при которомъ въ товарищахъ состояло семеро бояръ, написанныхъ въ спискѣ въ такомъ порядкѣ: Θедоръ Ивановичь Шереметевъ, князь Борисъ Михайловичь Лыковъ, Борисъ Ивановичь Морозовъ — воспитатель царевича Алексѣя Михайловича, Иванъ Петровичь Шереметевъ, Иванъ Васильевичь Морозовъ, государевъ тесть Лукьянъ Степановичь Стрѣш-

[267] Дворцовые разряды. Т. II. Спб. 1851. столб. 635 и 646.

невъ и князь Петръ Александровичь Репнинъ[268].

Еще до отъѣзда во Владиміръ, государь указалъ Ивану Петровичу Шереметеву принять въ завѣдываніе одинъ изъ четырехъ судныхъ приказовъ, именно Судный Владимірскій приказъ или избу, какъ сказано въ разрядной росписи. Товарищами къ Ивану Петровичу назначены были: князь Иванъ Леонтьевичь Большой Шаховской, да дьяки: Тимоѳей Агѣевъ и Первой Нероновъ[269].

По новому мѣсту служенія Ивану Петровичу Шереметеву приходилось заниматься исковыми дѣлами на суммы свыше 1000 рублей, поступавшими на царское разрѣшеніе преимущественно изъ города Владиміра и его уѣзда. Иски на меньшія суммы разрѣшались мѣстными воеводами; но такихъ мелкихъ дѣлъ было, разумѣется, несравненно болѣе, нежели крупныхъ. Къ тому же, въ-слѣдствіе дороговизны путешествія въ Москву и хожденія по приказамъ, городскіе жители постоянно выпрашивали себѣ жалованныя грамоты, которыми ограничивалось право тре-

---

[268] Дворцовые разряды. Т. II. Спб. 1851. столб. 646 и 647.
[269] Тамъ-же, столб. 641.

бовать ихъ къ суду въ Москву[270]. Поэтому число дѣлъ вносившихся въ судные приказы было очень ограничено. Котошихинъ говоритъ, что доходовъ въ этихъ приказахъ нѣтъ никакихъ, кромѣ пошлинъ съ судныхъ дѣлъ; но и тѣхъ собиралось въ каждомъ приказѣ всего на 500 рублей въ годъ[271].

Въ исходѣ 1640 года, возвратился съ береговой службы, изъ Мценска, Василій Петровичь Шереметевъ, а 17 марта слѣдующаго 1641 года, въ день ангела царевича Алексѣя Михайловича, онъ былъ пожалованъ изъ дворянъ Московскихъ въ бояре. У сказки стоялъ окольничій Михайла Михайловичь Салтыковъ, а боярство сказывалъ думный разрядный дьякъ Иванъ Гавреневъ. Вновь пожалованный бояринъ въ тотъ-же день былъ приглашенъ къ столу государя и сидѣлъ на второмъ мѣстѣ, рядомъ съ княземъ Иваномъ Борисовичемъ Черкасскимъ[272].

Такимъ образомъ, въ 1641 году, снова собрались въ Москвѣ всѣ Шереметевы. Не до-

---

[270] Чичеринъ. Областныя учрежденія въ Россіи въ XVII вѣкѣ. М. 1856. стр. 135 и слѣд.

[271] Котошихинъ. О Россіи въ царствованіе Алексѣя Михайловича. Изд. 2. Спб. 1859. стр. 93.

[272] Дворцовые разряды. Т. II. Спб. 1851. столб. 650.

Значеніе Шереметевыхъ особенно усилилось съ 1642 года, послѣ смерти князя Ивана Борисовича Черкасскаго, когда Θедоръ Ивановичь Шереметевъ остался, по выраженію современниковъ, «тайнѣйшимъ и начальнѣйшимъ бояриномъ въ царствѣ[276].

Смерти князя Черкасскаго, послѣдовавшей 4 апрѣля 1642 года, предшествовало торжество поставленія въ патріархи Симоновскаго архимандрита Іосифа, на мѣсто скончавшагося въ ноябрѣ 1641 года преемника Филаретова, патріарха Іоасафа. Въ самый день поставленія, 27 марта 1642 года, у государя былъ столъ въ Золотой палатѣ. Новый патріархъ сидѣлъ за однимъ столомъ съ царемъ, на разстояніи отъ него «съ сажень или мало больше». По правую сторону отъ нихъ за особымъ столомъ помѣщались власти, а по лѣвую сторону—свѣтскіе чины, именно: два боярина Иванъ Петровичь и Василій Петровичь Шереметевы, окольничій князь Андрей Θедоровичь Литвиновъ-Мосальскій и Московскіе дворяне. Стольникъ Василій Борисовичь

---

[276] Рихтеръ. Исторія медицины въ Россіи. Ч. 2. М. 1820. Прибавленія. стр. 31. — Соловьевъ. Исторія Россіи. Т. IX. М. 1859. стр. 330.

Шереметевъ наряжалъ вина[277]. Согласно чину патріаршаго поставленія, послѣ того какъ подали на столъ третью ѣству — икру, уху и пирогъ, патріархъ Іосифъ всталъ съ своего мѣста и, ударивъ челомъ государю, пошелъ къ Благовѣщенской паперти для совершенія извѣстнаго обряда шествія по городу на осляти. У паперти Благовѣщенскаго собора, патріархъ возсѣлъ бокомъ на коня, покрытаго съ головы до ногъ бѣлою суконною попоною съ придѣланными ушами, на подобіе ослиныхъ, и въ предшествіи протодіакона, кропившаго градъ святою водою, творилъ шествіе вокругъ Кремля, осѣняя народъ крестомъ. Боярину Василью Петровичу Шереметеву предоставлена была высокая честь вести патріархова коня за конецъ повода. Середину повода держалъ князь Литвиновъ-Мосальскій, а у самой губы — патріаршій бояринъ Василій Ѳедоровичь Яновъ. Таже самая церемонія, при участіи Шереметева и другихъ лицъ, повторилась и въ слѣдующіе два дня, въ теченіи коихъ патріархъ объѣхалъ тѣмъ-же порядкомъ всю Москву[278].

---

[277] Дворцовые разряды. Т. II. Спб. 1851. столб. 676.

[278] Древняя Россійская вивліоѳика. Ч. VI. М. 1788. стр. 247—256.

3 апрѣля, въ Вербное Воскресенье, Василій Петровичь Шереметевъ и князь Мосальскій, вмѣстѣ съ Өедоромъ Ивановичемъ Шереметевымъ, обѣдали у вновь поставленнаго патріарха[279]. На другой день, въ чистый понедѣльникъ, скончался двоюродный братъ государевъ, и его первый совѣтникъ, князь Иванъ Борисовичь Черкасскій[280]. Богатыя помѣстья и вотчины бездѣтнаго князя достались его троюроднымъ братьямъ, князьямъ: Дмитрію Мамстрюковичу и Якову Куденетовичу Черкасскимъ, а первенствующее положеніе усопшаго въ совѣтѣ царскомъ и въ высшемъ государственномъ управленіи занялъ шуринъ его бояринъ Өедоръ Ивановичь Шереметевъ. На третій день пасхи (12 апрѣля), царь Михаилъ указалъ Шереметеву «вѣдать свой государевъ большой нарядъ»[281], другими словами, ему велѣно было сидѣть въ приказѣ Большой Казны, какъ показано и въ разрядныхъ росписяхъ[282]. Это было одно изъ

---

[279] Дворцовые разряды. Т. II. Спб. 1851. столб. 677.

[280] Новый лѣтописецъ, по списку князя Оболенскаго. М. 1853. Приложенія. стр. 3.

[281] Викторовъ. Описаніе записныхъ книгъ и бумагъ старинныхъ дворцовыхъ приказовъ. М. 1877. Вып. 1. стр. 35.

[282] Дворцовые разряды. Т. II. Спб. 1851. столб. 689 и 708. — Первоначально къ Шереметеву назначены были въ товарищи дьяки:

важнѣйшихъ учрежденій и всегда поручалось ближнему боярину, тогда какъ другими приказами завѣдывали иногда окольничіе и дьяки. Когда нужно было подавать государю царскій нарядъ, Ѳедоръ Ивановичь Шереметевъ приходилъ въ Казну съ государевою печатью и распечатывалъ сундуки. Нарядъ вынимали дьяки, а обратно взносилъ стряпчій съ ключемъ; послѣ чего Шереметевъ снова запечатывалъ сундуки государевою печатью[283]. Кромѣ береженія государева большого наряда или вообще царскихъ сокровищъ, уже бывшихъ на рукахъ Ѳедора Ивановича Шереметева въ трудное время Смуты, въ приказѣ Большой Казны были «вѣдомы гости и гостинная и суконная сотня, и серебрянаго дѣла мастеры, и многихъ городовъ торговые люди», а также получаемые отъ нихъ доходы, въ видѣ «податей, откуповъ и иныхъ поборовъ», дававшихъ казнѣ ежегодной прибыли до 300.000 рублей[284].

Григорій Панкратьевъ и Алмазъ Ивановъ, а съ осени 1642 года — Иванъ Павловичь Матюшкинъ и дьякъ Назарій Чистой.

[283] Такъ объяснилъ намъ этотъ порядокъ Иванъ Егоровичь Забѣлинъ.

[284] Котошихинъ. О Россіи въ царствованіе Алексѣя Михайловича. Изд. 2. Спб. 1859. стр. 80.

Шереметеву же были подчинены денежный дворъ и вообще вся монетная часть въ государствѣ, а также слѣдующіе приказы, которыми обыкновенно завѣдывалъ тотъ-же бояринъ, что̀ сидѣлъ въ приказѣ Большой Казны: Стрѣлецкій, въ коемъ вѣдомы были всѣ отдѣльные стрѣлецкіе приказы, Московскіе и городовые; Иноземскій, вѣдавшій иноземцевъ всякихъ чиновъ служилыхъ людей; Рейтарскій, въ вѣдѣніи коего находились рейтары или конные люди Московскаго войска и, наконецъ, Аптекарскій приказъ, въ которомъ были вѣдомы «аптека и докто̀ры и лѣкари, иныхъ государствъ люди»[285].

Кромѣ того, съ 1642 года, Ѳедору Ивановичу Шереметеву поручено было управленіе приказомъ Новой Четверти[286], вѣдавшимъ кружечные дворы «на вѣрѣ и откупу» въ Москвѣ и во многихъ другихъ городахъ, волостяхъ и селахъ, а также судопроизводство по винной части въ цѣломъ государ-

---

[285] Котошихинъ. О Россіи въ царствованіе Алексѣя Михайловича. Изд. 2. Спб. 1859. стр. 74. 80. 88. 90.

[286] Дополненія къ Актамъ историческимъ. Т. III. Спб. 1848. № 44. стр. 150. столб. 1.—Дворцовые разряды. Т. II. Спб. 1851. столб. 708.

ствѣ[287]. Тогда-же подчиненъ былъ Ѳедору Ивановичу и Оружейный приказъ съ дворомъ, «гдѣ дѣлали ружье, съ казенной Оружничьей палатой и съ мастерами ствольнаго, ложнаго, замочнаго и иного дѣла». Два послѣдніе приказа соединялись подъ управленіемъ одного боярина собственно потому, что заготовленіе оружія для войска и жалованье мастеровымъ людямъ производились изъ доходовъ отъ кружечныхъ дворовъ и кабаковъ[288].

Предметы вѣдѣнія приказовъ, подчиненныхъ Ѳедору Ивановичу Шереметеву, опредѣлены лишь въ общихъ чертахъ. Болѣе подробнаго и точнаго объясненія сдѣлать почти невозможно, такъ какъ кругъ дѣятельности нашихъ старыхъ приказовъ не былъ строго разграниченъ. Къ первоначально опредѣленнымъ предметамъ приказа въ теченіе времени было присоединяемо множество постороннихъ; иногда тотъ или другой изъ первоначальныхъ предметовъ приказа выхо-

---

[287] Котошихинъ. О Россіи въ царствованіе Алексѣя Михайловича. Спб. 1859. стр. 89.—Графъ Дмитрій Толстой. Исторія финансовыхъ учрежденій въ Россіи. Спб. 1848. стр. 138.

[288] Котошихинъ. О Россіи въ царствованіе Алексѣя Михайловича. Спб. 1859. стр. 90.

дилъ изъ-подъ его вѣдомства, такъ что нерѣдко и самое названіе приказа уже не соотвѣтствовало его занятіямъ[289]. Изъ всѣхъ поименованныхъ приказовъ, въ которыхъ сидѣлъ съ 1642 года Ѳедоръ Ивановичъ Шереметевъ, только Аптекарскій приказъ представлялъ изъ себя нѣчто цѣльное и носилъ названіе, вполнѣ отвѣчавшее предметамъ своихъ занятій: онъ управлялъ всею врачебною частію въ государствѣ. На обязанности Ѳедора Ивановича Шереметева, какъ начальника Аптекарскаго приказа, лежало попеченіе объ общественномъ здравіи и принятіе мѣръ противъ распространенія разныхъ прилипчивыхъ болѣзней. Въ-частности Шереметевъ долженъ былъ снабжать царскія аптеки достаточнымъ запасомъ лѣкарствъ, выписывавшихся въ то время изъ-за границы, пріискивать опытныхъ чужеземныхъ врачей какъ для двора, такъ и въ полки, учреждать новыя полевыя аптеки, выдавать содержаніе врачамъ, разбирать возникавшія у нихъ спорныя дѣла и тому подобное. По всѣмъ этимъ предметамъ Ѳедоръ Ивановичъ Шереметевъ

---

[289] Неволинъ. Полное собраніе сочиненій. Т. VI. Спб. 1859. стр. 140.

ежедневно совѣщался съ придворными докторами въ назначенномъ для сего особомъ домѣ близъ Воскресенскихъ воротъ. Кромѣ докторовъ, при Аптекарскомъ приказѣ состояли также алхимисты, проникшіе и въ Россію съ своимъ мечтательнымъ ученіемъ о превращеніи простыхъ металловъ въ драгоцѣнные и о томъ, что всѣ земныя тѣла имѣютъ свой подлинникъ на небѣ, по вліянію коего рождаются и самыя болѣзни. Еще въ 1626 году, Голландецъ Гейденъ подносилъ царю рукопись подъ заглавіемъ: «Изъясненіе объ алхимической мудрости или о философскомъ камнѣ, врачующемъ всѣ болѣзни»[290].

Ѳедору Ивановичу Шереметеву на первыхъ же порахъ своей службы въ Аптекарскомъ приказѣ пришлось разбирать дѣло объ одномъ изъ адептовъ алхимической мудрости, Томасѣ Винсѣ, принятомъ въ царскую службу еще при князѣ Иванѣ Борисовичѣ Черкасскомъ. 2 іюля 1642 года, придворный докторъ Гартманъ Граманъ, считавшійся знатокомъ герметическаго леченія[291], заявилъ Шереме-

[290] Рихтеръ. Исторія медицины въ Россіи. Ч. 2. М. 1820. стр. 3. 4. 55 и 56.

[291] Олеарій. Подробное описаніе путешествія Голштинскаго посольства въ Московію и Персію. М. 1870. стр. 264.

теву, что онъ слышалъ отъ самого алхимиста Томаса Винса, что онъ только теперь «окрестился въ Люторскую вѣру, а до тѣхъ мѣстъ до крещенья служилъ государю въ Оптекарскомъ приказѣ шесть лѣтъ, и крестъ цѣловалъ не крещенъ, и по-латыни грамотѣ не умѣетъ». Граманъ находилъ, что при такихъ обстоятельствахъ, Винсу нельзя довѣрять составленіе лѣкарствъ про государевъ обиходъ, «потому что онъ государю и въ крещеньѣ солгалъ». Шереметевъ пригласилъ алхимиста Винса, который въ распросѣ сказалъ: «выѣхалъ-де онъ изъ своей земли лѣтъ съ восмь, и былъ въ Ростовѣ у городоваго дѣла; а крещенъ ли онъ съ-мала или нѣтъ, того не вѣдаетъ, а вѣровалъ-де онъ вѣру Менистъ[292], въ которую вѣровалъ отецъ его и мать; а у нихъ-де малыхъ дѣтей не крестятъ до тѣхъ мѣстъ, покамѣста возмужаетъ и узнаетъ все, и онъ потому нынѣ и крестился въ Люторскую вѣру; а какъ-де въ Оптекарскомъ приказѣ приводили ко кресту, и онъ крестъ цѣловалъ въ Менистову вѣру, а по-латынѣ-де онъ грамотѣ не ученъ». 4 іюля,

---

[292] Отъ священника Менно, умершаго въ 1561 году. Его послѣдователи Меннониты существуютъ и доселѣ.

Ѳедоръ Ивановичь Шереметевъ представилъ извѣтъ Грамана съ распросными рѣчами царю, который въ тотъ-же день приказалъ алхимиста Винса «отъ государева дѣла изъ Оптекарскаго приказу отставить».

Удаленный отъ дѣлъ алхимистъ терпѣливо переждалъ невзгоду, и черезъ полтора года, когда скончался алхимистъ Пухнеръ, самъ Шереметевъ вспомнилъ о Винсѣ и, созвавъ докторовъ, приказалъ ихъ допросить: «Какова Минитистова вѣра, и какіе люди ее держатъ, и въ кого вѣруютъ, и съ Люторскою и съ Калвинскою вѣрою сходится ли, и алхимистъ Томасъ Винсъ, который былъ прежъ сего въ Оптекарскомъ приказѣ въ алхимистѣхъ, алхимскому всякому дѣлу навыченъ ли»? Доктора, въ томъ числѣ и Граманъ, подавшій извѣтъ на Винса, въ допросѣ сказали: «Менистову вѣру держатъ Нѣмцы, а живутъ они въ Галанской землѣ, а въ иныхъ государствахъ нигдѣ не живутъ, и вѣруютъ они въ Господа Бога, сотворшаго небо и землю, только-де съ Люторскою и Калвинскою вѣрою не сходятся, потому что той Менистовы вѣры люди крестятся въ тридцать лѣтъ, для того что Господь нашъ Іисусъ Хри-

стосъ крестился тридцати лѣтъ; а алхимистъ Томасъ Винсъ алхимскому всякому дѣлу навыченъ». По докладу Ѳедора Ивановича Шереметева, Михаилъ Ѳедоровичъ пожаловалъ Винса, велѣлъ вновь привести его къ присягѣ и незначить въ алхимисты, на мѣсто умершаго Пухнера[293].

Само собою разумѣется, что должность начальника Аптекарскаго приказа еще болѣе приближала Шереметева къ царю Михаилу Ѳедоровичу, который весьма нуждался въ врачебномъ пособіи, такъ какъ съ 1639 года, послѣ потери двухъ сыновей, здоровье его замѣтно разстроилось. Государь часто хворалъ рожею. По три раза въ день его натирали «виннымъ духомъ съ канфарою» и давали принимать для поту «камени безую» въ растворѣ водки съ перцомъ. Прибѣгали даже «къ жильному отворенію» (кровопусканію), чтобы «вывесть всякій жаръ изъ головы и крови продухъ дать»[294]. Леченіе государя производилось подъ непосредственнымъ наблюденіемъ Ѳедора Ивановича Шереметева

[293] Акты историческіе, собранные Археографическою коммиссіею. Т. III. Спб. 1841. № 239.

[294] Тамъ-же, № 228.

и причиняло ему много тревоги и безпокойства.

Независимо отъ болѣзни, царь Михаилъ былъ очень раздраженъ неудачей переговоровъ съ Датскимъ королемъ Христіаномъ о бракосочетаніи царевны Ирины Михайловны съ графомъ Вольдемаромъ Шлезвигъ-Голштинскимъ, сыномъ короля Христіана отъ другой вѣнчальной жены его, графини Мункъ. Окольничій Проѣстевъ и дьякъ Патрикѣевъ, ѣздившіе по этому дѣлу въ Копенгагенъ, сперва заспорили о царскомъ титулѣ, а потомъ прямо объявили, что королевичъ долженъ креститься въ Православную вѣру Греческаго закона, но, получивъ рѣшительный отказъ, самовольно возвратились въ Москву.

Послѣ того переговоры о бракосочетаніи довѣрены были проживавшему въ Москвѣ повѣренному Датскаго двора Петру Марселису, которому поручили объяснить королю Христіану, что Проѣстевъ и Патрикѣевъ говорили не по царскому наказу, уѣхали назадъ съ государемъ не обославшись и что за все это на нихъ положена опала[295].

[295] Соловьевъ. Исторія Россіи. Т. IX. М. 1859. стр. 318 и 319. — Чтенія въ императорскомъ Обществѣ исторіи и древностей Россійскихъ. 1867. Кн. 4. Матеріалы, стр. 2.

Кромѣ Марселиса, въ Копенгагенъ ѣздилъ частнымъ образомъ «провѣдывать объ извѣстномъ дѣлѣ» одинъ изъ подчиненныхъ Ѳедора Ивановича Шереметева, придворный докторъ Винделинусъ Сибелиста, пользовавшійся особеннымъ его довѣріемъ и дружбою. Подъ видомъ отпуска за границу для свиданія съ престарѣлымъ отцомъ и для закупки врачебныхъ матеріаловъ, Сибелистѣ поручены были, сверхъ провѣдыванія о ходѣ брачныхъ переговоровъ въ Копенгагенѣ, еще другія важнѣйшія тайныя политическія дѣла и при иныхъ Европейскихъ дворахъ, какъ это увидимъ ниже изъ письма Сибелисты къ Ѳедору Ивановичу Шереметеву.

ГЛАВА XIII.

Въ концѣ 1642 года, когда Московское правительство принимало всевозможныя мѣры, чтобы дѣло о брачномъ союзѣ съ Датскимъ королевскимъ домомъ приведено было къ желанному исходу, въ Москвѣ появился загадочный иноземецъ, именовавшій себя Датскимъ королевскимъ дворининомъ графомъ Леономъ-Матіяшемъ Шликомъ. Еще въ 1640 году, графъ Шликъ прибылъ изъ Чехіи сперва къ Голштинскому двору, потомъ къ Датскому, съ трогательными разсказами о своей печальной судьбѣ. Онъ объяснялъ, что принадлежитъ къ старинному графскому роду Шликъ (Slick) и, выставляя себя жертвою гоненія отъ католиковъ за Евангелическое вѣроисповѣданіе, умѣлъ такъ правдоподобно и въ та-

31*

кихъ сильныхъ краскахъ изобразить свои несчастія, что оба государя, Голштинскій и Датскій, движимые состраданіемъ къ горькой участи знатнаго единовѣрца, оказывали ему всевозможные знаки вниманія и милостей. Заручившись рекомендательнымъ письмомъ короля Христіана, графъ Шликъ прибылъ наконецъ въ Москву и 1 декабря 1642 года представился царю Михаилу.

Иноземнаго графа принимали, по посольскому обычаю, въ Золотой палатѣ съ рындами, съ почетными встрѣчами въ сѣняхъ и прочее. Высокое происхожденіе графа, знаніе Латинскаго и Польскаго языковъ и представительная наружность съ перваго же раза расположили къ знатному гостю и царя Михаила, и всѣхъ его придворныхъ. При первомъ же представленіи графъ Шликъ объявилъ, что желаетъ принять Русскую вѣру и остаться на службѣ его царскаго величества. Первый сановникъ въ государствѣ, Ѳедоръ Ивановичь Шереметевъ, былъ крестнымъ отцомъ пріѣзжаго графа, пожалованнаго въ княжеское достоинство и нареченнаго во святомъ крещеніи Львомъ. Графъ Шликъ, записанный послѣ крещенія въ Московскіе дво-

ряне, сталъ именоваться у насъ княземъ Львомъ Александровичемъ Шляковымъ-Чешскимъ[296]. Онъ получалъ изъ казны большое жалованье, по 200 рейхсталеровъ въ мѣсяцъ, держалъ себя очень важно и былъ принимаемъ какъ при дворѣ, такъ и въ знатнѣйшихъ боярскихъ домахъ съ большимъ почетомъ.

По словамъ Олеарія, Шляковъ пріѣхалъ въ Москву съ намѣреніемъ просить руку царевны Ирины Михайловны, но, разузнавъ, что царевну уже сватаютъ за иноземнаго принца, «помирился и на томъ, что ему дали въ жены дочь знатнаго и богатаго боярина»[297]. То была Марѳа Васильевна Шереметева — единственная дочь бывшаго Нижегородскаго воеводы Василья Петровича Шереметева. Мы скоро возвратимся къ этой четѣ; а теперь скажемъ нѣсколько словъ о тестѣ князя Шлякова, Васильѣ Петровичѣ Шереметевѣ и объ его братьяхъ.

Въ описываемое время, то есть въ концѣ

---

[296] Олеарій. Подробное описаніе путешествія Голштинскаго посольства въ Московію и Персію. М. 1870. стр. 317. — Дворцовые разряды. Т. II. Спб. 1851. столб. 695.

[297] Тамъ-же, стр. 317.

1642 года, всѣ три брата Шереметевы находились въ Москвѣ. Изъ разрядовъ не видно, получилъ ли какую-нибудь должность Борисъ Петровичъ Шереметевъ, возвратившійся въ томъ году съ Двинскаго воеводства; но его старшій братъ, Иванъ Петровичъ, оставался, по прежнему, въ Судномъ Владимірскомъ приказѣ. Это видно изъ росписи, отъ 26 декабря 1642 года, по которой Ивану Петровичу Шереметеву снова указано сидѣть въ Судномъ Владимірскомъ приказѣ, а въ Судный Московскій приказъ назначенъ князь Андрей Васильевичъ Хилковъ. Но тогда было еще живо древнее представленіе о высшей чести Владиміра предъ Москвою — его пригородомъ, и въ распорядкѣ чести служебной Судный Владимірскій приказъ считался «честнѣе» Московскаго Суднаго приказа, а потому князь Хилковъ ударилъ челомъ государю въ отечествѣ на Ивана Петровича Шереметева, объясняя, что ему меньше Шереметева быть невмѣстно. Иванъ Петровичъ, въ свою очередь, билъ челомъ на Хилкова о безчестьѣ. 30 декабря, думный разрядный дьякъ Иванъ Гавреневъ именемъ государя объявилъ князю Хилкову: «Ты, князь Андрей, билъ челомъ на

боярина Ивана Петровича Шереметева, и ты его тѣмъ безчестилъ, а быть тебѣ съ бояриномъ съ Иваномъ Петровичемъ мочно: всегда вы менше Шереметевыхъ бывали; и за то безчестье указалъ государь тебя, князь Андрея, послать въ тюрьму и сидѣть тебѣ въ Судномъ Московскомъ приказѣ по прежнему». Въ тотъ-же день разрядный подъячій Андрюшка Столѣтовъ отвелъ князя Хилкова въ тюрьму[298].

Ниже мы увидимъ, что такое же самое наказаніе навлекъ на себя и самъ Иванъ Петровичь Шереметевъ по мѣстническому спору съ княземъ Одоевскимъ.

Что же касается до Василья Петровича Шереметева, то онъ, не завѣдывая никакимъ отдѣльнымъ учрежденіемъ, неотлучно состоялъ при дворѣ и въ спискѣ лицъ, которымъ поручалась Москва въ отсутствіе государя, равно какъ и на обѣдахъ царскихъ, занималъ слѣдующее мѣсто послѣ своего дяди Ѳедора Ивановича Шереметева[299]. Такъ

[298] Дворцовые разряды. Т. II. Спб. 1851. столб. 696 и 697. — Этотъ же самый мѣстническій споръ, по недоразумѣнію издателей, помѣщенъ также и на столб. 179, подъ 1631 годомъ, когда Иванъ Петровичь Шереметевъ даже и не былъ бояриномъ.

[299] Дворцовые разряды. Т. II. Спб. 1851. столб. 677. 678. 685 и 697.

было и въ первый день пасхи 1643 года, незадолго до того, какъ его дочь Мареа Васильевна повѣнчалась съ княземъ Львомъ Александровичемъ Шляковымъ-Чешскимъ. Олеарій, пріѣзжавшій въ томъ году опять въ Москву, видѣлъ молодыхъ сейчасъ-же послѣ вѣнца и воспользовался ихъ гостепріимствомъ въ собственномъ каменномъ домѣ князя, находившемся недалеко отъ Ильинскаго крестца, въ приходѣ Введенія, что у Гостиннаго двора[300]. Знаменитый путешественникъ, называя Шлякова, по прежнему, графомъ, а его молодую супругу, Мареу Васильевну Шереметеву, — графиней, говоритъ о нихъ въ своихъ запискахъ слѣдующее: «Послѣ богатѣйшаго угощенія графъ отозвалъ меня особо отъ другихъ гостей, повелъ въ другую комнату и сказалъ, что самая большая честь и благорасположеніе, какія только могутъ быть оказаны гостю въ Россіи, состоятъ въ томъ, что жена хозяина сама выходитъ къ пирующимъ и, также какъ и хозяинъ, потчуетъ гостя. А такъ какъ я, —

---

[300] Снегиревъ. Памятники Московской древности. М. 1842—45. стр. LXII. — Памятники дипломатическихъ сношеній древней Россіи съ державами иностранными. Т. III. Спб. 1854. столб. 270.

продолжалъ графъ, — служа у его свѣтлости герцога Голштинскаго, былъ очень угоденъ ему и пользовался его высокими милостями во время своихъ странствованій и гоненій, то, по уваженію къ герцогу, желаю оказать подобающую честь и вамъ. Въ слѣдъ за симъ явилась супруга графа, весьма красивая собою, хотя и подрумяненная, въ подвѣнечномъ платьѣ, унизанномъ крупнымъ жемчугомъ, въ сопровожденіи другой женщины, которая несла графинъ водки и чарку. Вступивши въ комнату, графиня поклонилась сперва мужу, потомъ мнѣ, затѣмъ приказала налить чарку водки, поднесла ее къ своимъ губамъ, и потомъ сама поднесла чарку мнѣ и просила выпить, повторяя эту просьбу три раза. Послѣ этого графъ пожелалъ, чтобъ я поцѣловалъ его хозяйку; но такъ какъ я не привыченъ былъ къ такой чести, то и поцѣловалъ только руку у графини. Но графъ, не удовольствовавшись этимъ, настаивалъ, чтобы я поцѣловалъ графиню въ губы, и я, изъ уваженія къ нему, долженъ былъ исполнить и этотъ обычай. Въ заключеніе графиня подарила мнѣ носовой платокъ изъ бѣлой тафты, вышитый золотомъ и серебромъ и украшенный длин-

ною бахрамою. Такими платками обыкновенно дарятъ невѣсту жены и дочери знатныхъ господъ. На подаренномъ мнѣ платкѣ вышито было мелкими буквами имя Стрѣшнева, дяди царицы»[301].

Олеарій писалъ эти строки нѣсколько лѣтъ спустя, когда всѣ уже знали, что пресловутый князь Шляковъ вовсе не былъ знатнаго происхожденія, не имѣлъ ничего общаго съ извѣстнымъ родомъ графовъ фонъ-Шликъ, фамилію коихъ онъ присвоилъ себѣ, и что ловкій проходимецъ въ дѣйствительности былъ простымъ ленникомъ Польскаго графа Каспера фонъ-Денгофъ. Король Христіанъ былъ очень возмущенъ продѣлкой Шлякова, и первый написалъ объ открывшемся обманѣ Московскому царю, извиняясь, что ввелъ его въ заблужденіе своимъ ходатайствомъ, лукаво выпрошеннымъ у него. По словамъ Олеарія, «его царскому величеству хотя и было крайне непріятно, что все это такъ случилось, но онъ не захотѣлъ лишать человѣка милости, разъ ему данной, почему оставилъ Шлику княжеское достоинство

[301] Олеарій. Подробное описаніе путешествія Голштинскаго посольства въ Московію и Персію. М. 1870. стр. 197. 198 и 206.

и мѣсячное жалованье, но только довольно рѣзко выговорилъ ему всю неблагопристойность его проступка»[302]. Кромѣ того, Шляковъ былъ посаженъ на нѣкоторое время въ Чудовъ монастырь, подъ начало[303].

По видимому, не такъ снисходительно отнесся къ Шлякову его крестный отецъ Ѳедоръ Ивановичь Шереметевъ. Въ ноябрѣ 1645 года, когда въ Москвѣ ничего еще не знали о самозванствѣ мужа Марѳы Васильевны Шереметевой, Ѳедоръ Ивановичь, въ составленномъ имъ тогда духовномъ завѣщаніи, писалъ слѣдующее: «Да крестнику моему князю Льву Александровичю Шлякову-Чежскому дати вотчину мою, въ Коломенскомъ уѣздѣ, деревню Ивановскую, Кобяково тожъ, съ деревнями и пустошми. А будетъ князя Льва Александровича судомъ Божіимъ не станетъ бездѣтна, и та вотчина внукѣ моей, а его, князь Львовѣ, княгинѣ Марѳѣ Васильевнѣ; а будетъ внуки моей не станетъ бездѣтной, и та моя вотчина брату еѣ, а моему

[302] Олеарій. Подробное описаніе путешествія Голштинскаго посольства въ Московію и Персію. М. 1870. стр. 317 и 318.

[303] Въ расходной книгѣ Чудова монастыря читаемъ слѣдующую запись: «Подначалнику иноземцу князю Льву купленъ колачь» (Востоковъ. Описаніе Русскихъ и Словенскихъ рукописей Румянцовскаго Музеума. Спб. 1842. стр. 481).

внуку, Петру Васильевичу Шереметеву»[304]. Въ іюнѣ же 1649 года, Ѳедоръ Ивановичь Шереметевъ, въ отмѣну нѣкоторыхъ статей духовнаго завѣщанія, составилъ изустную память, въ силу которой крестникъ его лишался предназначенной ему вотчины деревни Ивановской[305]. Ясно, что распоряженіе это имѣло связь съ обнаружившимся обманомъ Шлякова. Что же касается до Марѳы Васильевны Шереметевой, то, по всѣмъ вѣроятіямъ, она не могла перенести позорнаго изобличенія своего мужа и скончалась до того времени, какъ составлена была указанная изустная память; по крайней мѣрѣ въ документѣ этомъ объ ней не упомянуто ни однимъ словомъ.

Горькая доля навѣрно миновала бы несчастную Марѳу Васильевну Шереметеву, еслибы Шляковъ пріѣхалъ въ Москву нѣсколько ранѣе, когда еще не начались переговоры о сватовствѣ царевны Ирины Михайловны съ сыномъ Датскаго короля. Переговоры эти, къ огорченію государя, затягивались и затруднялись разными непредвидѣн-

---

[304] Архивъ графа С. Д. Шереметева. № 157.
[305] Тамъ-же.

ными обстоятельствами. Въ началѣ 1643 года, докторъ Сибелиста писалъ своему державному паціенту, что онъ, прибывъ въ Копенгагенъ вслѣдъ за Марселисомъ, узналъ отъ проживавшаго тамъ своего добраго друга, что король Христіанъ и его сынъ графъ Вольдемаръ «еще подвижны въ вѣрной дружбѣ съ его царскимъ величествомъ и въ присвоеніи быти, толькобъ-де статья о вѣрѣ отставлена была, потому что то супротивъ его королевскаго величества и его государскаго сына совѣсти и высокой чести; а только-де въ иномъ розни не будетъ, и вѣра не помѣшка, потому что у здѣшнихъ и иныхъ земель у государей много бываетъ, что великіе люди разныхъ вѣръ законному браку сочетаютца, и однако законной любви и доброму владѣнію оттого порухи нѣтъ». Сибелиста выражалъ сожалѣніе, что Өедоръ Ивановичь Шереметевъ отказалъ ему въ выдачѣ письменнаго наказа по настоящему дѣлу и находилъ, что переговоры затянулись главнымъ образомъ потому, что слишкомъ поторопились присылкою великихъ пословъ, поставившихъ вопросъ о вѣрѣ ребромъ, и что слѣдовало сперва послать рядоваго человѣка, который напередъ перего-

ворилъ бы обо всемъ этомъ втай, глазъ на глазъ съ королемъ и его сыномъ[306]. Письмо это привезъ въ Москву самъ Марселисъ лишь въ іюнѣ мѣсяцѣ и вскорѣ уѣхалъ назадъ съ порученіемъ объявить королю, что королевичу Вольдемару и состоящимъ при немъ людямъ предоставлено будетъ свободное отправленіе богослуженія по ихъ закону, что для нихъ построена будетъ въ Москвѣ кирка, и что царь даетъ своей дочери царевнѣ Иринѣ въ приданое два города Суздаль и Ярославль, а также ежегодный доходъ въ 600.000 червонцевъ. Король удовольствовался этими условіями и разрѣшилъ сыну ѣхать въ Москву[307].

Марселисъ уже не засталъ въ Копенгагенѣ своего сотоварища Сибелисту, который путешествовалъ въ то время по Голландіи и Франціи, «провѣдывая обо всемъ, что его царскаго величества государствамъ и землямъ пригодно». Сибелиста тщательно собиралъ свѣдѣнія о томъ, что̀ дѣлалось и что̀ замышлялось въ западной Европѣ, и свои про-

---

[306] Рихтеръ. Исторія медицины въ Россіи. Ч. 2. М. 1820. Прибавленія. № IX.

[307] Чтенія въ императорскомъ Обществѣ исторіи и древностей Россійскихъ. 1867 г. Кн. IV. Матеріалы иностранные (Поѣздка въ Россію Вольдемара. стр. 4 и 5).

странныя письма о видѣнномъ и слышанномъ посылалъ Ѳедору Ивановичу Шереметеву, называя его въ письмахъ «старшимъ, тайнѣйшимъ бояриномъ». Въ письмѣ, отъ 4 іюня 1643 года, Сибелиста писалъ Шереметеву, что онъ «пріѣхавъ въ Голандскую и Французскую землю, видѣлся съ своимъ старымъ другомъ и школьнымъ товарищемъ, который служитъ королю Французскому и Свѣйскому, и что сей другъ втайнѣ объявилъ ему, что король Польскій ссылается съ шахомъ Персидскимъ, желая укрѣпиться съ нимъ противъ Турскаго; и то-де подлинная причина, для чего король Польскій въ Подоліѣ противъ султана Турскаго и на Русскихъ рубежахъ крѣпости дѣлать вельми промышляетъ. А Езовитяне къ тому гораздо помогаютъ и на то приводятъ: они за много сотъ лѣтъ око свое держали и зрѣли на жаркую и плодовитую Русскую землю, и радѣютъ, чтобъ имъ по тому-же, какъ они во всей вселенной на лучшихъ мѣстахъ, также бы имъ и въ Русской землѣ, будетъ удастся, гнѣздо учинити. А Голандцы, которымъ торговля въ Восточной Индіи моремъ много денегъ становится, имѣютъ намѣреніе къ Волгѣ приблизиться, и

когда въ семъ успѣютъ, и они исподоволь станутъ всякія каторги дѣлать столь много, чтобъ имъ тою рѣкою безъ помѣшки до Астрахани ходить мочно и порубежныя земли отъ нихъ въ страху будутъ; а въ землю они вдаватьца не станутъ, потому что имъ вѣдомо, что царское величество конными людьми многимъ ихъ сильнѣе. И для того Бурѣусъ[308] королевства Свѣйскаго думной, особной земной чертежъ Свѣйской землѣ и прирубежной Русской землѣ, по королевскому велѣнью, сдѣлалъ и въ томъ чертежѣ онъ со особнымъ тщаніемъ указываетъ, какъ изъ Бѣлаго моря въ Каргопольское, изъ Каргопольскаго въ Бѣлозерское, а изъ Бѣлозерскаго весною въ Волгу притти мочно. Голландцы-де давно того искали, какъ бы имъ Архангельскій городъ, который есть ключь къ его царскаго величества казнѣ и мягкой рухляди, лестью достати или по меньшей мѣрѣ повольный приходъ до Вологды учинить, чтобъ имъ, Свѣянамъ, когда вышеименованный промыслъ удастся, помочь чинити мочно. Дивлюся я, сказывалъ Сибилистѣ

---

[308] Андрей Буррей, въ 1633 и 1634 гг. пріѣзжалъ въ Москву посломъ отъ Шведской королевы.

другъ его, почему у его царскаго величества на устьѣ Бѣлаго моря не стоятъ нѣсколько воинскихъ кораблей для обереганья такова угожева проходу всѣмъ сосѣдскимъ кораблямъ». Далѣе Сибелиста сообщаетъ, по видимому, свои собственныя соображенія о томъ, что «на Волгѣ мочно его царскому величеству исподоволь нѣсколько городовъ на природныхъ угожихъ мѣстахъ укрѣпити и торговымъ людямъ, которые въ Астрахань для торговли на судахъ ходятъ, приказать, чтобы они снарядными каторгами туда ходили, и въ нужное время мочно его царскому величеству тѣ каторги держати какъ надобе. А доброму корабельному да къ нему нѣсколько надобныхъ работныхъ людей тѣмъ въ немногіе годы мочно нарочитой запасъ тому сдѣлать; а какъ у Русскихъ людей образецъ будетъ, и они потому что сами переимчивы, также станутъ дѣлать».

Сибелиста просилъ Шереметева содержать все сообщаемое имъ въ тайнѣ, для того, «чтобы ему въ сихъ странахъ за тѣ сообщенія страху и шкоды не было».

Ѳедоръ Ивановичь Шереметевъ, въ отвѣтномъ письмѣ, отъ 12 августа 1643 года,

называетъ Сибелисту «своимъ любительнымъ другомъ» и увѣдомляетъ, что онъ докладывалъ государю присланныя имъ извѣстія, «и его царское величество похваляетъ тебя за эту и за прежнюю твою службу, и впредь хочетъ тебя держати въ своемъ государскомъ милостивомъ жалованьи; и ты бы впредь о всемъ, что̀ настоитъ, ко мнѣ писалъ. А что ты прислалъ ко мнѣ съ братомъ своимъ[309] на опытъ и въ поминкахъ, и я то отъ тебя принялъ въ любовь и послалъ къ тебѣ съ братомъ-же твоимъ сорокъ соболей, и ты бы отъ меня то принялъ въ любовь; а брату твоему я далъ двѣ пары соболей добрыхъ». Письмо Шереметева оканчивается служебными распоряженіями по Аптекарскому приказу: «А что надобно въ аптеку, и тому послана къ тебѣ съ братомъ твоимъ роспись; и самъ ты вѣдаешь, чего въ аптекѣ нѣтъ или мало, и того тебѣ больши и привезть. Также бы тебѣ царскаго величества въ село Коломенское и въ Покровское въ сады, что̀ къ тому надобно, а добыть мочно, съ собою привезти. А по росписцѣ моей, которую я тебѣ далъ для покупки и присылки, и

[309] Съ Мартыномъ Сибелистою, который привезъ самое письмо.

ты по той росписцѣ не купилъ и ко мнѣ не прислалъ»[310].

Приведенное письмо Венделинуса Сибелисты ясно доказываетъ, что Ѳедоръ Ивановичь Шереметевъ, какъ «тайнѣйшій», то есть самый довѣренный совѣтникъ государевъ, былъ посвященъ и въ такія дѣла высшаго государственнаго управленія и политики, которыя не имѣли непосредственной связи съ предметами вѣдѣнія порученныхъ ему приказовъ. Подобно покойному князю Ивану Борисовичу Черкасскому, онъ былъ первымъ бояриномъ «и чиномъ и честію». Это знали всѣ, и имя Ѳедора Ивановича Шереметева произносилось «съ великимъ обереганіемъ», подъ опасеніемъ тягчайшаго наказанія. Воронежскій воевода Аѳанасій Боборыкинъ, поссорившись съ губнымъ старостою Толмачевымъ и желая какъ можно болѣе досадить ему, подалъ извѣтъ о произнесенныхъ будтобы имъ, губнымъ старостою, «непригожихъ словахъ про самого государева боярина Ѳедора Ивановича Шереметева». Толмачевъ, избывая бѣду, клялся, что никакихъ непри-

---

310 Рихтеръ. Исторія медицины въ Россіи. Ч. II. М. 1820. Прибавленія. №№ X и XI.

гожихъ словъ про боярина Θедора Ивановича Шереметева не говаривалъ и просилъ государя «сыскомъ сыскать про то всѣмъ городомъ и уѣздамъ, дабы ему занапрасно, не по винѣ, злымъ умысломъ Оѳанасьевымъ обезчещену и изувѣчену не быти»[311].

Но высокое служебное положеніе и мірскія почести уже мало занимали Θедора Ивановича Шереметева, удрученнаго годами и болѣзнями. Въ ту пору ему было болѣе семидесяти лѣтъ, и самъ онъ, года полтора спустя, жалуясь на старость, говорилъ: «Мало слышу и вижу, и насилу брожу»[312]. Душа его стремилась къ покою, и всѣ помыслы устремлены были къ преславной Бѣлозерской обители, успокоившей подъ своею сѣнью столькихъ изъ его присныхъ. Въ 1643 году, Θедоръ Ивановичъ соорудилъ великолѣпную сребpокованную раку надъ мощами великаго чудотворца Кирилла, лежащими и доселѣ не открыто, а въ нѣдрахъ земли, подъ спудомъ, между Успенскимъ соборомъ и пристроенною

---

[311] Древнія грамоты и другіе письменные памятники, касающіеся Воронежской губерніи и частію Азова. Собраны и изданы Н. Второвымъ и Александровымъ-Дольникомъ. Книжка 3-я. Воронежъ. 1853. стр. 220.

[312] Архивъ графа С. Д. Шереметева. № 320.

къ нему съ сѣверной стороны Кирилловскою церковью.

Пожертвованная Шереметевымъ рака сдѣлана изъ кипарисныхъ досокъ, обложенныхъ со всѣхъ сторонъ осмью позолоченными клеймами; изъ нихъ на четырехъ серебряныхъ вычеканено выпуклыми буквами житіе святаго Кирилла, а на другихъ четырехъ мѣдныхъ клеймахъ изображены погребеніе и чудеса преподобнаго. Около раки плинтъ, карнизъ и пилястры обиты съ восточной и южной сторонъ чеканнымъ позолоченнымъ серебромъ, а съ западной и сѣверной— плинтъ и карнизъ обиты басманнымъ серебромъ, а пилястры позолоченною мѣдью. На карнизѣ раки крупными выпуклыми буквами вычеканена слѣдующая надпись: «При державѣ государя царя и великаго князя Михаила Θеодоровича всеа Русіи, и при его благовѣрной и Христолюбивой царицѣ и великой княгинѣ Евдокіе, и при благовѣрныхъ чадѣхъ: при благовѣрномъ царевичѣ князѣ Алексіе Михайловиче, и при благовѣрной царевнѣ Иринѣ Михайловнѣ, и благовѣрной царевнѣ Татіанѣ Михайловнѣ, и при святѣйшемъ Іосифѣ патріархѣ Московскомъ и всеа

Русіи, здѣлалъ сію раку преподобному чудотворцу Кириллу Бѣлоезерскому, по обѣщанію, болярин Ѳедоръ Івановичь Шереметевъ, при игумене Антоніе и при келарѣ старце Савватіе Юшковѣ, лѣта 7151 года». На плоской крышкѣ раки находится серебряное съ чеканомъ, высоко выпуклое, позолоченное изображеніе почивающаго преподобнаго Кирилла во весь ростъ; вѣнецъ около главы его украшенъ крупными дорогими камнями, въ числѣ коихъ одинъ блѣдно-красный рубинъ, два блѣдно-лазоревые яхонта и два изумруда; около изображенія угодника окладъ также серебряный, чеканный, позолоченный; повыше вѣнца такая же дробница съ чеканнымъ изображеніемъ святой Троицы; около главы двѣ дщицы съ надписью имени преподобнаго, а на поляхъ по угламъ четыре круглыя дробницы, съ чеканными изображеніями преподобныхъ: Сергія Радонежскаго, Алексія человѣка Божія, Ѳеодора Освященнаго и Ѳерапонта Бѣлоезерскаго. Вся рака обошлась Шереметеву въ 1673 рубля 10 алтынъ 2 деньги. Чистаго серебра въ ней 3 пуда 21 фунтъ 24 золотника. Вокругъ раки устроена была мѣдная рѣшетка въ 200 рублей, а въ

подножіи надъ ракою повѣшена серебряная лампада, вѣсомъ 6½ фунтовъ, стоившая 40 рублей[313].

Драгоцѣнная рака, сооруженная Ѳедоромъ Ивановичемъ Шереметевымъ, до сихъ поръ сохраняется въ своемъ первоначальномъ видѣ; но окружавшая ее рѣшетка, въ 1804 году, по ветхости, снята. Самая же Кирилловская церковь, украшенная на иждивеніе Ѳедора Ивановича Шереметева стѣннымъ писаніемъ, въ концѣ прошлаго столѣтія перестроена совершенно въ новомъ вкусѣ, нисколько не соотвѣтствующемъ главному собору, къ которому прилегаетъ[314]. Теперь стѣна собора противу мощей разобрана и сведена аркой, такъ что рака преподобнаго Ки-

---

[313] Архимандритъ Варлаамъ. Описаніе историко-археологическое древностей и рѣдкихъ вещей, находящихся въ Кирилло-Бѣлозерскомъ монастырѣ (Чтенія въ императорскомъ Обществѣ исторіи и древностей Россійскихъ. 1859. Кн. 3. Изслѣдованія. стр. 5 и 6).— Опись движимаго и недвижимаго имущества Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря, составленная въ 1668 году. л. 101 (Рукопись, принадлежащая Павлу Ивановичу Савваитову).

[314] А. Н. Муравьевъ. Русская Ѳиваида на Сѣверѣ. Спб. 1855. стр. 190 и 191. — Перестройка Кирилловской церкви совершена тщаніемъ архимандрита Іакинѳа Карпинскаго, того самаго, который въ своемъ неуваженіи къ памятникамъ старины и къ благочестивымъ вкладчикамъ дошелъ наконецъ до того, что собралъ съ разныхъ монастырскихъ вещей жемчугъ и дорогіе камни и преподнесъ ихъ князю Потемкину.

рилла стала принадлежать столько же Кирилловской церкви, сколько и Успенскому собору, въ паперти котораго подъ сводами погребались Шереметевы.

ГЛАВА XIV.

Одновременно съ пожертвованіемъ Ѳедора Ивановича Шереметева и самъ царь Михаилъ Ѳеодоровичь приготовлялъ даръ Кирилло-Бѣлозерскому монастырю. По его приказанію изготовлялись царскія врата для тамошняго соборнаго храма. По времени заказа можно предполагать, что набожный царь, усердствуя Кирилловской обители цѣннымъ приношеніемъ, выражалъ этимъ свою молитву къ ея основателю, Угоднику Божію Кириллу, прося его благословенія на совершеніе брака своей любимой дочери царевны Ирины Михайловны. 20 ноября 1643 года, получено было извѣстіе, что женихъ царевны королевичь Вольдемаръ находится уже на пути въ Москву. Въ тотъ-же день государь отпра-

вился въ свое любимое село Покровское, помолиться въ тамошнемъ храмѣ Покрова пресвятой Богородицы, построенномъ имъ въ 1619 году, въ память отраженія королевича Владислава отъ стѣнъ Москвы. На сей разъ возницей или кучеромъ у государя былъ Василій Борисовичь Шереметевъ[315]. Присутствіе въ поѣздѣ ухабничаго указываетъ на то, что въ то время уже установился санный путь и что государь, по древнему выраженію, «шелъ саньми». До Василья Борисовича никто изъ Шереметевыхъ не бывалъ возницей царскимъ,—должности весьма почетной, на которую обыкновенно назначали стольника изъ ближнихъ людей, такъ какъ великолѣпіе царскаго двора не допускало, чтобы государя везли люди низшаго состоянія. Прежде ѣздили безъ возжей, и потому Шереметевъ, по должности возницы, сидѣлъ верхомъ, а ухабничій, также назначавшійся изъ ближнихъ стольниковъ, стоялъ на запяткахъ или, по тогдашнему выраженію, «на ухабѣ»[316].

21 января 1644 года, пріѣхалъ наконецъ

[315] Дворцовые разряды. Т. II. Спб. 1851. столб. 713.

[316] Забѣлинъ. Домашній бытъ Русскихъ царей. Ч. I. М. 1862. стр. 301 и 302.—Успенскій. Опытъ повѣствованія о древностяхъ Русскихъ. Изд. 2. Харьковъ. 1818. стр. 164.

въ Москву королевичь Вольдемаръ, въ сопровожденіи многочисленной, блестящей свиты, и съ великою честью препровожденъ былъ въ отведенный ему старый Царево-Борисовскій дворъ[317]. Три дня спустя, вечеромъ, царь Михаилъ прошелъ крытымъ ходомъ въ покои королевича, нѣсколько разъ обнималъ его и ласкалъ какъ роднаго сына[318].

На 28 число назначенъ былъ торжественный пріемъ царевнина жениха въ Грановитой палатѣ, а послѣ пріема — парадный столъ въ той-же палатѣ. Шестеро Шереметевыхъ принимали непосредственное участіе въ церемоніяхъ этого дня, а именно: Иванъ Петровичь, съ старшимъ своимъ сыномъ Васильемъ Ивановичемъ, Василій Петровичь, съ обоими сыновьями — Петромъ Васильевичемъ и Матвѣемъ Васильевичемъ, и Василій Борисовичь[319]. По пріѣздѣ королевича въ государевъ дворъ, первымъ встрѣтилъ его на рундукѣ, у саней, бояринъ Василій Петровичь

317 Голиковъ. Дополненіе къ Дѣяніямъ Петра Великаго. Т. II. М. 1790. стр. 482.

318 Извѣстіе о поѣздкѣ въ Россію Вольдемара Христіяна Гильденлеве, графа Шлезвигъ-Голштинскаго (Чтенія въ императорскомъ Обществѣ исторіи и древностей Россійскихъ. 1867 г. Кн. IV. Матеріалы иностранные. стр. 9).

319 Дворцовые разряды. Т. II. Спб. 1851. столб. 724—727.

Шереметевъ съ стольникомъ княземъ Иваномъ Андреевичемъ Хилковымъ; на красномъ крыльцѣ королевича встрѣчалъ бояринъ Иванъ Петровичь Шереметевъ съ стольникомъ княземъ Ѳедоромъ Андреевичемъ Хилковымъ; въ грановитыхъ сѣняхъ происходила большая встрѣча князя Никиты Ивановича Одоевскаго съ княземъ Иваномъ Васильевичемъ Хилковымъ. Королевича и его свиту, для большей пышности, вели въ палату дальними обходами. Въ это время Михаилъ Ѳедоровичь, въ полномъ царскомъ одѣяніи, уже сидѣлъ на своемъ государевомъ мѣстѣ, имѣя по лѣвую руку царевича Алексѣя Михайловича. По обѣимъ сторонамъ государева мѣста стояли въ рындахъ: Василій Борисовичь Шереметевъ и его двоюродный братъ Петръ Васильевичь Шереметевъ, да двое князей Пожарскихъ: Иванъ Дмитріевичь и Семенъ Романовичь.

При входѣ королевича, царевичь Алексѣй Михайловичь встрѣтилъ его посереди палаты, обнялся съ нимъ, и, въ сопровожденіи бояръ, окольничихъ и стольниковъ, провелъ его къ трону, а самъ опять сѣлъ по лѣвую руку государя. Михаилъ Ѳедоровичь, при-

вставъ съ своего мѣста, привѣтствовалъ королевича наклоненіемъ головы и скипетра, а послѣ того, какъ тотъ сказалъ обычную рѣчь, посадилъ его подлѣ себя, по правую руку.

Вслѣдъ за пріемомъ, королевичъ со свитою приглашенъ былъ къ царскому столу, и покамѣстъ государь переодѣвался, а въ Грановитой палатѣ накрывали на столъ, сидѣлъ въ столовой избѣ вмѣстѣ съ бояриномъ Иваномъ Петровичемъ Шереметевымъ.

Государь вышелъ въ Грановитую палату въ нагольной шубѣ на хребтахъ бѣльихъ и тотчасъ-же послалъ звать королевича, котораго и посадилъ рядомъ съ собою по правую сторону, а царевича Алексѣя Михайловича—по лѣвую. Прочія лица размѣстились такъ: за большимъ столомъ сидѣли три боярина—зять Ѳедора Ивановича Шереметева, князь Никита Ивановичь Одоевскій, Иванъ Петровичь Шереметевъ и Василій Петровичь Шереметевъ; за кривымъ столомъ — Датскіе послы и дворяне королевскіе, состоявшіе въ свитѣ королевича. Вина наряжалъ стольникъ князь Яковъ Куденетовичь Черкасскій. Предъ государя въ столъ носили напитки и «прикушивали», то есть пробовали, двадцать че-

тыре чашника, и въ томъ числѣ четверо Шереметевыхъ: Василій Борисовичь, Василій Ивановичь, Петръ Васильевичь и Матвѣй Васильевичь.

Для двухъ послѣднихъ представителей новаго поколѣнія Шереметевыхъ, церемоніальный день 28 января 1644 года былъ едва-ли не первымъ днемъ ихъ придворной службы. По крайней мѣрѣ, раньше того имена ихъ не встрѣчаются въ разрядныхъ росписяхъ.

Ѳедоръ Ивановичь Шереметевъ не присутствовалъ ни на парадномъ обѣдѣ, ни при аудіенціи Датскаго королевича. Послѣ обѣда у государя въ Свѣтлое Воскресенье 1643 года[320], онъ уже не выѣзжалъ даже и къ обыкновеннымъ праздничнымъ столамъ во дворецъ и къ патріарху. Можетъ быть, онъ уже и не въ силахъ былъ переносить продолжительныхъ обѣденныхъ столовъ, съ ихъ безконечными ѣствами и заздравными чашами. На домашнихъ распоряженіяхъ Ѳедора Ивановича Шереметева за это время лежитъ печать его особеннаго душевнаго настроенія, выражавшагося въ составленіи духовнаго

[320] Дворцовые разряды. Т. II. Спб. 1851. столб. 697.

завѣщанія, въ новыхъ вкладахъ по монастырямъ, въ устройствѣ по обѣщанію церкви въ селѣ Вешняковѣ и тому подобномъ. Въ архивѣ издревле почитаемаго Шереметевыми Николаевскаго Антоніева монастыря, Тверской епархіи, сохранилась черновая вкладная 1643 года, данная старцами обители Ѳедору Ивановичу Шереметеву на сдѣланный имъ въ томъ году вкладъ, о которомъ въ документѣ сказано слѣдующее: «Божіею милостію, пречистыя Богородицы честнаго и славнаго ея Благовѣщенія, иже во святыхъ отца нашего Николы чюдотворца, Антонова монастыря, далъ вкладу государя царя и великаго князя Михаила Ѳедоровича всеа Русіи бояринъ Ѳедоръ Ивановичь Шереметевъ въ наслѣдіе вѣчныхъ благъ и будущаго покоя: ризы отласъ по серебреной землѣ золото, травы розные шелки; оплечье бархатъ Ѳларенской золотной двоеморьхой червчатъ, петлечатъ, за 70 рублевъ; да денегъ 30 рублевъ. И намъ за тотъ ево вкладъ о ево многолѣтномъ здравіи Бога молити и родители ево поминати; а какъ Богъ по душу ево сошлетъ, и намъ ево поминати съ родители ево вмѣстѣ, покамѣстъ сія обитель стоитъ, и въ сенадики ево въ литей-

ной и во всякодневной написати и поминати ево, и кормы кормить по дважды въ году: маія въ 16 день, на память преподобнаго отца нашего Θеодора Освященнаго, а вдругорядь какъ по душу ево Богъ сошлетъ»[321].

Почти одновременно съ вкладомъ въ Николаевскій Антоніевъ монастырь, Θедоръ Ивановичь Шереметевъ обогатилъ новымъ вкладомъ и обитель преподобнаго Кирилла Бѣлозерскаго. Къ осени 1644 года была окончательно готова пожертвованная имъ церкви Кирилловскаго монастырскаго подворья въ Москвѣ плащаница, на которой по малиновой камкѣ вышито золотомъ, серебромъ и мѣстами шелкомъ положеніе во гробъ Іисуса Христа. У ногъ Спасителя по красной канфѣ вышита золотомъ слѣдующая надпись, въ четыре строки, буквами средней величины: «Лѣта 7153 ноября въ 8 день, далъ сей покровъ въ домъ пресвятыя Богородицы честнаго и славнаго ея Успенія и преподобнаго чюдотворца Бѣлоезерскаго въ Θеонасьевскій

[321] Въ настоящее время, документъ этотъ, какъ и другія рукописи Николаевскаго Антоніева монастыря, хранится въ Тверскомъ музеѣ, учрежденномъ при губернскомъ статистическомъ комитетѣ. Онъ сообщенъ графу С. Д. Шереметеву въ точномъ спискѣ дѣйствительнымъ членомъ императорскаго Московскаго археологическаго Общества А. К. Жизневскимъ.

монастырь, на Кириловское подворье, бояринъ Ѳедоръ Ивановичъ Шереметевъ по женѣ своей по Марьѣ Петровнѣ да по сынѣ своемъ младенцѣ Мокѣе, по своихъ родителехъ». На каймѣ плащаницы изъ темно-синей канфы по угламъ четыре шитые золотомъ серафима и между ними крупными, въ три вершка, буквами вышитъ также золотомъ извѣстный ирмосъ: «Не рыдай мене, Мати», въ слѣдующемъ нѣсколько иномъ текстѣ противъ тепершняго: «Не рыдай мене, Мати, возирающе въ гробѣ, егоже пълотию безъ семени зачала еси Сына: востану бо и славено буду, и вознесуся со славою немолченно, яко Богъ, вѣрою и любовию тя величающая». Длина всей плащаницы два съ четвертью аршина, ширина—одинъ аршинъ и три вершка[322].

Въ томъ-же 1644 году, Ѳедоръ Ивановичъ Шереметевъ былъ озабоченъ осуществленіемъ давнишняго обѣщанія построить храмъ Божій въ своей подмосковной деревнѣ Вешняковѣ, служившей лѣтнимъ мѣстопребываніемъ Одоевскихъ — семьи любимой его

[322] Архимандритъ Варлаамъ. Описаніе историко-археологическое древностей и рѣдкихъ вещей, находящихся въ Кирилло-Бѣлоезерскомъ монастырѣ (Чтенія въ императорскомъ Обществѣ исторіи и древностей Россійскихъ. 1859 г. Кн. III. Изслѣдованія. стр. 56).

дочери Евдокіи Өедоровны. 12 апрѣля, Өедоръ Ивановичъ уже получилъ отъ патріарха Іосифа храмозданную грамоту, въ которой читаемъ: «Билъ намъ челомъ государя царя и великаго князя Михаила Өедоровича всеа Русіи бояринъ Өедоръ Ивановичъ Шереметевъ, а сказалъ: обѣщался-де онъ въ подмосковной въ вотчинной своей деревнѣ въ Вешняковѣ воздвигнути каменной храмъ во имя Воскресеніе Христово, да въ придѣлехъ Успеніе пречистые Богородицы да Николы чюдотворца. И намъ бы ево пожаловать благословить, велѣти-бъ ему на тотъ храмъ и на придѣлы камень и кирпичь и известь и песокъ и на сваи лѣсъ готовить и ровъ копать; и въ томъ камени и кирпичѣ и извести воздвигнути храмъ, и на тотъ храмъ и на придѣлы велѣть бы и антиминсы дать. И азъ, смиренный великій господинъ святѣйшій Іосифъ, патріархъ Московскій и всеа Русіи, боярина Өедора Ивановича Шереметева пожаловалъ, благословилъ ему на тотъ храмъ и на придѣлы камень и кирпичь и известь и песокъ и на сваи лѣсъ готовить и ровъ копать; и въ томъ камени и кирпичѣ и извести въ подмосковной вотчинной ево деревнѣ Вешняковѣ

[illegible] царь и великий [illegible]

[illegible]

воздвигнути храмъ во имя Воскресеніе Христово, въ придѣлехъ Успеніе пречистые Богородицы да Николы чюдотворца. А какъ тотъ храмъ и придѣлы совершатца, и на тотъ храмъ и на придѣлы велѣлъ и антиминсы дать, и освятить тотъ храмъ и придѣлы попу съ діакономъ по правиломъ святыхъ Апостолъ и святыхъ Отецъ. А царскіе-бъ двери во храму и въ придѣлехъ были особно не въ одномъ брусу»[323].

Сооруженіе Вешняковской церкви шло очень быстро, и въ переписныхъ книгахъ Московскаго уѣзда 1645 года, переписи князя Ивана Долгорукова, Вешняково показано уже селомъ, «а въ немъ церковь каменная во имя Воскресенія Христова». Въ то время, по той-же описи, въ Вешняковѣ находились: дворъ попа Никифора и «задворные людскіе дворы», въ которыхъ помѣщались, между прочимъ, три сокольника, четыре псаря и одинъ садовникъ[324]. Хотя въ переписи князя Долгорукова и не говорится о вотчинниковомъ дворѣ, но въ сельцѣ Вешняковѣ до сихъ поръ указываютъ на пригорокъ близъ

323 Архивъ графа С. Д. Шереметева. № 117.
324 Тамъ-же, № 118.

церкви, на которомъ стояли хоромы князя Никиты Ивановича Одоевскаго. Мѣсто это въ недалекомъ разстояніи окружено лѣсомъ и съ одной лишь стороны открывается отдаленный видъ на Москву. Довольно ясно видны монастыри Симоновъ и Донской, а сквозь просѣку — Новоспасская обитель, которая, должно быть, особенно хорошо была видна изъ стараго Вешняковскаго дома. Доселѣ указываютъ на сохранившіеся слѣды фундамента этого дома. Лѣтомъ 1881 года, тутъ найдено очень много обломковъ изразцевъ работы XVII вѣка, какъ объ этомъ можно судить по превосходнымъ травчатымъ узорамъ и рисункамъ. Передъ домомъ былъ обширный прудъ, на существованіе котораго указываютъ сохранившіеся возвышенные берега: они упираются въ просѣку, которая составляетъ продолженіе канала, что̀ противъ большого Кусковскаго дома.

Вешняково представляло всѣ выгоды для большой соколиной охоты. Его вѣковыя рощи, вѣроятно, нерѣдко видали у себя и царевича Алексѣя Михайловича, отъ раннихъ лѣтъ пристрастившагося преимущественно именно къ этой, истинно царственной охотѣ, и Дат-

скаго королевича Вольдемара, который въ свое продолжительное пребываніе при Московскомъ дворѣ весьма часто выѣзжалъ поохотиться въ разныя мѣста неподалеку отъ Москвы[325].

Въ тотъ-же годъ, какъ строилась церковь въ Вешняковѣ, Ѳедоръ Ивановичь Шереметевъ прикупилъ къ этому сельцу еще двѣ смежныя пустоши: Шуклино и Бортную, Клешнино, Климово тожъ, всего 56 четвертей, или 84 десятины, средней и худой земли. Обѣ пустоши состояли въ помѣстьѣ за вдовою князя Бориса Петровича Татева (убитаго подъ Калугою въ 1607 году), за княгиней Марьей, которая въ 1643 году постриглась въ монашество; а тѣ пустоши, по челобитью княгини, отданы были въ помѣстье-же ея зятю князю Ѳедору Семеновичу Куракину, владѣльцу сосѣдней съ Вешняковымъ деревни Тетеревники. Въ 1644 году, князь Куракинъ поступился обѣими пустошами Ѳедору Ивановичу Шереметеву, съ котораго взяли за нихъ въ Помѣстный приказъ 18 руб-

[325] Извѣстіе о поѣздкѣ въ Россію Вольдемара Христіяна Гильденлеве, графа Шлезвигъ-Голштинскаго (Чтенія въ императорскомъ Обществѣ исторіи и древностей Россійскихъ. 1867 г. Кн. IV. Матеріалы иностранные. стр. 15. 23).

лей 27 алтынъ, по рублю за каждыя три четверти, да пошлинъ по алтыну съ рубля[326]. Послѣ того, Ѳедоръ Ивановичь Шереметевъ, поговоря съ княземъ Куракинымъ, согласился на полюбовное размежеваніе вновь пріобрѣтенной пустоши Шуклиной съ деревнею Тетеревниками и помѣстною пустошью Перовою. Самое же межеваніе Ѳедоръ Ивановичь поручилъ своему зятю князю Никитѣ Ивановичу Одоевскому, который и подписалъ межевую полюбовную роспись вмѣстѣ съ княземъ Ѳедоромъ Семеновичемъ Куракинымъ 18 сентября 1644 года[327].

Что касается до служебной дѣятельности Ѳедора Ивановича Шереметева въ описываемое время, то достаточно пересмотрѣть одни документы Аптекарскаго приказа[328], чтобы убѣдиться, что преклонныя лѣта и немощи не могли сокрушить его крѣпкаго, неизмѣнно бодраго духа. Шереметевъ не ограничивался общими мѣрами къ развитію и разумному направленію врачебной части въ государствѣ,

---

[326] Архивъ графа С. Д. Шереметева. № 583.

[327] Тамъ-же, № 649.

[328] Акты историческіе, собранные Археографическою коммисіею. Т. III. Спб. 1841. № 225—246. — Матеріалы для исторіи медицины въ Россіи. Спб. 1881. стр. 39—127.

но входилъ въ мельчайшія подробности этого сложнаго и новаго у насъ дѣла, самолично отбирая подробныя сказки отъ докторовъ то о лѣченіи немочи, именуемой жабою, «отъ которой многіе люди задыхаются», то о «сырой травѣ, чтò въ питье кладутъ, отъ которой травы холодитъ» и тому подобное. Въ сказкѣ, поданной Шереметеву о леченіи жабы, доктора указывали, что «та немочь бываетъ людемъ отъ мертвой животины, которая помираетъ отъ повѣтрѣя, какъ-де тое животину станутъ одирать. И мертвой-де скотъ надобно закапывать въ землю совсѣмъ, а толко-де въ землю не закапывать или станутъ кожи одирать, и отъ того-де бываетъ повѣтрѣе на люди». Добытыя такимъ путемъ практическія указанія докторовъ оповѣщались въ городахъ для принятія соотвѣтственныхъ мѣръ къ пресѣченію или предупрежденію болѣзней.

Ѳедоръ Ивановичь Шереметевъ находилъ неудобнымъ и убыточнымъ выписываніе всѣхъ лекарственныхъ травъ вообще изъ Англіи, Голландіи и Германіи, какъ это дѣлалось прежде, и вотъ онъ пробуетъ собирать лечебныя травы и коренья у себя дома, черезъ особыхъ людей, называвшихся трàв-

никами. Правда, на первыхъ порахъ травники эти не оправдали надеждъ. Будучи «посланы въ поле для травъ и кореньевъ, они государеву дѣлу не радѣли, пили и гуляли, травъ и кореньевъ привозили по-малу»[329]. Но Шереметевъ, упорно преслѣдуя свою цѣль, потребовалъ отъ приказа Большого Дворца прислать на перемѣну другихъ травниковъ, людей добрыхъ, и въ концѣ концовъ добился того, что многія аптекарскія растенія, какъ-то: солодковый корень, бадьянъ и другія уже не было надобности розыскивать въ чужихъ краяхъ.

Государское здоровье было однимъ изъ главнѣйшихъ предметовъ заботъ и попеченій Ѳедора Ивановича Шереметева, какъ начальника Аптекарскаго приказа. Въ этомъ важномъ отвѣтственномъ дѣлѣ требовалось крѣпкаго, неустаннаго смотрѣнія, чтобы иноземные доктора и аптекари, не преступая клятвенныхъ записей, «во всякихъ составѣхъ и во всякихъ мѣрахъ, которые для государскаго здоровья учнутъ составливать, никакого дурна не чинили и зелья лихова вмѣсто добраго и составу нечистаго моміи и

[329] Дополненія къ актамъ историческимъ. Т. III. Спб. 1848. № 1.

инаго никакого злаго яду зміина и иныхъ ядовитыхъ звѣрей и гадовъ и птицъ и всякихъ злыхъ и нечистыхъ составовъ, которые могутъ здоровье повредить и испоганить не примѣшали, и во всемъ о государскомъ здравіи радѣли и оберегали государскаго здравія во всякихъ мѣрахъ въ-правду, всѣмъ сердцемъ и душею, безо всякія хитрости».

Практическій умъ Ѳедора Ивановича Шереметева высказывался во всей силѣ въ его отношеніяхъ къ иноземцамъ и въ умѣніи пользоваться ими для цѣлей полезныхъ отечеству. Поддерживая дружбу съ докторомъ Сибелистою, человѣкомъ высшаго Европейскаго образованія, Шереметевъ, по должности начальника Аптекарскаго и Иноземскаго приказовъ, находился въ ежедневныхъ сношеніяхъ и со многими другими иностранцами, которыхъ онъ старался всѣми возможными льготами привлекать на службу государству, крайне нуждавшемуся въ людяхъ знанія и труда не по одному только врачебному дѣлу. Но для иноземцевъ, состоявшихъ на нашей службѣ, еще недостаточно было щедрыхъ вознагражденій, на которыя и не скупилось правительство. Весьма естественны были ихъ

домогательства о предоставленіи имъ свободы отправлять богослуженіе по ихъ вѣрѣ. Въ маѣ мѣсяцѣ 1643 года, Шереметевъ являлся ходатаемъ за иноземцевъ въ этомъ щекотливомъ по тому времени дѣлѣ. Онъ докладывалъ государю поданное ему «нововыѣзжимъ Мекленборскіе земли доктуромъ Егаеусомъ Бѣлово» прошеніе, съ жалобою на то, что, по челобитью «Русскихъ поповъ отъ Миколы Столпа», иноземцамъ «не велѣно въ городѣ сходиться для ихъ богомольства, и дворъ, что они построили, велѣно сломать»[330]. Дѣло разрѣшилось въ іюлѣ мѣсяцѣ того-же года, когда, по царскому указу, разныхъ чиновъ Нѣмцамъ отведенъ былъ «подъ ихъ богомолья подъ избу съ комнотою и подъ дворъ, гдѣ имъ съѣзжаться для богомолья по ихъ вѣрѣ», особый участокъ изъ огорода Никиты Зюзина, за Землянымъ городомъ, межъ Фроловскихъ и Покровскихъ воротъ[331].

Такой благопріятный исходъ ходатайства иноземцевъ, можетъ быть, состоялся даже

---

[330] Акты историческіе, собранные Археографическою коммиссіею. Т. III. Спб. 1841. № 225. — Матеріалы для исторіи медицины въ Россіи. Спб. 1881. стр. 106.

[331] Собраніе государственныхъ грамотъ и договоровъ. Ч. 3. М. 1822. № 116.

помимо воли и желанія патріарха Іосифа, строгаго обличителя Люторской ереси, который именно въ это время убѣждалъ нареченнаго жениха царевны Ирины, королевича Вольдемара, въ истинахъ Православія. Но, къ великому огорченію государя, королевичъ, поддерживаемый состоявшимъ при немъ пасторомъ Фильгробромъ, «истинѣ не повинулся, креститися не восхотѣлъ, въ своей еретической Люторской вѣрѣ пребысть непревратенъ»[332].

---

[332] Новый лѣтописецъ, по списку князя Оболенскаго. М. 1853. Приложенія. стр. 4.

ГЛАВА XV.

Неизвѣстный современный авторъ, находившійся, какъ полагаютъ, въ свитѣ Вольдемара, разсказываетъ, что королевичь приходилъ въ отчаяніе отъ разныхъ проволочекъ по его дѣлу и притѣсненій, что онъ будто-бы даже покушался бѣжать изъ Москвы, но былъ задержанъ у Тверскихъ воротъ стрѣльцами. Послѣ неудачнаго покушенія къ побѣгу, Вольдемаръ, по показанію того-же автора, «искалъ помощи у самыхъ знатныхъ изъ большихъ бояръ или государственныхъ совѣтниковъ, у Ѳедора Ивановича Шереметева и князя Алексѣя Михайловича Львова», письменно прося ихъ уговорить царя, либо совершить бракъ безъ всякихъ условій относительно вѣроисповѣданія, либо

отпустить его домой съ подобающею честью. По этому письму, въ февралѣ 1645 года, Ѳедоръ Ивановичь Шереметевъ и князь Львовъ ѣздили къ королевичу Вольдемару въ Царево-Борисовскій дворъ и, черезъ бывшаго съ ними переводчика, упрашивали королевича исполнить царскую волю относительно перемѣны вѣры; но тотъ рѣшительно отвѣтилъ, что если нельзя быть браку по обоимъ вѣроисповѣданіямъ, то и ему нельзя отречься отъ принятаго однажды крещенія и исповѣдуемой вѣры, а потому просилъ Шереметева и Львова доложить государю, что онъ рѣшительно ничего не желаетъ, кромѣ почетнаго отпуска[333].

21 марта королевичь пригласилъ къ себѣ боярина Ѳедора Ивановича Шереметева и снова просилъ его похлопотать у государя объ отпускѣ. «Я знаю, — говорилъ королевичь Шереметеву, — что ты начальнѣйшій бояринъ въ царствѣ, ближній, справедливый, великій, и потому бью тебѣ челомъ, помоги мнѣ, чтобъ царское величество пословъ и меня отпустилъ». Шереметевъ отвѣчалъ:

[333] Поѣздка въ Россію Вольдемара Христіяна Гильденлеве (Чтенія въ императорскомъ Обществѣ исторіи и древностей Россійскихъ. 1867 г. Кн. IV. Матеріалы иностранные. стр. 35 и 36).

«Хорошо было бы тебѣ съ царскимъ величествомъ соединиться въ вѣрѣ; а совершивъ такую дальную дорогу, ѣхать назадъ непригоже». Но королевичъ былъ непреклоненъ. «Тому статься нельзя,—сказалъ онъ;—а когда царское величество меня честно велитъ отпустить, то я буду громко его прославлять»[334].

Понятно, почему Вольдемаръ такъ настойчиво домогался отпуска домой: дальнѣйшее пребываніе его въ Москвѣ съ каждымъ днемъ становилось невыносимѣе, между прочимъ и потому, что дурное поведеніе нѣкоторыхъ лицъ изъ его свиты грозило навлечь большую бѣду на все посольство. Простой народъ уже начиналъ выказывать свою ненависть къ зажившимся въ царственномъ Кремлѣ своевольнымъ иноземцамъ. Дѣло дошло до того, что безъ конвоя невозможно было выйдти на улицу. Голиковъ читалъ въ одной лѣтописи, что люди королевича Вольдемара «весьма озарничали въ Москвѣ» и что однажды они произвели драку съ Донскими казаками, въ которой двое свитскихъ были убиты[335]. Вышеуказанный неизвѣстный

[334] Соловьевъ. Исторія Россіи. Т. IX. М. 1859. стр. 330.
[335] Дополненіе къ Дѣяніямъ Петра Великаго. Т. II. М. 1790. стр. 483.

авторъ разсказываетъ и объ этомъ случаѣ, но разумѣется съ своей точки зрѣнія, обвиняя во всемъ казаковъ. Онъ говоритъ, что Донскіе казаки приходили тогда въ Москву за жалованьемъ и по обычаю были угощаемы сперва на государевомъ дворѣ, а потомъ у разныхъ сановниковъ. Три дня спустя послѣ того, какъ Ѳедоръ Ивановичъ Шереметевъ съ княземъ Львовымъ были у королевича, казаки были въ гостяхъ у Шереметева и, подгулявши изрядно, шли по Кремлю большимъ отрядомъ по три человѣка въ рядъ. Одинъ изъ казаковъ присталъ, будто-бы, къ встрѣтившемуся камеръ-юнкеру королевича съ скверными словами и даже ударилъ его по рукѣ. Завязалась свалка съ прибѣжавшими на помощь королевичевыми людьми, изъ которыхъ многіе были порядочно избиты казаками. Какъ ни старается неизвѣстный авторъ сложить всю вину на казаковъ, однако самъ же потомъ говоритъ, что розыскомъ дознано, что зачинщиками были королевичевы люди[336]. Еще гдѣ-то подстрѣлили изъ пищали кравчаго королевича Вольдемара; по

[336] Поѣздка въ Россію Вольдемара Христіяна Гильденлеве (Чтенія въ императорскомъ Обществѣ исторіи и древностей Россійскихъ. 1867 г. Кн. IV. Матеріалы иностранные. стр. 36—38).

порученію Θедора Ивановича Шереметева, придворные доктора ѣздили на посольскій дворъ досматривать рану умершаго кравчаго и въ сказкѣ показали, что «они, доктуры, въ ту рану щупомъ щупали, а пульки не дощупались, потому что ранка глубока, а то подлинно, что пулька въ головѣ»[337].

Не смотря на всѣ эти прискорбные случаи и на безусловный отказъ королевича Вольдемара принять Православіе, государь не давалъ согласія на отпускъ королевича домой. Его всячески удерживали въ Москвѣ, упрашивая повременить окончательнымъ рѣшеніемъ, и это обстоятельство еще болѣе затемняетъ непонятную исторію сватовства королевича. Докторъ Венделинусъ Сибелиста, имѣвшій возможность знать многія тайны современной ему Европейской политики, увѣряетъ въ своемъ посмертномъ сочиненіи, что вѣроисповѣданіе Вольдемара было даже не причиной, но лишь предлогомъ къ разстройству его брака съ Русскою царевною, что бракъ сей не соотвѣтствовалъ видамъ Польскаго двора и особенно Шведскаго, откуда и

---

[337] Акты историческіе, собранные Археографическою коммиссіею. Т. III. Спб. 1841. № 302.

дѣйствовала черезъ патера Фильгроброма искусно придуманная интрига и, наконецъ, что самый пріѣздъ королевича въ Россію будто-бы устроенъ былъ Датскими вельможами, которымъ нужно было для своихъ цѣлей удалить Вольдемара изъ королевства[338].

Какъ бы то ни было, но 1644 годъ причинилъ много горя царю Михаилу Ѳедоровичу. Кромѣ неудачныхъ переговоровъ о бракосочетаніи царевны Ирины, государя весьма тревожили странныя вѣсти то изъ Турціи, то изъ Польши о появленіи новаго самозванца, именовавшаго себя сыномъ Марины Мнишекъ и лже-царя Димитрія, и подписывавшагося на бумагахъ царевичемъ Московскимъ Иваномъ Дмитріевичемъ. Новый самозванецъ, какъ оказалось впослѣдствіи, былъ сыномъ Польскаго шляхтича Лубы, но въ свое время, сплетенная досужими людьми басня о его мнимомъ происхожденіи произвела у насъ большой переполохъ. Завязалась большая дипломатическая переписка, завершившаяся пріѣздомъ въ Москву пословъ какъ отъ Турецкаго султана, такъ и отъ Польскаго короля.

---

[338] Аделунгъ. Критико-литературное обозрѣніе путешественниковъ по Россіи. М. 1864. Ч. 2. № 80.

Къ обоимъ посламъ — Турецкому, Арсланъ-агѣ, прибывшему въ Москву 5 сентября 1644 года, и къ Польскому, Гаврилѣ Стемпковскому, прибывшему 13 января 1645 года[339], назначенъ былъ состоять въ отвѣтѣ бояринъ Иванъ Петровичь Шереметевъ; а племянники его, Василій Борисовичь и Петръ Васильевичь Шереметевы, стояли рындами при всѣхъ пріемахъ какъ этихъ двухъ посольствъ, такъ и Персидскаго и Датскаго, также находившихся въ то время въ Москвѣ[340].

На время переговоровъ съ Турецкимъ посломъ, происходившихъ 13 декабря, Ивану Петровичу Шереметеву присвоенъ былъ почетный титулъ намѣстника Ростовскаго, а его товарищу князю Андрею Ѳедоровичу Литвинову-Мосальскому — намѣстника Ржевскаго[341]. Эту новую посольскую службу Иванъ Петровичь Шереметевъ отправлялъ подъ горестнымъ впечатлѣніемъ семейной утраты. За двѣ недѣли предъ тѣмъ онъ лишился сына, младенца Матвѣя, погребеннаго въ Богоявленскомъ монастырѣ, за Казанскою церковью возлѣ палатки. Въ этой обители

[339] Дворцовые разряды. Т. II. Спб. 1851. столб. 741 и 748.

[340] Тамъ-же, столб. 741. 745—747. 749. 751.

[341] Тамъ-же, столб. 745.

до сихъ поръ еще сохраняется надгробная плита, на которой читаемъ: «Лѣта 7153 году декабря въ 1 день, на память святаго пророка Наума, преставися рабъ Божій младенецъ Матвѣй Ивановичь боярина Ивановъ сынъ Петровича Шереметева» [342].

Большія непріятности обрушились на Ивана Петровича Шереметева по поводу другаго посольскаго порученія — вести переговоры съ посломъ Стемпковскимъ. На этотъ разъ Ивану Петровичу указано было состоять для отвѣта въ товарищахъ при князѣ Никитѣ Ивановичѣ Одоевскомъ, гораздо позже его пожалованномъ въ бояре. Шереметевъ билъ челомъ государю въ отечествѣ на князя Одоевскаго, выставляя, что ему быть меньше его нельзя. Тотъ, въ свою очередь, билъ челомъ на Шереметева о безчестьѣ и объ обоэронѣ. Это происходило 27 января 1645 года; а 30 января, въ переднихъ сѣняхъ разрядный дьякъ Михаилъ Волошениновъ объявилъ Ивану Петровичу Шереметеву слѣдующее: «Билъ ты челомъ государю на боярина князь Никиту Ивановича Одоевскаго въ оте-

[342] Снегиревъ. Богоявленскій монастырь въ Москвѣ, на Никольской улицѣ. М. 1864. стр. 58.

чествѣ, и ты билъ челомъ не по дѣлу: родители ваши при прежнихъ государяхъ безпрестанно съ Одоевскими бывали, а на нихъ государямъ не бивали челомъ. Государь указалъ быть тебѣ менши боярина князь Никиты Ивановича мочно по многимъ случаямъ: вездѣ Шереметевы съ Одоевскими бывали въ товарищахъ безсловно. А за безчестье князь Никиты Ивановича велѣлъ тебя государь послать въ тюрьму»[343].

Строгій приговоръ былъ исполненъ въ тотъ-же день. Отводилъ въ тюрьму Ивана Петровича Шереметева дворянинъ Иванъ Толбузинъ.

По старымъ счетамъ отношенія сыновей Петра Никитича Шереметева къ ихъ двоюродному дядѣ Ѳедору Ивановичу Шереметеву всегда были довольно натянутыми. Описанная мѣстническая стычка Ивана Петровича Шереметева съ зятемъ Ѳедора Ивановича, княземъ Никитой Ивановичемъ Одоевскимъ, еще болѣе охладила эти отношенія. Случилось же это именно въ ту пору, когда Ѳедоръ Ивановичъ Шереметевъ окончательно утвер-

---

[343] Дворцовые разряды. Т. II. Спб. 1851. столб. 750 и 751. См. также въ варіантахъ.

дившись въ намѣреніи покинуть міръ и провести остатокъ своихъ дней въ Кирилло-Бѣлозерскомъ монастырѣ, составлялъ духовное завѣщаніе.

Такъ какъ у Ѳедора Ивановича не осталось въ живыхъ дѣтей мужескаго пола, то онъ, не имѣя расположенія къ своимъ племянникамъ, рѣшилъ-было воспользоваться царскимъ указомъ, въ силу котораго не только купленныя, но и родовыя вотчины могли быть передаваемы дочерямъ завѣщателя, если у послѣдняго не было сыновей. Такимъ образомъ, всѣмъ безъ изъятія помѣстьямъ Ѳедора Ивановича Шереметева предстояло перейти въ родъ князей Одоевскихъ, дѣтямъ старшей его дочери, Евдокіи Ѳедоровны, такъ какъ другая его дочь, Анна Ѳедоровна, находилась въ монастырѣ.

Обстоятельство это вызвало жестокую семейную междуусобицу, омрачившую послѣдніе годы жизни Ѳедора Ивановича Шереметева. Его племянники, считая себя единственными законными наслѣдниками родовыхъ вотчинъ, мало того, что требовали ихъ себѣ, но пошли даже на разныя насильственныя дѣйствія противъ своего престарѣлаго

дяди, всячески поносили его и угрожали разорить весь его домъ. Все это вынудило Ѳедора Ивановича Шереметева подать государю челобитную, подписанную 14 числомъ марта 1645 года, въ которой онъ хотя и обѣщаетъ предоставить всѣмъ тремъ братьямъ требуемыя ими родовыя вотчины, «для того чтобы по смерти его вражды не было», но за то не пожалѣлъ красокъ для изображенія дѣяній враждовавшихъ съ нимъ племянниковъ и особенно покойнаго отца ихъ, а своего двоюроднаго брата, Петра Никитича. Челобитная заключаетъ въ себѣ весьма важныя біографическія подробности, которыми мы отчасти уже и пользовались при разныхъ случаяхъ въ предыдущемъ изложеніи. Теперь приводимъ этотъ любопытный документъ въ полномъ его составѣ:

«Царю государю и великому князю Михаилу Ѳедоровичу всеа Русіи бьетъ челомъ холопъ твой Ѳедка Шереметевъ. Божіею, государь, волею постигла меня, холопа твоего, старость, мало слышу и вижу, и насилу брожу; а племянники, государь, мои — бояринъ Иванъ Петровичь съ братьею своею и съ детми и съ племянники — умышляютъ на

меня, холопа твоего, съ совѣтники своима и съ друзьями съ такими-жъ каковъ самъ обычаемъ, всякое зло и разоренье домишку моему и вотчинкамъ нынѣ и по смерти моей, чтобъ имъ духовная моя нарушить также, какъ и отецъ ихъ Петръ Никитичь дѣлалъ надъ дядею моимъ Ѳедоромъ Васильевичемъ. Блаженные памяти при государѣ царѣ и великомъ князѣ Иванѣ Васильевичѣ всеа Русіи дядю нашего Ѳедора Васильевича въ Сокольское взятье взяли въ полонъ Литовскіе люди, и отецъ ихъ Петръ Никитичь на Москвѣ на дворѣ дяди своего и моего у палатъ замки сбилъ и животы его пограбилъ, и въ деревняхъ лошади поималъ, и вотчинами владѣлъ покамѣста дядя нашъ вышелъ изъ полону. И государь царь и великій князь Иванъ Васильевичь ево, Петра, за грабежъ дядѣ Ѳедору Васильевичу выдалъ головою. А девяносто, государь, въ осмомъ году дядя нашъ Ѳедоръ Васильевичь постригся, и отецъ ихъ въ ево вотчинахъ взялъ грабежемъ 170 коней и на тѣхъ лошадехъ пошелъ на службу подъ Ругодивъ. Да отецъ же, государь, ихъ, при государѣ царѣ и великомъ князѣ Ѳедорѣ Ивановичѣ всеа Русіи, дядю своего и моего род-

нова Ѳедора Васильевича, во иноцѣхъ Ѳеодорита, грабилъ и писалъ ево измѣнникомъ, будто со князь Иваномъ Петровичемъ Шуйскимъ государю царю Ѳедору Ивановичу измѣнялъ, и животы, государь, будто князя Ивана Петровича у дяди Ѳеодорита; и назвавъ холопей своихъ посланники и написавъ наказъ, посылалъ къ Николѣ Чудотворцу въ Онтоновъ монастырь грабить, и игуменъ и старцы дяди Ѳеодорита грабить не дали. И для, государь, тое ево посылки животы дяди нашего взяты всѣ безъ остатку на государя царя Ѳедора Ивановича; да въ животахъ же, государь, дяди нашего взяты правые и безместные грамоты и разряды и родословцы и духовные и всякіе крѣпости. И духовные, государь, выданы намъ изъ разряду къ суду въ вотчинномъ дѣлѣ съ бояриномъ со князь Тимоѳѣемъ Романовичемъ Трубецкимъ; а на него, Петра, за грабежъ дяди Ѳеодорита была опала. А въ Московское, государь, разоренье вотчинишка мои, холопа твоего, были за Иваномъ съ братіею, и они людишекъ моихъ поимали къ себѣ въ холопы, а лошадишка мои и животишка все пограбили и вотчинишки разорили, крестьянъ разогнали

и отъ 200 кобылъ осталось мнѣ, холопу твоему, только 16 кобыленокъ. А въ Коломенскихъ, государь, моихъ деревнишкахъ было насѣянной ржи 250 десятинъ, а мнѣ, холопу твоему, досталось только 18 десятинъ сѣянной ржи. А нынѣ, государь, по твоей государьской милости ко мнѣ, надъ живымъ надо мною не смѣютъ ничего здѣлать, а умышляютъ и хотятъ по смерти моей надо мною, холопомъ твоимъ, тоже дѣлать, вотчинки мои и дворы, мимо моей духовной, затѣвая ложнымъ своимъ челобитьемъ поимати себѣ насильствомъ и животы разграбить. А нынѣ, государь, и живъ я, холопъ твой, отъ нихъ терплю всякой поносъ и укоризну; а люди ихъ, по ихъ велѣнью, людей моихъ и крестьянъ бьютъ и грабятъ, и сѣкутъ, и ножами рѣжутъ и лаютъ. И меня, холопа твоего, на старости воромъ зовутъ, то тебѣ, государь, извѣстно. А дядья, государь, мои, а ихъ дѣды съ отцомъ моимъ Иваномъ Васильевичемъ вотчинами владѣли по духовной отца своего, а моево дѣда, Василья Андреевича; а которыя, государь, родовыя вотчины выкупали дядья мои и батька, а ихъ дѣды, и тѣ, государь, вотчины промежъ себя раздѣлили и по-

слѣ того, государь, раздѣлу, владѣли всякъ своими жеребьями, что̀ кому по раздѣлу досталось. А купленными, государь, своими вотчинами владѣли кто что̀ купилъ тѣмъ и владѣлъ. А дѣда своего, а моего дяди, Никиты Васильевича купленными вотчинами и нынѣ владѣютъ они; а дядя, государь, мой Иванъ Васильевичь постригся, а вотчины свои Рязанскіе отдалъ братьѣ своей — отцу моему Ивану да дядѣ Ѳедору Васильевичемъ, да отцу ихъ Петру Никитичу. А иные вотчины далъ дочерямъ своимъ — княинѣ Агафьѣ Кайбулинѣ, да княинѣ Марьѣ Тюменской. А отецъ мой Иванъ Васильевичь вотчинами своими родовыми и что̀ пожаловалъ государь царь и великій князь Иванъ Васильевичь всеа Русіи ему вотчину въ Костромскомъ уѣздѣ послѣ раздѣлу, какъ раздѣлились съ братьями, и послѣ смерти дяди моево Никиты, а ихъ дѣда, и купленными вотчинами всѣми пожаловалъ меня и въ духовной написалъ. А духовная, государь, отца моево за свидѣтельствомъ Антонія митрополита Московскаго и всеа Русіи у меня, холопа твоего. А въ грамотѣ, государь, царя и великаго князя Ивана Васильевича всеа Русіи написано: Отцу мо-

ему Ивану Васильевичу мимо сына своего тое Костромскіе вотчины никому не отдать, и потому, государь, до тое вотчины племянникомъ моимъ дѣла нѣтъ. А по твоему государеву и отца твоего великаго государя святѣйшаго патріарха Ѳиларета Никитича Московскаго и всеа Русіи указу и уложенью, у ково сыновей нѣтъ и дочери родовымъ вотчинамъ вотчичи. И я, холопъ твой, родовые свои вотчины всѣ, что̀ нынѣ за мною есть: въ Володимерскомъ уѣздѣ вотчину село Ѳилисово, Сенегъ тожъ, съ деревнями и съ пустошми, да въ Коломенскомъ уѣздѣ двѣ вотчины— село Мещериново съ деревнями, да село Городня съ деревнями, а Воскресенское тожъ, да въ Резанскомъ уѣздѣ село Песошня съ деревнями, да деревни: Стенкино да Демкино, да въ Московскомъ уѣздѣ сельцо, что̀ была деревня Кусково, опричь купли отца моево и моей, пишу въ духовной своей Ивану съ братьею мимо дочерей своихъ, окромѣ отца своего Ивана Васильевича Костромскіе вотчинки, что̀ пожаловалъ ему царь Иванъ Васильевичь послѣ раздѣлу, какъ раздѣлилися отецъ мой съ братьею и былъ въ боярехъ, и окромѣ купленныхъ вотчинъ отца моево и

окромѣ моихъ, холопа твоего, купленныхъ вотчинъ, что̀ я, холопъ твой, купилъ свои-жъ выслуженныя вотчинки и покупалъ изъ твоихъ государевыхъ дворцовыхъ и изъ помѣстныхъ земель и у вотчинниковъ,—для того чтобъ, государь, по смерти моей вражды не было, а духовной моей, по твоей государьской милости, нарушенья не было. Милосердный государь царь и великій князь Михаилъ Ѳеодоровичь всеа Русіи! пожалуй меня, безъсемейнова холопа своего, по своему милостивому слову ко мнѣ, поволь, государь, мнѣ написать въ духовной моей царя Ивана Васильевича жалованье отцу моему вотчину въ Костромскомъ уѣздѣ и купленныя вотчины по духовной отца моево, чѣмъ меня пожаловалъ отецъ мой бояринъ Иванъ Васильевичь, и мои, холопа твоего, купленные вотчинки и дворы Московскіе и животы написать кому хочу, окромѣ племянниковъ моихъ Ивана съ братьею и ихъ дѣтей. А родовые, государь, вотчины въ духовной моей всѣ написаны будутъ имъ; и пожалуй, государь, меня холопа своего, вели сю мою челобитенку для духовной моей подписать думному діаку, кому ты, государь, укажешь, окромѣ свата ихъ Ивана

Гавренѣва, чтобъ, государь, имъ до государева жалованья царя Ивана Васильевича отцу моему, до Костромскіе моей вотчинки и до купленныхъ вотчинъ отца моево и до моихъ, холопа твоего, купленныхъ вотчинъ и до дворовъ моихъ и до животовъ, по смерти моей, дѣла не было, окромѣ родовыхъ вотчинъ, что̀ имъ будутъ въ духовной моей написаны. А по вашей государьской милости и уложенью, и родовые вотчины, у кого сыновей нѣтъ, даютца дочеремъ. Царь государь и великій князь Михаилъ Ѳедоровичь всеа Русіи, смилуйся пожалуй»!

На оборотѣ челобитной находится слѣдующая надпись: «7153 года марта въ 17 день, государь пожаловалъ поволилъ ему родовые вотчины въ духовную написать и отдать племянникомъ своимъ. А царя и великаго князя Ивана Васильевича всеа Русіи жалованые отцу ево въ Костромскомъ уѣздѣ купленные вотчины и дворы Московскіе и животы поволилъ въ духовной написать и отдать кому хочетъ»[344].

Составленіе самаго акта духовнаго завѣщанія отсрочилось на нѣсколько мѣсяцевъ

[344] Архивъ графа С. Д. Шереметева. № 320.

по случаю болѣзни, а затѣмъ кончины государя.

Царь Михаилъ Θедоровичь, удрученный глубокою скорбью отъ неудачи сватовства своей дочери, слегъ въ постель 23 апрѣля 1645 года. Доктора прямо объясняли, что причиною болѣзни его царскаго величества была «меланколія, сирѣчь кручина». Θедоръ Ивановичь Шереметевъ самъ носилъ къ государю порошки, бальзамъ, мази и вообще все, что прописывали ему доктора[345]. Болѣзнь уже принимала благопріятный оборотъ, такъ что 12 іюля, Михаилъ Θедоровичь, по случаю дня своего ангела, пошелъ даже къ заутрени, но въ церкви съ нимъ сдѣлался обморокъ, и въ тотъ-же день ночью первый царь изъ дома Романовыхъ скончался на рукахъ своего старѣйшаго и тайнѣйшаго боярина Θедора Ивановича Шереметева.

---

[345] Акты историческіе, собранные Археографическою коммиссіею. Т. III. Спб. 1841. № 246.

ГЛАВА XVI.

Изъ Шереметевыхъ только Василья Борисовича не было въ Москвѣ въ часъ кончины царя Михаила. Съ 1 мая 1645 года онъ находился на воеводствѣ во Мценскѣ[346], гдѣ лишь въ двадцатыхъ числахъ іюля онъ узналъ о вступленіи на престолъ царевича Алексѣя Михайловича.

Новый государь прежде всего поспѣшилъ кончить дѣло объ отпускѣ королевича Вольдемара. 7 августа, князь Никита Ивановичь Одоевскій увѣдомилъ королевича, что его царское величество, посовѣтовавшись съ патріархомъ и большими боярами, рѣшилъ отпустить его, королевича, домой, что по любви и дружбѣ къ королю Христіану, государь по-

[346] Дворцовые разряды. Т. II. Спб. 1851. столб. 752.

ручилъ проводить его до рубежа съ наибольшимъ почетомъ и уваженіемъ своему думному боярину Василью Петровичу Шереметеву и что бояринъ этотъ «знатнѣе и больше князя Юрья Андреевича»[347].

Дѣйствительно, королевичу Вольдемару было указано быть у государя на отпускѣ 13 августа. На первую меньшую встрѣчу королевича, на рундукѣ, у лошади, назначенъ былъ Борисъ Петровичь Шереметевъ. Въ товарищи къ нему сперва опредѣлили князя Ѳедора Ѳедоровича Шериху-Волконскаго; но такъ какъ на послѣдняго билъ челомъ въ отечествѣ князь Савелій Ивановичь Козловскій, состоявшій приставомъ у королевича, то государь велѣлъ отставить князя Волконскаго, а на его мѣсто, въ товарищи къ Шереметеву, назначили князя Петра Андреевича Козловскаго. Другая средняя встрѣча королевича, на лѣстницѣ, поручена была Василью Петро-

[347] Чтенія въ императорскомъ Обществѣ исторіи и древностей Россійскихъ за 1867 годъ. Кн. 4 (Матеріалы иностранные: Извѣстіе о поѣздкѣ въ Россію Вольдемара Христіана Гильденлеве, графа Шлезвигъ-Голштинскаго. стр. 66). — Съ кѣмъ именно и по какому поводу сравнивали знатность Шереметева — не знаемъ. Изъ бояръ царя Михаила только одинъ, именно князь Сицкій, носилъ имя Юрья Андреевича; но онъ умеръ въ 7152 (1643—44) году, какъ это видно изъ послужнаго списка, напечатаннаго въ Древней Россійской вивліоѳикѣ (Ч. XX. М. 1791. стр. 100).

вичу Шереметеву и Василью Васильевичу Бутурлину; а третья, большая встрѣча, на Красномъ крыльцѣ, — князю Никитѣ Ивановичу Одоевскому и Михаилу Матвѣевичу Бутурлину. Бутурлины били челомъ на Шереметевыхъ въ отечествѣ; а Шереметевы просили объ оборонѣ. По приказанію царя Алексѣя Михайловича, Бутурлинымъ сказано, что «имъ менше Шереметевыхъ всегда быть мочно и что они бьютъ челомъ не дѣломъ»[348].

На всѣхъ трехъ встрѣчахъ королевича Вольдемара привѣтствовали черезъ переводчиковъ краткими рѣчами. Затѣмъ, Вольдемаръ вступилъ со всею своею свитою въ Золотую среднюю палату, обитую для печали чернымъ сукномъ. У государева мѣста стояли въ черномъ платьѣ рынды: князь Семенъ Романовичь Пожарскій и трое Шереметевыхъ: Василій Ивановичь, Петръ Васильевичь и Матвѣй Васильевичь. Самъ государь былъ въ черномъ опашнѣ, а бояре, стольники и дворяне — въ черныхъ-же однорядкахъ.

Одинъ изъ свитскихъ королевича разсказываетъ, что вслѣдъ за обычными привѣтствіями, на середину палаты выступилъ

---

348 Дворцовые разряды. Т. III. Спб. 1852. столб. 7—9.

князь Львовъ и началъ вычитывать всю исторію сватовства Вольдемара «по бумагѣ, саженъ въ десять длины и очень узкой». Въ заключеніе всего князь Львовъ объявилъ, что его царское величество, видя, что «нельзя совершиться великому дѣлу брака безъ соединенія въ вѣрѣ», рѣшился отпустить королевича, согласно его желанію, не единожды повторенному.

Послѣ раздачи подарковъ, царь Алексѣй Михайловичь простился съ королевичемъ Вольдемаромъ и снова повторилъ ему, что онъ приказалъ своему думному боярину Василью Петровичу Шереметеву, съ подчиненными ему дворянами и Московскими стрѣльцами, въ числѣ 1500 человѣкъ, «ѣхати съ нимъ, королевичемъ, съ Москвы на Можайскъ да на Вязьму и до рубежа до рѣки до Коляповки, и всякое береженье и честь къ нему, королевичу, держати великую».

Когда Вольдемаръ садился въ колымагу, къ нему подошелъ Василій Петровичь Шереметевъ и, доложивъ, что онъ есть тотъ самый бояринъ, которому приказано сопровождать его графскую милость до рубежа, просилъ почтить его своимъ посѣщеніемъ. Короле-

вичь охотно принялъ приглашеніе, и со всею свитою отправился въ домъ Василья Петровича. Сюда, «во время пирушки», какъ выражается свидѣтель-очевидецъ, королевичу принесены были новые подарки отъ царя, а изъ приказа Новой Четверти, отъ боярина Ѳедора Ивановича Шереметева, 14.000 рейхсталеровъ кормовыхъ денегъ на дорогу.

Въ наказѣ, данномъ Василью Петровичу Шереметеву, сказано было, что если королевичь, во время слѣдованія къ рубежу, «на который станъ пріѣдетъ и станетъ на дворахъ или въ шатрахъ, то ему, боярину Василью Петровичу, и дьяку стать отъ него вблизи и приходить къ королевичу всякой день челомъ ударити; и если королевичь будетъ посылать за бояриномъ Васильемъ Петровичемъ и дьякомъ по два или по три раза, то имъ къ нему ходить; и если королевичь захочетъ передневать для своего покоя въ Можайскѣ или въ Вязьмѣ, и то дать на его волю. И все что королевичь дорогою будетъ говорить, записывать, и ту записку отдать въ Посольскомъ приказѣ дьякамъ думнымъ».

15 августа, королевичь Вольдемаръ, сопровождаемый Васильемъ Петровичемъ Ше-

реметевымъ, выѣхалъ изъ Москвы по Смоленской дорогѣ въ Вязьму. Согласно наказу, впереди королевича ѣхали стряпчіе, дворяне, Московскіе жильцы и стрѣльцы. За королевичемъ слѣдовалъ Василій Петровичь Шереметевъ съ дьякомъ Анисимомъ Трофимовымъ, а за ними — королевскіе и королевичевы дворяне съ своими людьми. На самомъ рубежѣ королевичь «дружески» простился съ Шереметевымъ и «дарилъ его двѣма кубками да лошадь жеребецъ воронъ». Затѣмъ, отъѣхавъ 50 шаговъ отъ рубежа, королевичь приказалъ своей свитѣ дать нѣсколько почетныхъ выстрѣловъ. Наши отвѣчали тѣмъ-же и, по разсказу очевидца, въ продолженіи получаса обѣ стороны обмѣнивались салютными выстрѣлами изъ пистолетовъ и ружей[349].

До Вильны и далѣе въ Варшаву провожалъ королевича его приставъ князь Савелій Ивановичь Козловскій; а Шереметевъ съ сво-

---

[349] Дѣла Датскаго двора въ Московскомъ главномъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ, за августъ и сентябрь 1645 года, № 4: Отпускъ изъ Москвы Датскаго королевича Вольдемара, въ препровожденіи боярина Шереметева. — Чтенія въ императорскомъ Обществѣ исторіи и древностей Россійскихъ при Московскомъ университетѣ, за 1867 годъ. Кн. 4. (Матеріалы иностранные, стр. 68—72: Извѣстіе о поѣздкѣ въ Россію Вольдемара Христіана Гильденлеве, графа Шлезвигъ-Голштинскаго). — Дворцовые разряды. Т. III. Спб. 1852. столб. 9.

имъ отрядомъ возвратился въ Москву, опечаленную новымъ горемъ, постигшимъ царскую семью: 18 августа, ночью, скончалась царица Евдокія Лукьяновна, лишь пятью недѣлями пережившая своего мужа[350].

Старики, еще помнившіе ужасы Московской разрухи, задумывались, глядя на шестнадцатилѣтняго государя, единственнаго представителя царскаго корени, не считая царевенъ. Понятныя опасенія за будущія судьбы престола и государства какъ-бы поддерживались многими знаменіями небесными, отличавшими 1645 годъ: «Бысть же многа знаменія на небесѣ, и труси по мѣстомъ и земли трясеніе, а солнце меркло и мѣсяцъ»[351].

Почти одновременно съ смертью царицы Евдокіи Лукьяновны пресѣклась и государственная дѣятельность Ѳедора Ивановича Шереметева. 11 августа, за два дня до отпускной аудіенціи Датскаго королевича, онъ имѣлъ послѣдній докладъ у новаго государя по Аптекарскому приказу, о выдачѣ докторамъ, аптекарямъ, лѣкарямъ и другимъ слу-

---

[350] Изборникъ Славянскихъ и Русскихъ сочиненій и статей, внесенныхъ въ хронографы Русской редакціи. М. 1869. стр. 395.

[351] Арцыбашевъ. Повѣствованіе о Россіи. Т. III. М. 1843. Кн. VI. стр. 86. № 528.

жащимъ лицамъ жалованья за три мѣсяца 1645 года (за іюнь, іюль и августъ). На докладной запискѣ собственною рукою Ѳедора Ивановича отмѣчено: «Государь сего докладу слушалъ, пожаловалъ, велѣлъ выдать свое государево жалованье въ Новгородской Чети»[352]. Затѣмъ, въ новогодней сентябрской росписи хотя и показано, что Ѳедоръ Ивановичь Шереметевъ сидѣлъ, по прежнему, на Казенномъ дворѣ, у Большой казны, а также въ приказѣ Новой Чети[353], но въ правительственныхъ актахъ уже не встрѣчается болѣе никакихъ свѣдѣній объ его распоряженіяхъ. Самъ Ѳедоръ Ивановичь видимо устранялся отъ дѣлъ, ссылаясь на старость и болѣзни: «Постиже мя старость, — писалъ онъ въ то время, — и впадохъ въ различныя болѣзни, ничтоже помыслихъ развѣ смерть и судъ Спасовъ будущаго вѣка; не вѣмъ, что сотворю»[354].

Съ новымъ царствованіемъ выступили на сцену и новые дѣятели, во главѣ коихъ, съ первыхъ же дней воцаренія Алексѣя Михайловича, примѣчается дядька его, бояринъ Бо-

[352] Дополненія къ актамъ историческимъ, собраннымъ Археографической коммиссіею. Т. III. Спб. 1848. № 2.

[353] Дворцовые разряды. Т. III. Спб. 1852. столб. 12.

[354] Архивъ графа С. Д. Шереметева. № 157.

рисъ Ивановичь Морозовъ. По словамъ современника, доктора Коллинса, онъ сталъ «первымъ лицомъ въ Россіи послѣ царя». И дѣйствительно, при вѣнчаніи на царство Алексѣя Михайловича, Морозовъ стоялъ на великомъ чертожномъ мѣстѣ, за царемъ, съ правой стороны, тогда какъ Ѳедоръ Ивановичь Шереметевъ даже и не присутствовалъ при этомъ священномъ дѣйствіи, совершенномъ съ обычною торжественностію 28 сентября, въ сороковой день по кончинѣ царицы Евдокіи Лукьяновны.

Нѣтъ надобности подробно описывать вѣнчаніе на царство Алексѣя Михайловича. Мы прослѣдимъ лишь за Шереметевыми, принимавшими непосредственное участіе въ пышномъ церемоніалѣ царскаго поставленія.

Въ разрядной запискѣ сказано, что царь Алексѣй Михайловичь, предъ выходомъ въ Успенскій соборъ, послалъ изъ Золотой палаты на Казенный дворъ «за Животворящимъ Крестомъ Господнимъ и святыми бармами и за царскимъ чиномъ боярина своего Василья Петровича Шереметева и дворянъ многихъ въ золотыхъ одеждахъ, на честь Животворящему Кресту и всему царскому

чину». Всѣ эти принадлежности вѣнчанія вынесены были въ сопровожденіи Василья Петровича Шереметева и состоявшихъ при немъ дворянъ въ Успенскій соборъ. «А шли долгое время зѣло изрядно, со всякимъ благочиніемъ, яко всему народу дивитися тому ихъ изрядному благолѣпію; а въ то время звонили во вся колоколы нижнего и верхнего поясовъ и въ благовѣстные во всѣ колоколы, дондеже въ соборную церковь внидоша». Затѣмъ, когда принесенныя царскія регаліи разложены были на амвоны, около нихъ стали Василій Петровичь Шереметевъ да казначей Богданъ Дубровскій съ товарищами и «брегли со страхомъ и трепетомъ, дабы никто не прикоснулся того царскаго чину». А какъ въ соборѣ все было пріуготовлено къ совершенію священнаго обряда, патріархъ Іосифъ сказалъ объ этомъ Василью Петровичу Шереметеву, и тотъ сейчасъ-же пошелъ къ государю съ докладомъ, что въ соборной церкви къ его царскому вѣнчанію все уже готово.

Во время слѣдованія царя въ Успенскій соборъ, Василій Петровичь Шереметевъ шелъ впереди всѣхъ, рядомъ съ государевымъ духовникомъ Благовѣщенскимъ протопопомъ

Стефаномъ, окроплявшимъ путь святой водою. За ними шествовали стольники, въ числѣ коихъ были: старшій сынъ Василья Петровича—Петръ Васильевичь Шереметевъ и два племянника его — Василій Ивановичь Шереметевъ да Василій Борисовичь Шереметевъ[355], незадолго предъ тѣмъ возвратившійся изъ Мценска. При совершеніи самого обряда вѣнчанія, всѣ трое Шереметевы стояли съ царскими подножіями у чертожнаго мѣста[356]. Когда настало время мѵропомазанія, государь пошелъ съ чертога къ алтарю и, ставъ на уготованное мѣсто, снялъ съ себя вѣнецъ и передалъ его своему дѣду, Лукьяну Степановичу Стрѣшневу; скипетръ принялъ отъ государя и все время держалъ Иванъ Петровичь Шереметевъ, а державу — Василій Петровичь Шереметевъ[357].

На другой день, 29 сентября, царь Алексѣй Михайловичь принималъ въ Золотой палатѣ патріарха, властей, бояръ, ближнихъ и всякихъ чиновъ людей, явившихся «поздравить его на государствѣ». При этомъ сотенные, торговые и посадскіе люди изъ городовъ

[355] Древняя Россійская вивліоѳика. Ч. VII. М. 1789. стр. 245—250.
[356] Дворцовые разряды. Т. III. Спб. 1852. столб. 16.
[357] Древняя Россійская вивліоѳика. Ч. VII. М. 1789. стр. 289.

(по два отъ каждаго) подносили государю хлѣбы съ солью, а прочія лица — «что̀ у кого прилучилося»[358].

Въ числѣ другихъ былъ у государя съ поздравленіями и Ѳедоръ Ивановичь Шереметевъ. Онъ принесъ нововѣнчанному царю слѣдующіе дары: «Кубокъ серебрянъ золоченъ съ кровлею, вѣсомъ 5 фунтовъ 30 золотниковъ, цѣна по 8 рублей фунтъ; чѣпь золота, кольца большіе, съ одной стороны наведено финифтью, вѣсомъ 2 фунта 14 золотниковъ, цѣна 280 рублей; отласъ золотной по серебряной землѣ, травки мелкіе золоты, мѣрою 9 аршинъ, цѣна 50 рублей; и сорокъ соболей, цѣна 140 рублей».

Довольно цѣнные дары поднесли царю Алексѣю Михайловичу и племянники Ѳедора Ивановича Шереметева: «Бояринъ Иванъ Петровичь Шереметевъ челомъ ударилъ: кубокъ серебрянъ золоченъ съ кровлею, вѣсомъ 2 фунта 10 золотниковъ, по 7 рублей фунтъ; бархатъ золотной Турской, по червленой землѣ опахала серебряны, мѣрою 9 аршинъ 7 вершковъ, цѣна 60 рублей; сорокъ соболей,

---

[358] Выходы царей. М. 1844. стр. 132.—Котошихинъ. О Россіи въ царствованіе Алексѣя Михайловича. Изд. 2. Спб. 1859. стр. 4.

въ немъ трехъ хвостовъ нѣтъ, цѣна 45 рублей. Бояринъ Василій Петровичь Шереметевъ челомъ ударилъ: кубокъ серебрянъ золоченъ, лощатъ, межъ ложекъ чеканено, вѣсомъ 2 фунта 84 золотника, по 8 рублей фунтъ; отласъ золотной по лазоревой землѣ, мѣрою 8 аршинъ 2 вершка, цѣна 20 рублей; сорокъ соболей, у нихъ 20 хвостовъ, цѣна 23 рубля»[359].

Три дня были у государя «пиры на властей, и на бояръ, и на всякихъ людей». Роздано было и много наградъ, преимущественно ближайшимъ родственникамъ царя: Семенъ Лукьяновичь Стрѣшневъ пожалованъ въ крайчіе съ путемъ и получилъ во владѣніе городъ Гороховецъ; произведены въ бояре: стольникъ Никита Ивановичь Романовъ, окольничій Василій Ивановичь Стрѣшневъ, окольничій Өедоръ Степановичь Стрѣшневъ, дворянинъ князь Өедоръ Семеновичь Куракинъ, стольникъ князь Яковъ Куденетовичь Черкасскій и дворянинъ Иванъ Ивановичь Салтыковъ. У сказки боярства князю Чер-

[359] Сообщено И. Е. Забѣлинымъ изъ приготовляемыхъ къ печати Дополненій къ Дворцовымъ разрядамъ, собранныхъ имъ изъ книгъ и столбцовъ преждебывшихъ дворцовыхъ приказовъ архива Московской Оружейной палаты.

касскому стоялъ бояринъ Василій Петровичь Шереметевъ[360].

Шереметевы и при новомъ государѣ сохранили за собою высокое служебное положеніе, и «личными достоинствами поддерживали значеніе своей фамиліи»[361]. Борисъ Петровичь Шереметевъ, бывшій Двинской воевода[362], 1 апрѣля 1646 года, былъ пожалованъ въ бояре, и эту царскую милость сказывалъ ему окольничій Борисъ Ивановичь Пушкинъ[363]. Старшій братъ Бориса Петровича, Иванъ Петровичь Шереметевъ, остался, по прежнему, начальникомъ Суднаго Владимірскаго приказа[364], а Василью Петровичу Шереметеву указано было завѣдывать Разбойнымъ приказомъ[365]. И дѣти всѣхъ трехъ братьевъ Шереметевыхъ, съ первыхъ-же дней воцаренія Алексѣя Михайловича, нахо-

---

360 Дворцовые разряды. Т. III. Спб. 1852. столб. 15—19.

361 Слова Соловьева (Исторія Россіи. Т. XII. М. 1862. стр. 350).

362 По неизвѣстной намъ причинѣ, Борисъ Петровичь не присутствовалъ на коронаціи, и не являлся къ государю съ поздравленіями.

363 Полное собраніе Русскихъ лѣтописей. Т. IV. Спб. 1848. стр. 338.

364 Дворцовые разряды. Т. III. Спб. 1852. столб. 12 и 20.

365 Спиридовъ. Записки о старинныхъ службахъ Русскихъ благородныхъ родовъ (Рукопись императорской публичной библіотеки). Ч. 5. стр. 151.

дились на видныхъ мѣстахъ своей стольничьей службы: за праздничными обѣдами у государя, Петръ Васильевичь и Василій Борисовичь Шереметевы смотрѣли въ столы, а Василій Ивановичь Шереметевъ наряжалъ вина[366].

Только старѣйшій представитель рода, Өедоръ Ивановичь Шереметевъ, остался какъ-бы въ сторонѣ отъ новаго теченія, всецѣло погруженный въ мысли «о строеніи своей грѣшной души». Едва окончились при дворѣ торжества, сопровождавшія царское вѣнчаніе, какъ онъ послалъ къ государю съ своимъ зятемъ, княземъ Никитой Ивановичемъ Одоевскимъ, челобитную, въ которой просилъ, чтобы его царское величество, «по милости къ нему блаженныя памяти государя царя и великаго князя Михаила Өедоровича и по своей государской милости, пожаловалъ бы его, холопа своего, велѣлъ написати свое государское имя въ духовной его грамотѣ». Получивъ разрѣшеніе на вписаніе государева имени, Шереметевъ пригласилъ къ себѣ самыхъ близкихъ людей: князя Никиту Ивановича Одоевскаго, князя Якова Куденетовича

---

[366] Дворцовые разряды. Т. III. Спб. 1852. столб. 19 и 20.

Черкасскаго и своего духовника, Богородицкаго протопопа Григорія. Въ присутствіи этихъ трехъ лицъ онъ приступилъ наконецъ къ составленію завѣщательнаго акта.

ГЛАВА XVII.

Какъ извѣстно, у Ѳедора Ивановича Шереметева, за смертью сына Алексѣя, который не имѣлъ дѣтей, остались только двѣ дочери: Анна, пребывавшая въ Московскомъ Новодѣвичьемъ монастырѣ и въ постригѣ именовавшаяся Александрой, и Евдокія, которая отъ брака съ княземъ Никитой Ивановичемъ Одоевскимъ имѣла пять человѣкъ дѣтей: дочь — княжну Прасковью Никитичну, и четырехъ сыновей — князя Михаила Никитича, князя Ѳедора Никитича, князя Алексѣя Никитича и князя Якова Никитича. Ѳедоръ Ивановичь выдѣлилъ своимъ двоюроднымъ племянникамъ — Шереметевымъ только нѣсколько родовыхъ вотчинъ; все же остальное состояніе предоставилъ своимъ дочерямъ и

внучатамъ — князьямъ Одоевскимъ, любовь къ которымъ такъ трогательно выражена въ слѣдующемъ мѣстѣ его духовнаго завѣщанія: «Сердечными слезами милости прошу и челомъ бью государю, царю и великому князю Алексѣю Михайловичу, сотвори, праведный государь, милость со оставшими моими дочерми и со внучаты, дочери моей дѣтми»[367].

Ѳедоръ Ивановичь Шереметевъ, приступая къ распредѣленію своего богатаго наслѣдства, прежде всего челомъ ударилъ царю Алексѣю Михайловичу «государскимъ жалованьемъ выслуженною своею и вымѣнною, что̀ вымѣнено на Резанскую его вотчину на Аристово, Курово тожъ, и прикупною вотчиною, и государевымъ жалованьемъ придачею землею къ починкамъ Кузнецову да къ Высокому, въ Юрьевецкомъ уѣздѣ Повольскаго, волостью Сокольскою со всѣми угодьи, какъ было прежъ государева жалованья за нимъ-же государемъ». О цѣнности этого дара,

[367] Подлинное духовное завѣщаніе Ѳедора Ивановича Шереметева, хранящееся въ архивѣ графа С. Д. Шереметева (№ 157), представляетъ, вмѣстѣ съ подклеенною къ нему изустною памятью, свитокъ въ пять аршинъ длины. Въ концѣ настоящей книги, предъ указателемъ, помѣщенъ буквальный текстъ этихъ двухъ важныхъ фамильныхъ документовъ. Тамъ-же приложенъ для образца и точный снимокъ (факсимиле) первыхъ строкъ духовнаго завѣщанія.

принесеннаго царю его ближнимъ бояриномъ, можно судить по числу дворовъ въ Сокольской волости: по «Боярской книгѣ» 154 (1646) года, въ этой волости числилось 1072 крестьянскихъ и бобыльскихъ двора[368].

Затѣмъ слѣдуютъ распоряженія завѣщателя о родовыхъ вотчинахъ:

Старшему племяннику, Ивану Петровичу Шереметеву, онъ отдалъ: село Городню, Воскресенское тожъ, Коломенскаго уѣзда, Большаго Микулина стана, съ деревнями, всего 70 крестьянскихъ и бобыльскихъ дворовъ и три двора дворовыхъ людей[369]; да

[368] Свѣдѣнія о числѣ дворовъ въ вотчинахъ, упоминаемыхъ въ духовномъ завѣщаніи Ѳедора Ивановича Шереметева, заимствованы изъ «Боярской книги 1646 года, въ которой показано—сколько за которымъ бояриномъ помѣстья и вотчинъ, въ которомъ уѣздѣ состоятъ и какъ тѣ вотчины называются» (Справка о службахъ предковъ графовъ Шереметевыхъ, извлеченная, въ 1801 году, изъ дѣлъ Московскаго архива государственной коллегіи иностранныхъ дѣлъ, пунктъ 4). Книгу эту было бы правильнѣе назвать переписною книгою дворамъ, такъ какъ она составлена была съ исключительною цѣлью собрать точныя свѣдѣнія о числѣ дворовъ, въ виду состоявшагося въ 1646 году указа о замѣнѣ податей съ земли сборами съ дворовъ (Голиковъ. Дополненія къ Дѣяніямъ Петра Великаго. Т. III. М. 1790. стр. 5).

[369] Къ свѣдѣніямъ о селѣ Городнѣ, помѣщеннымъ въ первой книгѣ нашей исторіи (стр. 450—452), добавимъ, что въ 1578 году, по писцовой книгѣ Коломенскаго уѣзда письма и мѣры Данила Житова и Ѳедора Комынина, въ Городнѣ была «церковь Воскресеніе Христово, камена, вверхъ; да другая церковь Ивана Милостиваго, тупая, древена, клѣтцки; да въ селѣ-же прудецъ» (Писцовыя книги XVI вѣка. Отдѣленіе I. Спб. 1872. стр. 384).

въ Рязанскомъ уѣздѣ деревни Сенькино и Демкино. — Второму племяннику, Василью Петровичу Шереметеву: сельцо Мещериново, Коломенскаго уѣзда, Песоченскаго стана, съ деревнями, всего 24 двора крестьянскихъ и бобыльскихъ и 8 дворовъ дѣловыхъ людей[370]; село Песочню, Рязанскаго уѣзда, Окологороднаго стана, съ деревнями, всего 183 двора крестьянскихъ и бобыльскихъ, дворъ садовниковъ и три двора задворныхъ людей; да въ Московскомъ уѣздѣ сельцо, что̀ была деревня Кусково[371], опричь купли Ивана Васильевича Меньшого Шереметева и самого завѣщателя села Вешнякова съ деревнями и и пустошами. «А межа тому сельцу Кускову, — сказано въ духовномъ завѣщанiи, — половина пруда болшово въ длину, потому что тотъ прудъ здѣланъ на вопчей Кусковской да на Марьинской землѣ; а съ другую сторону Кусковская земля смежно съ пу-

---

[370] По писцовой книгѣ 7086 (1578) года, въ селѣ Мещериновѣ была «церковь Рождество Пречистые, да придѣлъ Ивана Предотечи, да другой придѣлъ Еустратiя, Еуксентiя и Мордарiе и Ариста» (Писцовыя книги XVI вѣка. Отдѣленiе I. Спб. 1872. стр. 481).

[371] Въ первой книгѣ нашей исторiи, въ свѣдѣнiяхъ о сельцѣ Кусковѣ (стр. 454), въ 7 строкѣ снизу, послѣ слова Меньшому, пропущена, по недосмотру, цѣлая строка: «отъ него къ Ѳедору Ивановичу Шереметеву».

стошью Щетининою, а межъ пустоши Щетинины и Кускова на межахъ ямы покопаны и столбы съ гранми поставлены; а тѣ обѣ пустоши Щетинино и Марьино купля отца моего Ивана Васильевича; а съ третью сторону смежно Спаса Ондроньева монастыря съ вотчинною деревнею Владычнею да боярина князя Ивана Андреевича Голицына съ вотчинною деревнею Губиною, Гирѣево тожъ[372]; а съ четвертую сторону смежно съ вотчинною боярина князя Ѳедора Семеновича Куракина съ деревнею Тетеревниками».— Третьему племяннику, Борису Петровичу Шереметеву, дана вотчина во Владимірскомъ уѣздѣ, село Филисово, Сенегъ тожъ, съ деревнями и пустошами, всего 105 крестьянскихъ и бобыльскихъ дворовъ[373]; да прикупленная къ тому селу пустошь Зворыково, со всѣми угодьями.

Наконецъ послѣднюю родовую вотчину, деревню Ивановскую, Кобяково тожъ, Коло-

---

[372] Въ писцовой книгѣ, составленной около 7082 (1573—74) года, Губино названо сельцомъ и записано за Ѳедоромъ Васильевичемъ Шереметевымъ (Писцовыя книги XVI вѣка. Отдѣленіе I. Спб. 1872. стр. 3).

[373] Въ Боярской книгѣ 1646 года, село Филисово названо сельцомъ Слободою.—Свѣдѣнія о Филисовѣ помѣщены въ первой книгѣ нашей исторіи (стр. 449).

менскаго уѣзда, Раменской волости, съ деревнями и пустошами, всего 45 крестьянскихъ дворовъ, завѣщатель назначилъ своему крестнику, князю Льву Александровичу Шлякову-Чешскому[374].

Остальное имущество Ѳедоръ Ивановичь Шереметевъ распредѣлилъ слѣдующимъ образомъ:

Зятю своему, князю Никитѣ Ивановичу Одоевскому, онъ отдалъ дворъ въ Московскомъ Кремлѣ, съ каменною церковью во имя святыхъ страстотерпцевъ Бориса и Глѣба, приказавъ ему отдать послѣ себя тотъ дворъ непремѣнно младшему своему сыну, князю Якову Никитичу.

Дочерямъ своимъ, княгинѣ Евдокіѣ Ѳедоровнѣ Одоевской и старицѣ Александрѣ, Ѳедоръ Ивановичь отдалъ «обѣимъ вопче» село Борисоглѣбское, Костромскаго уѣзда, Нерехтскаго стана, всего 319 крестьянскихъ и бобыльскихъ дворовъ и шесть дворовъ людскихъ, съ тридцатью двумя деревнями и двумя мельницами, приказавъ отдать оставшихся въ селѣ Борисоглѣбскомъ

[374] Но это послѣднее распоряженіе было отмѣнено другимъ актомъ завѣщателя (изустною памятью), о чемъ уже сказано выше, на стр. 251 и 252.

жеребцовъ, кобылъ и жеребятъ братіи Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря. «И вольно дочерямъ моимъ, — сказано въ духовномъ завѣщаніи, — тое вотчину продати, и заложити, и дѣтемъ своимъ отдати, и въ приданые дати; а дочери моей, старицѣ Александрѣ, своей половины вотчины села Борисоглѣбскаго съ деревнями, мимо сестры своей, княгини Овдотьи, никому не продати, и не заложити, и въ монастырь по душѣ не отдати, а продати ей сестрѣ своей, а взяти за нее тысячу рублевъ. А буде дочери моей, княгини Овдотьи, судомъ Божіимъ не станетъ, и дочери моей, старицѣ Александрѣ, своей половины вотчины, мимо племянниковъ своихъ, сестры своей дѣтей, никому не продати, и не заложити, и никому не отдати, а взяти у нихъ тожъ тысячу рублевъ».

Далѣе Ѳедоръ Ивановичь, объяснивъ въ своемъ духовномъ завѣщаніи, что онъ сосваталъ свою внучку, княжну Прасковью Никитичну Одоевскую, за князя Григорья Сунчалеевича Черкасскаго, приказываетъ «дати за нею приданово — саженья и платья и съ мыленными дарами по рядной три тысячи рублевъ», и кромѣ того три вот-

чины въ Московскомъ уѣздѣ: село Богородское, что̀ была деревня Лодыгино, съ деревнями и съ пустошами, и село Воскресенское, Василево тожъ, съ деревнями и пустошами; да въ Кашинскомъ уѣздѣ, «въ трехъ мѣстехъ — что̀ было село Глухово съ деревнями и съ починки; да Нижнее съ деревнями и съ починки; да пустошь Высокое». Въ случаѣ кончины Прасковьи Никитичны бездѣтною, означенныя приданыя вотчины, по волѣ завѣщателя, должны быть отданы ея братьямъ, князьямъ Одоевскимъ: Кашинскія вотчины (Глухово, Нижнее и Высокое) — князю Михаилу Никитичу; село Воскресенское — князю Өедору Никитичу и село Богородское — князю Якову Никитичу.

Старшему внуку, князю Михаилу Никитичу Одоевскому, Өедоръ Ивановичъ отдалъ купленное имъ изъ подмосковнаго помѣстья въ вотчину сельцо Большево[375], Московскаго уѣзда, Бохова стана, на рѣкѣ Клязьмѣ, да деревню, что̀ была пустошь Го-

---

[375] Въ 1584—1586 годахъ, село Большево было въ помѣстьѣ за дьякомъ Васильемъ Яковлевичемъ Щелкаловымъ. Въ то время въ селѣ была «церковь Козьма и Даміянъ, древена, клѣтцки» (Писцовыя книги XVI вѣка. Отдѣленіе I. Спб. 1872. стр. 210). — Въ Боярской книгѣ 1646 года, Большево названо такъ: «деревня, что̀ было сельцо Большое».

родище, съ пустошами, всего 20 крестьянскихъ и бобыльскихъ дворовъ. А въ случаѣ кончины князя Михаила Никитича бездѣтнымъ, назначенную ему вотчину приказано отдать его братьямъ, князьямъ Ѳедору и Алексѣю Никитичамъ, «на раздѣлъ».

Князю Ѳедору Никитичу Одоевскому дана деревня Есинова, Иванисово тожъ, Московскаго уѣзда, Доблинскаго стана, съ деревнями и съ пустошами, всего 36 крестьянскихъ дворовъ. Въ случаѣ кончины Ѳедора Никитича бездѣтнымъ, деревня Есинова назначена его братьямъ, князьямъ Михаилу и Алексѣю Никитичамъ.

Князю Алексѣю Никитичу Одоевскому дана вотчина въ Костромскомъ уѣздѣ, а именно: купленное у Грязнова-Ивашева сельцо Яковлевское, Хоруганова стана, съ деревнями и пустошами, всего 48 крестьянскихъ и бобыльскихъ дворовъ и пять задворныхъ людскихъ дворовъ; да купленныя у Ивана Внукова — деревня Моклоково съ шестью крестьянскими дворами деревня Быково съ семью крестьянскими дворами и пустоши: Бодаково, Василево и Змейкина. Кромѣ того, князю Алексѣю Никитичу отданы

купленные изъ оброчныхъ Нерехтскихъ земель отхожіе луга, подъ Нерехтою. Въ случаѣ смерти князя Алексѣя Никитича бездѣтнымъ, его долю приказано отдать дочерямъ завѣщателя, княгинѣ Евдокіѣ Ѳедоровнѣ Одоевской и старицѣ Александрѣ.

Самому младшему и любимому своему внуку, князю Якову Никитичу Одоевскому, Ѳедоръ Ивановичь назначилъ слѣдующія вотчины:

1) Въ Московскомъ уѣздѣ, въ Васильцовѣ станѣ: сельцо, что̀ была деревня Вешняково (Найденовское, Чюрилово, Позняково тожъ), всего 66 крестьянскихъ дворовъ, съ семью пустошами, «припущенными и распаханными въ поля» — Мошково (Посокинское, Марково, Запрудное тожъ), Копытово (Молахово, Якимово тожъ), Алексѣевское (Койкино, Дяткино тожъ), Другое Власово (Мишино, Поддубное тожъ), Роспопинская, Баклановское (Чертово тожъ) и Старое Власово (Загорное, Забережинское тожъ); деревню Стафурово (Выхонь тожъ), на рѣчкѣ Выхонкѣ; перенесенную къ большой Гжельской дорогѣ деревню Калинино (Шмотино, Гавриловское, Вязовки тожъ); «припущенную въ лугъ» пустошь Щетинино

съ прудомъ; и пустошь Марьино (Запрудное тожъ), у большого пруда, припущенную къ Вешняковскому полю; на этой послѣдней пустоши показаны: «огородъ, садъ и людскіе дворы»[376]. Къ Вешняковской вотчинѣ, составленной изъ деревень и пустошей, купленныхъ еще Иваномъ Васильевичемъ Меньшимъ Шереметевымъ[377], Ѳедоръ Ивановичь присоединилъ и свою куплю, а именно: пустошь Воробьево, состоявшую въ помѣстьѣ за князьями Ѳедоромъ и Иваномъ Татевыми; пустоши Шуклино и Бортное (Клешнино, Климово тожъ), принадлежавшія князю Ѳедору Семеновичу Куракину; да еще двѣ пустоши за рѣчкою Выхонью—Тіуново (Жулебино, Онофріево сельцо тожъ)[378] и Домрачѣево, купленныя

[376] Завѣщатель, пояснивъ здѣсь, что «прудъ большой на вопчей на Кусковской да на Марьинской пустоши землѣ», приказываетъ: «и тотъ прудъ племяннику моему боярину Василью Петровичу Шереметеву да внуку моему князю Якову Никитичу Одоевскому — вдоль по-поламъ».

[377] Всѣ выше названныя пустоши, при Иванѣ Васильевичѣ Меньшомъ Шереметевѣ, входили въ составъ Кусковской вотчины и въ писцовой книгѣ, составленной около 1573—1574 года, названы деревнями, но при каждой отмѣтка: «пуста» (Писцовыя книги XVI вѣка. Отдѣленіе I. Спб. 1872. стр. 3).

[378] Жулебино, старѣйшее названіе пустоши, нынѣ деревни (сохранившей за собою это названіе), даетъ намъ поводъ дополнить здѣсь наше изслѣдованіе вновь открытымъ документомъ, именно данною 7059 (1550—1551) года, отъ имени Ивана Ивановича Жулебина, слѣдующаго содержанія: «Се азъ, Иванъ Ивановичь Жу-

въ Помѣстномъ приказѣ, изъ порозжихъ земель.

2) Въ станѣ Замосковнаго Раменейца, сельцо Марково съ деревнями и съ пустошами, всего 35 крестьянскихъ и бобыльскихъ дворовъ и дворъ рыболововъ[379]. Завѣщатель

лебинъ, далъ есми за Ивана за Васильевича (Большого) Шереметева дочь свою Ѳеросинью, а далъ есми въ приданые Ивану за своею дочерью въ Ростовскомъ уѣздѣ сельцо Юрцово, да къ тому сельцу восмь деревень да пустошь: деревня Ондроново, деревня Ѳролово, деревня Макарово, деревня Починокъ, деревня Бережекъ, деревня Горки, деревня Корчягъ, деревня Пашкино, пустошь Починокъ Малой; а то сельцо и деревни у Ивана и въ рядной писаны. И азъ, Иванъ Жулебинъ, у Ивана Васильевича рядную къ себѣ взялъ; а сю есми данную на то сельцо и на деревни Ивану Васильевичу далъ». — Документъ этотъ, пріобрѣтенный графомъ С. Д. Шереметевымъ отъ коммиссіонера Общества любителей древней письменности П. В. Шибанова, важенъ для насъ потому, что открываетъ имя, отчество и родовую фамилію супруги знаменитаго побѣдителя Крымцевъ, боярина Ивана Васильевича Большого Шереметева, которая извѣстна была до сихъ поръ только по своему иноческому имени Евдокіи. — Жулебины принадлежали къ старинному роду Свибловыхъ (Родословная книга князей и дворянъ Россійскихъ и выѣзжихъ, извѣстная подъ названіемъ Бархатной книги. Ч. I. М. 1787. стр. 337). Тесть Ивана Васильевича Большого Шереметева, окольничій Иванъ Ивановичь Жулебинъ, былъ въ большой чести у царя Ивана Васильевича Грознаго: онъ имѣлъ чинъ «Дворецкаго Дмитровскаго» (Тамъ-же, стр. 338); а въ 1555 году, былъ посланъ въ Великій Новгородъ «дѣла земскіе дѣлати, которые дѣлали прежніе намѣстники» (Дополненія къ актамъ историческимъ, собраннымъ Археографическою коммиссіею. Т. I. Спб. 1846. № 87).

[379] Въ то время, въ сельцѣ Марковѣ была церковь деревянная «во имя Пречистыя Богородицы Казанскія, да въ придѣлехъ Іоанна Предтечи да Николая чюдотворца да святыхъ страстотерпцевъ Бориса и Глѣба, да преподобнаго отца Макарія Желтоводскаго чюдотворца». Эта церковь сгорѣла въ 1664—65 году, а въ мартѣ 1670

объясняетъ, что онъ купилъ сельцо Марково съ деревнями и пустошами въ Помѣстномъ приказѣ «изъ порозжихъ земель да изъ примѣрныя земли Бориса Дворяникова да Григорья Горихвостова».

3) Въ Горетовѣ станѣ: сельцо Архангельское, что̀ было Уполозы, купленное завѣщателемъ у Кирѣевскихъ и у Михаила Ушакова[380]; деревня, что̀ была пустошь Захарково, съ 15 крестьянскими дворами и пустошь Саванино, купленная у Василья Богдановича Лихачева.

4) Въ Вяземскомъ станѣ: деревня Лохино и пустошь Олферково, купленныя у Льва Аѳанасьевича Плещеева; деревня, что̀ была пу-

---

года, патріархомъ Іоасафомъ разрѣшено «подлѣ стараго церковнаго мѣста построить вновь каменную церковь» (Архивъ графа С. Д. Шереметева. № 212).

380 Рѣчь идетъ объ извѣстномъ Юсуповскомъ имѣніи въ Звенигородскомъ уѣздѣ, селѣ Архангельскомъ. — Архимандритъ Леонидъ, въ своемъ сочиненіи «Московскій Звенигородъ и его уѣздъ» (М. 1878. стр. 35), говоритъ, что въ 1589 году село это было за Алексѣемъ Ивановичемъ Уполоцкимъ, почему и называлось Уполоцы. Князь Яковъ Никитичь Одоевскій, которому досталось село Архангельское отъ Ѳедора Ивановича Шереметева, отдалъ его въ приданое за своею дочерью княжною Анною, вышедшею за князя Дмитрія Михайловича Голицына, и лишь въ нынѣшнемъ столѣтіи Архангельское перешло къ князьямъ Юсуповымъ. — Въ писцовой книгѣ 7093 и 7094 (1584—1586) годовъ, въ селѣ Уполозахъ показаны: «церковь Михайло Архангелъ, стоитъ безъ пѣнія; дворъ вотчинниковъ» (Писцовыя книги XVI вѣка. Отдѣленіе I. Спб. 1872. стр. 141).

пустошь Оксаево, съ озеромъ, купленная у печатника Өедора Лихачева.

5) Въ Сѣтунскомъ станѣ: пустошь Высокое, купленная у вдовы Марьи Семеновны Карповой, и пустошь Роздоры, Розлоги тожъ, купленная изъ приказа Большого Дворца.

6) Въ Медвенскомъ станѣ: деревня Саларева, Солословля тожъ, съ пустошами и съ отхожимъ лугомъ на Москвѣ рѣкѣ, всего 106 крестьянскихъ и бобыльскихъ дворовъ и три двора рыбныхъ ловцовъ.

7) Въ Нижегородскомъ уѣздѣ, въ Закудемскомъ станѣ, сельцо Кадницы съ деревнями, всего 340 крестьянскихъ и бобыльскихъ дворовъ.

8) Въ Нижегородскомъ же уѣздѣ, въ Березопольскомъ станѣ: на Окѣ рѣкѣ, на Мещерскихъ горахъ, погостъ Николы Чудотворца; да деревня Кожухово съ деревнями, всего 411 крестьянскихъ и бобыльскихъ дворовъ, и деревня Кузнечиха, съ 45 крестьянскими и бобыльскими дворами, купленная у Василья Жемчужникова.

и 9) Въ Галицкомъ уѣздѣ, въ Нейской волости, погостъ Покровскій, на рѣкѣ Неѣ.

«А что̀ въ тѣхъ моихъ вотчинахъ, — при-

казываетъ далѣе завѣщатель, — которыя написаны внуку моему князю Якову, всякихъ моихъ животовъ и лошадей, и что̀ послѣ моего живота останетца моихъ животовъ, за моею раздачею, саженья, жемчюгу, и перстней золотыхъ, и всякія кузни, и платья, и судовъ серебряныхъ и оловянныхъ и мѣдныхъ, и всякія служилыя рухляди, и доспѣху, и сабель, и пищалей, и мушкетовъ, и карабиновъ, и сѣделъ, и нарядовъ конскихъ, и коретъ, и возковъ и всякія рухляди, и годовыхъ всякихъ запасовъ въ житницахъ, и то все внуку-жъ моему князю Якову Никитичу».

Кромѣ того, Ѳедоръ Ивановичь Шереметевъ отказалъ своему любимцу, князю Якову Никитичу Одоевскому, еще дворъ въ Нижнемъ Новгородѣ съ прикупными мѣстами и со всякимъ дворовымъ строеньемъ; а также Московскій дворъ, въ Бѣломъ городѣ, на Хохловкѣ, между Покровскими и Яузскими воротами, со всякимъ дворовымъ строеньемъ и съ житницами, кромѣ хлѣба, который Ѳедоръ Ивановичь велѣлъ продать, а вырученныя деньги раздать бѣднымъ, на поминокъ по его убогой душѣ. Огородъ же въ Москвѣ, въ Земляномъ городѣ, за Петровскими воротами, за-

вѣщатель отказалъ князю Якову Никитичу по-поламъ съ братомъ Ѳедоромъ, объяснивъ, что находящіяся на томъ огородѣ «избы большія — его, завѣщателя, а меньшія — люцкія, собинныя».

Затѣмъ слѣдуютъ распоряженія Ѳедора Ивановича Шереметева объ отпускѣ на волю людей: «А людемъ моимъ полнымъ и купленнымъ и всякимъ крѣпостнымъ, послѣ моей смерти, дати воля[381] и надѣлку имъ дати по ихъ окладомъ жалованье вдвое; а которымъ людямъ написано будетъ дати не по окладомъ, и тѣмъ людемъ дати по роспискѣ, кому что написано».

Завѣщатель оканчиваетъ актъ заповѣдью о нерушимости сдѣланныхъ имъ распоряженій:

«А до купленныхъ вотчинъ отца моего, и что̀ пожаловалъ царь Иванъ Васильевичь отцу моему вотчину въ Костромскомъ уѣздѣ село Борисоглѣбское, Емсна тожъ, и до моихъ купленныхъ вотчинъ и до дворовъ моихъ и до животовъ, что̀ я въ сей духовной написалъ

---

[381] Въ рѣдкой духовной XV, XVI и XVII столѣтій нѣтъ освобожденія холоповъ («Предая имѣніе свое предъ послухъ, да выпишетъ первое свободь», гласитъ Законъ Судный).

зятю своему, и дочерямъ своимъ и внучатомъ, дочери моей дѣтемъ, роду моему Шереметевымъ дѣла нѣтъ; а до родовыхъ вотчинъ, что̀ я написалъ роду своему Шереметевымъ, и до тоѣ вотчины, что̀ я написалъ купли отца своего крестнику своему князю Льву Александровичу Шлякову-Чешскому, и до тѣхъ вотчинъ зятю моему и дочерямъ моимъ и внучатомъ, дочери моей дѣтемъ, дѣла нѣтъ: крѣпки имъ вотчины по сей моей духовной, кому которыя написаны. А что̀ я, по государеву имянному указу, далъ при себѣ въ Кириловъ монастырь двѣ вотчины по сынѣ своемъ и по себѣ въ вѣчной поминокъ, въ прокъ, безъ выкупу, и до тѣхъ вотчинъ роду моему Шереметевымъ и зятю моему, и дочерямъ моимъ и внучатомъ дѣла нѣтъ, и тѣхъ вотчинъ изъ монастыря не выкупать, а быти имъ въ Кириловѣ монастырѣ по государевымъ жалованнымъ грамотамъ и по моимъ вкладнымъ, и по сей моей духовной, въ прокъ, безъ выкупу, по мнѣ и по сынѣ моемъ и по родителехъ моихъ въ вѣчной поминокъ. А кто сю мою духовную нарушитъ, тово со мною судитъ Богъ».

Духовное завѣщаніе Ѳедора Ивановича

Шереметева подписано 29 числомъ ноября 1645 года; но оно утверждено было вмѣстѣ съ изустною памятью, нѣсколько дополнившею и измѣнившею духовную, лишь 11 іюля 1649 года.

ГЛАВА XVIII.

И такъ весьма значительное состоянiе Θедора Ивановича Шереметева, скопленное многими годами, распалось на части. Только семь родовыхъ вотчинъ остались въ родѣ Шереметевыхъ; жалованныя же и купленныя вотчины, всѣ дворы и все движимое имущество переходили въ родъ князей Одоевскихъ. Замѣчательно, однако, что большая часть этихъ отдѣленныхъ въ чужой родъ вотчинъ, черезъ нѣсколько поколѣнiй, возвратилась къ Шереметевымъ. Это случилось такимъ образомъ:

Внучка Θедора Ивановича, княжна Прасковья Никитична Одоевская, отъ брака съ княземъ Григорьемъ Сунчалеевичемъ Черкасскимъ, имѣла сына князя Данила, женив-

шагося потомъ на Марьѣ Петровнѣ Шереметевой (сестрѣ фельдмаршала), но дѣтей у нихъ не было, и всѣ три вотчины, данныя Ѳедоромъ Ивановичемъ Шереметевымъ Прасковьѣ Никитичнѣ, достались ея дочери Еленѣ, вышедшей за князя Юрья Юрьевича Трубецкаго, дѣда по матери графини Варвары Алексѣевны Шереметевой, къ которой и поступила часть тѣхъ вотчинъ какъ приданое.

Затѣмъ, князь Яковъ Никитичь Одоевскій, меньшой и самый любимый внукъ Ѳедора Ивановича Шереметева, получилъ отъ него, какъ мы видѣли выше, наибольшую часть состоянія. Кромѣ дворовъ и всего движимаго имущества, на одну его долю досталась 21 вотчина. Но князь Яковъ Никитичь, подобно своему дѣду Шереметеву, не оставилъ потомства мужескаго пола. У него были только три дочери: княжна Домна, скончавшаяся дѣвицей, княжна Анна, вышедшая за знаменитаго верховника князя Дмитрія Михайловича Голицына и, наконецъ, княжна Марѳа, вышедшая за князя Михайла Яковлевича Черкасскаго, роднаго дѣда графини Варвары Алексѣевны Шереметевой. Только нѣ-

сколько вотчинъ князя Якова Никитича, село Архангельское, Захарково, Роздоры и другія, остались въ родѣ князей Голицыныхъ, все же остальное перешло къ князьямъ Черкасскимъ, а отъ нихъ къ Шереметевымъ, какъ приданое княжны Варвары Алексѣевны, сочетавшейся бракомъ съ графомъ Петромъ Борисовичемъ Шереметевымъ.

Боярская книга 1646 года, изъ которой взяты свѣдѣнія о числѣ дворовъ въ вотчинахъ Ѳедора Ивановича Шереметева, дала намъ также возможность опредѣлить съ достаточною точностью, каково было состояніе трехъ братьевъ Шереметевыхъ: Ивана Петровича, Василья Петровича и Бориса Петровича, до полученія ими родовыхъ вотчинъ отъ дяди своего Ѳедора Ивановича. Принадлежавшія имъ по той книгѣ вотчины уже были перечислены въ свое время[382], а теперь мы будемъ продолжать повѣствованіе о службахъ Шереметевыхъ при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ.

Правленіе царя Алексѣя Михайловича справедливо считаютъ одною изъ замѣчательнѣйшихъ эпохъ Русской исторіи, а са-

---

[382] См. книгу вторую нашей исторіи. стр. 368—373.

мого царя, отличавшагося благочестіемъ и человѣколюбіемъ, даже иноземцы-современники называли «лучшимъ монархомъ на свѣтѣ», удостовѣряя, что такого государя пожелали бы имѣть въ любомъ христіанскомъ государствѣ[383]. Однако и государю съ такими высокими качествами пришлось выдержать много самыхъ горькихъ испытаній, особенно въ началѣ царствованія, когда тяжелый скипетръ былъ еще не по рукѣ вѣнчанному юношѣ. Въ эту пору преобладающее вліяніе на дѣла имѣлъ царскій пѣстунъ, бояринъ Борисъ Ивановичь Морозовъ, ставшій такимъ-же всесильнымъ временщикомъ, какимъ былъ Салтыковъ при вступленіи на престолъ царя Михаила. Морозовъ, при всемъ своемъ умѣ и замѣчательномъ по времени образованіи, былъ очень неудачливъ, какъ дѣятель государственный. Опасаясь соперниковъ, онъ прежде всего поспѣшилъ окружить государя исключительно своими клевретами, оказавшимися, на его бѣду, людьми не вполнѣ достойными; лицъ же родственныхъ государю

---

[383] Рейтенфельсъ. О состояніи Россіи въ царствованіе Алексѣя Михайловича (Журналъ министерства народнаго просвѣщенія. 1839 г. № 7. стр. 2). — Collins. The present state of Russia. London. 1671. стр. 125.

или почему либо близкихъ къ нему, онъ всячески старался удалить отъ престола, назначая ихъ на воеводства и на другія видныя должности, вдали отъ царскихъ очей[384]. Въ началѣ 1646 года, найденъ былъ благовидный предлогъ къ такому почетному удаленію изъ Москвы и зятя Ѳедора Ивановича Шереметева, князя Никиты Ивановича Одоевскаго, пользовавшагося особеннымъ расположеніемъ государя, а также двоихъ Шереметевыхъ, наиболѣе замѣтныхъ при дворѣ: Василья Петровича и его племянника Василья Борисовича.

Еще въ концѣ 1645 года, въ Москвѣ получено было извѣстіе, что Турецкій султанъ Ибрагимъ, тѣснимый Венеціанцами и Нѣмцами, осаждавшими островъ Критъ, настойчиво требовалъ отъ Крымскаго хана, чтобъ онъ немедленно шелъ на Московское, Польское и Литовское государства и набралъ бы побольше плѣнныхъ для борьбы съ невѣрными. Объ этомъ извѣстіи дано было знать изъ Москвы Польскому королю съ предложе-

---

384 Олеарій. Подробное описаніе путешествія Голштинскаго посольства въ Московію и Персію. Переводъ П. Барсова. М. 1870. стр. 266. — Мейербергъ. Путешествіе въ Московію. Переводъ А. Шемякина. М. 1874. стр. 112.

ніемъ дѣйствовать сообща «противъ общаго Христіанскаго непріятеля и гонителя». Вмѣстѣ съ тѣмъ рѣшено было отправить на службу въ Украйну, «для прихода Крымскаго царя, Крымскихъ и Ногайскихъ людей», новое войско, начальство надъ которымъ поручили князю Никитѣ Ивановичу Одоевскому, Василью Петровичу и Василью Борисовичу Шереметевымъ.

1 февраля 1646 года въ Разрядѣ объявили роспись, по которой князю Одоевскому и его товарищамъ, князю Дмитрію Петровичу Львову и Андрею Львовичу Плещееву, назначено было стать съ большимъ полкомъ въ Бѣлгородѣ; Василью Петровичу Шереметеву и его товарищу князю Семену Петровичу Львову съ передовымъ полкомъ — въ городѣ Карповѣ, и наконецъ Василью Борисовичу Шереметеву и его товарищу Ивану Захарьевичу Ляпунову съ сторожевымъ полкомъ — въ Яблоновѣ[385]. По тѣмъ-же Крымскимъ вѣстямъ назначенъ былъ на воеводство въ отдаленный Алатырь и крестникъ Ѳедора Ивановича Шереметева, князь Левъ Александровичь Шляковъ-Чешскій[386].

[385] Дворцовые разряды. Т. III. Спб. 1852. столб. 27.

[386] Тамъ-же, стр. 29.

6 марта, предъ выступленіемъ въ походъ, князь Никита Ивановичь Одоевскій ѣздилъ молиться въ Троицкій Сергіевъ монастырь и привезъ отъ своего тестя Ѳедора Ивановича Шереметева 200 рублей вкладу въ домъ Живоначальныя Троицы[387]. Ко времени прибытія полковъ въ Украйну обстоятельства нѣсколько измѣнились: города, первоначально назначенные для стоянки полковъ, «удалѣли», какъ сказано въ росписи; явилась необходимость отодвинуть оборонительную линію назадъ, поближе къ Москвѣ. По новой росписи, князь Одоевскій съ большимъ полкомъ сталъ въ Ливнахъ, Василій Петровичь Шереметевъ съ передовымъ полкомъ — въ Курскѣ, а Василій Борисовичь Шереметевъ съ сторожевымъ полкомъ — въ Ельцѣ[388]. Такія перемѣщенія дѣлались безпрестанно, такъ что въ іюнѣ мѣсяцѣ полки опять стали въ городахъ по первоначальной росписи, то есть въ Бѣлгородѣ и Карповѣ, съ тою только разницею, что Василій Борисовичь Шереметевъ расположился не въ Яблоновѣ, а въ Осколѣ[389].

Въ Польшѣ весьма охотно принято было

---

[387] Вкладная книга Троице-Сергіева монастыря 1673 года. л. 120.
[388] Дворцовые разряды. Т. III. Спб. 1852. столб. 28.
[389] Тамъ-же, столб. 35.

предложеніе Московскаго правительства относительно союза противъ Крымцевъ: «Мы вседушно этому рады,—отвѣчали нашимъ посламъ Польскіе паны,—и просимъ всемогущаго Бога, чтобъ обоихъ великихъ государей соединеньемъ ихъ государскія руки надъ бусурманами высились»[390]. По приказанію короля Владислава, гетманъ Николай Потоцкій подошелъ съ войскомъ къ границамъ Украйны и началъ ссылаться съ нашими воеводами о совокупномъ береженьи отъ прихода нечестивыхъ Агарянъ. Изъ Москвы указано было съѣзжаться, для совѣщаній съ Потоцкимъ, князю Никитѣ Ивановичу Одоевскому и Василью Петровичу Шереметеву. Первому приказано писаться намѣстникомъ Астраханскимъ, а второму—намѣстникомъ Новоторжскимъ. Воеводѣ пограничнаго города Путивля князю Юрью Александровичу Чертенку-Долгорукову поручено было сообщить объ этомъ распоряженіи гетману Потоцкому. Но князь Долгоруковъ, по мѣстническимъ соображеніямъ, и въ листахъ къ Потоцкому и въ другихъ ссылочныхъ отпискахъ, писалъ одного только князя Одоевскаго, вовсе опуская имя

[390] Соловьевъ. Исторія Россіи. Т. X. Спб. 1860. стр. 135.

Шереметева. Потоцкій же, помимо сообщенія Путивльскаго воеводы, зналъ, что на съѣзды съ нимъ назначены князь Одоевскій и Шереметевъ, почему и грамоты свои писалъ на имя обоихъ воеводъ; но и эти грамоты князь Долгоруковъ посылалъ только Одоевскому. Василій Петровичь Шереметевъ отправилъ царю Алексѣю Михайловичу челобитную, въ которой писалъ: «Присылаютъ къ князю Юрью Долгорукову въ Путимль изъ Литовскія стороны гетманъ Николай Потоцкій да Адамъ Кисель грамоты, а пишутъ тѣ грамоты къ боярину и воеводѣ къ князь Никитѣ Ивановичу Одоевскому, да къ нему, Василью Петровичу, и онъ, князь Юрій, тѣ ихъ грамоты присылаетъ къ одному боярину и воеводѣ къ князь Никитѣ Ивановичу Одоевскому, и въ ссылочныхъ своихъ отпискахъ пишетъ одно имя боярина князь Никиты Ивановича Одоевскаго, а его имени въ ссылочныхъ своихъ отпискахъ не пишетъ, и тѣмъ онъ, князь Юрій, его боярина Василья Петровича безчеститъ, и чтобы государь пожаловалъ, ему на князь Юрья Долгорукова, въ его безчестьѣ, велѣлъ дать оборонь». По челобитью Шереметева послана была въ Пу-

тивль, на имя осаднаго головы Никифора Яцына, государева грамота съ приказаніемъ объявить князю Долгорукову при многихъ людяхъ, что «писалъ на него, князь Юрья, бояринъ Василій Петровичь Шереметевъ о безчестьѣ и объ оборони, что онъ князь Юрья писалъ въ ссылочныхъ своихъ отпискахъ къ боярину князь Никитѣ Ивановичу Одоевскому, а его боярина Василья Петровича имени не писалъ и тѣмъ его обезчестилъ; и будетъ онъ, князь Юрья, не писалъ за мѣсты, и ему князь Юрью не токмо до него боярина Василья Петровича, но и до меньшаго его сына Матвѣя въ отечествѣ не достало, и быти ему и съ меньшимъ его сыномъ съ Матвѣемъ всегда мочно. И сказавъ ему государевъ указъ, и за безчестье боярина Василья Петровича Шереметева указалъ государь князь Юрья Долгорукова посадить въ Путимлѣ въ тюрьму на двѣ недѣли»[391].

Царь Алексѣй Михайловичь не оставилъ безъ вниманія и челобитную Василья Борисовича Шереметева, поданную имъ, въ августѣ мѣсяцѣ, почти одновременно съ дядей Васильемъ Петровичемъ, на Оскольскаго осад-

---

[391] Дворцовые разряды. Т. III. Спб. 1852. столб. 37—40.

наго воеводу Дмитрія Ивановича Репей-Плещеева, который, не взирая на царскій указъ, отказывался быть въ сходѣ съ Васильемъ Борисовичемъ и мимо него отдавалъ разныя распоряженія Оскольскимъ служивымъ людямъ.

Вотъ содержаніе этой первой и весьма любопытной мѣстнической челобитной Василья Борисовича Шереметева:

«По государеву указу, велѣно быть со мною на Осколѣ Дмитрію Плещееву со всѣми Оскольскими служивыми людьми, а по вѣстямъ, велѣно ему Дмитрію идти со мною въ сходъ къ боярину и воеводѣ ко князю Никитѣ Ивановичу Одоевскому; и я по Дмитрія Плещеева посылалъ и велѣлъ ему быть къ себѣ въ съѣзжую избу; и Дмитрій Плещеевъ у меня въ съѣзжей избѣ былъ, и я ему царскій указъ сказалъ, что ему велѣно быть со всѣми Оскольскими служивыми людьми со мною и по вѣстямъ идти въ сходъ къ боярину и воеводѣ ко князю Никитѣ Ивановичу Одоевскому. И Дмитрій Плещеевъ царскаго указу не послушалъ и, безчестя меня, не хотя со мною быть, мнѣ отказалъ, и говорилъ въ съѣзжей избѣ, будто къ нему царскій указъ

не присланъ, что ему быть со мною. Да Дмитрій же Плещеевъ посылаетъ отъ себя Оскольскихъ служивыхъ людей на вѣсти, на сторожи и въ пріѣзжія станицы, и наказныя памяти даетъ мимо меня, и въ съѣзжую избу ко мнѣ не ѣздитъ, и Оскольскимъ всякимъ служивымъ людямъ слушать меня ни въ чемъ не велитъ, и тѣмъ меня Дмитрій Плещеевъ безчеститъ. А прежде сего, и лучшіе ихъ Бяконтовы, Басмановы, Очины и Колоткины-Плещеевы съ родителями нашими бывали безсловно и родителей нашихъ не безчещивали; а онъ Дмитрій—Туровкиныхъ-Плещеевыхъ, родители его были въ дѣтяхъ боярскихъ, служили изъ городовъ, и были у митрополитовъ и у архіепископовъ въ десятникахъ, и на Москвѣ въ стрѣльцахъ, и въ шпаньнѣ въ пирожникахъ, и въ городахъ у воеводъ въ деньщикахъ; а наши родители и не отъ такихъ безчещены не бывали. И государь бы пожаловалъ, велѣлъ мнѣ на Дмитрія Плещеева за мое безчестье дать оборонь». Царь Алексѣй приказалъ второму Оскольскому воеводѣ Ивану Захарьевичу Ляпунову: «Дмитрія Плещеева, за безчестье Василья Борисовича Шереметева, на Осколѣ посадить

въ тюрьму на три дни и быть съ Шереметевымъ въ товарищахъ по прежнему царскому указу со всѣми Оскольскими людьми»[392].

Строптивость Плещеева представлялась тѣмъ болѣе неумѣстною, что въ Осколъ то и дѣло приходили извѣстія о скоромъ набѣгѣ Крымцевъ. Такъ, вскорѣ по полученіи вышеприведеннаго царскаго указа, Василій Борисовичь Шереметевъ, отъ 31 октября, писалъ къ государю, что нѣсколько человѣкъ Ливенцевъ, дѣтей боярскихъ, объявили, что они были на Тору[393] и «при нихъ-де шли мимо Тору Литовскіе Черкасы, а съ собою вели языковъ Татарскихъ, и сказывали имъ тѣ Татары: пошли-де при нихъ изъ Крыму 40 мурзъ, а съ ними Татаръ 40 тысячъ, а приходить-де тѣмъ Татарамъ войною на наши украйны нынѣшнія осени»[394].

По этому извѣстію, изъ Москвы прислана была новая роспись, по которой Василью Борисовичу Шереметеву назначено было стоять

---

[392] Рукописная разрядная книга, принадлежащая Археографической коммиссіи. № 221. л. 364 на оборотѣ и слѣд. — Дворцовые разряды. Т. III. Спб. 1852. столб. 42—44.

[393] Городокъ Екатеринославской губерніи, при рѣкѣ Торѣ, впадающей въ Донецъ.

[394] Чтенія въ императорскомъ Обществѣ исторіи и древностей Россійскихъ. 1859 г. Кн. 2. Матеріалы. стр. 42.

съ сторожевымъ полкомъ въ Ельцѣ, гдѣ онъ и пробылъ до 12 декабря[395]. Въ тревожномъ ожиданіи Крымцевъ, войска, стоявшія на берегу, строили городища, насыпали земляные валы, курганы съ сторожами, исправляли засѣчныя линіи, и дѣлали это тѣмъ охотнѣе, что въ то время такъ называемое «валовое дѣло» оплачивалось довольно щедро. Такъ, напримѣръ, Курчане дѣти боярскіе, бывшіе на службѣ съ Васильемъ Петровичемъ Шереметевымъ въ Карповѣ, для береженья отъ прихода Крымцевъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ дѣлавшіе «земляной валъ и всякія земляныя и деревянныя крѣпости», получили за ту Карповскую службу и за валовое дѣло помѣстнаго окладу по 50 четвертей земли и денегъ по 2 рубля[396]. Земляныя работы получили наибольшее развитіе съ начала 1647 года, когда по царскому указу началось устройство громаднаго вала въ Тамбовскихъ степяхъ[397]; но въ то время Шереметевыхъ уже не было на Украйнѣ. 12 декабря 1646 года на береговую службу присланы были на смѣну новые вое-

[395] Дворцовые разряды. Т. III. Спб. 1852. столб. 51.

[396] Полное собраніе законовъ Россійской имперіи. Собраніе первое. Т. I. Спб. 1830. № 8.

[397] Акты Археографической экспедиціи. Спб. 1836. Т. IV. № 17.

воды: князь Иванъ Петровичь Пронскій, князь Иванъ Θедоровичь Лыковъ и князь Григорій Даниловичь Долгоруковъ[398].

Прежніе воеводы, князь Никита Ивановичь Одоевскій, Василій Петровичь Шереметевъ и Василій Борисовичь Шереметевъ, послѣ годовой отлучки, возвратились въ Москву какъ разъ къ тому времени, когда тамъ производились розыски о порчѣ нареченной невѣсты государя, Евθиміи Рафовны Всеволожской. По этому темному дѣлу сохранился только одинъ оффиціальный документъ, именно царская грамота, отъ 10 апрѣля 1647 года, о заточеніи въ Кирилло-Бѣлозерскій монастырь крестьянина Никиты Ивановича Романова, Мишки Иванова, изобличеннаго «по Рафову дѣлу Всеволожскаго въ чародѣйствѣ, въ косномъ розводѣ и въ наговорѣ»[399]. Порча Всеволожской выразилась въ томъ, что она, представъ предъ государя во всемъ блескѣ брачнаго наряда, упала въ обморокъ. Этимъ случаемъ воспользовались лица, несочувствовавшія выбору Всеволожской: имъ удалось увѣрить государя, что «обранная царевна»

---

[398] Дворцовые разряды. Т. III. Спб. 1852. столб. 51.

[399] Акты Археографической экспедиціи. Т. IV. Спб. 1836. № 18.

испорчена, страдаетъ падучею болѣзнью и къ государевой радости не годна. Нѣкоторые подозрѣвали во всемъ этомъ дѣлѣ интригу Морозова, который, будто бы, подкупилъ женщинъ, одѣвавшихъ Всеволожскую, и тѣ нарочно такъ крѣпко затянули волосы на головѣ бѣдной дѣвушки, что та упала въ обморокъ[400]. Можетъ быть, ничего этого и не было; но уже одна возможность подобныхъ подозрѣній показываетъ, какъ много накопилось тогда злобы и недовѣрія къ государеву дядькѣ.

Возвратившіеся къ домашнему очагу Украинскіе воеводы Василій Петровичь и Василій Борисовичь Шереметевы могли утѣшаться по крайней мѣрѣ тѣмъ, что никто изъ ихъ родныхъ не былъ привлеченъ къ страшному розыску. Главнымъ пунктомъ подобныхъ розысковъ бывали царицыны мастерскія, въ которыхъ безпрестанно возникали дѣла по обвиненію золотныхъ мастерицъ, сидѣвшихъ въ государыниной свѣтлицѣ, то въ колдовствѣ на царицынъ слѣдъ, то по объявившемуся у нихъ приворотному корени и тому подобномъ. Жены нѣкоторыхъ бояръ

[400] Collins. The present state of Russia. London. 1671. стр. 167.

заказывали для себя платье у царицыныхъ мастерицъ, и послѣднія на допросахъ нерѣдко оговаривали своихъ заказчицъ. Лишь съ этой стороны могъ опасаться и Борисъ Петровичь Шереметевъ[401], жена котораго Екатерина Никитична также имѣла обыкновеніе давать заказы царицынымъ мастерицамъ, какъ это видно изъ сыскнаго дѣла, производившагося нѣсколько мѣсяцевъ спустя послѣ розысковъ о порчѣ Всеволожской. Золотная мастерица Ульяна Яхонина подала извѣтъ на шапошницу Аленку Ѳедотову, что она «проволакивала тонкое полотенце сквозь перстень и съ тѣмъ полотенцемъ всходила въ Верхъ въ царицыну свѣтлицу». Аленка Ѳедотова начала свое показаніе такъ: «Въ нынѣшнемъ во 156 году, дѣлала она, Аленка, шапку женскую боярина Бориса Петровича Шереметева женѣ; и апрѣля въ 14 день, сдѣлавъ она, Аленка, тое шапку, боярина Бориса Петровича женѣ отнесла и тамъ-де ее Аленку напоили до пьяна»[402]. Это былъ не болѣе какъ приступъ

[401] Въ то время Борисъ Петровичь Шереметевъ безотлучно находился при дворѣ въ качествѣ Дворецкаго (Древняя Россійская вивліоѳика. Ч. XX. М. 1791. стр. 103).

[402] Архивъ историко-юридическихъ свѣдѣній, относящихся до Россіи, издаваемый Н. Калачовымъ. Книги второй половина вторая. М. 1854. Отд. VI. стр. 58 и 59.

къ показанію, къ существу извѣта и не относившійся; тѣмъ не менѣе, случись такое объясненіе при разслѣдованіи дѣла Всеволожской, оно надѣлало бы много бѣдъ не только Екатеринѣ Никитичнѣ Шереметевой, но и самому мужу ея, Борису Петровичу.

ГЛАВА XIX.

По словамъ современника, царь Алексѣй Михайловичь, послѣ высылки несчастной Всеволожской «за опалу» въ Сибирь, «былъ вельми печаленъ и многи дни лишенъ онъ былъ яди»[403]. Именно къ этому времени относится начало сближенія царя Алексѣя Михайловича съ памятнымъ въ нашей церковной исторіи Никономъ, который тогда еще былъ архимандритомъ Новоспасскаго монастыря. Строгій подвижникъ, въ совершенствѣ обладавшій церковною книжностью, полюбился любознательному, впечатлительному государю. Никонъ каждую пятницу являлся къ заутрени въ дворцовую церковь и по-

[403] Котошихинъ. О Россіи въ царствованіе Алексѣя Михайловича. Изд. 2. М. 1859. стр. 5.

долгу оставался въ царской комнатѣ для бесѣдъ[404], имѣвшихъ успокоительное дѣйствіе на удрученнаго горемъ государя и полагавшихъ основаніе тѣмъ дружественнымъ отношеніямъ, которыя впослѣдствіи установились между этими двумя замѣчательными дѣятелями Русской жизни. Но не однѣ бесѣды Никона, само время уврачевало горе царя Алексѣя, и жизнь при дворѣ мало по малу входила въ свою обычную колею.

11 апрѣля, въ Вербное Воскресенье, государь, не взирая на то, что въ тотъ день «былъ снѣгъ великъ», какъ отмѣчено въ дворцовой запискѣ[405], самъ велъ осля подъ святѣйшимъ патріархомъ Іосифомъ. Послѣ службы царь кушалъ у патріарха; къ столу былъ приглашенъ и Борисъ Петровичь Шереметевъ[406]. Въ первый день Пасхи, патріархъ обѣдалъ у государя, при чемъ Василій Петровичь Шереметевъ занималъ второе мѣсто послѣ Бориса Ивановича Морозова, а по другую сторону, ниже его, сидѣлъ бояринъ и оружей-

---

[404] Евгеній. Словарь историческій о бывшихъ въ Россіи писателяхъ духовнаго чина Греко-Россійской церкви. Спб. 1827. Изд. 2. Т. II. стр. 110.

[405] Выходы царей. М. 1844. стр. 155.

[406] Дворцовые разряды. Т. III. Спб. 1852. столб. 56.

ничій Григорій Гаврилович Пушкинъ. Петръ Васильевичь Шереметевъ смотрѣлъ въ большой столъ, а Василій Борисовичь — въ кривой столъ. Вина же наряжалъ Василій Ивановичь Шереметевъ, который въ четвергъ на Святой недѣлѣ, вмѣстѣ съ двоюроднымъ братомъ Петромъ Васильевичемъ, стоялъ въ рындахъ при пріемѣ въ Золотой палатѣ Персидскихъ купчинъ, а на другой день участвовалъ въ ближнемъ походѣ царя въ село Покровское, состоя рындой же у государева саадака[407]. Затѣмъ, 8 мая, государь ходилъ молиться въ Угрѣшскій монастырь, оставивъ Москву на попеченіи двухъ бояръ Ивана Васильевича Морозова и Василья Петровича Шереметева[408]. Два мѣсяца спустя послѣ этого богомольнаго похода, семья Шереметевыхъ понесла утрату въ лицѣ Ивана Петровича Шереметева, давно уже не появлявшагося при дворѣ, вѣроятно по случаю болѣзни. Онъ умеръ 8 іюля, принявъ предъ самою кончиною схиму съ именемъ Іоны, и на пятый день былъ погребенъ въ Богоявленскомъ монастырѣ, за Казанскою церковью, возлѣ па-

---

[407] Дворцовые разряды. Т. III. Спб. 1852. столб. 56 и 57.
[408] Тамъ-же, столб. 60.

латки. На сохранившейся надгробной плитѣ читаемъ: «Лѣта 7155 (1647) году, іюля въ 8 день, на память святаго великомученика Прокопія, преставися рабъ Божій бояринъ Иванъ Петровичь Шереметевъ, во иноцѣхъ Іона схимникъ; и погребенъ тогожъ мѣсяца іюля въ 12 день»[409].

Академикъ Арсеньевъ, въ своей статьѣ о высшихъ правительственныхъ лицахъ XVII вѣка, говоритъ, что Иванъ Петровичь Шереметевъ «пользовался большимъ почетомъ при дворѣ и что эту почетность и уваженіе современниковъ пріобрѣлъ онъ не блистательными подвигами, но умомъ основательнымъ и тихими добродѣтелями гражданскими»[410]. Мы отказываемся давать такія законченныя оцѣнки лицъ, выводимыхъ нами изъ мрака временъ, со всѣми ихъ дѣяніями, хорошими и дурными, какъ они изображены въ отечественныхъ хартіяхъ. Для подобныхъ оцѣнокъ покамѣстъ недостаетъ весьма существенной вещи, именно свѣдѣній о бытовой жизни нашихъ историческихъ дѣятелей.

---

[409] Снегиревъ. Богоявленскій монастырь въ Москвѣ, на Никольской улицѣ. М. 1864. стр. 58.

[410] Ученыя записки втораго отдѣленія императорской Академіи наукъ. Кн. IV. Спб. 1858. Отд. 2. стр. 29.

Иванъ Петровичь Шереметевъ въ послѣдніе годы своей жизни дѣйствительно пользовался большимъ почетомъ при дворѣ; по видимому, онъ обладалъ и умомъ основательнымъ, практическимъ. Что же касается до «тихихъ добродѣтелей гражданскихъ», то съ этой стороны особенно трудно усчитать усопшаго дѣятеля смутной эпохи, который и въ послѣдующее время не обнаруживалъ тихихъ добродѣтелей и въ семейномъ быту, какъ это видно изъ отношеній его къ своему престарѣлому дядѣ Ѳедору Ивановичу.

Иванъ Петровичь Шереметевъ, за недѣлю до своей кончины, именно 2 іюля 1647 года, подалъ государю собственноручно подписанную имъ челобитную, въ которой объяснилъ, что онъ «отказалъ послѣ своего живота купленную свою вотчину въ Романовскомъ уѣздѣ (деревню Веригино, Неврюево тожъ) 332 чети съ осминою женѣ своей (Марѳѣ), что̀ купилъ онъ изъ еѣ-жъ прожиточнаго помѣстья, да еѣ-жъ дворъ въ Богоявленскомъ переулкѣ, что̀ онъ взялъ за нею въ приданое. Да сыну своему Василью отказалъ дворъ свой Московской на Никольской улицѣ, со всѣмъ дворовымъ строеніемъ;

да ему-жъ матери ево приданую вотчину въ Муромскомъ уѣздѣ, въ Дубровскомъ стану, сельцо Пертово[411] съ деревнями и съ пустошми; да въ Звенигороцкомъ уѣздѣ, въ Городскомъ стану, деревню Убору[412], да деревню Дубецъ, со всѣмъ строеніемъ; да въ Московскомъ уѣздѣ, въ Сѣтунскомъ стану, пустошь, что̀ было сельцо Бузаево, съ пустошми, да деревню Борокъ (Бронниково тожъ). Да сыну своему Никитѣ отказалъ въ Нижегороцкомъ уѣздѣ, въ Закудемскомъ стану, купленную свою вотчину деревню Подлѣсову, вмѣсто двора Московскаго, со всѣмъ угодьемъ; да ему-жъ, Никитѣ, отказалъ матери ево приданую вотчину въ Московскомъ уѣздѣ, въ Ворѣ и въ Корзеневѣ стану, сельцо Царево (Іевлевское тожъ) съ деревнями и съ пу-

---

[411] Во второй книгѣ нашей исторіи (стр. 370) это сельцо названо Петровымъ, какъ показано и въ Боярской книгѣ 1646 года. — Слѣдуетъ принять названіе Пертово. Подъ этимъ послѣднимъ названіемъ и доселѣ извѣстна деревня въ Муромскомъ уѣздѣ (Списокъ населенныхъ мѣстъ Владимірской губерніи. Спб. 1863. № 3541).

[412] Въ дорожномъ дневникѣ Н. П. Барсукова за 1882 годъ, подъ 3 числомъ октября, отмѣчено: «Отправились въ Уборы, которыя, по нашему предположенію, есть ничто иное какъ У бора». Дѣйствительно, во всѣхъ просмотрѣнныхъ нами старинныхъ актахъ мѣсто сіе называется не Уборы, какъ теперь, а Убора, то есть у бора, остатки котораго и донынѣ украшаютъ эту живописную мѣстность.

стошми. Да дочери своей Аннѣ отказалъ въ Кашинскомъ уѣздѣ, въ Дубенскомъ стану, матери еѣ приданую вотчину сельцо Новоселье съ пустошми и со всѣми угодьи противъ писцовыхъ книгъ». Иванъ Петровичь просилъ государя, чтобы онъ «пожаловалъ ево, велѣлъ тѣ ево вотчины и дворы Московскіе противъ сего ево челобитья росписать за женою ево и за дѣтьми при немъ, покамѣстъ онъ живъ»[413].

Съ небольшимъ двѣ недѣли спустя послѣ похоронъ Ивана Петровича Шереметева, старшій его сынъ Василій ходилъ съ государемъ въ Новодѣвичій монастырь, къ празднику чудотворной иконы Смоленской Божіей Матери. Государь прибылъ туда, по обыкновенію, наканунѣ праздника и сталъ подъ обителью «въ шатрахъ»[414]. Въ самый праздникъ, послѣ обѣдни, государь кушалъ въ шатрѣ, при чемъ Василій Ивановичь Шереметевъ наряжалъ вина[415]. Въ слѣдовавшихъ за тѣмъ церемоніяхъ по случаю пріѣзда

---

[413] Московскій архивъ министерства юстиціи: Вотчинной коллегіи по городу Москвѣ «молодыхъ лѣтъ» книга № 65, дѣло № 18. л. 131 и 132.

[414] Выходы царей. М. 1844. стр. 163.

[415] Дворцовые разряды. Т. III. Спб. 1852. столб. 65.

Польскаго посла Кіевскаго каштеляна Адама Киселя, Василій Ивановичь Шереметевъ не принималъ участія и вообще въ продолженіи трехъ первыхъ осеннихъ мѣсяцевъ имя его не встрѣчается въ разрядныхъ росписяхъ. Очень можетъ быть, что на это время онъ былъ отпущенъ со службы для приведенія въ порядокъ дѣлъ своего покойнаго родителя.

Адамъ Кисель пріѣзжалъ отъ короля Владислава главнымъ образомъ для переговоровъ по Крымскимъ дѣламъ. Онъ сказалъ въ Грановитой палатѣ длинную цвѣтистую рѣчь, въ которой сравнивалъ Польско-Литовское королевство и великое государство Московское съ двумя кедрами Ливанскими, отъ одного корня возросшими; много говорилъ о славянствѣ обоихъ народовъ, единыхъ по крови и языку, и что наконецъ-то настало время «возвращенія къ первобытному единородствію и единодружныя любви». При всемъ томъ нашимъ боярамъ не удалось склонить Киселя и представляемое имъ Польское правительство къ наступательному дѣйствію противъ Крымцевъ. Поляки, изъ опасенія затронуть Крымскою войною Турцію, стояли на томъ, чтобы дѣло не шло далѣе оборони-

тельнаго союза противъ общаго врага[416]. Кисель являлся къ государю 11 и 30 августа 1647 года. Оба раза ѣздилъ къ послу со столомъ отъ государя стольникъ Василій Борисовичь Шереметевъ[417] и оба раза исполнялъ по наказу слѣдующее: тотчасъ-же послѣ аудіенціи, по выѣздѣ посла изъ царскаго двора, Василій Борисовичь Шереметевъ садился на коня и въ сопровожденіи дворовыхъ людей, державшихъ въ рукахъ ѣству и питія, отправлялся къ послу на занимаемое имъ подворье. У крыльца Шереметевъ сходилъ съ коня и, вступивъ въ хоромы посла, говорилъ ему отъ царя рѣчь и объявлялъ царское жалованье — принесенныя ѣствы и питія. Затѣмъ, приказывалъ накрывать скатерти и ставить тѣ ѣствы на столъ, за который садился и самъ по правую руку посла. Во время кушанья Шереметевъ вставалъ съ своего мѣста съ новою рѣчью и поднималъ чашу напередъ за царское здоровье, потомъ за королевское. Это было самымъ труднымъ дѣломъ во всей церемоніи, въ-слѣдствіе постоянныхъ споровъ о томъ, чье здоровье пить прежде.

---

[416] Соловьевъ. Исторія Россіи. Т. X. Спб. 1860. стр. 138—143.
[417] Дворцовые разряды. Т. III. Спб. 1852. столб. 65 и 67.

Послѣ стола Шереметевъ прощался съ посломъ и прямо ѣхалъ въ Посольскій приказъ съ подробнымъ донесеніемъ о всемъ происходившемъ на посольскомъ подворьѣ; о разговорахъ же съ посломъ подавалъ извѣстіе «на письмѣ»[418].

Вслѣдъ за Адамомъ Киселемъ, въ ноябрѣ мѣсяцѣ того-же года, пріѣзжали въ Москву новые послы отъ короля Владислава: писарь великаго княжества Литовскаго Казиміръ Пацъ и староста Еленскій Герасимъ Тахановичь. 30 числа, послѣ отпускной аудіенціи, послы обѣдали у государя, при чемъ Петръ Васильевичь Шереметевъ смотрѣлъ въ большой столъ, Василій Борисовичь Шереметевъ — въ кривой столъ. А Василью Ивановичу Шереметеву назначено по росписи отправиться послѣ стола на посольскій дворъ и тамъ снова «потчивать пословъ и ѣсть съ ними». Это назначеніе задѣло мѣстническую честь князя Ѳедора Ѳедоровича Долгорукова, которому указано было лишь позвать пословъ къ столу. Князь билъ челомъ на Василья Ивановича Шереметева, что ему быть съ

---

[418] Котошихинъ. О Россіи въ царствованіе Алексѣя Михайловича. Изд. 2. М. 1859. стр. 52.

нимъ невмѣстно. Послѣ того, какъ Василій Ивановичъ Шереметевъ возвратился изъ посольскаго двора, думный дьякъ Иванъ Гавреневъ, по указу государя, объявилъ князю Ѳедору Долгорукову, что «онъ билъ челомъ въ отечествѣ на Василья Шереметева не по своей мѣрѣ, а съ Шереметевыми ему всегда быть мочно; и за Шереметевыхъ безчестье, указалъ государь его, князь Ѳедора, послать въ тюрьму на день»[419].

Намъ неизвѣстно, за какимъ именно дѣломъ пріѣзжали Пацъ и Техановичъ[420]; но это было послѣднее посольство памятнаго Москвѣ короля Владислава IV, который, въ маѣ 1648 года, скончался бездѣтнымъ, повергнувъ Польшу въ новыя бѣдствія безкоролевья. Несчастливъ былъ этотъ годъ и для насъ, хотя и начался онъ царскою радостью.

Какъ извѣстно, 16 января 1648 года, царь Алексѣй Михайловичъ сочетался бракомъ съ Марьей Ильинишной Милославскою, которую онъ встрѣтилъ у своихъ сестеръ и плѣнился ея необыкновенной красотою.

---

419 Дворцовые разряды. Т. III. Спб. 1852. столб. 75—77.

420 Соловьевъ, въ своей Исторіи, вовсе не упоминаетъ о нихъ.

По свадебному разряду, посаженымъ отцомъ у государя былъ Борисъ Ивановичъ Морозовъ, большою свахою — дочь Өедора Ивановича Шереметева, княгиня Евдокія Өедоровна Одоевская, а ея мужъ, князь Никита Ивановичъ Одоевскій — государевымъ большимъ дружкою. Предъ отправленіемъ молодыхъ изъ Грановитой палаты въ Успенскій соборъ, княгиня Евдокія Өедоровна Одоевская, по чину большой свахи, чесала голову царю Алексѣю Михайловичу и нареченной государынѣ царицѣ Марьѣ Ильинишнѣ. Затѣмъ во время самого шествія, стольники Василій Ивановичъ, Василій Борисовичъ и Петръ Васильевичъ Шереметевы были въ поѣзжанахъ, а бояринъ Борисъ Петровичъ Шереметевъ, вмѣстѣ съ другими боярами, шелъ предъ государемъ; князь же Яковъ Куденетовичъ Черкасскій состоялъ тысяцкимъ[421], то есть главнымъ распорядителемъ свадебнаго церемоніала.

Три дня сряду государь угощалъ бояръ и весь свадебный чинъ столовымъ кушаньемъ. Каждый разъ послѣ обѣда, когда на столъ

[421] Дворцовые разряды. Т. III. Спб. 1852. столб. 78—82. — Древняя Россійская вивліоөика. Ч. XIII. М. 1790. стр. 175. 179. 180. 194. 200.

ставили «овощи всякіе, сахары и ягоды и иные диковинки»[422], всѣ вставали съ своихъ мѣстъ и по-очереди приносили царю и царицѣ поздравленія. Подносимые при этомъ дары «принимали въ государеву казну казенные дьяки», тщательно описывая каждую вещь въ особыхъ росписяхъ. Сколько извѣстно, изъ Шереметевыхъ подносили дары только двое: Ѳедоръ Ивановичь и младшій его племянникъ Борисъ Петровичь. Это было 19 января, на третій день государевой радости, послѣ стола отъ новобрачной царицы, называемаго «княгининымъ столомъ». Ѳедоръ Ивановичь Шереметевъ «челомъ ударилъ государю: кубокъ серебренъ золоченъ, съ кровлею, лощатъ, межъ ложекъ чеканены личинки, межъ пуза и поддона три головы человѣчьи да три головы бараньи, на кровлѣ мужикъ съ посохомъ да съ щитомъ, вѣсу (какъ вырѣзано на днѣ) 8 гривенокъ 30 золотниковъ, а по вѣсу 4 фунта 33 золотника, по 7 рублей фунтъ; отласъ золотной по серебреной землѣ, двойной, травы золоты, мѣрою 9 аршинъ съ четью, цѣна 40 рублей; сорокъ

---

[422] Котошихинъ. О Россіи въ царствованіе Алексѣя Михайловича. Изд. 2. Спб. 1859. стр. 10.

соболей, у него 36 хвостовъ, цѣна 55 рублей.— Государынѣ царицѣ: кубокъ серебренъ золоченъ, съ кровлею, чеканной, межъ пуза и поддона три дужки, на нихъ три головы человѣчьи, на поддонѣ жъ три окошка, на кровлѣ мужикъ съ протазаномъ да съ щитомъ, вѣсу (какъ вырѣзано на днѣ) 3 фунта 15 золотниковъ, а по вѣсу тожъ, по 7 рублей фунтъ; отласъ золотной по серебреной землѣ въ цвѣтахъ шолкъ червчатъ зеленъ, мѣрою 9 аршинъ 3 вершка, цѣна 27 рублей; сорокъ соболей, у него 38 хвостовъ, цѣна 35 рублей».

Борисъ Петровичь Шереметевъ «челомъ ударилъ государю: кубокъ серебренъ золоченъ лощатъ, съ кровлею, на высокомъ стоянцѣ, межъ пуза и поддона двѣ травки бѣлы да три дужки золочены, на кровлѣ трава цвѣтная, вѣсу фунтъ 88 золотниковъ, по 7 рублей съ полтиною фунтъ; бархатъ Персицкой по золоту, по немъ люди, межъ людей травы шолкъ розныхъ цвѣтовъ, мѣрою 7 аршинъ, цѣна 25 рублей; сорокъ соболей, у него 12 хвостовъ, цѣна 40 рублей. — Государынѣ царицѣ: кубокъ серебренъ золоченъ, съ кровлею, лощатъ, межъ пуза и поддона мужикъ съ топоромъ, на кровлѣ трава бѣла, вѣсу фунтъ

безъ 5 золотниковъ, по 7 рублей фунтъ; бархатъ Персицкой по серебреной землѣ травы шолкъ розныхъ цвѣтовъ, мѣрою 7 аршинъ безъ вершка, цѣна 25 рублей; сорокъ соболей безъ хвостовъ, цѣна 20 рублей»[423].

На четвертый день «государской радости» обѣдали у государя патріархъ Іосифъ, митрополиты, архіепископы, епископы, архимандриты, игумены и келари. За обѣдомъ Петръ Васильевичь Шереметевъ смотрѣлъ въ большой столъ, а Василій Борисовичь Шереметевъ—въ кривой столъ[424]. Самъ государь съ царицей подносили властямъ питія въ кубкахъ и въ ковшахъ[425].

Свадьба царя Алексѣя Михайловича отпразднована была нѣсколько иначе противъ прежнихъ государскихъ радостей: «бывало въ то время какъ государь пойдетъ въ мыленку, во весь день до вечера и въ ночи, на дворцѣ играли въ сурны и въ трубы, и били

---

[423] Сообщено И. Е. Забѣлинымъ изъ приготовляемыхъ къ печати Дополненій къ Дворцовымъ разрядамъ, собранныхъ имъ изъ книгъ и столбцовъ преждебывшихъ дворцовыхъ приказовъ архива Оружейной палаты.

[424] Дворцовые разряды. Т. III. Спб. 1852. столб. 86.

[425] Котошихинъ. О Россіи въ царствованіе Алексѣя Михайловича. Изд. 2. Спб. 1859. стр. 11.

по накромъ; а нынѣ великій государь, на своей государской радости, накромъ и трубамъ быти не изволилъ; а велѣлъ во свои государскіе столы, вмѣсто трубъ и органовъ и всякихъ свадебныхъ потѣхъ, пѣти своимъ государевымъ пѣвчимъ дьякамъ, всѣмъ станицамъ (всему хору) перемѣняясь, строчные и демественные большіе стихи изъ праздниковъ и изъ тріодей драгія вещи, со всякимъ благочиніемъ»[426]. Нѣкоторымъ, преимущественно иноземцамъ, не нравилась эта новизна: они говорили, что свадьба справлена «безо всякой торжественности, въ тиши (какъ бы изъ боязни), чтобы не было наслано на невѣсту и жениха какого либо чародѣйства»[427]. Другіе же, напротивъ того, были очень довольны празднованіемъ государской радости, и въ умиленіи сердецъ говорили, что «по государеву мудрому и благочестивому разсмотрѣнію, бысть тишина и радость и благочиніе веліе, яко и всѣмъ ту сущимъ дивитися, и возсылати славу превеликому въ Троицѣ сла-

---

[426] Древняя Россійская вивліоѳика. Ч. II. Спб. 1773. стр. 437.

[427] Олеарій. Подробное описаніе путешествія Голштинскаго посольства въ Московію и Персію. Перев. съ Нѣмецкаго Павла Барсова. М. 1870. стр. 267.

вимому Богу, и хвалити и удивлятися о премудромъ его царскаго величества разумѣ и благочиніи»[428].

---

[428] Древняя Россійская вивліоѳика. Ч. II. Спб. 1773. стр. 438.

ГЛАВА XX.

Черезъ двѣ недѣли послѣ государской радости, именно 30 января 1648 года, отпразднована была свадьба и въ семьѣ Шереметевыхъ: въ этотъ день вступилъ въ первый бракъ старшій сынъ покойнаго Ивана Петровича Шереметева, Василій Ивановичь, какъ это видно изъ слѣдующей записи въ книгѣ расходной государева жалованья за 156 (1648) годъ: «Генваря въ 31 день, по государеву имянному указу, стольнику Василью Ивановичу Шереметеву благословенія образъ (пробѣлъ) обложенъ серебромъ. Да емужъ государева жалованья: кубокъ серебренъ золоченъ, съ кровлею, ложки круглые продолговаты, подъ пузомъ мужикъ бѣлъ, правую руку поднялъ вверхъ, а лѣвую опустилъ

внизъ, поверхъ его и подъ ногами травки бѣлы, вѣсу фунтъ 75 золотниковъ; отласъ золотной по серебреной землѣ травы золоты съ шолки розныхъ цвѣтовъ, мѣрою 8 аршинъ 6 вершковъ, цѣна 25 рублей; десять аршинъ отласу рудожелтаго, вмѣсто червчатаго, по 30 алтынъ; десять аршинъ отласу желтаго, вмѣсто лазореваго, по 28 алтынъ по 2 денги аршинъ; десять аршинъ камки куфтерю червчатой, по 29 алтынъ аршинъ; десять аршинъ камки куфтерю желтой, по 30 алтынъ аршинъ; десять аршинъ камки куфтерю зеленой, по 26 алтынъ по 4 денги аршинъ; сорокъ соболей, цѣна 50 рублей. А пожаловалъ государь его, Василья Ивановича Шереметева, какъ онъ пріѣзжалъ государю челомъ ударить на завтріе своей свадбы. А дано ему государево жалованье противъ стольника князь Семена княжъ Андреева сына Урусова. А явлено ему государево жалованье при государѣ въ Передней»[429].

---

[429] Сообщено И. Е. Забѣлинымъ изъ приготовляемыхъ къ печати Дополненій къ Дворцовымъ разрядамъ, собранныхъ имъ изъ книгъ и столбцовъ преждебывшихъ дворцовыхъ приказовъ архива Оружейной палаты. — Первую жену Василья Ивановича Шереметева звали Ксеніей. Доселѣ неизвѣстно ни ея отчества, ни родовой фамиліи.

Необходимо упомянуть еще о третьей свадьбѣ, бывшей въ томъ-же январѣ мѣсяцѣ. Десять дней спустя послѣ бракосочетанія царя Алексѣя Михайловича съ Марьей Ильинишной Милославской, родная сестра царицы, Анна Ильинишна Милославская, вышла за царскаго пѣстуна Бориса Ивановича Морозова.

Этотъ послѣдній бракъ имѣлъ роковыя послѣдствія: Милославскіе и вся ихъ родня, воспользовавшись двойнымъ свойствомъ и съ государемъ и съ его воспитателемъ, въ короткое время захватили въ свои руки важнѣйшія мѣста въ государствѣ и дали полную волю своему ненасытному корыстолюбію. Съ этой стороны возбуждали особенную ненависть: окольничій Леонтій Степановичь Плещеевъ, начальствовавшій Земскимъ приказомъ, его шуринъ Петръ Тихоновичь Траханіотовъ и посольскій думный дьякъ Назарій Чистой.

Посадскіе и всякіе черные люди толпились на крестцахъ, у церквей, и стали говорить вслухъ, что «государь молодъ, глядитъ все изо рта своего свояка Морозова и зятя Милославскаго, что они всѣмъ владѣютъ, а

самъ государь все это знаетъ да молчитъ». Пробовали подавать челобитныя; но онѣ не доходили до государя, отдѣленнаго отъ народа высокою Кремлевскою стѣною. Къ лѣту 1648 года дѣло доведено было наконецъ до того, что народъ «невѣжливымъ обычаемъ» пришелъ къ государеву двору съ требованіемъ выдать измѣнниковъ, и на вопросъ: кого они вѣдаютъ измѣнниковъ? раздались неистовые крики: «Дайте намъ убити Бориса Ивановича Морозова, Леонтья Плещеева, Петра Траханіотова!»[430].

Мы не будемъ останавливаться на извѣстныхъ всѣмъ подробностяхъ кровавой расправы Московской черни съ своими недругами, изъ которыхъ одному только Морозову, своевременно высланному государемъ въ Кирилло-Бѣлозерскій монастырь, удалось спастись отъ ужасной смерти. Изъ всей этой печальной исторіи для насъ особенно важно то, что народъ, преслѣдуя ненавистью Морозова и всю его родню, запрудившую собою приказы, въ то-же самое время явно выказывалъ свое расположеніе къ сродичамъ Шереметевыхъ Никитѣ Ивановичу Романову и князю

---

[430] Лѣтопись о многихъ мятежахъ. Изд. 2. М. 1788. стр. 357.

Якову Куденетовичу Черкасскому[431]. Они оба смѣло входили въ толпу раздраженной черни и не мало способствовали къ успокоенію ея стихійной ярости. Понятно, что Шереметевы, всегда бывавшіе въ единомысліи съ Романовыми и Черкасскими, не подверглись никакимъ насиліямъ въ страшные дни извѣстнаго іюньскаго разгрома. Нужно имѣть въ виду и то, что въ описываемое время никто изъ Шереметевыхъ не сидѣлъ въ приказахъ; значитъ, и съ этой стороны они могли оставаться спокойными, какъ неповинные въ «судейской неправдѣ» — главной причинѣ мятежа. Всѣ Шереметевы были озабочены въ это время своими собственными дѣлами. Такъ, Борисъ Петровичь, въ самый разгаръ Московскихъ волненій лишился своей супруги Екатерины Никитичны и, по благочестивому обычаю, тщился «строить душу» усопшей. По его заказу изготовленъ былъ въ августѣ мѣсяцѣ святый потиръ съ слѣдующею надписью: «Далъ вкладъ сей потиръ съ дискосомъ въ домъ пречистыя Богородицы ея Рожества во Володимерѣ бояринъ Борисъ Петровичь Шереметевъ по женѣ своей по Ека-

---

[431] Соловьевъ. Исторія Россіи. Т XII. М. 1862. стр. 348.

теринѣ Никитишнѣ, лѣта 7156 августа 23 дня»[432].

Василій же Петровичъ Шереметевъ, въ то самое время, когда въ столицѣ свирѣпствовала, по выраженію лѣтописца, «злодыхательная буря мятежа», занятъ былъ бортными угодьями въ своемъ Нижегородскомъ имѣніи, какъ это видно изъ явки, поданной имъ царю Алексѣю Михайловичу черезъ своего прикащика Ивана Лютова. Изъ этого документа мы узнаемъ, между прочимъ, что Василій Петровичъ Шереметевъ получилъ въ царское жалованье часть знаменитой Пурецкой волости, Нижегородскаго уѣзда, возвращенной по смерти князя Дмитрія Михайловича Пожарскаго во дворецъ. Вотъ что говорится въ явкѣ Лютова: «По твоему государеву указу, въ Нижегородскомъ уѣздѣ Пурец-

---

[432] Эта священная утварь, назначенная, какъ видно изъ приведенной надписи, для Владимірскаго Рождественскаго монастыря, хранится въ настоящее время въ Покровской церкви села Чиркина, Коломенскаго уѣзда. Въ бытность во Владимірѣ, мы пересматривали старые реестры Владимірскаго Рождественскаго монастыря, что̀ нынѣ архіерейскій домъ, въ надеждѣ найти объясненіе, почему и въ какое время потиръ, данный вкладомъ въ эту обитель, перешелъ въ Чиркинскую церковь; но оказалось, что въ тѣхъ реестрахъ никогда и не было записано этого вклада. Можно полагать, что самъ Борисъ Петровичъ Шереметевъ оставилъ потиръ въ церкви своего вотчиннаго села Чиркина, гдѣ вѣроятно и похоронилъ свою супругу.

кая волость роздана въ раздачю разнымъ помѣщикамъ... и твоего царьскаго жалованья дано въ той Пурецкой волости государю моему боярину Василью Петровичу Шереметеву на 300 четьи, а угодье всякое, рѣки и озера и рыбныя ловли и черный лѣсъ и бортныхъ ухожей дано помѣщикамъ всѣмъ вобче, и въ роздѣльныхъ книгахъ и въ выписяхъ написано вобче; и что̀ государю моему боярину Василью Петровичу досталось твоего царьскаго жалованья село Вершилово съ деревнями, и тутъ у государя моего бортнаго ухожея нѣтъ. Бортная же ухожея находится въ общей дачѣ съ другими помѣщиками: князь Семена Романовича Пожарскаго, думнаго дьяка Өедора Елизарова, князь Ивана Дмитріевича Пожарскаго, княгини Марөы Семеновны Пожарской и стольника Василья Голохвастова; и медъ съ того ухожья повелѣно сливать вмѣстѣ и дѣлить по дачамъ; но приказные люди тѣхъ помѣщиковъ, «по приказу бояръ своихъ чинятца сильны, меду не сливаютъ и по дачамъ не дѣлятъ, а въ то въ обчее въ бортное ухожее своимъ бортникамъ ходить велятъ и пустошить»[433].

---

[433] Акты юридическіе. Спб. 1838. стр. 96.

Выписанная явка разсматривалась уже послѣ укрощенія Московскаго мятежа, который между тѣмъ сильно отозвался и въ городахъ и уѣздахъ. На огромномъ пространствѣ волновались посадскіе и уѣздные люди, доведенные до отчаянія своеволіемъ воеводъ, повсемѣстнымъ хлѣбнымъ недородомъ и «скотиннымъ падежомъ». Въ началѣ августа патріархъ Іосифъ разослалъ богомольныя грамоты, призывавшія православныхъ къ двухнедѣльному посту и молитвѣ «объ усмиреніи и тишинѣ всѣхъ православныхъ христіанъ, объ избавленіи ихъ отъ межусобныя брани, объ умноженіи плода земнаго»[434].

Бѣдствія народныя просвѣтили умъ юнаго государя и отворили его сердце «на вся благая». По совѣту патріарха и думныхъ бояръ, онъ прежде всего рѣшилъ, для огражденія безопасности общей и частной, и для обузданія своеволія приказныхъ и воеводъ, собрать во едино всѣ отдѣльныя узаконенія гражданскія и церковныя, пересмотрѣть ихъ, дополнить, исправить, и затѣмъ издать для руководства въ судѣ и расправѣ, «дабы Московскаго го-

---

[434] Акты, собранные Археографическою экспедиціею. Т. IV. Спб. 1836. № 30.

сударства всякихъ чиновъ людямъ, отъ большаго и до меньшаго чина, судъ и расправа была во всякихъ дѣлѣхъ всѣмъ ровно». Подготовительныя работы, то есть собраніе узаконеній, возложены были на князя Никиту Ивановича Одоевскаго, князя Семена Васильевича Прозоровскаго, князя Ѳедора Ѳедоровича Волконскаго и на дьяковъ Гаврила и Ѳедора Грибоѣдовыхъ. Затѣмъ къ пересмотру собраннаго, дополненію и исправленію дѣйствовавшихъ узаконеній вызваны были представители всей земли, отъ всѣхъ городовъ, слободъ и посадовъ, по указанному числу «добрыхъ и смышленыхъ людей»[435].

Шереметевы, по видимому, не принимали участія въ этомъ «земскомъ, великомъ, царственномъ дѣлѣ». По крайней мѣрѣ, никто изъ нихъ не приложилъ руки къ знаменитому Уложенію[436]. Но за то въ это-же самое время двое Шереметевыхъ получили довольно важныя должности въ государствѣ, и мы придаемъ этому особенное значеніе въ виду дан-

---

[435] Собраніе государственныхъ грамотъ и договоровъ. Ч. 3. М. 1822. № 129.

[436] Архивъ историко-юридическихъ свѣдѣній, относящихся до Россіи, изд. Н. В. Калачовымъ. Книжка первая. М. 1850. Отд. 2. стр. 4.

наго царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ обѣщанія замѣстить управителей неправедныхъ и своекорыстныхъ «мужами богобоязливыми, которые правили бы народомъ съ кротостію и справедливостію, блюли бы пользу и благо народное»[437].

Въ августѣ 1648 года, Василій Борисовичь Шереметевъ назначенъ былъ начальникомъ Суднаго Владимірскаго приказа, на мѣсто Ивана Васильевича Морозова; а Василій Петровичь Шереметевъ — воеводою въ Казань, на мѣсто князя Михаила Петровича Пронскаго-Рыбина.

Одновременно съ назначеніемъ Василья Борисовича Шереметева въ Судный Владимірскій приказъ, князь Иванъ Андреевичь Хилковъ назначенъ былъ въ Судный Московскій приказъ. Припомнимъ, что въ 1642 году, двоюродный братъ Хилкова, князь Андрей Васильевичь, назначенный въ тотъ-же приказъ, поплатился тюрьмою за то, что не хотѣлъ быть съ покойнымъ Иваномъ Петровичемъ Шереметевымъ, которому, подобно Василью Борисовичу, указано было сидѣть въ

[437] Олеарій. Подробное описаніе путешествія Голштинскаго посольства въ Московію и Персію. Переводъ П. Барсова. М. 1870. стр. 278.

Судномъ Владимірскомъ приказѣ. Не взирая на это, князь Иванъ Андреевичь Хилковъ 5 августа билъ челомъ государю, что ему невмѣстно быть съ Васильемъ Борисовичемъ Шереметевымъ. 14 числа, думный посольскій дьякъ Михайло Волошениновъ на Постельномъ крыльцѣ объявилъ князю Ивану Андреевичу Хилкову: «Ты князь Иванъ на Василья Шереметева билъ челомъ въ отечествѣ, и государь дѣла вашего слушалъ и указалъ тебѣ сказать, что тебѣ меньше Василья Шереметева быть мочно, потому что братъ твой большой, бояринъ князь Андрей Васильевичь Хилковъ, былъ безсловно съ дѣдомъ Василья Шереметева, съ бояриномъ съ Ѳедоромъ Ивановичемъ Шереметевымъ; да князь Андрей же былъ и съ дядею Василья Шереметева, съ бояриномъ съ Иваномъ Петровичемъ Шереметевымъ, и за его безчестье посыланъ въ тюрму; а что ты, князь Иванъ, на Василья Шереметева въ отечествѣ государю билъ челомъ и тѣмъ его обезчестилъ, и за Васильево безчестье Шереметева указалъ государь тебя, князь Ивана, послать въ тюрму»[438].

---

[438] Дворцовые разряды. Т. III. Спб. 1852. столб. 99 и 100.

Василій Борисовичь Шереметевъ завѣдывалъ Владимірскимъ Суднымъ приказомъ всего около осьми мѣсяцевъ. Въ маѣ 1649 года онъ получилъ еще болѣе видное назначеніе, будучи посланъ главнымъ воеводою въ «начальный городъ» Сибирскаго царства Тобольскъ, гдѣ и пробылъ до февраля 1652 года[439].

Въ свое время будетъ сказано все, что извѣстно о Сибирской службѣ Василья Борисовича Шереметева; а теперь возвратимся къ его дядѣ Василью Петровичу Шереметеву, отправленному, въ августѣ 1648 года, на воеводство въ Казань[440].

По видимому, Василій Петровичь былъ заблаговременно предупрежденъ о своемъ назначеніи на дальнее воеводство и спѣшилъ устроить, по возможности, свои домашнія дѣла. Естественно, его должно было особенно тревожить духовное завѣщаніе Ѳедора Ивановича Шереметева, еще не получившее окончательнаго утвержденія и по нѣкоторымъ обстоятельствамъ подлежавшее значительнымъ измѣненіямъ, между прочимъ, по слу-

---

439 Древняя Россійская вивліоѳика. Ч. III. М. 1788. стр. 177.
440 Дворцовые разряды. Т. III. Спб. 1852. столб. 103.

чаю кончины Ивана Петровича. Самъ завѣщатель дряхлѣлъ съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе. Онъ даже лишился уже и зрѣнія. Василій Петровичъ Шереметевъ, желая оградить себя отъ возможныхъ случайностей, упросилъ Ѳедора Ивановича выдать ему при своемъ животѣ такой документъ, который обезпечивалъ бы за нимъ завѣщанныя вотчины даже и въ томъ случаѣ, еслибы завѣщаніе осталось неутвержденнымъ. И вотъ, въ іюлѣ 1648 года, Ѳедоръ Ивановичъ Шереметевъ вручаетъ Василью Петровичу данную на тѣ родовыя вотчины, которыя записаны на его долю въ духовномъ завѣщаніи, то есть на сельцо Мещериново, часть Кускова и село Песочню, съ присовокупленіемъ двухъ деревень въ Рязанскомъ уѣздѣ Сенькиной и Демкиной, первоначально назначенныхъ покойному Ивану Петровичу. Ѳедоръ Ивановичъ заключаетъ документъ слѣдующею оговоркою: «А тѣми вотчинами, что̀ въ сей данной написаны, владѣти мнѣ покамѣста язъ живъ буду или постригуся». На оборотѣ рукоприкладство духовника завѣщателя протопопа Григорія съ поясненіемъ, что самъ Ѳедоръ Ивановичъ Шереметевъ, «за своею

Се азъ боѧринъ Федоръ Ивановичь Шереметевъ дал есми при своем животе ... своему боярину Василью Петровичю Шереметеву ... вотчины своей в Коломенском уезде ... на село Мещериново ...

[illegible]

рнз генваря ві [illegible] в Помѣстном приказе дьяком Фе-
дору Елизарову да Ивану [illegible] да [illegible]
духовную [illegible] на вотчины [illegible] боярина Федора
Ивановича Шереметева [illegible]
на вотчины боярин Федор Иванович [illegible]
на [illegible] по [illegible] племяннику своему боя-
рину Василью Петровичу Шереметеву да [illegible]
[illegible] вотчины [illegible] вотчины [illegible] за боярином Васильем
Петровичем [illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible] рнз октября [illegible] вотчина [illegible]
боярину Федору Ивановичу Шереметеву по своей [illegible]

[illegible] Григорей [illegible]
сына своего духовнаго боярина Федо-
ра Ивановича Шереметева [illegible]
[illegible]
[illegible]
вотчинами [illegible] племяннику своему боярину Василью Петро-
вичу Шереметеву [illegible]

[illegible]
[illegible]

По тому ж [illegible] Захарей [illegible]
[illegible]

старостію и увѣчьемъ руки приложить не видитъ»[441].

Въ тотъ-же день данная была явлена въ Помѣстномъ приказѣ, а черезъ три недѣли послѣ того, какъ въ Разрядѣ объявили роспись воеводамъ по городамъ, Василій Петровичь Шереметевъ, вмѣстѣ съ своимъ младшимъ сыномъ Матвѣемъ Васильевичемъ, выѣхалъ изъ Москвы въ Казань на суднѣ, тѣмъ-же путемъ, что и Олеарій, то есть Москвою-рѣкою, Окою, а съ Нижняго — Волгою.

---

[441] Архивъ графа С. Д. Шереметева. № 742.

ГЛАВА XXI.

Плаваніе по Волгѣ ознаменовалось для Василья Петровича Шереметева и его сына Матвѣя весьма странною встрѣчею съ извѣстнымъ протопопомъ Аввакумомъ, упорнымъ ненавистникомъ заводившихся тогда въ Москвѣ новшествъ.

Незадолго до того времени, когда Василій Петровичь Шереметевъ отправился Волгою къ мѣсту новаго назначенія, Аввакумъ пришелъ изъ Москвы въ свое родное приволжское село Григорово, крайне раздраженный всѣмъ видѣннымъ и слышаннымъ въ стольномъ градѣ. Кромѣ исправленія церковныхъ книгъ, вновь предпринятаго въ то время учеными монахами изъ Малороссіи, суроваго протопопа возмущало и введеніе разныхъ

иноземныхъ обычаевъ и новинокъ, начиная съ музыкальныхъ инструментовъ, этихъ «отреченныхъ гудебныхъ сосудовъ», и кончая Нѣмецкимъ платьемъ, въ которомъ уже открыто выѣзжалъ на охоту даже такой близкій къ государю человѣкъ, какъ Никита Ивановичь Романовъ[442]. Нужно же было такъ случиться, что въ ту пору, какъ Василій Петровичь Шереметевъ присталъ съ своимъ судномъ къ селу Григорову, туда вошли при звукахъ домръ и бубновъ вожатые съ плясовыми медвѣдями. Аввакумъ пришелъ въ ярость отъ такого сатанинскаго соблазна благочестивыхъ душъ. Но лучше предоставимъ самому протопопу разсказать обо всемъ, какъ было: «Пріидоша въ село мое плясовые медвѣди съ бубнами и съ домрами, и я грѣшникъ, по Христѣ ревнуя, изгналъ ихъ и хари и бубны изломалъ на полѣ единъ у многихъ, и медвѣдей двухъ великихъ отнялъ, — одного ушибъ и паки ожилъ, а другаго отпустилъ въ поле. И за сіе меня Василій Петровичь Шереметевъ, плывучи Волгою въ Казань на воевод-

---

[442] Олеарій. Подробное описаніе путешествія Голштинскаго посольства въ Московію и Персію. Переводъ съ Нѣмецкаго Павла Барсова. М. 1870. стр. 164.

ство, взявъ на судно и браня много, и велѣвъ благословить сына своего Матвея брадобритца. Азъ же не благословилъ, а отъ писанія его порицалъ, видя блудоносный образъ. Бояринъ же, гораздо осердясь, велѣлъ меня бросить въ Волгу и, много томя, протолкали»[443].

По разсказу Олеарія мы отчасти уже знакомы съ домашнею обстановкою Василья Петровича Шереметева, съ его общительнымъ нравомъ и умѣньемъ бесѣдовать съ иностранцами; мы видѣли, какъ онъ угощалъ въ своемъ домѣ Датскаго королевича Вольдемара со всею его свитою; знаемъ также, что онъ принялъ въ свою семью записнаго Европейскаго щеголя пресловутаго князя Шлякова-Чешскаго. Послѣ всего этого указаніе на то, что сынъ Василья Петровича, Матвѣй Васильевичъ Шереметевъ, брилъ бороду, можетъ служить лишь подтвержденіемъ, что бояринъ Василій Петровичъ Шереметевъ, подобно Никитѣ Ивановичу Романову, не чуждался иноземцевъ и не относился враждебно къ ихъ обычаямъ. Въ-послѣдствіи Василій Петро-

---

[443] Житіе протопопа Аввакума, имъ самимъ написанное. Издано подъ редакціею Н. С. Тихонравова. Спб. 1862. стр. 16.

вичь помирился и съ Аввакумомъ, который посмотрѣлъ однако на это примиреніе какъ на торжество своего дѣла: «опослѣ же,—пишетъ Аввакумъ,—Василій Петровичь Шереметевъ учинился добръ до меня, у царя на сѣняхъ прощались, а брату моему меньшому боярыня Васильева и дочь духовная была. Такъ-то Богъ строитъ своя люди»!

Василій Петровичь Шереметевъ пробылъ на воеводствѣ въ Казани ровно годъ, съ августа 1648 по августъ 1649 года, когда на его мѣсто былъ присланъ братъ царскаго воспитателя, Глѣбъ Ивановичь Морозовъ[444]. Мы не имѣемъ свѣдѣній ни о служебной дѣятельности, ни о житьѣ-бытьѣ Шереметева въ Казани. Знаемъ только, что онъ былъ тамъ съ своимъ младшимъ сыномъ Матвѣемъ Васильевичемъ, «брадобритцемъ», какъ назвалъ его протопопъ Аввакумъ, и что въ товарищахъ при немъ состояли: стольникъ Семенъ Артемьевичь Измайловъ да два дьяка: Димитрій Жеребиловъ и Григорій Одинцовъ[445]. По должности Казанскаго воеводы, Василій Петровичь Шереметевъ находился въ непосред-

---

[444] Дворцовые разряды. Т. III. Спб. 1852. столб. 131.
[445] Тамъ-же, столб. 103.

ственномъ подчиненіи приказу Казанскаго Дворца, откуда получалъ и указы о всякихъ дѣлахъ[446].

Казань хотя и показывалась въ числѣ «знатныхъ» городовъ, но доходовъ оттуда не поступало никакихъ, потому что, за удовлетвореніемъ мѣстныхъ нуждъ, все остальное выходило на жалованье ратнымъ и служилымъ людямъ, состоявшимъ при воеводѣ[447]. Эта передовая Московская сила, засѣвшая въ Казанскомъ кремлѣ, защищенномъ толстою каменною стѣною съ орудіями[448], держала въ рукахъ обширный край съ инородче-

---

[446] Въ ту пору приказомъ Казанскаго Дворца завѣдывалъ бояринъ князь Алексѣй Никитичъ Трубецкой, замѣчательный тѣмъ, что онъ оставался тогда единственнымъ представителемъ князей Трубецкихъ въ Россіи, такъ какъ его двоюродный братъ, извѣстный князь Дмитрій Тимоѳеевичъ, умеръ бездѣтнымъ въ 1625 году; а родной его братъ князь Юрій Никитичъ Трубецкой, еще въ 1611 году уѣхалъ въ Польшу съ обоими своими сыновьями, Петромъ и Александромъ. Всѣ трое приняли католичество и умерли въ Польшѣ. Въ-послѣдствіи, единственный внукъ князя Юрья Никитича, князь Юрій Петровичъ, прадѣдъ по матери графини Варвары Алексѣевны Шереметевой, переѣхалъ въ Россію, возвратился къ православной вѣрѣ своихъ предковъ и женился на сестрѣ знаменитаго князя Василья Васильевича Голицына. Отъ этого брака происходятъ всѣ нынѣшніе князья Трубецкіе (Князь П. Долгоруковъ. Россійская родословная книга. Ч. I. Спб. 1855. стр. 329).

[447] Котошихинъ. О Россіи въ царствованіе Алексѣя Михайловича. Изд. 2. Спб. 1859. стр. 75.

[448] Олеарій. Подробное описаніе путешествія Голштинскаго посольства въ Московію и Персію. М. 1870. стр. 413.

скимъ населеніемъ, весьма туго освоивавшимся съ подневольнымъ подчиненіемъ Русской державѣ. Если въ Казанскомъ краѣ при Васильѣ Петровичѣ Шереметевѣ не было никакихъ волненій и ничего подобнаго тѣмъ мятежамъ, которые разразились сперва въ Москвѣ, а затѣмъ во Псковѣ, Новгородѣ и во многихъ другихъ мѣстахъ государства, то это, разумѣется, можетъ служить удостовѣреніемъ, что Шереметевъ не злоупотреблялъ своею обширною воеводскою властью, проникавшею во всѣ изгибы мѣстнаго управленія.

Въ началѣ декабря 1649 года, Василій Петровичъ Шереметевъ возвратился въ Москву и 21 числа, на память Петра митрополита, обѣдалъ у патріарха Іосифа, вмѣстѣ съ бояриномъ Иваномъ Васильевичемъ Морозовымъ и окольничимъ княземъ Иваномъ Ивановичемъ Ромодановскимъ[449].

Много перемѣнъ совершилось въ Москвѣ во время отсутствія Василья Петровича: Борисъ Ивановичъ Морозовъ возвратился ко двору и сталъ, по прежнему, первымъ совѣтникомъ царя; собесѣдникъ государевъ, Ново-

---

[449] Дворцовые разряды. Т. III. Спб. 1852. столб. 145.

спасскій архимандритъ Никонъ, въ мартѣ мѣсяцѣ 1649 года, хиротонисанъ въ митрополита Новгородскаго и уже уѣхалъ къ своей паствѣ; земскій соборъ, по составленію Уложенія, окончилъ свой монументальный трудъ, и представители отъ городовъ разъѣхались по домамъ, всюду разнося славу о благоувѣтливости юнаго царя, самолично бывавшаго на засѣданіяхъ собора. Но лично для Василья Петровича наиболѣе существенною новостью было то, что его престарѣлый дядя Θедоръ Ивановичь Шереметевъ окончилъ наконецъ всѣ распоряженія объ оставляемомъ имъ наслѣдствѣ и навсегда уѣхалъ въ Кирилло-Бѣлозерскій монастырь.

22 іюня 1649 года, Θедоръ Ивановичь Шереметевъ приготовилъ, въ присутствіи своего духовника протопопа Григорія, князя Никиты Ивановича Одоевскаго и князя Алексѣя Михайловича Львова, второй завѣщательный документъ, такъ называемую изустную память, нѣсколько измѣнявшую и дополнявшую составленное въ 1645 году духовное завѣщаніе. Тотчасъ-же по изготовленіи изустной памяти, Θедоръ Ивановичь послалъ ее, вмѣстѣ съ духовнымъ завѣщаніемъ, къ

царю Алексѣю Михайловичу при челобитной, въ которой писалъ слѣдующее: «Въ прошломъ, государь, во 154 (1645) году билъ челомъ тебѣ, государю, я, холопъ твой Федка Шереметевъ, и милости просилъ, чтобы ты, государь, памятуя милость отца своего блаженныя памяти государя нашего царя и великаго князя Михаила Ѳедоровича и свою государскую милость ко мнѣ, пожаловалъ поволилъ мнѣ свое государское имя въ духовной написать. И твоя государская милость надо мною взыскалась, и имя свое государское въ духовной написати велѣлъ. И я, холопъ твой, духовную написалъ въ томъ-же въ прошломъ во 154 году; а што у меня послѣ тоѣ моей духовной по ся мѣсто перемѣнилось и што вновь прибыло и убыло, и я написалъ изустную память. И духовную мою и изустную память съ сею челобитенкою велѣлъ поднесть тебѣ. Государь милосердный! милость покажи надъ нищимъ холопомъ своимъ, призри, государь, на грѣшную мою душу, вели, государь, духовную мою и изустную память предъ собою вычесть и закрѣпить думному діаку, кому укажешь, и вели, государь, отослать къ святѣйшему патріарху Іосифу,

свидѣтельствовать и запечатать». На оборотѣ челобитной находится слѣдующая подпись: «Къ сей челобитной Богородицкой протопопъ Григорій, вмѣсто сына своего духовнаго боярина Ѳедора Ивановича Шереметева, по ево велѣнью, руку приложилъ, потому что Ѳедоръ Ивановичь, за своею многою скорбью и за увѣчьемъ, руки приложить не видитъ»[450].

Въ изустной памяти Ѳедоръ Ивановичь проситъ государя, чтобы то, что̀ послѣ его духовной не перемѣнилось, и тому быть по духовной; а что̀ перемѣнилось, прибыло или убыло, и тѣмъ статьямъ быть такъ, какъ въ изустной памяти написано. Затѣмъ, завѣщатель челомъ бьетъ царю Алексѣю Михайловичу новымъ даромъ — крестомъ золотымъ съ мощами, а тотъ крестъ «обнизанъ жемчюгомъ съ пятью яхонтами лазоревыми». Кирилло-Бѣлозерскому монастырю завѣщатель проситъ дать не 300 рублей, какъ назначено въ духовной, а только 100 рублей, такъ какъ 200 рублей онъ уже далъ обители при себѣ. Въ духовной обѣщано было представить собственноручную роспись что̀ дать за вы-

[450] Архивъ графа С. Д. Шереметева. № 223.

носъ тѣла и отпѣваніе патріарху и властямъ. «И тому росписи за моею рукою нѣтъ, — объясняетъ Ѳедоръ Ивановичь, — потому что грѣхомъ моимъ постигла меня слѣпота». О наличныхъ денежныхъ суммахъ завѣщатель говоритъ въ изустной памяти слѣдующее: «А денегъ у меня на поминокъ, на годовые сорокоусты, на триста церквей, три тысячи рублевъ; да на выносъ и отпѣванье 339 рублевъ 10 алтынъ; да людямъ на надѣлки и нищимъ на милостыню двѣ тысячи рублевъ; да что̀ продадутъ хлѣба моево и изъ долговъ возмутъ денегъ, изъ тѣхъ денегъ дати полоняникомъ на окупъ двѣ тысячи рублевъ»[451].

Родовыя вотчины, предоставленныя духовнымъ завѣщаніемъ Ивану Петровичу Шереметеву, за его кончиною, распредѣлены въ изустной памяти такъ: село Городня, Коломенскаго уѣзда, написано его старшему сыну Василью Ивановичу Шереметеву, но тутъ же

---

[451] Завѣщатель называетъ только двухъ своихъ должниковъ: двоюроднаго внука, Василья Ивановича Шереметева, задолжавшаго ему за бураго иноходца Литовскаго 37 рублей, и Ярославца торговаго человѣка Тимоѳея Ѳедорова сына Ступина, задолжавшаго ему сто рублей. Тутъ же Ѳедоръ Ивановичь вспоминаетъ еще объ одномъ своемъ собственномъ долгѣ дьяку Семену Владиміровичу Головину 20 рублей и приказываетъ отдать тѣ деньги дѣтямъ Головина, которыя живы.

сдѣлана оговорка, что Василій Ивановичь то «село Городню, а Воскресенское тожъ, съ деревнями и со всѣми угодьи промѣнилъ полюбовно брату своему, а его, завѣщателя, внуку князю Якову Никитичу Одоевскому на сельцо Саларево, а Солослово тожъ, для того, что то сельцо Саларево смежно съ его Васильевою подмосковною вотчиною съ сельцомъ Бузаевымъ; а принялъ онъ, Василій, у князь Якова къ той своей вотчинѣ къ сельцу Городнѣ денегъ (сколько, не сказано) и въ томъ промежъ себя укрѣпились мѣновыми записьми, и въ Помѣстномъ приказѣ тѣ вотчины за ними расписаны». Рязанскія деревни Сенькино и Демкино отданы брату покойнаго Ивана Петровича Шереметева, Василью Петровичу[452]; младшему же сыну Ивана Петровича, Никитѣ Ивановичу Шереметеву, дана Коломенская деревня Ивановская, Кобяково тожъ, которую, по духовному завѣщанію, Ѳедоръ Ивановичь предназначилъ своему крестнику князю Льву Александровичу Шлякову-Чепскому. Завѣщатель присовокупляетъ, что

[452] Въ изустной памяти пояснено, что тѣ деревни отдаются Василью Петровичу потому, что онѣ «пожалованы были Ѳедору Васильевичу Шереметеву за Неневардскую (то есть за Леневардскую) службу вмѣстѣ съ селомъ Песочнею».

на всѣ названныя родовыя вотчины онъ далъ своимъ племянникамъ и внучатамъ данныя и въ Помѣстномъ приказѣ по тѣмъ даннымъ тѣ вотчины за ними записаны и старыя крѣпости отданы имъ въ томъ-же 1649 году; и что «животы свои и лошади и служивую рухлядь онъ продалъ и роздалъ при себѣ, послѣ духовной».

Θедору Ивановичу Шереметеву пришлось измѣнить и статью духовнаго завѣщанія о Костромскомъ селѣ Борисоглѣбскомъ, отданномъ имъ въ совмѣстное владѣніе обѣимъ своимъ дочерямъ, княгинѣ Евдокіѣ Θедоровнѣ Одоевской и старицѣ Новодѣвичья монастыря Александрѣ. Въ изустной памяти завѣщатель говоритъ объ этомъ слѣдующее: «По новому государеву указу и по соборному Уложенію старицамъ вотчинъ за собою держать не велѣно[453], и та вотчина, село Борисоглѣбское, дочери моей княгинѣ Овдотьѣ одной; а давать ей съ тоѣ вотчины сестрѣ своей, а моей дочери, старицѣ Александрѣ, половина хлѣба и всякихъ доходовъ по еѣ старицынъ животъ; а будетъ судомъ Божіимъ дочери

[453] Уложеніе царя Алексѣя Михайловича 1649 года. Глава XVII. ст. 43 (Полное собраніе законовъ Россійской имперіи. Собраніе I. Т. I. Спб. 1830. стр. 97).

моей, княгини Овдотьи, прежде старицы не станетъ, и тоѣ вотчину дочери моей княгинѣ Овдотьѣ отказать сыну своему, а моему внуку, князю Якову Одоевскому, а князю Якову съ тоѣ вотчины половину хлѣба и всякихъ доходовъ давать дочери моей, а своей теткѣ, старицѣ Александрѣ по еѣ животъ по тому жъ; а какъ судомъ Божіимъ дочери моей старицы Александры не станетъ, и князю Якову дать въ Новодѣвичь монастырь къ прежнему вкладу по теткѣ своей, по старицѣ Александрѣ, сто рублевъ, да на сорокоусты и поминки по ней триста рублевъ».

Князю Якову Никитичу Одоевскому Ѳедоръ Ивановичь завѣщалъ кромѣ того и вновь купленную имъ, въ августѣ 1647 года, у Григорья Горихвостова смежную съ сельцомъ Марковымъ пустошь Навалкину, Навалкинскую тожъ, въ Замосковномъ Раменейцѣ, съ пашнею, лѣсами и со всѣми угодьями. Московскій же дворъ на Тверской улицѣ съ палатами, съ каменною поварнею, съ поваренною избою и со всякимъ дворовымъ строеніемъ отдалъ другому своему внуку, князю Ѳедору Никитичу Одоевскому, съ условіемъ ежегодно выдавать въ теченіи десяти лѣтъ

по 500 рублей «нищимъ на милостыню и полоняникомъ на окупъ».

Любопытно то мѣсто изустной памяти, въ которомъ Ѳедоръ Ивановичь Шереметевъ говоритъ о крестьянахъ, поселенныхъ имъ въ подмосковныхъ вотчинахъ изъ дальнихъ вотчинъ: «Которыхъ язъ крестьянъ посажалъ въ подмосковныхъ вотчинахъ ималъ изъ дальныхъ своихъ вотчинъ, а иныхъ перевелъ за побѣгъ и за многіе ихъ воровства, и тѣмъ крестьяномъ, которые куды переведены, быть въ тѣхъ вотчинахъ; а которые крестьяне сбѣгутъ на старину, откуды они переведены, а тѣ вотчины за кѣмъ будутъ, и тѣмъ тѣхъ крестьянъ не принимать, и имъ до нихъ дѣла нѣтъ, быть тутъ гдѣ они устроены при мнѣ, а не на старинѣ, гдѣ прежъ сего жили, и по нынѣшнему государеву указу и по соборному Уложенію по писцовымъ книгамъ въ тѣхъ крестьянъ не вступатца».

По челобитной Ѳедора Ивановича Шереметева, царь Алексѣй Михайловичь, выслушавъ представленныя имъ духовное завѣщаніе и изустную память, приказалъ подписать ихъ думному дьяку Ивану Аѳанасьевичу Гавреневу, и за тѣмъ бояринъ и дворецкій князь

Алексѣй Михайловичь Львовъ отнесъ оба документа къ патріарху Іосифу для свидѣтельства подлинности ихъ и приложенія патріаршей печати.

11 іюля, святѣйшій патріархъ, выслушавъ, въ свою очередь, духовное завѣщаніе и изустную память въ присутствіи «сидѣльцевъ», то есть лицъ, сидѣвшихъ при составленіи обоихъ актовъ, прежде всего спросилъ духовника завѣщателя протопопа Григорья: «Ты, протопопъ Григорій, боярину Ѳедору Ивановичу Шереметеву отецъ ли духовный? духовная и изустная память боярина Ѳедора Ивановича писана по его ли велѣнью? при цѣломъ ли его умѣ и разумѣ? и приказъ отъ него таковъ ли слышалъ, какъ въ той духовной и изустной его памяти написано? и у той духовной и изустной памяти ты сидѣлъ по его ли велѣнью? и на духовной его ли боярина Ѳедора Ивановича рука?» Протопопъ Григорій отвѣчалъ патріарху: «Боярину, государь, Ѳедору Ивановичу Шереметеву отецъ духовной я, протопопъ Григорій; и у духовной и у изустной памяти я сидѣлъ боярина Ѳедора Ивановича Шереметева по его велѣнію; и на духовной и на изустной памяти моя про-

топопова Григорьева рука; и писана духовная и изустная память боярина Өедора Ивановича по его велѣнью и въ цѣломъ его умѣ и разумѣ; и приказъ отъ него таковъ слышалъ, какъ въ духовной его и изустной памяти написано; и на духовной боярина Өедора Ивановича Шереметева рука. А на изустной памяти боярина Өедора Ивановича Шереметева руки нѣтъ по тому, что онъ нынѣ въ великой скорби своей и въ древней старости очми не довидитъ».

Такіе-же вопросы предложены были и прочимъ сидѣльцамъ: князю Никитѣ Ивановичу Одоевскому, князю Якову Куденетовичу Черкасскому и князю Алексѣю Михайловичу Львову, а также переписчикамъ подьячимъ Никифору Вальцову и Ивану Патрикѣеву. Отвѣты ихъ были тождественны съ показаніемъ протопопа Григорья, и патріархъ Іосифъ, на оборотѣ изустной памяти, сверху, собственною рукою начерталъ: «Смиренный Іосифъ, Божіею милостію патріархъ Московскій и всеа Русіи»; а внизу, по его приказу, приложена красновосковая патріаршая печать. За симъ его святѣйшество возвратилъ князю Львову и духовную и изустную па-

мять[454], а представленные списки съ нихъ слово въ слово, за своею же святительскою рукою, велѣлъ оставить въ своей патріаршей казнѣ.

Нѣсколько дней спустя, и самъ завѣщатель уѣхалъ, по обѣщанію, въ Кирилло-Бѣлозерскій монастырь.

Въ-слѣдъ за выѣздомъ Шереметева, именно 28 августа, отъ царя Алексѣя Михайловича послана была на Бѣлоозеро въ Кириллову обитель, архимандриту Аѳанасію, да старцу Ѳеоктисту Колединскому, да келарю старцу Савватію Юшкову съ братьею, грамота слѣдующаго содержанія: «Въ нынешнемъ во 157 году поѣхалъ къ вамъ въ Кириловъ монастырь, по обѣщанію своему, бояринъ нашъ Ѳедоръ Ивановичь Шереметевъ. И какъ къ вамъ ся наша грамота придетъ, а бояринъ нашъ Ѳедоръ Ивановичь Шереметевъ къ вамъ въ Кириловъ монастырь пріѣдетъ, а пріѣхавъ, похочетъ пострицца, и вы бъ ево постригли въ тѣ поры, какъ онъ похочетъ; а какъ ево пострижоте, и вы бъ о томъ отписали къ намъ къ Москве, а отписку

[454] Полный текстъ изустной памяти Ѳедора Ивановича Шереметева помѣщенъ въ концѣ настоящей книги, предъ указателемъ (см. выше примѣчаніе 367).

велѣли подать въ приказѣ Большаго Дворца боярину и дворецкому нашему князю Алексѣю Михайловичу Львову»[455].

Грамота эта доставлена въ Кирилловскую обитель 3 октября слугою Θедора Ивановича Шереметева Матвѣемъ Брянцовымъ.

---

[455] Подлинная грамота, въ числѣ другихъ документовъ, пріобрѣтена графомъ С. Д. Шереметевымъ отъ коммиссіонера императорскаго Общества любителей древней письменности П. В. Шибанова.

ГЛАВА XXII.

Въ приходо-расходной книгѣ Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря отмѣчено, что въ 1649 году прибылъ въ обитель «навсегда» бояринъ Ѳедоръ Ивановичъ Шереметевъ. Тогда-же онъ принялъ иноческій чинъ и нареченъ въ постригѣ Ѳеодосіемъ.

Но недолго носилъ смиренную иноческую рясу нашъ знаменитый дипломатъ XVII вѣка и главнѣйшій пособникъ воцаренія Романовыхъ. 17 февраля 1650 года, Ѳедоръ Ивановичъ Шереметевъ скончался въ схимѣ[456] и, согласно его завѣщанію, погребенъ подлѣ сына Алексѣя, подъ сводами древней паперти

[456] Архимандритъ Варлаамъ. Описаніе историко-археологическое древностей и рѣдкихъ вещей, находящихся въ Кирилло-Бѣлозерскомъ монастырѣ (Чтенія въ императорскомъ Обществѣ исторіи и древностей Россійскихъ. 1859 г. Кн. 3. Отд. I. стр. 82 и 91).

соборнаго Успенскаго храма Кирилловской обители.

Государственная дѣятельность почившаго инока-схимника Ѳеодосія запечатлѣна на страницахъ гражданской исторіи, а въ монастырскихъ и церковныхъ актахъ сохранилась неизгладимая память о его благочестивомъ усердіи къ церкви Божіей.

Въ свое время мы уже говорили о вотчинахъ, пожертвованныхъ Ѳедоромъ Ивановичемъ Шереметевымъ Кирилло-Бѣлозерскому монастырю, о его денежныхъ вкладахъ и объ устроенной имъ драгоцѣнной ракѣ надъ мощами чудотворца Кирилла. Но кромѣ того, старинныя описныя книги этой обители переполнены записями и о принесенныхъ Ѳедоромъ Ивановичемъ въ даръ разныхъ предметахъ церковной утвари и облаченій.

О богатствѣ этихъ приношеній можно судить по слѣдующимъ выдержкамъ изъ подлинной описи движимаго и недвижимаго имущества Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря[457],

---

[457] Описныя книги Кириллова Бѣлозерскаго монастыря 7176 (1668) года. Подлинная рукопись въ 4-ку, принадлежащая Павлу Ивановичу Савваитову. Листы: 135—137. 348 (на оборотѣ). 349 (на оборотѣ). 360. 366 (на оборотѣ). 373 (на оборотѣ). 378 (на оборотѣ). 384. 388. 445. 313.

составленной въ 1668 году (то есть 18 лѣтъ спустя послѣ смерти Ѳедора Ивановича Шереметева), по приказанію Вологодскаго архіепископа Симона, архимандритомъ Спасо-Каменнаго монастыря Евфросиномъ:

1) «Кіотъ малыя пядницы, створъ серебрянъ; на немъ праздники Владычни рѣзные золочены, а въ немъ образъ Пречистые Богородицы Одигитріе, вѣнецъ и цата и каруна и окладъ все золото чеканное, средина рѣзная златая жъ. По полямъ писанъ Василій Великій да Андрей Критскій; вѣнцы у нихъ рѣзные золоты жъ; да по полямъ пять дробницъ золоты жъ, на нихъ знаменовано чернью праздники Владычни. У Пречистые Богородицы въ карунѣ два камени яхонты лазоревы да три лалы въ гнѣздехъ, да на карунѣ пять жемчюговъ большихъ бурминскихъ на спнехъ; въ вѣнцѣ у Пречистые Богородицы три камени яхонты лазоревы да два изумруда въ гнѣздехъ да пять зернъ жемчюжныхъ бурминскихъ на спнехъ. У Спасова образа въ вѣнцѣ два камени лалы да два изумруда въ гнѣздехъ. У Пречистые Богородицы поднизь низана жемчюгомъ среднимъ, на ней привѣсочка золотая, въ ней бирюзка

да четыре зерна жемчюжные на спнехъ; да въ цатѣ два камени яхонты лазоревы, да камень лалъ въ гнѣздехъ, да четыре зерна бурминскихъ на спнехъ; ожерелейца сажены жемчюгомъ среднимъ, а въ нихъ три камени лалы да бирюза въ гнѣздехъ; по полямъ промежъ дробницъ четыре яхонты лазоревы да два изумруда въ гнѣздехъ златыхъ; около полъ сажено жемчюгомъ большимъ въ два ряды. Въ привѣскѣ панагія двойная раковинная (перломутровая); на ней Святая Троица да воплощеніе Сына Божія рѣзное, обложена золотомъ, съ надписью; во главѣ Спасовъ образъ нерукотворенной литое, а въ другой главѣ образъ Спасовъ рѣзной; около ее шесть жемчюшковъ на спнехъ, двѣ привѣски на концахъ золотые, въ нихъ по три зерна жемчюжныхъ, а у нихъ по три пряди жемчюжные среднего жемчюгу, по концомъ у коейждой пряди наконечники литые съ ѳиниѳты золотые; да серги съ привѣски золотые съ ѳиниѳты рѣзные, въ нихъ два изумруда да два лалы, да въ привѣскахъ двѣнатцать искорокъ каменныхъ розными цвѣты, да около ихъ и у привѣсковъ по концомъ десять жемчюговъ большихъ на спнехъ да золотая. Под-

ложенъ съ нижной страны серебромъ гладкимъ и съ золоченымъ. Даяніе боярина Ѳедора Ивановича Шереметева».

Описанная малая пядница, какъ назывались въ старину всѣ иконы менѣе одного аршина, которыя мѣрялись пядями или четвертями, была комнатною иконою Ѳедора Ивановича Шереметева. Обратимъ вниманіе на изображенія Василія Великаго и Андрея Критскаго: то были Ангелы дѣда и прадѣда Ѳедора Ивановича. Изображенія эти ясно указываютъ на древность иконы, которая могла быть заказана самимъ Андреемъ Константиновичемъ Шереметемъ. Полагаютъ, что хранящійся нынѣ въ ризницѣ Кириллова монастыря небольшой образъ Пресвятыя Богородицы Одигитріи, весьма древняго письма, есть та самая пядница, которая сейчасъ описана. Нѣкоторую же разницу въ украшеніяхъ объсняютъ измѣненіями, которымъ подвергалось убранство иконы, пожертвованной Ѳедоромъ Ивановичемъ Шереметевымъ[458].

---

[458] Архимандритъ Варлаамъ. Описаніе историко-археологическое древностей и рѣдкихъ вещей, находящихся въ Кирилло-Бѣлозерскомъ монастырѣ (Чтенія въ императорскомъ Обществѣ исторіи и древностей Россійскихъ. 1859. Кн. 3. Отд. I. стр. 20 и 91. примѣч. 61 и 62).

2) «Ризы отласъ золотной по зеленой землѣ съ розными шелки; оплечье шито золотомъ и серебромъ и шелки: Успеніе Пречистые Богородицы, да Преображеніе Господне, да Введеніе Пречистые Богородицы, да Деисусъ вдеветерѣ, около сажено жемчюгомъ; около оплечья вверху и внизу 78 дробницъ серебряныхъ, золочены, а на нихъ рѣзаны Праздники и Пророки и Святые; крестъ рѣзной позолоченъ, на немъ 4 камени червчаты, въ срединѣ бирюза, около креста веревочка жемчюжная; звѣзда серебряная и золочена, рѣзная, около веревочка жемчюжная, круживо ткано золотомъ и серебромъ. Даяніе боярина Ѳедора Ивановича Шереметева».

3) «Ризы, отласъ серебрянъ, травы по немъ золоты съ шелки розными; оплечье шито золотомъ и серебромъ по черному бархату; крестъ и звѣзда шиты золотомъ по черному жъ бархату; круживо золотое, плетеное по червчатому отласу. Даяніе боярина Ѳедора Ивановича Шереметева».

4) «Стихарь отласъ золотной, по зеленой землѣ травы шелки розные; оплечье аксамитъ золотной петлянъ по черному бархату; поручи бархатъ червчатъ съ золотомъ и съ

серебромъ; круживо ткано шелкъ съ золотомъ; уларь отласъ золотной съ шелки, у нево десять кистей шелкъ червчатъ и зеленъ съ золотомъ и съ серебромъ. Даяніе боярина Өедора Ивановича Шереметева».

5) «Стихарь подризный отласъ золотной по червчатой землѣ съ шелки; оплечье и поручи объярь золотная по зеленой землѣ; круживо отласъ зеленъ. Даяніе боярина Өедора Ивановича Шереметева».

6)«Поручи отласъ серебрянъ, обложены отласомъ червчатымъ, на нихъ десять пугвицъ серебряныхъ, грановиты, позолочены. Даяніе боярина Өедора Ивановича Шереметева».

7) «Патрахиль отласъ серебрянъ съ травами, оторочен червчатымъ отласомъ; на ней 15 пугвицъ серебряныхъ, шиповое дѣло, позолочены; у нее девять кистей шелкъ зеленъ и червчатъ и лазоревъ съ золотомъ и съ серебромъ. Даяніе боярина Өедора Ивановича Шереметева».

8) «Поясъ тканъ шелкъ зеленъ съ золотомъ и съ серебромъ, крестовой; варворки серебряные, литые, позолочены, съ камешками; пряжа и наконешникъ рѣзные, серебряные; четыре кисти золоты съ шелкомъ зеленымъ.

Даяніе боярина Өедора Ивановича Шереметева».

9) «Воздухъ Положеніе во гробъ Господа нашего Іисуса Христа, шито по червчатой камкѣ золотомъ и серебромъ и шелки, лѣтопись шита серебромъ, около вышито золотомъ: «Не рыдай мене Мати» по вишневой камкѣ, по угламъ Херувими; подложенъ дорогами червчатыми. Даяніе боярина Өедора Ивановича Шереметева».

10) «Спорокъ новой съ каөтана боярина Өедора Ивановича Шереметева камка вишневая копытчата».

11) «Блюдо да достоканъ серебряные, вѣсомъ полтора фунта слишкомъ; надпись на нихъ боярина Өедора Ивановича Шереметева».

Сверхъ этихъ щедрыхъ даяній, Өедоръ Ивановичь Шереметевъ, совмѣстно съ извѣстнымъ благотворителемъ дьякомъ Никифоромъ Ивановичемъ Шипулинымъ, украсилъ стѣннымъ писаніемъ главную соборную церковь и папертъ Кирилловой обители, на что издержано 1262 рубля 21 алтынъ[459], а по-

---

[459] Амвросій. Исторія Россійской іерархіи. Ч. IV. М. 1812. стр. 390.

слѣ его смерти, неизвѣстный жертвователь далъ обители «по старцѣ Ѳеодосіѣ Ивановичѣ Шереметевѣ подсвѣщникъ серебряный большей литейной, на немъ шесть яблоковъ серебряныхъ рѣзные; на верхней чашѣ и на поддонѣ черезъ лошку чеканное; незолоченъ»[460].

Должно полагать, что въ настоящее время въ Кирилло-Бѣлозерскомъ монастырѣ только рака надъ мощами преподобнаго Кирилла да образъ Пресвятой Богородицы Одигитріи остались вещественными памятниками усердія къ обители Ѳедора Ивановича Шереметева.

Въ послѣднюю четверть XVIII вѣка, при архимандритѣ Іакинѳѣ Карпинскомъ, нарушеніе неприкосновенности древнихъ сокровищъ Кирилловскаго монастыря и возмутительное оскорбленіе памяти ея благочестивыхъ вкладчиковъ выходило за предѣлы вѣроятнаго[461]. Мы уже упоминали мимоходомъ,

---

[460] Описныя книги Кириллова Бѣлозерскаго монастыря 7176 года (Рукопись, принадлежащая П. И. Савваитову). л. 314.

[461] Карпинскій управлялъ Кирилло-Бѣлозерскимъ монастыремъ съ 22 августа 1774 года по 27 іюня 1792, когда былъ переведенъ настоятелемъ въ Новгородскій Юрьевъ монастырь. Онъ умеръ 29 ноября 1798 года архимандритомъ Московскаго Новоспасскаго монастыря.

что, по существующему въ монастырѣ преданію, Карпинскій поднесъ князю Потемкину цѣлый четверикъ жемчугу и дорогихъ камней, снятыхъ имъ съ драгоцѣнныхъ облаченій и другихъ вещей; при этомъ случаѣ вѣроятно не были пощажены и нѣкоторыя вещи, пожертвованныя Өедоромъ Ивановичемъ Шереметевымъ. Въ 1785 году, значительное число монастырскихъ вещей, украшенныхъ дорогими камнями и оставленныхъ неприкосновенными самимъ Карпинскимъ, пересланы были въ Московскую Сѵнодальную Контору по требованію послѣдней. Въ приснопамятный двѣнадцатый годъ, Кирилло-Бѣлозерскій монастырь пожертвовалъ на государственное ополченіе 1 пудъ 17 фунтовъ 60 золотниковъ серебряной утвари и въ томъ числѣ стаканъ боярина Өедора Ивановича Шереметева съ надписью: «Достоканъ боярина Өедора Ивановича Шереметева, вѣсу въ немъ гривна, шесть золотниковъ». Въ 1818 и 1823 годахъ, уничтожены были «за ветхостью и излишествомъ» 334 иконы въ серебряныхъ окладахъ, 8 кіотовъ съ образами, 78 крестовъ, 23 панагіи, 21 складень и 11 облаченій, низанныхъ жемчугомъ; кромѣ того, собрано было

серебра изъ уничтоженныхъ священныхъ сосудовъ, блюдъ и другой утвари и выжеги полтора пуда, 13 золотниковъ. Наконецъ, въ 1830 году, при архимандритѣ Иннокентіи, снято было съ иконъ, крестовъ и панагій 240 драгоцѣнныхъ камней, 9226 зеренъ жемчугу, $62\frac{1}{2}$ золотника золота, и продано 2 пуда 13 фунтовъ 67 золотниковъ серебряной утвари и въ томъ числѣ вклады царя Ивана Васильевича Грознаго, бояриня Ѳедора Ивановича Шереметева и князя Ивана Ивановича Кубенскаго[462].

Легко себѣ представить, каковы были богатства Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря, если, даже и послѣ всѣхъ этихъ по-истинѣ варварскихъ опустошеній, его церкви и ризница и до-нынѣ заключаютъ въ себѣ еще очень много предметовъ, поражающихъ и цѣнностью и искусною работою.

Ѳедоръ Ивановичь Шереметевъ, усердствуя къ обители преподобнаго Кирилла Бѣлозерскаго, раздавалъ щедрою рукою вклады

---

[462] Архимандритъ Варлаамъ. Описаніе историко-археологическое древностей и рѣдкихъ вещей, находящихся въ Кирилло-Бѣлозерскомъ монастырѣ (Чтенія въ императорскомъ Обществѣ исторіи и древностей Россійскихъ. 1859. Кн. 3. Отд. I. стр. 3. 4. 84. 85. примѣч. 17. 19—21).

и во многіе другіе монастыри и церкви. Въ изустной памяти онъ назначилъ весьма значительную по тому времени сумму, 3000 рублей, въ раздачу 300 церквамъ; къ сожалѣнію, не сохранилось списка—какимъ именно церквамъ. По всѣмъ вѣроятіямъ, Өедоръ Ивановичь роздалъ соотвѣтственные сему вклады также и въ тѣ монастыри, въ синодики которыхъ записанъ его родъ на вѣчное поминаніе, а именно: въ Ипатіевскій, Іосифовъ Волоколамскій, Симоновъ, Новоспасскій, Андроньевъ, Переславскій Никитскій, а также въ Московскій Успенскій соборъ. Особенно замѣчательна поминальная запись Өедора Ивановича Шереметева въ древнемъ синодикѣ Переславскаго Никитскаго монастыря. Она начинается такъ: «Благовѣрнаго царя и великаго князя Іоанна Васильевича, во иноцѣхъ Іону; благовѣрнаго царя и великаго князя Феодора Іоанновича; благовѣрнаго царевича князя Іоанна Іоанновича; благовѣрную царицу и великую княгиню Анастасію; благовѣрную царицу Леониду». Послѣ имени сестры, Өедоръ Ивановичь исчисляетъ всѣхъ своихъ сродниковъ, начиная съ Өедора Андреевича Кошки и кончая своимъ сыномъ

младенцемъ Θеодоромъ[463]. Во вкладной книгѣ Никитскаго монастыря 1647 года записанъ и вкладъ Θедора Ивановича въ домъ чудотворца Никиты 50 рублевъ деньгами[464]. А во вкладной книгѣ Кириллова Новоезерскаго монастыря, подъ 12 числомъ іюля 1642 года— 30 рублевъ[465].

Множество вкладныхъ и разныхъ описныхъ монастырскихъ книгъ погибло навсегда, и мы лишены возможности представить болѣе подробныя свѣдѣнія о вкладахъ Θедора Ивановича Шереметева. Памятники давно минувшей Русской жизни, и письменные и вещественные, безслѣдно исчезаютъ у насъ на глазахъ и не только въ монастыряхъ, но даже у самихъ потомковъ нашихъ славныхъ дѣятелей временъ царей. Безъ сердечной боли нельзя вспомнить, напримѣръ, объ исчезновеніи переписки Θедора Ивановича Шереметева съ Филаретомъ Никитичемъ Романовымъ[466], собственноручнаго письма царя Михаила Θедоровича къ Θедору Ивановичу Ше-

---

[463] Древній синодикъ Переславскаго Никитскаго монастыря. л. 16.

[464] Вкладная книга того-же монастыря. л. 18.

[465] По выпискѣ, сообщенной А. Е. Викторовымъ изъ Вкладной книги Новоезерскаго монастыря (Петровскаго времени). л. 10.

[466] См. вторую книгу нашей исторіи, стр. 255—258.

реметеву[467], а также подлинныхъ писемъ къ разнымъ лицамъ рода Шереметевыхъ отъ особъ царствующаго дома съ 1638 по 1745 годъ, то есть за цѣлое столѣтіе слишкомъ! Письма эти, переплетенныя въ книгу съ кожанымъ переплетомъ, бережно хранились въ домѣ графа Шереметева и были цѣлы еще въ 1811 году[468]. Не далѣе какъ въ 1843 году, извѣстный археологъ Иванчинъ-Писаревъ видѣлъ еще слѣды дома Ѳедора Ивановича Шереметева въ Коломенскомъ селѣ Ѳедоровскомъ; онъ видѣлъ также въ этомъ селѣ слѣды первобытной Николаевской деревянной церкви, именно крестъ съ каменнымъ подножіемъ, означавшимъ мѣсто бывшаго престола, а неподалеку надгробный камень, подъ которымъ, по разсказу стариковъ, похороненъ вѣрный слуга Ѳедора Ивановича Шереметева, его спутникъ въ бояхъ и походахъ. Иванчину-Писареву показывали также въ нынѣшнемъ каменномъ Николаев-

---

[467] Историкъ Татищевъ самъ видѣлъ это письмо у князя Дмитрія Михайловича Голицына. Оно писано киноварью (Судебникъ государя царя и великаго князя Іоанна Васильевича. М. 1768. стр. 130).

[468] Дѣло конторскаго архива графа С. Д. Шереметева «о найденныхъ опекуномъ Прокофіемъ Михайловичемъ Духовницкимъ бумагахъ, относящихся до графовъ Шереметевыхъ, князей Черкасскихъ и о разныхъ обстоятельствахъ». 1811 г. № 15.

скомъ храмѣ села Ѳедоровскаго вкладъ Ѳедора Ивановича Шереметева — рѣзную кипарисную дарохранительницу, изображавшую Распятіе съ предстоящими Богоматерью и Іоанномъ Предтечею, замѣчательно искусной отдѣлки[469]. Отъ всего этого въ настоящее время не осталось даже и признаковъ, и самое село давно уже вышло изъ рода Шереметевыхъ.

Въ одинъ годъ съ Ѳедоромъ Ивановичемъ Шереметевымъ скончался и его младшій племянникъ Борисъ Петровичъ Шереметевъ, владѣлецъ сосѣдняго съ селомъ Ѳедоровскимъ, села Чиркина. Онъ умеръ въ Москвѣ, состоя въ званіи боярина и дворецкаго[470]. Въ апрѣлѣ 1650 года онъ былъ еще совершенно здоровъ и въ началѣ этого мѣсяца три раза обѣдалъ у государя и у патріарха Іосифа. Такъ, 1 апрѣля, въ день Ангела царицы Марьи Ильинишны, онъ обѣдалъ у государя, вмѣстѣ съ братомъ Васильемъ Петровичемъ и княземъ Яковомъ Куденетовичемъ Черкасскимъ, и принималъ участіе въ мѣст-

---

[469] Иванчинъ-Писаревъ. Прогулка по древнему Коломенскому уѣзду. М. 1843. стр. 63—65 и 68.

[470] Древняя Россійская вивліоѳика. Ч. XX. М. 1791. стр. 106.

нической стычкѣ, возникшей между стольниками княземъ Ѳедоромъ Никитичемъ Одоевскимъ и Петромъ Ивановичемъ Годуновымъ, изъ которыхъ первому назначено было смотрѣть въ большой столъ, а послѣднему — въ кривой столъ. Годуновъ, не желая быть ниже князя Одоевскаго, «схоронился», и вмѣсто него смотрѣлъ въ кривой столъ стольникъ Ѳедоръ Михайловичъ Лодыженскій. Когда Годунова отыскали, онъ объяснилъ, что ему невмѣстно быть съ княземъ Ѳедоромъ Одоевскимъ, потому что на отца его, боярина князя Никиту Ивановичу Одоевскаго, билъ челомъ покойный бояринъ Иванъ Петровичъ Шереметевъ, а Шереметевы-де бывали съ ними, Годуновыми. Тогда оба Шереметевы, Василій и Борисъ Петровичи, «ставъ изъ-за стола, били челомъ государю на Петра Годунова о безчестьѣ, что-де онъ, Петръ Годуновъ, бьетъ челомъ на князь Ѳедора Одоевскаго, а ему, Годунову, не токмо съ Одоевскими и съ ними, Шереметевыми, быть мочно, и тѣмъ ихъ Петръ Годуновъ безчеститъ». Послѣ стола Годунову объявлено было, что ему можно быть меньше князя Ѳедора Одоевскаго многими мѣстами, и что за бездѣльное челобитье

государь указалъ его бить батогами въ Разрядѣ. На третій день, по указу государя и по приговору бояръ, думный разрядный дьякъ Семенъ Заборовскій сказалъ Годунову, что ему «меньше Шереметевыхъ всегда быть мочно» и что за безчестье Шереметевыхъ приказано послать его въ тюрьму[471].

Въ Вербное Воскресенье Борисъ Петровичь Шереметевъ обѣдалъ опять вмѣстѣ съ братомъ Васильемъ Петровичемъ, у патріарха Іосифа, а на первый день пасхи (14 апрѣля) — у государя[472]; послѣ того онъ уже не пріѣзжалъ ко двору и скончался, по всѣмъ вѣроятіямъ, въ концѣ апрѣля или началѣ мая.

Можетъ быть Борисъ Петровичь Шереметевъ похороненъ въ своемъ родовомъ Коломенскомъ селѣ Чиркинѣ. Правда, въ настоящее время, тамъ сохранилась одна только гробница его сына Василья Борисовича; но, по свидѣтельству Иванчина-Писарева, при Чиркинской Васильевской церкви были погребены и другія лица рода Шереметевыхъ. Къ сожалѣнію, еще въ прошломъ столѣтіи надгробные камни съ ихъ могилъ сняты и

---

[471] Дворцовые разряды. Т. III. Спб. 1852. столб. 153—155.
[472] Тамъ-же, стр. 156 и 158.

пошли на разные подѣлки[473]. Мы сами слышали въ Чиркинѣ отъ старика-діакона, что на одномъ изъ этихъ камней, лежащемъ на самомъ порогѣ Васильевской церкви, еще недавно можно было разглядѣть начертанія буквъ надгробной надписи[474].

Борисъ Петровичъ Шереметевъ, за нѣсколько мѣсяцевъ до кончины, сочетался вторымъ бракомъ съ княжною Ульяною Петровною Пронскою[475]. Онъ не имѣлъ утѣшенія

---

[473] Иванчинъ-Писаревъ. Прогулка по древнему Коломенскому уѣзду. М. 1843. стр. 76.

[474] Въ Московской Оружейной палатѣ, въ числѣ многихъ другихъ сокровищъ древности, хранится, такъ называемая, «шапка Ерихонская Кучюмовская», поднесенная царю Алексѣю Михайловичу бояриномъ Борисомъ Петровичемъ Шереметевымъ. Въ переписной книгѣ царской Оружейной казны 1687 года отмѣчено, что «въ прежнихъ переписныхъ книгахъ написано по сказкѣ мастеровъ: бывала та шапка Кучюмовская; ударилъ челомъ государю Борисъ Петровичъ Шереметевъ». Какимъ путемъ досталась Шереметеву шапка знаменитаго Сибирскаго владѣтеля Кучума, когда и при какихъ обстоятельствахъ поднесена она государю — неизвѣстно. Эта шапка или шлемъ едва-ли не впервые показана росписи походной казны царя Алексѣя Михайловича 1654—1656 г. подъ № 6 и описана такъ: «Шапка Кучюмовская булатная гладкая, по ней наведены золотомъ травы чеадайскіе размѣтные; вѣнецъ серебреной чеканной, а въ вѣнцѣ 12 камышковъ смазней, яхонтикъ да лаликъ; уши наведены золотомъ, а въ нихъ 2 лала въ гнѣздахъ серебреныхъ, около ушей обложено серебромъ золоченымъ, по серебру вставливаны ѳиниски и бирюски; затылокъ гладкій; на носу зерно каѳимское; на верху трубка золотая съ ѳиниѳтью. Вѣсу въ ней 4 фунта 45 золотниковъ» (Опись вещамъ Оружейной палаты. № 4414, а по Яковлевской описи № 3790).

[475] Архивъ графа С. Д. Шереметева. № 193.

проститься съ своимъ единственнымъ сыномъ Васильемъ Борисовичемъ, отправленнымъ, какъ сказано выше, еще въ маѣ мѣсяцѣ 1649 года на воеводство въ Тобольскъ.

ГЛАВА XXIII.

Василью Борисовичу Шереметеву не первому изъ своей семьи пришлось ѣхать на службу въ отдаленную Сибирь. Безъ малаго пятьдесятъ лѣтъ назадъ, при царѣ Борисѣ, въ годину преслѣдованія Романовыхъ и ихъ сродниковъ, въ тотъ-же Тобольскъ, назначенъ былъ воеводою Ѳедоръ Ивановичъ Шереметевъ. Но для послѣдняго эта служба имѣла смыслъ почетной ссылки, тогда какъ для Василья Борисовича назначеніе въ Тобольскъ было знакомъ милости и довѣрія царя Алексѣя Михайловича, твердо рѣшившагося улучшить правленіе строгимъ выборомъ лицъ на воеводскія мѣста. Особенно нуждались въ этомъ такія отдаленныя области, какъ Сибирь, гдѣ хищничество воеводъ

и дьяковъ дошло до того, что они «для своего воровскаго умыслу и бездѣльной корысти» открыто поставили заставы многія и со всѣхъ проѣзжихъ торговцевъ «имали себѣ насильствомъ съ товаровъ ихъ съ тысячи по сороку рублевъ, а съ мелкихъ со ста по четыре рубли». Въ одномъ оффиціальномъ актѣ прямо сказано, что «торговые и промышленные люди отъ тѣхъ воеводъ обнищали, и торговъ своихъ и промысловъ отбыли, и въ конецъ погибли»[476]. Сибиряки напрасно взывали къ государю объ избавленіи ихъ «отъ воеводскаго задержанія и грабежа и насильства». Отдаленность края и трудность сообщеній ослабляли силу самыхъ строгихъ и рѣшительныхъ мѣропріятій, и у правительства оставалось едва-ли не единственное дѣйствительное средство хотя на сколько нибудь остановить злоупотребленія, это — порученіе Сибирскихъ воеводствъ людямъ хорошо ему извѣстнымъ своею благонадежностью.

При такихъ-то условіяхъ состоялось назначеніе Василья Борисовича Шереметева на должность воеводы въ Тобольскъ, называв-

[476] Акты историческіе, собранные Археографическою коммиссіею. Т. IV. Спб. 1842. № 8.

шійся «разрядомъ», то есть главнымъ областнымъ городомъ, которому были подвѣдомы середнія и малыя воеводства: Верхотурское, Пелымское, Туринское, Тюменьское, Тарское, Сургутское, Березовское и Мангазейское со всѣми слободами, острогами и зимовьями[477]. Въ числѣ подчиненныхъ Василья Борисовича оказался, между прочимъ, отецъ несчастной невѣсты государя, Рафъ Родіоновичъ Всеволожскій, сидѣвшій воеводою въ городѣ Верхотурьѣ, который въ то время былъ какъ-бы входными дверьми въ Сибирь. Здѣсь находилась таможня, взимавшая пошлины съ купеческихъ товаровъ, привозимыхъ въ Сибирь и съ вывозимыхъ въ Россію, здѣсь же выдавались проѣзжія грамоты, а въ-послѣдствіи досматривали проѣзжавшихъ въ Сибирь служилыхъ людей, наблюдая, чтобы при нихъ было имущества не болѣе какъ на 500 рублей, и за тѣмъ, при возвращеніи въ Россію, они подвергались новому досмотру, и все, что оказывалось въ ихъ имуществѣ сверхъ установленной нормы, отбиралось въ казну, какъ неправильный прибытокъ. Такихъ досмотровъ

[477] Словцовъ. Историческое обозрѣніе Сибири. Кн. 1. М. 1838. стр. 60.

еще не производили въ ту пору, какъ слѣдовалъ на воеводство Василій Борисовичь Шереметевъ, и онъ свободно проѣхалъ Верхотурье на 25-ти подводахъ, обыкновенно отпускавшихся изъ казны Тобольскимъ большимъ воеводамъ.

Въ трудное время довелось Шереметеву управлять Тобольскимъ разрядомъ или, по нынѣшнему, Западною Сибирью. Самый городъ Тобольскъ, почитавшійся «отмѣнно красивымъ городомъ», лѣтъ за пять до его пріѣзда выгорѣлъ, и лишь въ 1646 году былъ срубленъ на крутомъ берегу Иртыша новый деревянный городъ о десяти башняхъ; въ новомъ городѣ не успѣли еще отстроить ни святительскаго, ни воеводскаго домовъ, сгорѣвшихъ до основанія. Архіепископъ Тобольскій Герасимъ временно проживалъ въ Знаменскомъ монастырѣ, а Василью Борисовичу Шереметеву, по всѣмъ вѣроятіямъ, пришлось помѣститься въ одномъ изъ уцѣлѣвшихъ мірскихъ дворовъ. Въ съѣзжей избѣ, замѣнившей сгорѣвшій Приказъ, еще производились пытки по старому дѣлу объ «изгибшей государевой казнѣ». Производились розыски о растраченныхъ 4784 рубляхъ денегъ, также

хлѣбныхъ и разныхъ другихъ запасовъ, какъ-то: вина, меда, воска, каната и холста. То были грѣхи прежняго воеводскаго управленія временъ князя Петра Ивановича Пронскаго. Въ городѣ еще проживали его товарищи дьяки Иванъ Трофимовъ и Андрей Галкинъ, которыхъ ежедневно ставили на правежъ вмѣстѣ съ замѣшанными въ дѣло посадскими людьми[478].

Вновь срубленный начальный городъ Сибири былъ въ постоянномъ страхѣ отъ набѣга Калмыковъ, прикочевавшихъ въ двадцатыхъ годахъ XVII столѣтія изъ глубины Средней Азіи къ южнымъ степямъ Тобольскаго разряда. Калмыки, тѣснимые съ двухъ сторонъ Татарами и Киргизами, уже опознали пути къ Русскимъ поселеніямъ и за послѣднее время стали страшною грозою для нашего владычества въ Сибири. Со времени появленія Калмыковъ, все туземное ясачное населеніе пришло въ волненіе и смотрѣло на пришлыхъ кочевниковъ какъ на освободителей отъ Русскаго ясака. Волненіе поддерживалось еще бродившими въ степяхъ внуча-

[478] Миллеръ. Записки къ исторіи Сибирской служащія (Древняя Россійская вивліоѳика. Ч. VI. Спб. 1774. стр. 251. 254. 257. 261).

тами Кучума, не перестававшими считать Сибирь своею отчиной и дѣдиной. А между тѣмъ, даже и въ средѣ самихъ Русскихъ поселенцевъ Василій Борисовичь Шереметевъ не могъ встрѣтить достаточно сильной нравственной поддержки въ борьбѣ со всѣми этими враждебными стремленіями и притязаніями. Казаки, стрѣльцы и разные служилые люди изъ ссыльныхъ, а также крестьяне, во множествѣ переселявшіеся съ береговъ Сѣверной Двины, Вычегды, Юга и Сухоны, проживая въ отдаленныхъ отъ центра управленія городкахъ, острогахъ и зимовьяхъ, среди туземнаго языческаго населенія мало по малу усвояли ихъ міросозерцаніе, обычаи и нравы, а вмѣстѣ съ тѣмъ конечно теряли увѣренность въ прочность Русскаго владычества въ Сибири. Духовная власть, въ лицѣ архіепископа Тобольскаго, отдаленная отъ разбитой огромными пространствами паствы, не въ силахъ была удерживать православныхъ поселенцевъ отъ опаснаго и въ политическомъ отношеніи общенія съ язычниками и руководить ихъ религіознымъ развитіемъ.

Одно изъ первыхъ распоряженій Василья Борисовича Шереметева касалось именно

этой стороны быта Русскихъ людей, заброшенныхъ судьбою въ страну шаманства и всякаго чародѣйства. Осенью 1649 года, онъ разослалъ по всѣмъ Сибирскимъ городамъ и острогамъ Тобольскаго разряда отписки, въ которыхъ словами царскаго указа поставлялъ на видъ подчиненнымъ воеводамъ нижеслѣдующее: «Вѣдомо учинилось, что въ Сибири, въ Тоболску и въ иныхъ Сибирскихъ городѣхъ и въ уѣздѣхъ, мірскіе всякихъ чиновъ люди и жены ихъ и дѣти въ воскресенье и въ господьскіе дни и великихъ Святыхъ, во время святаго пѣнія къ церквамъ Божіимъ не ходятъ, и умножилось въ людехъ во всякихъ пьянство и всякое мятежное бѣсовское дѣйство, глумленіе и скоморошество со всякими бѣсовскими играми; и отъ тѣхъ сатаниныхъ учениковъ въ православныхъ христіанехъ учинилось многое неистовство: многіе люди, забывъ Бога и православную хрестьянскую вѣру, тѣмъ прелестникомъ, скоморохомъ послѣдствуютъ, на безчинное ихъ прелщеніе сходятся по вечерамъ на позорища, и на улицахъ и на поляхъ богомерзкихъ ихъ и скверныхъ пѣсней и всякихъ бѣсовскихъ игръ слушаютъ, мужского и жен-

ского полу, въ городѣхъ и въ уѣздѣхъ, бываютъ со многимъ чародѣйствомъ и волхованіемъ и многихъ людей тѣмъ своимъ чародѣйствомъ прелщаютъ; а иные люди тѣхъ чародѣевъ и волхвовъ и богомерзкихъ бабъ въ домъ себѣ призываютъ и къ малымъ дѣтемъ, и тѣ волхвы надъ болными и надъ младенцы чинятъ всякое бѣсовское волхованіе и отъ правовѣрія православныхъ крестьянъ отлучаютъ; да въ городѣхъ же и въ уѣздѣхъ отъ прелестниковъ и отъ малоумныхъ людей дѣлается бѣсовское сонмище: сходятся многіе люди мужского и женского полу по зорямъ и въ ночи чародѣйствуютъ, съ солнычного схода перваго дни луны смотрятъ и въ громное громленіе на рѣкахъ и въ озерахъ купаются, чаютъ себѣ отъ того здравія, и съ серебра умываются, и медвѣди водятъ и съ собачками пляшутъ, и зернью и карты и шахматы и лодыгами играютъ, и чинятъ безчинное скаканіе и плясаніе, и поютъ бѣсовскіе пѣсни, и на Святой недѣли жонки и дѣвки на доскахъ скачутъ; а о Рожествѣ Христовѣ и до Богоявленьева дни сходятся мужского и женского полу многіе люди въ бѣсовское сонмище, по дьяволской прелести,

во многое бѣсовское дѣйство, играютъ во всякіе бѣсовскіе игры; а въ навечеріе Рожества Христова и Васильева дни и Богоявленія Господня клички бѣсовскіе кличутъ: Коледу и Таусень и Плуту; и многіе человѣцы неразумьемъ вѣруютъ въ сонъ, и въ встрѣчю, и въ полазъ, и въ птичей грай, и загадки загадываютъ, и сказки сказываютъ небылые, и празднословіемъ и смѣхотвореніемъ и кощунаніемъ души свои губятъ такими помраченными и беззаконными дѣлами, и накладываютъ на себя личины и платье скоморожское, межъ себя нарядя бѣсовскую кобылку водятъ; и въ такихъ позорищахъ своихъ многіе люди въ блудъ впадаютъ, и незапною смертью умираютъ, и въ той прелести христіяне погибаютъ, и съ качели многіе убиваются до смерти. Да въ городѣхъ же и у уѣздныхъ людей у многихъ бываютъ на свадбахъ всякіе безчинники и сквернословцы и скоморохи, со всякими бѣсовскими игры, и уклоняются православные христіяне къ бѣсовскимъ прелестямъ и ко пьянству; а отцовъ духовныхъ, и по приходомъ поповъ, и учителныхъ людей наказанья не слушаютъ; и за наказанье отцомъ духовнымъ и приходскимъ

попомъ и учителнымъ людемъ поруганіе и укоризну и безчестье и налогъ дѣлаютъ». Василій Борисовичь Шереметевъ именемъ царскаго величества приказывалъ воеводамъ строго наблюсти, чтобы православные христіяне отъ всѣхъ тѣхъ богомерзкихъ дѣлъ и бѣсовскаго дѣйства отстали[479].

Воеводы середнихъ и малыхъ городовъ и слободскіе прикащики Тобольскаго разряда не по единожды вычитывали вслухъ у церквей отписку новаго Тобольскаго воеводы, били батогами ослушниковъ; но чародѣйныя игры и бѣсовскія дѣйства не прекращались и мѣстами сохранились даже и до нашихъ дней.

Сближеніе Русскихъ поселенцевъ съ туземнымъ населеніемъ имѣло однако и свою выгодную сторону, въ значительной мѣрѣ способствуя развитію Сибирской торговли. Тобольскъ, въ пору прибытія туда Василья Борисовича Шереметева, былъ уже важнѣйшимъ торговымъ пунктомъ въ краѣ: здѣсь сосредоточивалась вся хлѣбная торговля; сюда стекалось одной «соболиной и всякой мягкой казны» приблизительно на 600.000

---

[479] Акты историческіе, собранные Археографическою коммиссіею. Т. IV. Спб. 1842. № 35.

рублей ежегодно [480]; сюда же пріѣзжали и Бухарцы съ своими товарами, которые раскупались Московскими купцами для Ирбитской ярмарки, уже въ 1649 году привлекавшей множество промышленниковъ и торговцевъ изъ Россіи и Средней Азіи[481]. Сами Калмыки пользовались торговлей какъ благовиднымъ предлогомъ для непрошенныхъ посѣщеній Русскихъ поселеній: пригнавъ для продажи нѣсколько лошадей и прочей животины, они высматривали мѣста, затѣмъ, улучивъ время, налетали на беззащитныхъ поселянъ и, предавъ огню и мечу ихъ жилища и семьи, уносились въ свои улусы съ награбленными пожитками и съ полономъ.

Насколько незначительны были наши средства обороны отъ этихъ хищническихъ набѣговъ, можно судить по тому, что для защиты всей Барабинской степи, подчиненный Шереметеву городъ Тара иногда не могъ выставить болѣе 80 казаковъ[482]! Тоже самое было и въ другихъ городахъ. Такъ, 19 іюня

---

480 Котошихинъ. О Россіи въ царствованіе Алексѣя Михайловича. Изд. 2. Спб. 1859. стр. 77.

481 Костомаровъ. Очеркъ торговли Московскаго государства въ XVI и XVII столѣтіяхъ. Спб. 1862. стр. 113—116.

482 Соловьевъ. Исторія Россіи. Т. XII. М. 1862. стр. 302.

1649 года, Василій Борисовичь Шереметевъ писалъ въ Тюмень къ воеводѣ Сильвестру Александровичу Чеглокову, что, по полученнымъ въ Тобольскѣ изъ Калмыцкихъ улусовъ вѣстямъ, Кучумовъ внукъ, царевичь Бугай, присылалъ къ брату своему царевичу Девлетъ-Гирею «и звалъ-де ево подъ Сибирскіе городы войною; да и тайши-де Калмыцкіе къ нему жъ Девлетъ-Гирею людей своихъ присылали, а зовутъ-де ево воевать Сибирскіе жъ городы и уѣзды и волости, а хотятъ-де итти войною подъ городы и на уѣзды лѣтнимъ путемъ въ то время, какъ Русскіе люди учнутъ пашни пахать и сѣно косить и жать»[483]. Шереметевъ поручилъ Чеглокову сообщить объ этомъ Туринскому воеводѣ Василью Борисовичу Кокореву, «чтобы и въ Туринскомъ острогѣ тѣ вѣсти были вѣдомы и жили бы съ

---

[483] Свѣдѣнія о Сибирской службѣ Василья Борисовича Шереметева извлечены нами, благодаря содѣйствію правителя дѣлъ Археографической коммиссіи Александра Ильича Тимоѳеева, изъ такъ называемыхъ «портфелей Миллера», принадлежащихъ императорской Академіи наукъ. Болѣе тридцати рукописныхъ фоліантовъ, входящихъ въ составъ портфелей, наполнены исключительно списками съ подлинныхъ столбцовъ Сибирскихъ архивовъ, снятыми для исторіографа Миллера, во время его десятилѣтняго путешествія по Сибири, съ 1733 по 1743 годъ. Изъ этого драгоцѣннаго собранія, дающаго неизчерпаемый матеріалъ для исторіи Сибирскаго края, покамѣстъ намъ понадобился только фоліантъ № 11, имѣющій на корешкѣ слѣдующую надпись: «Списки Тоболской архивы. Часть I».

великимъ береженьемъ». Но Кокоревъ тотчасъ-же послалъ отписку на имя Василья Борисовича Шереметева, въ которой просилъ отписать къ нему для вѣдома, кѣмъ же будетъ оберегаемъ Туринскій острогъ и уѣздъ отъ Калмыцкихъ воинскихъ людей и кого посылать на вѣсти и проѣзжія станицы, такъ какъ весь его отрядъ былъ въ расходѣ: «А въ Туринскомъ, господине, служилыхъ людей и съ пушкари 56 человѣкъ, изъ того числа посланы изъ Туринскаго къ государю къ Москвѣ съ государевою ясачною казною служилыхъ людей 4 человѣка, да за Верхотурскими хлѣбными запасы въ Тоболескъ 20 человѣкъ и іюня по 24 число въ Туринской острогъ тѣ служилые люди не бывали; да въ Туринской уѣздъ на заставы посылаетца служилыхъ же людей по 5 человѣкъ и болши, за опалными людми въ провожатыхъ по 10 человѣкъ; а которые служилые люди отъ службъ остаютца въ Туринскомъ острогѣ, и тѣ безпрестанно на острогѣ караулы караулятъ; а въ проѣзжіе станицы изъ Туринского по Калмыцкимъ вѣстемъ посылать некого, потому что въ Туринскомъ конныхъ служилыхъ людей нѣтъ и оберечь будетъ Туринского

острогу и уѣзду некѣмъ». Кокоревъ снималъ съ себя всякую отвѣтственность за послѣдствія: «А что, господине, отъ Калмыцкихъ воинскихъ людей надъ Туринскимъ острогомъ и надъ уѣздомъ безъ служилыхъ людей которое дурно учинитца, и мнѣ бы отъ государя царя и великаго князя Алексѣя Михайловича всея Русіи въ опалѣ не быть»[484].

Малочисленность служилыхъ людей въ Сибирскихъ городахъ возмѣщалась превосходствомъ ихъ вооруженія: огненный бой нѣсколькихъ казаковъ могъ привести въ ужасъ и смятеніе цѣлое полчище кочевниковъ съ лучнымъ боемъ.

Но было еще одно обстоятельство, весьма благопріятствовавшее успѣху нашей борьбы съ Калмыками—это раздоры между ихъ тайшами или владѣльцами отдѣльныхъ улусовъ. Раздоры эти были продолженіемъ междоусобицъ, пригнавшихъ Калмыковъ къ Сибирской окраинѣ. Тобольскіе воеводы искусно пользовались несогласіями тайшей и помощью дешевыхъ поминковъ успѣли привлечь на свою сторону самаго главнаго тайшу или конъ-тайшу Юрденя, который, доби-

[484] Списки Тоболской архивы. Ч. I. л. 135 на оборотѣ и 136.

ваясь власти надъ сосѣдними улусами, старался разными услугами поддерживать дружбу съ Тобольскимъ большимъ воеводою.

Еще предмѣстникъ Василья Борисовича Шереметева, Иванъ Ивановичь Салтыковъ, послалъ къ контайшѣ Тобольскихъ служилыхъ людей Ѳедьку Иванова да юртовскаго Татарина Байбагишку Якшигулова съ царскимъ жалованьемъ полчетверти аршина сукна лазореваго. Посланцы вернулись лишь 29 іюля 1649 года, то есть мѣсяцъ спустя послѣ того, какъ Шереметевъ получилъ безнадежную отписку Туринскаго воеводы о неимѣніи людей для береженія отъ прихода Калмыковъ. Въ тотъ-же день Василій Борисовичь, въ присутствіи своихъ товарищей, Тимоѳея Дмитріевича Лодыгина и дьяковъ Третьяка Васильева и Василья Атарскаго, въ съѣзжей избѣ допросилъ посланцевъ, которые показали, что они шли изъ Тобольска до Калмыцкихъ улусовъ четыре недѣли и наѣхали контайшинъ улусъ на урочищѣ на Иргизѣ. Контайша принялъ государево жалованье честно и на государской милости билъ челомъ. Посланцы жили у контайши въ улусѣ семь мѣсяцевъ и слышали, что кон-

тайша Юрдень съ тайшами Урлукомъ и Каракулемъ межъ собою «воюютца»; при нихъ пріѣзжали къ Юрденю многіе тайши для миру, чтобъ помирить его съ Урлукомъ и Каракулемъ, но тотъ мириться не захотѣлъ. Далѣе посланцы показали, что, живучи въ улусахъ, они не слыхали о войнѣ на государевы городы и на слободы и на уѣзды и на волости ни отъ контайши Юрденя и отъ его улусныхъ людей, ни отъ иныхъ тайшей.

Хитрый контайша не пустилъ нашихъ посланцевъ прямо степью въ Тобольскъ, отговариваясь тѣмъ, что Урлукъ сбилъ его съ кочевьевъ. Они должны были отправиться въ сопровожденіи 200 человѣкъ Калмыковъ, пословъ, кашеваровъ и торговыхъ людей, въ Уфу, и за тѣмъ возвратились въ Тобольскъ «по Казанской дорогѣ, по которой ѣздятъ изъ Тоболска и съ Тюмени Русскіе люди и Татарове въ Казань съ товары»[485]. Такія-же предосторожности наблюдались и съ нашей стороны. Еще при Салтыковѣ присланъ былъ изъ Москвы царскій указъ «накрѣпко смотрѣть того, какъ бы Калмыцкихъ тайшей отъ того отвесть, чтобъ они на Тюмень пословъ

[485] Списки Тоболской архивы. Ч. I. л. 131 и 132.

своихъ ни о какихъ дѣлѣхъ не присылали для того, чтобъ имъ Тюменскихъ мѣстъ и нашихъ слободъ не знать и воинской бы ихъ приходъ на тѣ слободы тѣмъ унять; а присылали бы они, Калмыцкіе тайши, о всякихъ дѣлѣхъ пословъ своихъ съ продажными лошадми и скотомъ въ Тоболескъ».

Но въ первый же годъ воеводства Василья Борисовича Шереметева Тюменьскій воевода Чеглоковъ отписалъ въ Тобольскъ, что 19 іюня и 16 іюля «приходили на Тюмень на Пышму рѣку отъ Калмыцкаго тайши Тоюна Убаши посолъ Урусъ съ 12 товарищами, да отъ тайши Кунь-деленя 10 человѣкъ торговыхъ Калмыковъ съ продажными лошадми». Когда посламъ сказали, чтобы шли въ Тобольскъ, они отвѣтили, что «посланы отъ тайшей на Тюмень, а не въ Тобольскъ, и били челомъ, чтобъ ихъ съ торгомъ принять на Тюмени и дать имъ торгъ поволной; а только-де ихъ на Тюмени не примутъ, и имъ-де совсѣмъ итти назадъ къ тайшамъ своимъ въ Калмыки, а въ Тоболескъ не хаживать». Чеглоковъ спрашивалъ Василья Борисовича Шереметева, какъ поступить ему въ данномъ случаѣ, давать-ли Кал-

мыцкимъ посламъ торгъ на Тюмени? Шереметевъ категорически отвѣтилъ Чеглокову, «чтобы онъ тѣмъ Калмыцкимъ посломъ учинилъ противъ царскаго указу», то есть отослалъ бы ихъ въ Тобольскъ. На новое требованіе выѣхать изъ Тюмени, Калмыцкіе послы Урусъ съ товарищами опять били челомъ, «чтобы велѣли имъ торговать по прежнему на Тюмени; а будетъ имъ на Тюмени торгу не дадутъ, и они-де, пометавъ свои лошади, пойдутъ къ себѣ въ Калмыки, а въ Тоболескъ не пойдутъ». Чеглоковъ, опасаясь, чтобы изъ-за всего этого «отъ Калмыцкихъ тайшей задору не было», рѣшился дозволить Калмыкамъ «торговать противъ прежняго у Андреевскаго озера», верстахъ въ 15 отъ города, и за тѣмъ, «когда Калмыцкіе послы Урусъ съ товарищами исторговались, отпустилъ ихъ въ Калмыцкіе улусы тѣми-же мѣсты, которыми они на Тюмень пришли». Василій Борисовичь Шереметевъ узналъ объ этомъ совершенно случайно отъ пріѣзжихъ изъ Тюмени въ Тобольскъ служилыхъ людей и тотчасъ же отписалъ обо всемъ къ государю, присовокупляя, что Чеглоковъ не писывалъ ему о разрѣшенномъ, вопреки цар-

скаго указа, торгѣ, и что если и «впредь на Тюменскіе мѣста учнутъ приходить съ торгомъ многіе Калмыцкіе люди и на тѣхъ торгехъ обманомъ надъ нашими людми, которые съ ними торговать учнутъ, учинятъ какое дурно, и ему бы, Шереметеву, отъ великаго государя въ томъ въ опалѣ не быть».

Но въ Москвѣ, по видимому, одобрили распоряженіе Чеглокова. Въ царской грамотѣ на имя Василья Борисовича Шереметева, отъ 21 января 1650 года, въ отвѣтъ на его отписку, сказано, что Чеглокову приказано писать въ Тобольскъ о всѣхъ приходахъ на Тюмень Калмыцкихъ и торговыхъ людей, и чтобы онъ, Шереметевъ, «о Тюменскихъ Калмыцкихъ торгехъ и о послехъ высматривалъ горазно накрѣпко, и дѣлами о тѣхъ торгехъ и послехъ примѣрялъ къ прежнему, и смотря по тамошнему дѣлу, чтобъ однолично тѣмъ высмотромъ государеву дѣлу ни въ чемъ никакой порухи не бывало, и за тѣ бъ Тюменскіе Калмыцкіе торги съ Калмыцкими тайши и съ ихъ улусными людми ссоры не учинить и на наши Сибирскіе городы и уѣзды напрасные войны не навесть»[486].

---

[486] Списки Тоболской архивы. Ч. I. л. 132—135.

Московское правительство и въ наказахъ Сибирскимъ воеводамъ предписывало «съ Калмыцкими людьми задору не всчинать»[487]. Вѣроятно это и послужило Чеглокову основаніемъ къ уступкѣ настойчивому требованію Калмыцкихъ тайшей.

Но Шереметевъ не даромъ далъ уклончивый отвѣтъ на счетъ повольнаго торга у Тюмени. Въ мартѣ мѣсяцѣ того-же 1650 года ему пришлось уже отписывать въ Москву о проискахъ Кучумовыхъ внучатъ Девлетъ-Гирея, Бугая и ихъ племянниковъ, которые главнымъ образомъ и подбивали тайшей къ требованію свободнаго торга въ Тюменьскихъ мѣстахъ, особенно дорогихъ для нихъ по воспоминаніямъ о предкахъ Кучумовичахъ, погребенныхъ въ полуторѣ верстѣ отъ Тюмени, внизъ по рѣкѣ Турѣ[488]. Добившись свободнаго доступа въ Тюмень и его окрестности, Кучумовы внучата пошли и далѣе въ преслѣдованіи своей цѣли выбить Русскихъ изъ своей отчины и дѣдины. Самъ же Чеглоковъ донесъ Василью Борисовичу Шереметеву,

---

[487] Дополненія къ актамъ историческимъ, собраннымъ Археографическою коммиссіею. Т. IV. Спб. 1851. № 138. стр. 356.

[488] Щекатовъ. Словарь географическій Россійскаго государства. Ч. VI. М. 1808. стр. 511.

что, по полученнымъ имъ точнымъ свѣдѣніямъ, Кучумовцы собираются идти вскорѣ войною на государевы Сибирскіе города и, разъѣзжая по Калмыцкимъ улусамъ, «прошаютъ воинскихъ людей у тайшей въ прибавку, и что посланнаго къ Девлетъ-Гирею государева посла морятъ голодомъ, даютъ ему корму съ кашеваромъ на мѣсяцъ по барану»[489].

---

[489] Списки Тоболской архивы. Ч. I. л. 137.

ГЛАВА XXIV.

Изъ Москвы, въ отвѣтъ на отписки Василья Борисовича Шереметева, твердили одно, чтобы «по тѣмъ Калмыцкимъ вѣстемъ жили въ Тоболску съ великимъ береженьемъ, да въ городы и остроги Тоболского розряду писать по часту, чтобы и тамъ жили съ великимъ береженьемъ»[490]. Наконецъ, когда Шереметевъ донесъ государю, что Калмыки пришли уже войною въ Шегарскую волость, Томскаго разряда, и «многихъ людей побили и въ полонъ поимали», ему предписано было послать изъ Тобольска къ контайшѣ посланниковъ Тобольскихъ служилыхъ людей добрыхъ и приказать имъ говорить контай-

[490] Списки Тоболской архивы. Ч. I. л. 139 на оборотѣ.

шѣ, что Калмыцкіе люди «приходили въ Томской уѣздъ на государевы ясачные волости войною и государевыхъ ясачныхъ людей побили и въ полонъ поимали, и чтобы онъ, контайша, служа великому государю, про то сыскалъ и Калмыцкимъ людемъ за ихъ воровство и за убойство учинилъ по своей вѣрѣ, чтȯ доведетца, и впередъ бы ихъ отъ воровства унималъ, чтобъ они подъ государевы Сибирскіе городы и волости войною не ходили; а которыхъ полоняниковъ Шегарскіе волости поимали, и онъ бы, контайша, тотъ весь полонъ сыскалъ и велѣлъ бы отпустить въ Томской городъ безъ всякаго задержанія».

Но такъ какъ изъ Тобольска обыкновенно отправляли пословъ къ Калмыцкимъ тайшамъ не иначе, какъ въ сопровожденіи самихъ же Калмыковъ, которыхъ въ настоящемъ случаѣ въ Тобольскѣ не оказалось, то Шереметевъ не могъ тотчасъ-же исполнить царскаго указа и отписалъ государю слѣдующее: «Къ контайшѣ язъ, холопъ твой Васька Шереметевъ, твоихъ государевыхъ посланниковъ нынѣ не послалъ потому, что въ Тоболску контайшиныхъ и иныхъ тайшъ пословъ нѣтъ, послать тѣхъ твоихъ госуда-

ревыхъ посланниковъ не съ кѣмъ; да и для того, государь, не послалъ, что били челомъ тебѣ, государю царю и великому князю Алексѣю Михайловичу всеа Русіи, Тоболского города дѣти боярскіе и юртовскіе служилые Татарове, что-де твоихъ государевыхъ посланниковъ къ контайшѣ безъ Калмыцкихъ пословъ никоими мѣры посылать нельзя, потому что не токмо-де Калмыцкіе воинскіе люди ихъ, наѣхавъ въ степи, побьютъ, но и въ улусѣхъ ихъ Калмыцкіе люди до контайши не пропустятъ; а какъ, государь, контайшины или инова тайши послы въ Тоболескъ придутъ, и язъ, холопъ твой, по твоему государеву указу, изъ Тоболска къ контайшѣ посланниковъ, кого пригоже, пошлю»[491].

При первомъ же удобномъ случаѣ Василій Борисовичь Шереметевъ отправилъ къ контайшѣ посланникомъ Тобольскаго сотника стрѣлецкаго Владиміра Клепикова да съ нимъ Тобольскаго Литовскаго списка казака Любимка Скибина, коннаго казака Сеньку Васильева и юртовскаго татарина Раймангула Бугаева. Посламъ вручено было для до-

[491] Списки Тоболской архивы. Ч. I. л. 139 на оборотѣ, 140 и на оборотѣ.

ставленія контайшѣ государево жалованье: «портище сукна Аглинского, мѣрою четыре аршина съ четью, да выдру». По данному Шереметевымъ наказу, послы должны были говорить контайшѣ «о погромныхъ ясачныхъ людехъ Томского уѣзду Шегарской волости, что погромили ту волость его контайшины Черные Калмыки Кулинъ сынъ Секылъ съ товарищи, а взяли въ полонъ восмь человѣкъ ясачныхъ людей да жонъ ихъ и дѣтей человѣкъ съ тридцать, и чтобъ онъ, контайша, служа великому государю, про то Кулина сына Секыла воровство сыскалъ и улуснымъ своимъ людемъ за ихъ воровство учинилъ наказанье, каково доведетца, и впередъ бы ихъ отъ воровства унималъ, полоняниковъ отпустилъ бы безъ задержанія и грабежное, что̀ у нихъ взято, велѣлъ бы отдать имъ».

Сотникъ Клепиковъ съ товарищами выѣхалъ изъ Тобольска въ іюлѣ мѣсяцѣ 1650 года. Они наѣхали контайшу въ урочищѣ Сары-Кабакѣ, въ которомъ онъ «строилъ городъ каменной». Принявъ честно государево жалованье, контайша спросилъ про здоровье его царскаго величества; и когда послы заговорили о погромѣ Шегарской волости, сталъ

увѣрять, что онъ «своего улусного человѣка Кулина сына Секыла въ ту волость не посылывалъ и воевать не великалъ»; для большей убѣдительности, контайша вытребовалъ къ себѣ Кулина съ товарищами и при послахъ распрашивалъ ихъ: «для чего они государеву Шегарскую волость, Томского уѣзду, воевали и ясачныхъ людей побили, а иныхъ съ женами и съ дѣтьми въ полонъ поимали»? Тѣ не запирались; сказали, что дѣйствительно повоевали государеву Шегарскую волость, но сдѣлали это будто бы въ отместку за то, что «государевы Томскіе служилые люди сами приходили на контайшинъ улусъ войною и побили и въ полонъ поимали семей съ сорокъ». Контайша сказалъ Тобольскимъ посламъ: «выходитъ, неправда съ вашей стороны; виноваты-де воеводы и служилые люди Томского города, что его контайшу съ великимъ государемъ ссорятъ; а улусныхъ людей вины въ томъ нѣтъ, повоевали-де они государеву волость по задору Томскихъ служилыхъ людей». Что же касается до выдачи плѣнныхъ, то контайша просилъ сперва сыскать въ Томскомъ городѣ и возвратить его погромныхъ улусныхъ людей, а потомъ и онъ при-

кажетъ сыскать государевыхъ ясачныхъ людей Шегарской волости, присовокупивъ, что Кулинъ пятерыхъ уже отпустилъ изъ плѣна. За тѣмъ, контайша билъ челомъ государю и просилъ, «чтобы пожаловалъ его, велѣлъ къ нему прислать для деревянного дѣла дву человѣкъ плотниковъ, да дву человѣкъ каменшиковъ, да дву человѣкъ кузнецовъ, да для пищалного дѣла дву человѣкъ бронниковъ, да пансырь доброй, да пищаль винтовочною добрую же, да свинцу, да мѣди шумихи[492], сколко государь пожалуетъ, да двадцат свиней, пять куровъ, да пять пѣтуховъ, десять курицъ индѣйскихъ, колоколъ».

Сотникъ Клепиковъ съ товарищами вернулся въ Тобольскъ 4 декабря 1650 года, представивъ Василью Борисовичу Шереметеву статейный списокъ о томъ, какъ у него въ Калмыкахъ государево дѣло дѣлалось. Вмѣстѣ съ Клепиковымъ прибылъ въ Тобольскъ отъ контайши, отъ его женъ и дѣтей посолъ Еней Мульчина съ товарищами, всего девять человѣкъ.

Шереметевъ велѣлъ Калмыцкимъ посламъ быть у себя и на посольствѣ спраши-

[492] Мѣдь шумиха = листовая мѣдь.

валъ ихъ: для чего прислали ихъ въ Тобольскъ контайша, его жены и дѣти? Послы отвѣчали, что они присланы «въ Сибирь, въ Тоболескъ» для того, чтобы спросить про здоровье царскаго величества и бить челомъ великому государю Алексѣю Михайловичу, чтобы онъ пожаловалъ велѣлъ отпустить ихъ изъ Тобольска къ себѣ въ Москву для принесенія ему поздравленія отъ контайши, его женъ и дѣтей. За тѣмъ, послы поднесли Шереметеву листъ Татарскимъ письмомъ и дары великому государю отъ контайши и отъ его семейства, а именно: «два бобра, одинъ поддѣланъ; да два сѣдла съ войлокомъ и съ уздами и съ похвами; одно сѣдло покрыто бархатомъ, а другое Китайскою камкою, а луки у сѣделъ и узды и похви по желѣзу посеребриваны и позолочены, а стремена у нихъ желѣзные же навозжены серебромъ; да камка Китайская цвѣтная; бобры, да ярецъ рыжій, четыре соболишка, да недособоль, да четыре лошади».

Шереметевъ «потчивалъ пословъ государевымъ жалованьемъ виномъ и медомъ, доволно», а принесенные ими дары отдалъ прицѣнить пріѣзжимъ торговымъ и Тоболь-

скимъ посадскимъ людямъ и юртовскимъ Бухарцамъ, которые положили такую оцѣнку контайшинымъ товарамъ: «бобру цѣна 10 рублевъ, а другому — 6 рублевъ; а сѣдламъ и уздамъ и похвамъ — одному, чтò покрыто бархатомъ, цѣна 10 рублевъ, а другому — цѣна 6 рублевъ; камкѣ цѣна 2 рубли 4 алтына; бобры жъ — 23 алтына 2 денги; ярецъ рыжій — 18 алтынъ 2 денги; четыре соболя — 30 алтынъ 2 денги; недособоли — цѣна десять денегъ; а лошадемъ цѣна 2 рубли 23 алтына 2 денги».

По распоряженію Василья Борисовича Шереметева, подарочныя лошади и камка были проданы; а бобры, мягкая рухлядь и сѣдла со всѣми принадлежностями оставлены до времени въ мѣстной государевой казнѣ. Самимъ же посламъ контайшинымъ велѣно побыть въ Тобольскѣ впредь до особаго царскаго повелѣнія, такъ какъ въ прежнихъ указахъ Тобольскимъ воеводамъ накрѣпко приказывалось «Калмыцкихъ пословъ, которые учнутъ приходить въ Тоболескъ, къ государю къ Москвѣ однолично не отпускать». Обо всѣхъ указанныхъ обстоятельствахъ Калмыцкаго посольства Шереметевъ соста-

вилъ подробную отписку, которую вмѣстѣ съ контайшинымъ листомъ и переводомъ, отправилъ, 21 января 1651 года, въ Москву къ государю съ Тобольскимъ архіепископскимъ приказнымъ Иваномъ Павлуцкимъ[493].

Въ Москвѣ не особенно внимательно отнеслись къ просьбамъ контайши и не спѣшили отвѣтомъ на отписку Шереметева. Калмыцкіе послы, соскучившись выжиданіемъ царской грамоты и потерявъ наконецъ самую надежду получить разрѣшеніе на поѣздку въ Москву, просили Василья Борисовича отпустить ихъ изъ Тобольска назадъ въ улусы. Этотъ ихъ не удерживалъ и старался оправдать проволочку тѣмъ, что «путь до Москвы отъ Тоболска далной и въ проѣздѣ нужной». На отпускѣ Шереметевъ вручилъ посламъ для доставленія контайшѣ, его женамъ и дѣтямъ: «шесть выдръ, двадцать корольковъ красныхъ, пять портищъ сукна красного, два портища сукна зеленого, два портища сукна лазоревого Аглинского».

Въ первыхъ числахъ октября 1651 года, Калмыцкіе послы выѣхали изъ Тобольска въ сопровожденіи Тобольскихъ служилыхъ лю-

---

[493] Списки Тоболской архивы. Ч. I. л. 141—143.

дей: сына боярскаго Ивана Байгатова, да Татарина Кучюгая Кизылбаева съ товарищами, которымъ приказано было ѣхать до самыхъ улусовъ и за тѣмъ возвратиться въ Тобольскъ «безъ всякого мотчанья». Но въ Тарѣ случилась задержка изъ за-подводъ. Отъ 13 октября, Тарскій воевода князь Василій Андреевичь Горчаковъ отписалъ Василью Борисовичу Шереметеву, что «контайшины послы били челомъ о подводахъ, на чемъ имъ съ Тары до Калмыцкихъ улусовъ дойдти, и что за подводами они, послы, съ Тары къ контайшѣ не отпущены». Шереметевъ поручилъ князю Горчакову спросить пословъ, не пожелаютъ ли они пробыть въ Тарѣ до весны и обождать тамъ царскаго указа и государева жалованья; «а будетъ они скажутъ, что имъ того государева жалованья дожидатца на Тарѣ долго, и учнутъ проситца въ Калмыки къ контайшѣ», и онъ бы, князь Горчаковъ, отпустилъ ихъ «противъ прежнихъ отпусковъ», то есть по бывшимъ примѣрамъ, увѣривъ ихъ, что государево жалованье будетъ выслано изъ Тобольска весною прямо къ контайшѣ съ нарочными посланниками.

Вслѣдъ за тѣмъ, Шереметевъ получилъ

наконецъ царскую грамоту, отъ 24 октября 1651 года, въ отвѣтъ на его январскую отписку. Государь указалъ «Калмыцкихъ контайшиныхъ пословъ Енея съ товарищи изъ Тоболска отпустить къ контайшѣ безъ задержанія, а по ево контайшину челобитью, послать къ нему мѣди шумихи десять фунтовъ и свиньи и пѣтухи индѣйскіе и куры, чего онъ просилъ; а въ плотникахъ и въ каменшикахъ и въ кузнецахъ и въ бронникахъ и въ пансырѣ и въ свинцу и въ колоколѣ, равно какъ и въ Московскомъ отпускѣ, ему, контайшѣ, отказать и отговариватца отъ него въ томъ всякими мѣрами, противъ прежнихъ указныхъ грамотъ и смотря по тамошнему дѣлу». Мѣдь шумиху должны были доставить въ Тобольскъ изъ Верхотурья; свиней же, пѣтуховъ индѣйскихъ и куръ велѣно купить въ Тобольскѣ. Въ заключеніе Шереметеву предписывалось и на будущее время отнюдь не пропускать въ Москву Калмыцкихъ пословъ безъ государева указа. Отъ 24 ноября, Василій Борисовичъ Шереметевъ донесъ государю, что мѣдь шумиха отправлена въ Тару къ контайшинымъ посламъ, которыхъ велѣлъ немедленно отпустить до-

мой съ порученіемъ сказать контайшѣ, что государево жалованье, свиньи и боровы и куры индѣйскія весною будутъ высланы изъ Тобольска въ контайшинъ улусъ. Шереметевъ послалъ съ этою отпискою въ Москву коннаго казака Петра Малинина, который повезъ съ собою и присланные контайшею въ поминкахъ бобры, сѣдла и уздечки оправныя [494].

Контайша конечно не могъ быть доволенъ результатами своего посольства въ Тобольскъ. Нельзя объяснить простою случайностью, что, почти одновременно съ выѣздомъ Калмыцкихъ пословъ изъ Тобольска, начались пожары и грабежи въ пограничныхъ ясачныхъ волостяхъ по рѣкѣ Исети. Калмыки, предводимые Кучумовыми внучатами, дошли въ своей дерзости до того, что среди бѣла дня напали на вновь устроенный Успенскій Далматовъ монастырь; они выжгли часовню, братскія келліи, крестьянскіе дворы и «монастырскій дворецъ», какъ сказано въ воеводской отпискѣ. Хищники замучили и сожгли 3 старцевъ, 17 человѣкъ бѣльцевъ и, захвативъ всѣ монастырскіе пожитки, лоша-

[494] Списки Тоболской архивы. Ч. I. л. 145—147.

дей и до 20 человѣкъ плѣнныхъ, умчались въ свои степи. Лишь по сакмѣ смѣтили, что приходило Калмыцкихъ воинскихъ людей сотъ съ пять. Вслѣдъ за тѣмъ запылала деревня Биргамакова, въ Тарскомъ уѣздѣ, къ которой Калмыки въ числѣ 30 человѣкъ подошли обманомъ, сказавшись послами отъ тайшей. Тарскій воевода князь Василій Андреевичь Горчаковъ нарядилъ погоню за улусниками, съ порученіемъ отбить у нихъ плѣнныхъ; но Тарскіе служилые люди сказали воеводѣ, что «идти имъ на государеву службу за тѣми Калмыцкими воинскими людьми немочно, потому что они государевымъ денежнымъ жалованьемъ на прошлой и на нынѣшной годъ не пожалованы». Князь Горчаковъ отписалъ Василью Борисовичу Шереметеву, что онъ не можетъ посылать въ посылки служилыхъ людей, доколѣ имъ не будетъ выдано государево денежное жалованье. Но Тобольская денежная казна была пуста. Въ Москвѣ это знали и отмалчивались.

По поводу отписки князя Горчакова, при которой прислана была и челобитная Тарскихъ служилыхъ людей о выдачѣ имъ жалованья, Василій Борисовичь Шереметевъ до-

несъ государю, между прочимъ, слѣдующее: «Въ Тоболскѣ, государь, въ твоей государевѣ казнѣ денегъ нѣтъ, послать на Тару служилымъ людемъ твоего государева жалованья нечево; а напередъ сего, писалъ язъ, холопъ твой, къ тебѣ государю къ Москвѣ о денгахъ ниодинова»[495].

Между тѣмъ, Калмыки, не встрѣчая никакого отпора со стороны Тары, продолжали хозяйничать въ Тарскомъ уѣздѣ. Послѣ деревни Биргамаковой, они разграбили и выжгли Аялынскую волость. На этотъ разъ приходилъ войною самъ царевичь Бугай, младшій внукъ Кучума. Лютый врагъ заставилъ Тарскихъ служилыхъ людей хотя на время общей опасности забыть о недочетахъ государева жалованья. Они соединились подъ предводительствомъ сына боярскаго Власа Чередова и пустились сакмою въ погоню за царевичемъ Бугаемъ. Проплутавъ въ степи десять дней, Тарскіе служилые люди наѣхали Калмыковъ въ урочищѣ Бештаволгѣ, учинили съ ними бой и на томъ бою Калмыковъ побили, завладѣли цѣлымъ улусомъ о двадцати избахъ, а въ тѣхъ избахъ взяли

[495] Списки Тоболской архивы. Ч. I. л. 148—152.

полону 70 человѣкъ съ женами и дѣтьми, 40 верблюдовъ, 300 лошадей и 500 штукъ всякой животины. Оказалось однако, что разграбленный улусъ принадлежалъ ни въ чемъ неповинному тайшѣ Далай-Абашѣ, который постоянно поддерживалъ мирныя отношенія съ Русскими. Далай-Абаша прислалъ въ Тобольскъ къ Василью Борисовичу Шереметеву посланцевъ съ жалобою на грабежъ Тарскихъ служилыхъ людей и съ требованіемъ возвратить погромныхъ людей и пожитки. По порученію Шереметева, князь Горчаковъ производилъ разслѣдованіе. Калмыцкіе плѣнники на очныхъ ставкахъ и съ пытки показывали, что они не ходили съ царевичемъ Бугаемъ на государевы волости и въ Тарскомъ уѣздѣ ясачныхъ людей не воевали. А Чередовъ увѣрялъ въ противномъ и въ доказательство ссылался на то, что въ числѣ взятыхъ имъ въ улусѣ лошадей Тарскіе служилые люди узнаютъ своихъ, уведенныхъ царевичемъ Бугаемъ, и что въ улусѣ нашлось Русское платье, которое выкрадено у нихъ въ послѣдній Калмыцкій набѣгъ[496].

Объ этомъ дѣлѣ Шереметевъ отписалъ

[496] Списки Тоболской архивы. Ч. I. л. 154—156.

въ Москву, куда послалъ и самого Чередова. Князю же Горчакову велѣлъ «беречь плѣнныхъ Калмыковъ до государева указу, чтобы они были всѣ въ лицахъ». Вмѣстѣ съ тѣмъ Василій Борисовичь предписывалъ, «чтобы Тарскіе служилые люди въ Калмыцкихъ улусахъ задору не вчинали, дабы Калмыцкіе тайши за то надъ Тарскимъ и надъ Тюменскимъ уѣздами какова дурна не учинили, и чтобы впредь на Калмыцкіе улусы безъ государева указу и не списався съ нимъ, Васильемъ Шереметевымъ, ратныхъ людей не посылать»; а при посылкахъ наблюдать слѣдующее правило: «провѣдывать накрѣпко, будетъ приходъ будетъ Калмыцкихъ людей небольшихъ людей, ино ратныхъ людей посылать; а на большихъ людей Тарскихъ ратныхъ людей не посылать, чтобъ отъ большихъ людей государевымъ ратнымъ людемъ порухи не учинилось и не потерять». Въ заключеніи отписки Шереметевъ пишетъ князю Горчакову слѣдующее: «Говорилъ на посолствѣ мнѣ и товарищемъ моимъ тайшиной жены Гунжи посолъ Ишмалей, какъ-де онъ былъ на Тарѣ въ послехъ, и ты-де, князь Василій, взялъ у него восмь сажень камки, да

лошадь, и за ту камку и за лошадь ничево не далъ; да ты-де Гунжу безчестилъ, называлъ ее жонкою; и ты бъ, князь Василій, за камку и за лошадь цѣну, что̀ доведетца, прислалъ ко мнѣ въ Тоболескъ не замотчавъ; а впредь бы ты Калмыцкихъ тайшей и ихъ жонъ ничѣмъ не безчестилъ и ничево у нихъ себѣ и никому даромъ имать не велѣлъ». Шереметевъ предупреждалъ князя Горчакова, что 27 ноября Ишмалей присылалъ въ съѣзжую избу своего пристава и толмача съ угрозою, что если за Гунжино безчестье не послѣдуетъ государева указа, и если онъ, посолъ, не получитъ денегъ за камку и лошадь, «и Гунжа-де учнетъ посылать подъ Тарской городъ своихъ воинскихъ людей и велитъ Тару воевать»[497].

Отписка Шереметева еще не дошла до князя Горчакова, когда Тарскій уѣздъ подвергся новому нападенію Калмыковъ, подъ предводительствомъ царевича Девлетъ-Гирея. Въ посылку противъ непріятеля посланъ былъ изъ Тары ротмистръ Андрей Кропотовъ съ 230 служилыми людьми и юртовскими Татарами. Въ погонѣ за Девлетъ-Гиреемъ ротмистръ Кропотовъ ударился въ

[497] Списки Тоболской архивы. Ч. I. л. 156—159.

степь, и когда онъ дошелъ до урочища Карташева яра, человѣкъ съ полтораста изъ его отряда отказались идти дальше и самовольно вернулись въ Тару, потравивъ по пути у ясачныхъ Татаръ конскіе кормы: сѣно, овесъ и ячмень. Князь Горчаковъ въ съѣзжей избѣ спрашивалъ вернувшихся людей: «для чево они поворотили назадъ, въ походъ съ Кропотовымъ не пошли»? Служилые люди отвѣчали, что они «нужны, и бѣдны, и наги, не пожалованы, а лошади-де у нихъ худы»[498].

Василій Борисовичь Шереметевъ, узнавъ объ этомъ новомъ случаѣ самовольства Тарскихъ служилыхъ людей, отъ 17 декабря 1651 года, велѣлъ отписать на Тару къ воеводѣ князю Василью Андреевичу Горчакову, чтобы онъ объявилъ Тарскимъ служилымъ людямъ, которые изъ похода воротились, что «въ томъ ихъ болшая вина: коли они бѣдны и въ походъ за царевичемъ итти не съ чѣмъ, и имъ было бити челомъ о томъ государю въ то бъ время, какъ ихъ въ походъ учали посылати, а не такъ было дѣлать, что пошедъ въ походъ и отшедъ отъ города далеча, воротитца назадъ». Шереметевъ велѣлъ князю

[498] Списки Тоболской архивы. Ч. I. л. 160 и 161.

Горчакову, «выбравъ изъ тѣхъ служилыхъ людей человѣкъ пять или шесть лутчихъ людей, бить ихъ кнутомъ; а что они сѣна и овса у ясачныхъ людей потравили, и то на нихъ доправить и отдать ясачнымъ людемъ»[499].

О послѣдующихъ распоряженіяхъ Василья Борисовича Шереметева, какъ Тобольскаго воеводы, извѣстій не сохранилось[500]. Нельзя не пожалѣть, что въ Миллеровскихъ портфеляхъ рядъ Сибирскихъ актовъ прерывается именно на томъ времени, когда Василій Борисовичь Шереметевъ занятъ былъ весьма важнымъ дѣломъ — снаряженіемъ посольства въ Китай. Миллеръ имѣлъ въ рукахъ документы, относящіеся къ этому посольству, но въ своихъ «Запискахъ къ Сибирской исторіи служащихъ» говоритъ о немъ только слѣдующее: «Въ 1652 году, посыланъ былъ въ Китайское царство посланникомъ для провѣданія Тобольскій сынъ боярскій Петръ Андреевъ сынъ Ярыжкинъ да Тобольскій Бухаренинъ

---

499 Списки Тоболской архивы. Ч. I. л. 162 на оборотѣ.

500 Въ Спискахъ Тоболской архивы, послѣ приведенной отписки Василья Борисовича Шереметева къ князю Горчакову, отъ 17 декабря 1651 года, помѣщенъ документъ, относящійся къ 1660 году, когда Шереметева давно уже не было въ Сибири.

Сеткунъ Алблинъ, со служилыми людьми. Первые люди изъ Тобольска и въ Китаяхъ были, и сребро, и каменье, и иные товары изъ Китая привезли въ Тобольскъ». Послы вернулись въ 1655 году. Шереметевъ же въ ту самую зиму, какъ отправилось посольство, именно въ февралѣ 1652 года, по государеву указу, выѣхалъ въ Москву, не дожидаясь своего преемника князя Василья Ивановича Хилкова, прибывшаго въ Тобольскъ 31 мая. А «досиживалъ» на воеводствѣ за Шереметева его товарищъ Тимоѳей Дмитріевичъ Лодыгинъ[501].

Василій Борисовичъ справедливо говорилъ Калмыцкимъ посламъ, что «путь до Москвы отъ Тоболска далной и въ проѣздѣ нужной». По старымъ дорожникамъ, отъ Тобольска до Москвы считалось три тысячи верстъ. Къ тому-же Шереметеву пришлось ѣхать въ весеннюю распутицу, а по свидѣтельству современника, въ такую пору года проѣзжихъ изъ Тобольска въ Москву «волокли недѣль съ тринадцать телѣгами и водою, и саньми половину пути»[502].

[501] Древняя Россійская вивліоѳика. Изд. 2. Т. III. М. 1788. стр. 180 и 181.

[502] Житіе протопопа Аввакума, имъ самимъ написанное. Издано подъ редакціею Н. С. Тихонравова. Спб. 1862. стр. 26.

Василій Борисовичь Шереметевъ впервые появился при дворѣ, послѣ трехлѣтней отлучки, 16 августа 1652 года, на праздникъ Нерукотвореннаго Образа Спасова. Въ этотъ день кушалъ у государя патріархъ Іосифъ, и Василій Борисовичь смотрѣлъ въ кривой столъ[503].

---

[503] Дворцовые разряды. Т. III. Спб. 1852. столб. 325.

ГЛАВА XXV.

Во все время пребыванія Василья Борисовича Шереметева въ Тобольскѣ, его родные — Шереметевы, находясь неотлучно при особѣ государя, исполняли преимущественно придворную службу. Всѣ они, за исключеніемъ Василья Петровича, состояли въ стольникахъ, и рѣдкій выходъ царскій совершался безъ ихъ участія[504].

Василій Петровичъ Шереметевъ, оставшійся послѣ смерти дяди Ѳедора Ивановича и брата Ивана Петровича, старѣйшимъ въ родѣ, возвратился изъ Казани въ Москву, какъ сказано выше, въ началѣ декабря 1649 года. Его воеводское мѣсто въ Казани за-

---

[504] Дворцовые разряды. Т. III. Спб. 1852. столб. 140—143. 145—149 и т. д.

нялъ родной братъ царскаго дядьки Глѣбъ Ивановичь Морозовъ, который тогда только что женился вторымъ бракомъ на извѣстной постницѣ, духовной дочери знаменитаго протопопа Аввакума, Ѳедосьѣ Прокофьевнѣ Соковниной. Самъ же Аввакумъ, по собственному его выраженію, «шатался» въ то время въ Москвѣ по государевымъ палатамъ и по боярскимъ дворамъ, «яко въ безднѣ мнозѣ». Онъ былъ допущенъ и во дворецъ по знакомству съ царскимъ духовникомъ Стефаномъ Вонифатьевымъ, который представилъ его государю. Шереметевъ, послѣ непріязненной встрѣчи съ Аввакумомъ на Волгѣ, въ первый разъ увидѣлъ его, въ началѣ 1650 года, именно въ государевомъ дворѣ, и въ царскихъ сѣняхъ помирился съ нимъ. Примиреніе было на столько полное, что младшій братъ Аввакума сдѣлался духовникомъ жены Василья Петровича. Это послѣднее обстоятельство проливаетъ нѣкоторый свѣтъ на отношенія Василья Петровича Шереметева къ одному изъ главнѣйшихъ представителей зарождавшагося въ ту пору раскола изъ-за исправленія церковныхъ книгъ по Греческимъ подлинникамъ. Аввакумъ самъ гово-

ритъ, что онъ нерѣдко ходилъ къ Ѳедору Михайловичу Ртищеву въ устроенную имъ близъ нынѣшняго Нескучнаго сада Андреевскую обитель «браниться съ отступниками и пошумѣть о вѣрѣ и о законѣ». Но тогда недоразумѣнія по дѣлу исправленія церковныхъ книгъ еще только начинались, и къ протопопу Аввакуму, не смотря на его крайнюю рѣзкость, относились съ большимъ благодушіемъ не только бояре, но и самъ царь Алексѣй Михайловичь. Аввакумъ жилъ въ Кремлѣ, въ одномъ изъ монастырскихъ подворій. «Бывало, — разсказываетъ Аввакумъ въ своей автобіографіи, — царь государь, въ походы мимо моего двора ходя, кланялся часто со мною, низенько-таки, а самъ говоритъ: благослови-де меня и помолися о мнѣ; и шапку въ иную пору мурманку снимаючи, съ головы уронилъ, ѣдучи верхомъ. Изъ кареты бывало высунется ко мнѣ, тоже и вси бояра послѣ его челомъ да челомъ: протопопъ! благослови и молися о насъ»[505]. Немудрено, что Аввакума чтилъ одно время и Василій Петровичь Шереметевъ, въ домѣ ко-

[505] Житіе протопопа Аввакума, имъ самимъ написанное. Издано подъ редакціею Н. С. Тихонравова. М. 1862. стр. 64.

тораго родной братъ суроваго протопопа состоялъ духовникомъ. А эти отношенія, въ свою очередь, вѣроятно сближали Василья Петровича и его семью со всѣми прочими Аввакумовыми духовными чадами изъ придворнаго круга и, между прочимъ, съ Соковниными, состоявшими въ особой близости къ царицѣ Марьѣ Ильинишнѣ, какъ ея родственники. Замѣтимъ, что въ немногочисленномъ штатѣ царицы, въ числѣ ея пріѣзжихъ боярынь были три изъ рода Шереметевыхъ, а именно: жена самого Василья Петровича, жена его племянника Никиты Ивановича Шереметева, Евдокія Ѳедоровна, и наконецъ его внучатная сестра, княгиня Евдокія Ѳедоровна Одоевская. Сестра же послѣдней, инокиня Новодѣвичьяго монастыря Александра, нерѣдко была приглашаема къ столу царицы Маріи Ильинишны[506].

Если и допустить, что въ Гнѣздниковскомъ домѣ Василья Петровича Шереметева также раздавалась грозная проповѣдь Аввакума противъ такъ называемыхъ «новшествъ», то, во всякомъ случаѣ, дѣло это не

---

[506] Забѣлинъ. Домашній бытъ Русскихъ царицъ. М. 1869. стр. 350 и 351.

выходило за предѣлы обыкновенной бесѣды. Шереметевы не увлеклись опасною борьбою съ «новолюбцами», подобно Соковнинымъ, Хованскимъ и многимъ другимъ. Какъ-бы по завѣту предковъ, они постоянно держались средняго теченія дворской жизни и, за исключеніемъ нѣсколькихъ единичныхъ случаевъ, никогда не примыкали къ крайнимъ направленіямъ. Эта фамильная черта, особенно рѣзко обозначившаяся въ XVIII столѣтіи, была замѣчена еще историографомъ Миллеромъ, который сказалъ, что «изъ дому Шереметевыхъ, состоящаго въ Россіи около четырехъ сотъ лѣтъ, никогда никто перемѣны счастія не претерпѣлъ, но всѣ онаго члены и при сумнительныхъ случаяхъ всегда оставались невредимы»[507].

Историографъ конечно разумѣлъ подъ «сумнительными случаями» и народныя волненія, при которыхъ Шереметевы дѣйствительно всегда оставались «невредимыми». Мы уже видѣли, что въ самый разгаръ Московскаго мятежа, Василій Петровичъ Шереметевъ спокойно занимался спорнымъ дѣломъ

[507] Письма Петра Великаго, писанныя къ генералъ-фельдмаршалу графу Борису Петровичу Шереметеву. М. 1774. Предисловіе. Миллера. стр. II.

о бортныхъ угодьяхъ въ своемъ Нижегородскомъ имѣніи. Почти тоже самое было и въ Новгородско-Псковскій бунтъ, вспыхнувшій въ началѣ 1650 года.

Причиною этого новаго мятежа былъ опять Морозовъ. Въ народѣ толковали, что онъ мирволитъ Нѣмцамъ (Свѣямъ), отпускаетъ къ нимъ хлѣбъ измѣною. Дѣло въ томъ, что изъ Псковскихъ царскихъ житницъ точно велѣно было отпустить Шведамъ 11.000 четвертей хлѣба; но это шло въ зачетъ выкупной суммы за перебѣжчиковъ изъ Русскихъ областей, уступленныхъ Швеціи по Столбовскому миру. Предубѣжденный же народъ, подстрекаемый злоумышленниками, не слушалъ никакихъ объясненій и, собравшись у воеводскаго двора въ Новгородѣ, кричалъ воеводамъ, что «всѣ они, яко друзья боярина Бориса Морозова, купно съ нимъ и измѣнники, усовѣтоваху за рубежъ хлѣбъ, мяса и рыбу на продажу возити, а намъ-де въ томъ творите скудость, еяже ради здѣ у насъ дороговизна чинится»[508].

Мы не будемъ распространяться объ из-

[508] Шушеринъ. Извѣстіе о рожденіи и воспитаніи и о житіи святѣйшаго Никона, патріарха Московскаго и всея Россіи. М. 1871. стр. 15.

вѣстныхъ всѣмъ подробностяхъ кровавыхъ событій въ Новгородѣ и Псковѣ. Событія эти такъ же мало коснулись Шереметевыхъ, какъ и Московскій мятежъ. Отмѣтимъ только, что въ это тревожное время, именно 5 мая 1650 года, скончалась жена Василья Ивановича Шереметева, Ксенія. Она погребена за Казанскою церковью Богоявленскаго монастыря, возлѣ палатки. Надъ гробомъ ея положена плита съ слѣдующею надписью: «Лѣта 7158 (1650) году, маія въ 5 день, на память святыя мученицы Ирины, преставися раба Божія Ксенія, стольника Васильева жена Ивановича Шереметева»[509]. Отцовская фамилія усопшей неизвѣстна. Рожденный Ксеніею Шереметевою сынъ нареченъ въ память дѣда Петромъ[510].

---

509 Снегиревъ. Богоявленскій монастырь въ Москвѣ, на Никольской улицѣ. М. 1864. стр. 58. № 126.

510 Есть основаніе предполагать, что мать Петра Васильевича, первая жена Василья Ивановича Шереметева, была изъ древняго дворянскаго рода Коробьиныхъ. Поводомъ къ этой догадкѣ служитъ одна справка изъ дѣла Вотчинной коллегіи; въ этомъ дѣлѣ сказано, что въ 171 (1663) году, Петръ Васильевичь Шереметевъ получилъ отъ своей «бабки Мавры, вдовы Ивана Коробьина, помѣстье въ Суздальскомъ уѣздѣ, въ Матнинскомъ станѣ, деревни: Дерганцово, Марково, Коробельки, деревню, что̀ была пустошь, Жары, деревню Теплынцево, пустошь Игнатцово, половину пустоши Полтиной, пустошь Озорную, Григорьевскую тожъ, всего 135 четей» (Московскій Архивъ министерства юстиціи: Вотчинной коллегіи по

Что же касается до Василья Петровича Шереметева, то онъ во все время Псковско-Новгородскаго мятежа мирно проживалъ въ своемъ Кусковѣ, наблюдая за межеваніемъ этой вотчины съ селомъ Вешняковымъ, доставшимся князю Якову Никитичу Одоевскому. Денисъ Петровичъ Тургеневъ, производившій межеваніе, окончилъ свою работу 17 мая 1650 года и въ межевой книгѣ записалъ слѣдующее: «Ѣздилъ (я) въ Московскій уѣздъ въ вотчины князь Якова Никитича Одоевскаго села Вешнякова, пустоши Марьиной да пустоши Щетининой, да боярина Василья Петровича Шереметева села Кускова

городу Москвѣ «старыхъ лѣтъ» книга № 98, дѣло № 20. л. 14 на оборотѣ). — Въ томъ-же Суздальскомъ уѣздѣ, въ Матнинскомъ станѣ, была и вотчина матери Петра Васильевича, Ксеніи Шереметевой, вѣроятно ея приданая вотчина, именно: половина села Горицы, деревня Коробѣйка, деревня Армово, жеребій деревни Марковой, деревня Кухтино Меньшое и двѣ пустоши — Ломки и Мануйлово, всего 178 четвертей земли (Тамъ-же, л. 15 на оборотѣ). — Василій Ивановичъ Шереметевъ, вскорѣ послѣ кончины первой супруги, женился въ другой разъ. Имя его второй жены, Аѳимьи, встрѣчается въ дѣлахъ Вотчинной коллегіи. Тамъ упоминается, что «за отцомъ Петра Васильевича Шереметева (Васильемъ Ивановичемъ) числилось прожиточное помѣстье жены ево Аѳимьи, въ Ростовскомъ уѣздѣ». Въ сентябрѣ 1653 года, уже послѣ смерти Василья Ивановича Шереметева, «дана была ввозная грамота Аѳимьѣ, вдовѣ стольника Василья Шереметева, на помѣстья ея мужа въ Ростовскомъ уѣздѣ» (Московскій Архивъ министерства юстиціи: дѣла Вотчинной коллегіи по городу Москвѣ «старыхъ лѣтъ» книга № 98, дѣло № 20. л. 6. 10 на оборотѣ и 11).

на земли, и взявъ съ собою тутошныхъ и окольныхъ людей старожильцевъ, да при тѣхъ людяхъ въ Московскомъ уѣздѣ, межъ вотчинъ князь Якова Никитича Одоевскаго села Вешнякова да боярина Василья Петровича Шереметева села Кускова земель возлѣ старыхъ подсѣчныхъ столбовъ по старой межѣ столбы поставилъ, и грани потесалъ, и ямы старыя почистилъ, и въ ямахъ признаки учинилъ по старымъ урочищамъ въ тѣхъ-же мѣстехъ по прежнему»[511].

Окончаніе Кусковскаго межеванія совпало по времени съ первыми извѣстіями о прекращеніи волненій въ Новгородѣ и Псковѣ. 22 мая царь Алексѣй Михайловичь нашелъ уже возможнымъ предпринять вмѣстѣ съ царицей Марьей Ильинишной давно задуманное ими богомольное путешествіе въ городъ Кашинъ, для поклоненія вновь открытымъ мощамъ великой княгини Анны Кашинской.

До Троицы царственные богомольцы шли пѣшкомъ. Въ свитѣ государя находились оба сына Василья Петровича Шереметева, Петръ

---

[511] Архивъ графа С. Д. Шереметева. № 269. — Московскій Архивъ министерства юстиціи: Списокъ съ писцовой и межевой книги Московскаго уѣзда разныхъ годовъ. № 701 (печатной описи № 1355). л. 10 и 11.

и Матвѣй, и всѣ ближніе бояре, какъ-то: Борисъ Ивановичь Морозовъ, князь Яковъ Куденетовичь Черкасскій, Илья Даниловичь Милославскій, князь Никита Ивановичь Одоевскій, князь Алексѣй Михайловичь Львовъ и другіе.

По пути государь тѣшился съ своими придворными соколиною охотою. Съ перваго же стана, изъ села Ростокина, онъ послалъ въ Москву за живыми гусями и утками для корма ловчихъ птицъ, а также для пріученія ихъ хватать добычу. Какъ страстный охотникъ, царь Алексѣй Михайловичь любопытствовалъ знать и о птицахъ, оставленныхъ имъ въ Москвѣ. Изъ деревни Тарасовки, отъ 25 мая, онъ писалъ къ своему ловчему Аѳанасію Ивановичу Матюшкину, чтобъ онъ извѣстилъ: «какъ тѣхъ птицъ носятъ, и какъ онѣ летятъ, и кто Карпунькину птицу носитъ». Подобныя грамотки писались царемъ на роздыхахъ послѣ охоты, которая велась иногда съ такою горячностью, что сокольники, особенно новички, изнемогали отъ устали. По словамъ самого царя, одинъ изъ нихъ, «сѣвъ у огня, вздремнулъ, да вздремавъ упалъ въ огонь, и ево изъ огня вытащили — немного не зго-

рѣлъ; а какъ въ огонь упалъ, и того онъ и не слыхалъ»[512].

Но для царя Алексѣя Михайловича соколиная охота была лишь развлеченіемъ, отдыхомъ отъ занятій государственными дѣлами, которыя не прерывались и въ походахъ. Не даромъ говаривалъ онъ: «дѣлу время, а потѣхѣ часъ». Тотчасъ-же по прибытіи въ Троицкій монастырь государь занялся военными распоряженіями и назначеніемъ воеводъ на мѣста, на случай нападенія на Украйну Крымскихъ Татаръ. Назначенные воеводы уже были у государя у руки, но посылка не состоялась, «потому что вѣсти перемѣнились», какъ сказано въ разрядной запискѣ[513]. 4 іюня государь выѣхалъ изъ Троицкаго монастыря. За Рогачевымъ, верстъ на десять отъ обители, еще попадалась птица, на которую выпускали царскихъ соколовъ; но далѣе, до самаго Калязинскаго монастыря, на осмидесяти верстахъ, путешественники никакихъ птицъ, ни гнѣздъ, ни гаю не наѣзживали. Пошли «лѣса большіе, глухіе, — не безъ досады писалъ къ Матюшкину царь Алексѣй Михай-

[512] Собраніе писемъ царя Алексѣя Михайловича. Изданіе П. И. Бартенева. М. 1856. стр. 20—23 и 30.

[513] Дворцовые разряды. Т. III. Спб. 1852. столб. 176—178.

ловичь,—и въ перелетъ птица никакая не перелетитъ, и поля худы». Въ Калязинѣ же, читаемъ далѣе въ письмѣ державнаго охотника, «птицы всякіе есть и добывать кречету и челигу и соколу летѣть мошно и есть гдѣ, и утокъ много, поля нарочитые»[514]. Натѣшившись вдоволь охотою на привольныхъ Калязинскихъ поляхъ, государь достигъ наконецъ конечной цѣли своего объѣзда, города Кашина.

Въ первый-же день пріѣзда, 12 іюня, государь кушалъ съ своими спутниками въ шатрахъ, при чемъ въ столы смотрѣли оба брата Шереметевы[515]. Въ городѣ ожидалъ государя Ростовскій митрополитъ Варлаамъ, прибывшій для перенесенія мощей великой княгини Анны изъ Успенскаго ветхаго собора въ Воскресенскій. Въ Кашинѣ до сихъ поръ еще живо воспоминаніе о великомъ торжествѣ перенесенія мощей великой княгини Анны. Самъ царь Алексѣй Михайловичь несъ гробъ преподобной на раменахъ своихъ, при содѣйствіи состоявшихъ въ его свитѣ бояръ и стольниковъ. Существуетъ преданіе, что, по

[514] Собраніе писемъ царя Алексѣя Михайловича. Изданіе П. И. Бартенева. М. 1856. стр. 30.

[515] Дворцовые разряды. Т. III. Спб. 1852. столб. 178.

внесеніи гроба на паперть Воскресенскаго собора, процессія вдругъ остановилась и не могла двинуться далѣе. Гробъ не проходилъ въ двери. Тогда царь обратился къ святой съ молитвою, и просилъ ее пребыть въ Воскресенскомъ соборѣ дотолѣ, пока онъ не воздвигнетъ храма въ ея честное имя. Послѣ того гробъ безъ затрудненія внесенъ былъ въ соборный храмъ и поставленъ у стѣны, на правой сторонѣ, близъ алтаря[516].

Изъ Кашина Петру Васильевичу и Матвѣю Васильевичу Шереметевымъ пришлось сопровождать государя и въ Угличь, откуда государь ѣздилъ, въ сопровожденіи лишь немногихъ лицъ своей свиты, молиться въ Покровскій мужескій монастырь, построенный въ XV вѣкѣ преподобнымъ Паисіемъ, Углицкимъ чудотворцемъ. За царскимъ столомъ въ монастырской трапезѣ Петръ Васильевичь Шереметевъ смотрѣлъ въ большой столъ[517].

По возвращеніи изъ Кашинскаго объѣзда, царь Алексѣй Михайловичь совершалъ свои обычные походы въ Новодѣвичій монастырь, къ празднику Пресвятой Богородицы Одиги-

[516] Колтыпинъ. Свѣдѣнія о жизни благовѣрной великой княгини Анны Кашинской. Спб. 1872. стр. 11.

[517] Дворцовые разряды. Т. III. Спб. 1852. столб. 179.

тріи, въ села Коломенское и Покровское, въ Троицкій монастырь и наконецъ въ Звенигородъ, въ Саввинъ-Сторожевскій монастырь. Каждый разъ при государѣ находился кто либо изъ Шереметевыхъ: Петръ Васильевичь, Матвѣй Васильевичь или Василій Ивановичь; но чаще всего бывали всѣ трое вмѣстѣ. Василій Ивановичь Шереметевъ за царскими столами имѣлъ служебное старшинство предъ своими двоюродными братьями. Въ Звенигородскій и Покровскій походы онъ былъ возницей у государя; а Матвѣй Васильевичь, за столомъ государя у Троицы, 13 октября, въ монастырскихъ келліяхъ, въ присутствіи монастырскихъ властей и соборныхъ старцевъ, наряжалъ вина[518].

На посольскихъ аудіенціяхъ рындами при государѣ чаще всего стояли Петръ и Матвѣй Васильевичи Шереметевы. Какъ это было 8 октября 1650 года, при представленіи Литовскаго посланника Альбрехта Пражмовскаго; 2 и 8 марта 1651 года, при представленіи Литовскаго гонца Юрья Замойскаго; 11 апрѣля и 22 іюня, при представленіи Ли-

[518] Дворцовые разряды. Т. III. Спб. 1852. столб. 179. 185. 187. 192. 194. 197. 198. 202. 205. 212 и 215.

товскаго посла Станислава Витовскаго; іюля 24-го, при представленіи «Голанскаго посланника Нидерлянскихъ владѣтелей» и такъ далѣе[519].

За все это время Василій Петровичь Шереметевъ ни разу не выѣзжалъ съ государемъ ни на богомолье, ни въ другіе походы. Онъ былъ въ постоянномъ ожиданіи назначенія на боевую службу въ Украйну, по Крымскимъ и по Черкасскимъ вѣстямъ. 7 ноября, послѣ того, какъ получено было извѣстіе, что «царь Крымскій вышелъ изъ Крыму со всѣми людьми, стоитъ на Орлѣ и съ Черкасы ссылается, и хотятъ-де приходить вмѣстѣ на государеву Украйну», государь поспѣшилъ распредѣлить бояръ и воеводъ по городамъ, причемъ Василью Петровичу Шереметеву указано было ѣхать въ Одоевъ, о чемъ и сказка была; но посылка не состоялась, потому что вѣсти перемѣнились[520]. Лишь въ маѣ мѣсяцѣ 1651 года, разосланы были воеводы по украиннымъ городамъ, но уже по новой росписи, по которой въ Одоевъ назначенъ былъ сперва Василій Семеновичь Волынскій, а по-

[519] Дворцовые разряды. Т. III. Спб. 1852. столб. 195. 221. 222. 237. 238. 262. 263. 267. 269. 288.

[520] Тамъ-же, столб. 209 и 210.

томъ братъ его Михайло Семеновичь. Василій же Петровичь Шереметевъ, въ томъ-же мѣсяцѣ, ходилъ съ государемъ въ большой Троицкій походъ, въ которомъ принимали участіе оба его сына, Петръ и Матвѣй, а также Никита Ивановичь Шереметевъ. А въ осенній походъ къ Троицѣ Василью Петровичу вмѣстѣ съ княземъ Алексѣемъ Никитичемъ Трубецкимъ поручено было вѣдать Москву[521].

Конецъ 1651 года ознаменовался необыкновеннымъ случаемъ, который навсегда остался памятнымъ и самому царю Алексѣю Михайловичу, и его придворнымъ: 1 декабря, государь отправился, въ сопровожденіи своей обычной свиты, въ Звенигородъ, къ празднику преподобнаго Саввы Сторожевскаго, мощи котораго находились еще въ то время подъ спудомъ. Преданіе гласитъ, что однажды, въ свободное отъ церковной службы время, царь Алексѣй Михайловичь пошелъ на медвѣжью охоту въ окрестные лѣса Звенигородскіе. Когда свита разсѣялась по лѣсу для отысканія логовища медвѣдя, и государь остался одинъ, огромный медвѣдь внезапно вышелъ изъ лѣсу и бросился на него. Царь,

[521] Дворцовые разряды. Т. III. Спб. 1852. столб. 255. 256 и 280.

видя невозможность защищаться, уже приготовлялся къ смерти. Вдругъ близъ него явился старецъ, и съ его явленіемъ звѣрь отбѣжалъ въ сторону. На спросъ царя, старецъ объяснилъ, что его зовутъ Саввою, и что онъ одинъ изъ иноковъ Сторожевскаго монастыря. За тѣмъ, въ виду собравшихся къ государю придворныхъ, старецъ тихо пошелъ по направленію къ монастырю. Возвратившись въ обитель, царь спросилъ у архимандрита объ инокѣ Саввѣ, но тотъ отвѣтилъ, что въ числѣ братіи нѣтъ никого съ такимъ именемъ. Изумленный царь случайно взглянулъ на изображеніе преподобнаго основателя монастыря и сейчасъ-же узналъ въ немъ того самаго старца, который являлся къ нему въ лѣсу[522]. По освидѣтельствованіи гроба преподобнаго, святыя мощи его, послѣ 245-лѣтняго пребыванія въ землѣ, обрѣлись нетлѣнными.

Торжество открытія мощей Сторожевскаго Чудотворца освѣтило начало 1652 года, памятнаго въ нашей церковной исторіи и другими важными событіями.

---

[522] Смирновъ. Историческое описаніе Саввина Сторожевскаго монастыря. Изд. 2. М. 1860. примѣч. 64.

Съ первыхъ же чиселъ января начались приготовленія къ походу царскаго семейства въ Саввинъ-Сторожевскій монастырь для предстоявшаго торжества. Сперва возницей у государя назначенъ былъ Петръ Васильевичь Шереметевъ; но 15 января, наканунѣ похода, объявлена была новая церемоніальная роспись, въ которой возницей записанъ стольникъ Михайла Ивановичь Морозовъ. Петръ же Васильевичь Шереметевъ съ братомъ Матвѣемъ назначены были состоять въ свитѣ государя, въ числѣ ста стольниковъ. Кромѣ того, при государѣ слѣдовали 13 бояръ, 10 окольничихъ и 50 стряпчихъ. Въ свитѣ царицы Марьи Ильинишны состояло 65 дворянъ. Вмѣстѣ съ царемъ пошли въ Звенигородъ, съ своими особыми свитами, патріархъ Іосифъ и Новгородскій митрополитъ Никонъ, нарочно прибывшій для сего изъ Новгорода[523].

19 января, мощи Сторожевскаго Чудотворца, въ присутствіи государя, царицы Марьи Ильинишны, патріарха Іосифа и всѣхъ придворныхъ, переложены были въ новый дубовый гробъ. Петръ Васильевичь и Матвѣй Васильевичь Шереметевы, вмѣстѣ съ дру-

[523] Дворцовые разряды. Т. III. Спб. 1852. столб. 290—297.

гими, удостоились лицезрѣть нетлѣнное тѣло угодника Божія.

На другой день послѣ переложенія мощей въ новую гробницу, поставленную на правой сторонѣ Рождественскаго собора, у южныхъ вратъ, ведущихъ въ алтарь, патріархъ Іосифъ совершилъ торжественное празднованіе обрѣтенія мощей новопрославленнаго угодника Божія. Послѣ литургіи царь Алексѣй Михайловичь потчивалъ всѣхъ присутствовавшихъ обѣдомъ въ обширной монастырской трапезѣ[524], и за тѣмъ, пожертвовавъ обители 3000 рублей[525], возвратился въ Москву.

Василью Ивановичу Шереметеву, владѣльцу деревни Уборы, находящейся въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Саввино-Сторожевскаго монастыря, не суждено было дожить до великаго торжества сосѣдственной обители: ровно за недѣлю до открытія мощей, именно 12 января 1652 года, онъ скончался въ Москвѣ и погребенъ подлѣ своего отца, жены и младшаго брата Матвѣя, въ Богоявленскомъ монастырѣ, за Казанскою церковью, возлѣ палатки. На имѣющейся въ церкви надгроб-

[524] Дворцовые разряды. Т. III. Спб. 1852. столб. 297.

[525] Смирновъ. Историческое описаніе Саввина Сторожевскаго монастыря. Изд. 2. М. 1860. стр. 23.

ной плитѣ читаемъ: «Лѣта 7160 (1652) году, генваря въ 12 день, на память святыя Мученицы Татіаны, преставися рабъ Божій стольникъ Василій Ивановичь Шереметевъ»[526]. Единственному сыну усопшаго Петру Васильевичу Шереметеву, называвшемуся впослѣдствіи въ отличіе отъ своего тезки, сына Василья Петровича Шереметева, Меньшимъ, шелъ въ то время всего второй годъ.

Вслѣдъ за открытіемъ мощей преподобнаго Саввы Сторожевскаго послѣдовалъ цѣлый рядъ церковныхъ торжествъ, сопровождавшихъ перенесеніе въ обновленный Московскій Успенскій соборъ чудотворныхъ останковъ великихъ святителей: патріарха Гермогена, почивавшаго дотолѣ въ Чудовѣ монастырѣ, патріарха Іова — изъ Старицы и наконецъ присноблаженнаго сродича Колычовыхъ, Романовыхъ и Шереметевыхъ святаго митрополита Филиппа — изъ отдаленнаго Соловецкаго монастыря.

Въ одинъ и тотъ-же день, 20 марта, въ крестопоклонную недѣлю великаго поста, выѣхали изъ Москвы: митрополитъ Ростовскій

---

[526] Снегиревъ. Богоявленскій монастырь въ Москвѣ, на Никольской улицѣ. М. 1864. стр. 58. № 125.

Варлаамъ въ Старицу — за мощами патріарха Іова и митрополитъ Новгородскій Никонъ въ Соловки — за мощами Святителя Филиппа[527]. Извѣстна повезенная Никономъ грамота Алексѣя Михайловича къ Святителю Филиппу митрополиту, въ которой царь испрашивалъ у прославившагося святостью мученика прощенія своему предку Ивану Грозному: «Молю тя,—писалъ благочестивый государь,—и пріидти тебѣ желаю сѣмо, еже разрѣшити согрѣшеніе прадѣда нашего царя и великаго князя Іоанна, нанесенное на тя неразсудно завистію и неудержаніемъ ярости. Аще и неповиненъ есмь досажденія твоего, но гробъ прадѣдній присно убѣждаетъ мя и въ жалость приводитъ, яко отъ того изгнанія и донесь лишаешися твоея святительскія паствы царствующаго града»[528].

Пять дней спустя послѣ отъѣзда Варлаама и Никона, въ Благовѣщеньевъ день, у государя былъ столъ въ столовой избѣ. Кушалъ патріархъ Іосифъ. Въ ряду бояръ на второмъ мѣстѣ послѣ князя Алексѣя Ники-

---

[527] Дворцовые разряды. Т. III. Спб. 1852. столб. 300 и 301.

[528] Собраніе государственныхъ грамотъ и договоровъ. Ч. 3. М. 1822. № 147.

тича Трубецкаго, сидѣлъ Василій Петровичь Шереметевъ. Сыновьямъ же его указано было смотрѣть въ столы: Петру Васильевичу, вмѣстѣ съ княземъ Юрьемъ Ивановичемъ Ромодановскимъ, въ большой столъ, а Матвѣю Васильевичу, вмѣстѣ съ княземъ Григорьемъ Григорьевичемъ Ромодановскимъ, въ кривой столъ. Вопреки царскому указу, князь Григорій Ромодановскій не пошелъ смотрѣть въ кривой столъ, подавъ челобитную на своего племянника князя Юрья Ромодановскаго, что ему съ нимъ быть невмѣстно. Князь Юрій Ромодановскій возражалъ, что хотя князь Григорій и приходится ему дядей по родству, но ему мочно быть съ нимъ, какъ осьмому сыну у отца своего, тогда какъ онъ, князь Юрій, первый сынъ у своего отца. Царь Алексѣй Михайловичь сказалъ мѣстникамъ, что онъ послѣ велитъ счесть ихъ «старымъ родителямъ», а чтобы теперь они были на указанныхъ мѣстахъ. Но и послѣ этого князь Григорій Ромодановскій не послушалъ государя и въ кривой столъ не смотрѣлъ. Ослушникъ посаженъ былъ въ желѣза, а на его мѣсто посланъ смотрѣть въ кривой столъ, вмѣстѣ съ Матвѣемъ Васильевичемъ Шереметe-

вымъ, стольникъ Григорій Ивановичь Кафтыревъ[529].

«Старые родители» или старшіе родственники, коимъ обыкновенно поручали разбирать мѣстническіе споры, возникавшіе между членами ихъ фамилій, строго наблюдали, чтобы ни въ чемъ не было порухи ихъ роду. Окруженные родословцами и разрядными книгами, которыя бережно хранились въ каждой боярской семьѣ, они зорко слѣдили за всѣми мѣстническими дѣлами, разбиравшимися въ Разрядѣ, справлялись съ старыми случаями, и когда было нужно выступали съ челобитьями отъ имени всѣхъ членовъ своего рода. Такъ въ описываемое время и Василій Петровичь Шереметевъ, какъ старшій въ родѣ, подалъ государю челобитную отъ имени своихъ племянниковъ, дѣтей и внучатъ, на Андрея и Михаила Львовичей Плещеевыхъ, которые, мѣстничая съ княземъ Даниломъ Мышецкимъ, написали въ своихъ случаяхъ или доводахъ, что и отецъ ихъ Левъ Плещеевъ когда-то челомъ билъ на Ивана Пе-

---

[529] Дворцовые разряды. Т. III. Спб. 1852. столб. 302 и 303.— Полное собраніе законовъ Россійской имперіи. Собраніе первое. Т. I. Спб. 1830. № 77.

тровича Шереметева[530]. По челобитной Василья Петровича, думный разрядный дьякъ Семенъ Заборовскій, 28 марта, объявилъ Плещеевымъ: «Государь указалъ, велѣлъ вамъ сказать, что и лучшіе ваши Плещеевы вездѣ менше Шереметевыхъ бывали, и за безчестіе боярина Василья Петровича Шереметева, и дѣтей его, и племянниковъ и внучатъ указалъ государь васъ Андрея и Михайлу бить батоги въ разрядѣ и въ тюрьму послать». Въ тотъ-же день это строгое наказаніе было приведено въ исполненіе[531].

Должно полагать, что тюремное заключеніе не ограничивалось однимъ днемъ, такъ какъ 1 апрѣля, въ день имянинъ царицы Марьи Ильинишны, Плещеевыхъ не было у государева стола. И на сей разъ у государя кушалъ патріархъ Іосифъ; а Петръ Васильевичь и Матвѣй Васильевичь Шереметевы опять смотрѣли въ столы, первый въ большой столъ, вмѣстѣ съ Петромъ Михайловичемъ Пушкинымъ, а второй въ кривой столъ съ Иваномъ Степановичемъ Телепневымъ,

---

[530] Дѣло это кончилось въ пользу Шереметевыхъ (См. книгу вторую нашей исторіи, стр. 378).

[531] Дворцовые разряды. Т. III. Спб. 1852. столб. 303.

Кусковскимъ сосѣдомъ Василья Петровича Шереметева[532].

На шестой недѣлѣ великаго поста (именно 5 апрѣля) возвратился наконецъ изъ Старицы митрополитъ Варлаамъ съ мощами патріарха Іова. Вся Москва вышла на встрѣчу честныхъ мощей, несомыхъ отъ самого Тушина на главахъ стрѣльцовъ. Старые люди говорили, что лѣтъ за семьдесятъ не помнятъ такой многолюдной встрѣчи. Патріархъ Іосифъ, идя рядомъ съ царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ, плакалъ отъ умиленія и, указывая на священный гробъ, сказалъ: «вотъ, смотри, государь, каково хорошо за правду стоять: и по смерти слава». При постановкѣ гроба въ Успенскомъ соборѣ, патріархъ спросилъ государя: «кому въ ногахъ у него лежать»? — Ермогена тутъ положимъ, отвѣтилъ Алексѣй Михайловичъ. Тогда патріархъ промолвилъ: «пожалуй, государь, вели меня грѣшнаго тутъ погресть».

Царь Алексѣй Михайловичъ съ великимъ подивленіемъ вспомнилъ этотъ послѣдній разговоръ десять дней спустя, когда совершенно неожиданно скончался самъ патріархъ

532 Дворцовые разряды. Т. III. Спб. 1852. столб. 304.

Іосифъ. Святитель чувствовалъ себя дурно еще въ Вербное Воскресенье, но все-таки творилъ обычное хожденіе на осляти; только «кручиноватъ добрѣ былъ, въ ходу никто не могъ угодить ему, на всѣхъ кручинился». 15 апрѣля, въ великій четвергъ, въ 2 часа по полудни, трикратные удары въ царь-колоколъ возвѣстили Москвѣ о кончинѣ святѣйшаго патріарха Іосифа. Смерть не исказила величаваго лика почившаго святителя. Царь Алексѣй Михайловичь писалъ Никону, что патріархъ лежалъ во гробѣ какъ живой: «и вѣры нейметея, что онъ, государь отецъ нашъ, преставился; таковъ хорошъ лежитъ во гробѣ, только не говоритъ»[533]. Блюстителемъ патріаршаго престола назначенъ былъ престарѣлый митрополитъ Ростовскій Варлаамъ[534], а въ церквахъ «многолѣтны указано было пѣть» вмѣсто патріарха: «Спаси, Господи, вселенскихъ патріарховъ, и митрополитовъ, и архіепископовъ нашихъ, и вся христіяны»[535].

---

[533] Акты, собранные Археографическою экспедиціею. Т. IV. Спб. 1836. № 57.

[534] Московскіе патріархи. М. 1848. стр. 41.

[535] Акты, собранные Археографическою экспедиціею. Т. IV. Спб. 1836. № 57.

Въ Свѣтлое Христово Воскресенье, 18 апрѣля, у государя былъ обычный праздничный столъ, за которымъ сидѣли четыре митрополита, архіепископы, архимандриты и игумены. Въ большой столъ смотрѣлъ Петръ Васильевичъ Шереметевъ съ Андреемъ Ивановичемъ Колычовымъ, а въ кривой столъ — Матвѣй Васильевичъ Шереметевъ съ Семеномъ Ивановичемъ Колычовымъ.

На третій день праздника оба брата Шереметевы ходили съ государемъ въ село Хорошево, гдѣ пробыли трое сутокъ[536]; а въ Ѳомино Воскресенье, 25 апрѣля 1652 года, Богъ даровалъ государеву стольнику Петру Васильевичу Шереметеву сына Бориса, предъизбраннаго судьбою для вящшаго прославленія своего рода.

Будущій вождь Россійскаго войска, сподвижникъ Великаго Петра, увидѣлъ свѣтъ подъ мирною сѣнью старыхъ вязовъ, въ приходѣ Николы въ Гнѣздникахъ, въ домѣ своего дѣда боярина Василья Петровича Шереметева. Его мать, Анна Ѳедоровна, была изъ рода Волынскихъ, считавшихъ своимъ родо-

[536] Дворцовые разряды. Т. III. Спб. 1852. столб. 306—309.

начальникомъ Рюриковича, князя Дмитрія Михайловича Волынскаго Боброка[537], знаменитаго участника Куликовской битвы.

КОНЕЦЪ ТРЕТЬЕЙ КНИГИ.

[537] Князь Лобановъ-Ростовскій. Русская родословная книга. Спб. 1873. стр. 141, № 1 и стр. 146, № 165.

ДУХОВНАЯ

И

ИЗУСТНАЯ ПАМЯТЬ

БОЯРИНА

ѲЕДОРА ИВАНОВИЧА

ШЕРЕМЕТЕВА

Во имя святыя и живоначалныя и нераздѣлимыя троицы, отца и сына и святаго духа. Яз раб божии
Федор Иванович сын Шереметев пишу сию духовную память своим целым смыслом. Постиже мя
старость, и опасаюся приключныя болѣзни, ничто ж не помышляю, разве смерти и испо[вѣди] будуще-
щаго отвѣта, не вѣдѣ что отвѣщаю. Я памяти прошу и бил челом со слезными слезами блаженные
памяти государю царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Русии, что он государь призрил
по смерти моей грешную мою душу, и в духовную мою имя свое государьское написати изволил. И ныне
государь на память ко мне изволил, пожаловал меня холопа своего, велел свое государьское
имя в духовную мою написати и душу мою грешную строити и приказати. И божиим праведным
судом за моими великими грехи его государя не стало. И ныне прошу и бью челом со слезами
и прилагаю сыну его государеву царю и великому князю Алексѣю Михаиловичю всеа Русии,
что помятя отца своего государева блаженные памяти государя нашего царя и великого князя Михаила
Федоровича всеа Русии и по своей государьской милости пожаловал холопа своего, призрил по смерти моей
на мою грешную душу, и имя свое государьское в духовную мне написати велел. И ты государь меня
холопа своего пожаловал, велел свое государьское имя в духовную мою написати. И помятя и по-
дѣлбу милостиваго и праведнаго государя нашего, помятя, по милости ж своей и по своему государьскому
слову к себе, со сердечными слезами прошу и челом бью государю царю и великому князю Але-
ксѣю Михаиловичю всеа Русии: сотвори праведный государь милость со грешною моею убогою
душею и со оставшими моими, до смерти моей, при моем
праведным судом божиим разлучение души моей грешныя от тела. Прикажи государь по-
грести грешное мое тело в дому пречистые богородицы честнаго и славнаго ея успения Ки-
рилова монастыря Бѣлозерского чюдотворца, подле сына моего, государьства нашего

1. ДУХОВНАЯ БОЯРИНА ѲЕДОРА ИВАНОВИЧА ШЕРЕМЕТЕВА, 29 НОЯБРЯ 1645 ГОДА *.

Во имя Святые, Живоначалные і неразделимые Троицы, Отца і Сына і Святаго Духа. Язъ, рабъ Божиі Федоръ Івановъ сынъ Шереметевъ, пишу сию духовную в своемъ цѣломъ смыслу. Постиже мя старость, і впадохъ в различные болѣзни, ничтоже помыслихъ, развее смерть и судъ Спасовъ будущаго вѣка; не вѣмъ, что сотворю. И я милості просилъ и билъ челомъ сердечными слезами блаженные памяті государю царю і великому князю Михаилу Федоровичю всеа Русиі, чтобъ онъ, государь, призрилъ, по смерти моей, грѣшную мою душу і в духовную бъ мою имя свое государьское написати велѣлъ; і ево государьская милость надо мною взыскалась: пожаловалъ меня, холопа своего, велѣлъ свое государское имя в духовной моей написаті и душу мою грѣшную строиті и приказаті. І Божиімъ праведнымъ судомъ, а моимъ великимъ грехомъ, ево, государя, не стало. И язъ мило-

* См. выше, стр. 319—336.

сти просилъ и билъ челомъ милостивому и праведному сыну ево, государю нашему, царю і великому князю Алексѣю Михайловичю всеа Русиі, чтобъ по милости отца своего, блаженные памяті государя нашего, царя і великого князя Михаила Федоровича всеа Русиі, и по своей государьской милости ко мнѣ, холопу своему, призрилъ, по смерті моей, на мою грѣшную душу и имя свое государьское въ духовной мнѣ написаті велѣлъ; і онъ, государь, меня, холопа своего, пожаловалъ, велѣлъ свое государево имя въ духовной моей написати. І по милости и по повелѣнью милостиваго і праведнаго государя нашего, по милостивому призрѣнью і по ево государьскому слову к себѣ, сердечными слезами милості прошу и челомъ бью государю царю і великому князю Алексѣю Михаиловичю всеа Русиі: сотвори, праведный государь, милость со отшедшею моею убогою душею, и со оставшими моими дочерми и со внучаты, дочери моей детми, какъ придетъ праведный судъ Божиі, разлучение души моей отъ грѣшнаго тѣла, прикажи, государь, погрести грѣшное мое тѣло в монастырѣ Пречистые Богородицы честнаго і славнаго ея Успения і преподобнаго Кирила Белоозерского Чюдотворца, подле сына моего Алексѣя, и душу мою грѣшную поминати, і дочерей моихъ і внучатъ, дочери моей детей, пожалуй по моему слезному прошенью, по духовной моей, и какъ тебѣ милостівому государю Богъ известитъ, іли и свыше моего слезного прошенья велишь грѣшную мою душу устроити и помянуті и дочерей і внучатъ моихъ пожалуешь; и пожалуй,

государь, вели по духовной моей себя, государя, докладывати зятю моему, боярину князю Миките Івановичу Одоевскому. Челомъ бью государю царю і великому князю Алексѣю Михайловичю всеа Русиі отца ево, государева, блаженные памяти государя царя і великого князя Михаила Федоровича всеа Русиі і ево государскимъ жалованьемъ выслуженою своею і выменною, что выменено на Резанскую мою вотчину на Аристово, Курово тожъ, і прикупною вотчиною, і ево жъ государевымъ жалованьемъ придачею землею к починкамъ х Кузнецову да к Высокому, въ Юрьеветцкомъ уѣзде Поволъского, волостью Соколскою, со всѣми угодьи, какъ было прежъ ево, государева, жалованья моей дачи за нимъ же, государемъ. Да пожаловаті велѣті даті в домъ Пречистые Богородицы честнаго и славнаго ея Успения и Кирила Белоозерского Чюдотворца вкладу по моей грѣшной душе к прежнимъ моимъ дачамъ і к вотчинамъ, к Нижегороцкой вотчине, к селу Меленкамъ з деревнями, да в Пронскомъ уѣзде, к селу Микитцкому, Переладниково тожъ, з деревнями и с пустошми, триста рублевъ. А что прежъ сего дано, и тому даные и государевы жалованые грамоты. А что на выносе и на отпеванье дати по моей грѣшной душе патриарху і властемъ, которые будутъ на Москвѣ, и отцу моему духовному, и к церквамъ на сорокоусты, и ково чѣмъ благословляті, и тому роспись за моею Федоровою рукою. Да племянникомъ своимъ даю вотчины свои родовые: боярину Івану Петровичю Шереметеву вотчина на Коломне, село Городня, а Воскресенское тожъ, з деревнями,

да в Переславле Резанскомъ уѣздѣ, деревня Стенкино да деревня Демкино. Боярину Василью Петровичю Шереметеву вотчины: в Коломенскомъ уѣздѣ, селцо Мещериново з деревнями, да в Переславлѣ Резанскомъ уѣздѣ, село Песочня з деревнями, да в Московскомъ уѣздѣ, селцо, что была деревня Кускова, опричь купли отца моего и моей села Вешнякова и деревень и пустошей; а та деревня Кускова дѣда моего Василья Ондрѣевича жалованье отцу моему Івану Васильевичю; а дѣдъ мой, Василей Ондрѣевичь, тоѣ деревню выменилъ у Александра Ондрѣевича Пушкина на Бѣжецкую свою вотчину на починокъ Алифинцово, и та меновная у меня; а межа тому селцу Кускову половина пруда болшово в длину, потому что тотъ прудъ здѣланъ на вопчей Кусковской да на Марьинской землѣ. А з другую сторону Кусковская земля смежно с пустошью Щетининою, а межъ пустоши Щетинины и Кускова на межахъ ямы покопаны и столбы з гранми поставлены. А тѣ обе пустоши Щетинино и Марьино купля отца моего Івана Васильевича. А съ третью сторону смежно Спаса Ондроньева монастыря с вотчинной деревнею Владычнею да боярина князя Івана Ондрѣевича Голицына с вотчинною деревнею Губиною, Гирѣево тожъ. А с четвертую сторону смежно с вотчиною боярина князя Федора Семеновича Куракина з деревнею Тетеревниками. Борису Петровичю Шереметеву вотчина, в Влодимерскомъ уѣздѣ, село Филисово, Сенегъ тожъ, з деревнями и с пустошми; да к тому жъ селу купленую свою вотчину полпустоши Зворыково, со всѣми угодьи. Да крестнику моему, князю

Льву Александровичю Шлякову-Чежскому, дати вотчину мою, в Коломенскомъ уѣзде, деревню Івановскую, Кобяково тожъ, з деревнями и с пустошми; а та вотчина купля отца моего Івана Васильевича, и пожаловалъ еѣ мнѣ. А будетъ князя Льва Александровича судомъ Божиимъ не станетъ бездѣтна, и та вотчина внукѣ моей, а его, князь Львове, княгине Марѳе Васильевне; а будетъ внуки моей княгини Марѳы не станетъ бездѣтной, и та моя вотчина брату еѣ, а моему внуку, Петру Васильевичю Шереметеву. Да после пожару 134-го году, далъ мнѣ діакъ Семенъ Собакинъ на дворовое строенье пятдесятъ рублевъ безкобално, а онъ, Семенъ, у меня взялъ иноходецъ кауръ Нагайской за дватцать рублевъ; и Семенову сыну Сабакина Василью заплатити тритцать рублевъ. Да во 126-мъ году, взялъ я у Григорья Микитинкова товару, идучи на Литовское посолство, подлинно не упомню, на семдесятъ или на семдесятъ на пять или на восмъдесятъ рублевъ, и то ему заплатіти. Да зятю своему, боярину князю Миките Івановичю Одоевскому, даю дворъ свой Московской, в Кремлѣ городе, на дворѣ церковь каменая Бориса и Глѣба с пределы; а поставилъ я на томъ своемъ дворѣ трои хоромы каменые, а на нихъ верхние полаты, а подъ ними полата жъ да мылня; а у всѣхъ хоромъ сѣни и крылцы да сушилы и чердакъ и поварня и хлѣбня каменые; а что была поварня, и я подъ нею здѣлалъ ледникъ, а в поварне полату. А тѣмъ дворомъ пожаловалъ меня блаженные памяті государь царь і великій князь Михайло Федоровичь всеа Русиі, вмѣсто взятого моего двора, что взялъ

у меня дворъ с полаты царь Борисъ Федоровичь, в Кремлѣ городе, противъ Николы Гостунского, и тотъ мой дворъ розарилъ: дватцать шесть житей полатныхъ и погребныхъ велѣлъ розломати; а тотъ дворъ былъ государя царя Івана Васильевича родново брата, князя Юрья Васильевича. І царь Іванъ Васильевичь тотъ дворъ далъ отцу моему Івану Васильевичю; а за тотъ дворъ велѣлъ взяті у отца моего у Івана Васильевича двема дворами и денгами семь тысячь восмъсотъ рублевъ. И блаженные памяти государя царя і великаго князя Михаила Федоровича всеа Русиі жаловалная грамота на тотъ дворъ мнѣ дана. І зятю моему, боярину князю Миките Івановичю, того моего двора, опричь сына своего, а моего внука, князя Якова, дѣтемъ своимъ никоторому не дати; а дати сыну своему, а моему внуку, князю Якову. Да зятя жъ своего, боярина князя Микиты Івановича Одоевского княгине Овдотье, а своей дочери, да другой своей дочери старице Александре даю вотчину, имъ обѣимъ вопчѣ, в Костромскомъ уѣзде, в Нерехоцкомъ стану, село Борисоглѣбское, а Емсна тожъ, на рекѣ на Солонице, да на рѣчке Емснѣ. Да к тому жъ селу тритцать двѣ деревні крестьянскихъ и с хлѣбомъ землянымъ, опричь житничново и стоячево хлѣба, да деревня Попова, да деревня Люцкая, да на рекѣ Солонице двѣ мелницы, колеса Немецкие, опричь жеребцовъ и кобылъ и жеребятъ, что в томъ селѣ ни будетъ; а тѣ жеребцы и кобылы и жеребята даті после моего живота в Кириловъ монастырь. А тѣмъ селомъ Борисоглѣбскимъ і деревнями пожаловалъ государь царь и великиі князь Іванъ Василье-

вичь всеа Русiи, отца моего Iвана Васильевича в вотчину после роздѣлу и смертi дяди моево Микиты, какъ розделился отецъ мой со всѣми своими братьями, а с моими дяди. А въ грамоте государя царя i великого князя Iвана Васильевича всеа Русiи написано отцу моему Iвану Васильевичю тоѣ Костромские вотчины мимо сына своего никому не отдатi; и отецъ мой Iванъ Васильевичь тоѣ вотчину пожаловалъ мнѣ, сыну своему, i в духовной своей написалъ мнѣ, а та духовная свидѣтелствована Антониемъ, митрополитомъ Московскимъ i всеа Русiи, i волно дочерямъ моимъ продати и заложитi и дѣтемъ своимъ отдати i в приданые дати. А дочери моей, старице Александре, своей половины вотчины села Борисоглѣбсково з деревнями, мимо сестры своей, княгини Овдотьи, никому не продати и не заложитi i в монастырь по душе не отдати, а продати ей сестрѣ своей, а взяти за нее тысячю рублевъ; а будетъ дочери моей, княгини Овдотьи, судомъ Божиимъ не станетъ, и дочери моей, старице Александре, своей половины вотчины, мимо племянниковъ своихъ, сестры своей дѣтей, никому не продати и не заложитi и никому не отдати, а взяти у нихъ тожъ тысячю рублевъ. Да внуку свою, боярина князь Никитину дочь Iвановича, княжну Порасковью ссваталъ я за князь Григорья Сунчалѣевича Черкаского; а дати за нею приданово саженья и платья, и съ мыленными дарами, по рядной три тысячи рублевъ, да три вотчины: в Московскомъ уѣзде, село Богороцкое з деревнями и с пустошми, да село Воскресенское з деревнями и с пустошми, да въ

Кашинскомъ уѣзде, в трехъ мѣстехъ, что было село Глухово з деревнями и с починки, да Нижняя з деревнями и с починки, да пустошь Высокое. А будетъ судомъ Божиимъ внуки моей, княги(ни) Порасковьи Никитичной, не станетъ бездѣтной, и тѣ мои приданыя вотчины братьямъ ее: князю Михаилу Никитичю Кашинские вотчины Глухово, Нижнее, Высокое; князю Федору Никитичю в Московскомъ уѣзде Воскресенское с деревнями и с путошми; князю Якову Никитичю село Богороцкое, что была деревня Лодыгино, з деревнями и с пустошми. Внуку своему князю Михаилу Микитичю Одоевскому даю вотчину, в Московскомъ уѣзде, въ Бохове стану, селцо Болшево, на рекѣ на Клязме, да деревня, что была пустошь Городище, с пустошми, а ту вотчину купилъ я ис подмосковного своего помѣстья. А будетъ судомъ Божиимъ князя Михаила Микитича не станетъ безъдѣтна, и та вотчина моя дача братьямъ ево: князю Федору да князю Алексѣю Никитичемъ, на роздѣлъ. Внуку своему, князю Федору Никитичю Одоевскому, даю вотчину, в Московскомъ уѣзде, въ Доблинскомъ стану, деревня Есинова, Іванисово тоже, з деревнями и с пустошми; а та вотчина купля отца моего Івана Васильевича; а при царѣ Борисе Федоровиче та вотчина у меня была отнята и отдана в помѣстье боярину князю Дмитрею Мамстрюковичю Черкаскому, і блаженные памяти государь царь і великій князь Михайло Феодоровичь всеа Русиі тою вотчиною отца моего купли пожаловалъ меня по прежнему, по духовной отца моего Івана Васильевича. А будетъ су-

домъ Божиимъ князя Федора Никитича не станетъ бездѣтна, и та вотчина моя дача братьямъ ево: князю Михаилу да князю Алексѣю Никитичемъ, на роздѣлъ. Внуку своему, князю Алексѣю Никитичю, даю вотчину в Костромскомъ уѣзде, въ Хоруганове стану, селцо Яковлевское з деревнями і с пустошми; а ту вотчину купилъ я у Грязново-Івашева, во иноцехъ старецъ Іона; да деревню Моклоково, да деревню Быково, да пустошь Бодаково, да пустошь Василево, да пустошь Змейкино; а тѣ деревни и пустоши купилъ я у Івана Внукова; да к тому жъ селцу и деревнямъ отхожие подъ Нерехтою луги Сороки, а тѣ луги купилъ я по государеву жалованью из оброчныхъ Нерехоцкихъ земель в вотчину. А будетъ судомъ Божиимъ князя Алексѣя Никитича не станетъ бездѣтна жъ, и та вотчина моя дача дочерямъ моимъ: княгине Овдотье да старице Александре. Внуку своему, князю Якову Никитичю Одоевскому, даю вотчины: в Московскомъ уѣзде, в Васильцове стану, селцо, что была деревня Вешняково, а Найденовское и Чюрилово и Позняково тожъ; да пустошь, что была деревня Мошково, а Посокинское и Марково и Запрудное тожъ; пустошь, что была деревня Копытово, а Молахово и Якимово тожъ; пустошь, что была деревня Олексѣевское, а Койкино и Дяткино тожъ; пустошь другое Власово, а Мишино и Поддубное тожъ; пустошь Роспопинское; пустошь Баклановское, а Чертово тожъ; пустошь Старое Власово, а Загорное и Забережинское тожъ; а тѣ всѣ пустоши припущены и роспаханы в поля; деревня Стафурово, а Выхонь тожъ,

на рѣчке на Выхонке; деревня Калинино, Шмотино и Гавриловское і\ Вязовки тожъ, перенесена ко Кжелской болшой дороге; пустошь Щетинино с прудомъ припущена в лугъ; пустошь Марьино, а Запрудное тожъ, у болшово пруда, припущена к Вешняковскому полю, на ней огородъ и садъ и люцкие дворы. А то селцо и деревни и пустоши купля отца моего Івана Васильевича; а в духовной отца моего Івана Васильевича та вотчина написана мнѣ. А прудъ болшой на вопчей на Кусковской да на Марьинской пустоши землѣ, и тотъ прудъ племяннику моему боярину Василью Петровичю Шереметеву да внуку моему князю Якову Никитичю Одоевскому, вдоль пополамъ. Да к селцу жъ Вешнякову купилъ я ис Помѣстного приказу пустошь Воробьево, была она в помѣстье за князь Федоромъ да за княземъ Іваномъ Татевыми; да пустошь Шуклино, да пустошь Бортное, а Клешнино и Климово тожъ; а были тѣ пустоши князь Борисовы жены Татева княгини Марьи, а после еѣ смерті тѣ пустоши помѣчены были дати в помѣстье зятю еѣ, боярину князь Федору Семеновичю Куракину, и онъ, бояринъ князь Федоръ Семеновичь, тѣ пустоши поступился мнѣ, и по той ево поступке тѣ пустоши проданы мнѣ ис Помѣстного приказу в вотчину. Да за рѣчкою за Выхонью пустошь Тиуново, Жулебино и Онофреево селцо тоже, да пустошь Домрачѣево; а тѣ пустоши куплены ис Помѣстного жъ приказу, ис порозжихъ земель. Да в Московскомъ же уѣзде, в стану в Замосковномъ Раменейце, селцо Марково з деревнями и с пустошми; а то селцо Марково

з деревнями и с пустошми купилъ я ис Помѣстного приказу, ис порозжихъ земель, да изъ примѣрные земли Бориса Дворяникова да Григорья Горихвостова; да в Горѣтове стану, селцо Архангелское, что было Уполозы, да деревня, что была пустошь Захарково, да пустошь Саванино; да в Вяземскомъ стану, деревня Лохино, да пустошь Олферково, да пустошь, что ныне деревня Оксаево; да в Сѣтунскомъ стану, пустошь Высокое, да пустошь Роздоры, а Розлоги тожъ, а то селцо Архангелское, Уполозы тожъ, купилъ я у Григорья да у сына ево у Михайла, да у Алексѣя, да у Семена Кирѣевскихъ, да у Михайла Ушакова; а деревню, что была пустошь Лохино, да пустошь Олферково купилъ я у Льва Офонасьевича Плещѣева; а пустошь, что ныне деревня Оксаево, с озеромъ купилъ я у печатника у Федора Лихачева; а пустошь Саванино купилъ у Василья Богданова сына Лихачева; а пустошь Высокое купилъ я окольничего у Львовы жены Карпова, у вдовы Марьи Семеновны; а пустошь Розлоги, Роздоры тожъ, куплено блаженные памяти государя царя і великого князя Михаила Федоровича всеа Русіі жалованью по подписной челобитной ис приказу Болшово Дворца. Да в Медвенскомъ стану, вотчина деревня Соларева, а Солословля тожъ, с пустошми, да отхожей лугъ на Москвѣ рекѣ, а та вотчина за мною была в подмосковномъ помѣстье і ис помѣстья дана мнѣ в вотчину за Московское осадное сидѣнье королевичева приходу да за посолской съѣздъ; а послѣ того ту я выслуженую свою вотчину купилъ в вотчину жъ. Да вотчина

в Нижегородскомъ уѣзде, в Закудемскомъ стану, селцо Кадницы з деревнями, а в селцѣ торгъ да кабакъ; да мелница на рекѣ на Кудме, колесо болшое Немецкое. А тоѣ вотчину селцо Кадницы з деревнями, да в Нижегороцкомъ же уѣзде селцо Меленки з деревнями царь і великій князь Іванъ Васильевичь всеа Русіі пожаловалъ отцу моему Івану Васильевичю вмѣсто отца моего купленыхъ вотчинъ, в Волотцкомъ уѣздѣ, села Бухалова да селца Высоково з деревнями; а тѣ отца моего Волоцкие купленые села и деревни царь Іванъ Васильевичь взялъ къ своимъ государевымъ дворцовымъ селамъ; а село Меленки з деревнями по царской къ себѣ милостi отдалъ я при себѣ по своей душе вкладу на Белоозеро въ Кириловъ монастырь, в прокъ, безъ выкупу. І государева жаловалная грамота на ту вотчину в Кириловъ монастырь ис Помѣстного приказу дана, а язъ на ту вотчину в Кириловъ монастырь далъ даную за своею рукою. Да ему жъ князю Якову вотчина в Нижегороцкомъ же уѣзде, в Березаполскомъ стану, на Окѣ рекѣ, на Мещерскихъ горахъ погостъ Николы Чюдотворца, да деревня Кожухово з деревнями; в деревне Избылцѣ торгъ да кабакъ; да на рекѣ на Сеймѣ мелница, колесо болшое Немецкое; а та вотчина была за мною в помѣстье і ис помѣстья дано мнѣ в вотчину за Московское осадное сидѣнье королевичева приходу да за посолской съѣздъ, а после того ту свою выслуженую вотчину купилъ я в вотчину жъ. Да в Березаполскомъ же стану, вотчина деревня Кузнечиха, а та у меня вотчинная деревня куплена у Василья Жем-

чюжникова. Да в Галицкомъ уѣзде, в Нейской волості, погостъ Покровской, на рекѣ на Нее, з деревнями и с починки и с пустошми; а тѣмъ погостомъ и деревнями и починками и пустошми блаженные памяти государь царь і великий князь Михайло Федоровичь всеа Русіі пожаловалъ меня ис черныхъ волостей за Московское осадное сидѣнье королевичева приходу і за посолские съѣзды в вотчину, а после того ту свою выслуженую вотчину и с примѣрною землею, что примѣрили писцы, купилъ я в вотчину жъ, а в купчей написано: волно мнѣ тѣ свои выслуженые вотчины отдаті кому хочю. Да внуку жъ моему, князю Якову Никитичю, в Нижнемъ Новѣгороде, дворъ в городе и с прикупными мѣстами и со всякимъ дворовымъ строеньемъ. А что в тѣхъ моихъ вотчинахъ, которые написаны внуку моему князю Якову, всякихъ моихъ животовъ и лошадей, и что послѣ моего живота останетца моихъ животовъ за моею роздачею: саженья, жемчюгу и перстней золотыхъ и всякие кузни и платья, і судовъ серебреныхъ и оловянныхъ і мѣдныхъ, і всякие служилые рухляди, и доспѣху, и сабель, и пищалей, и мушкетовъ, и карабиновъ, и сѣделъ, и нарядовъ конскихъ, и корѣтъ, и возковъ, і всякие рухляди, и годовыхъ всякихъ запасовъ в житницахъ, и то все внуку жъ моему, князю Якову Никитичю. Да внуку жъ моему, князю Якову Никитичю, дворъ мой в Бѣломъ городе, на Хохловке, межъ Покровскихъ и Яускихъ воротъ, со всякимъ дворовымъ строеньемъ и з житницы, опричь хлѣба; да за Петровскими вороты, в Земляномъ городе,

огородъ; а тотъ огородъ блаженные памяти государя царя і великого князя Михаила Федоровича всеа Русиі проданъ мнѣ, и купчая на тотъ огородъ мнѣ дана; и тотъ огородъ внучатомъ моимъ: князю Федору да князю Якову Никитичемъ Одоевскимъ пополамъ; а избы болшие мои, а меншие люцкіе собинные. А будетъ судомъ Божіимъ внука моево князя Якова Никитича не станетъ бездѣтна, и дворы мои продаті, а денги роздати по моей убогой душе на церковное строенье, і в монастыри, и полоненикомъ на окупы. А вотчины моей дачи розделити по себѣ братье ево. А что после моего живота останетца всяково запасново хлѣба, опричь расходново годового хлѣба, на Москвѣ и въ деревняхъ в житницахъ моло̂ченово и не молоченово, и тотъ хлѣбъ весь продати, а денги роздати по моей убогой душе по росписи, кому будетъ написано. А людемъ моимъ полнымъ и купленымъ и всякимъ крепостнымъ после моей смерті дати воля, и надѣлку имъ дати по ихъ окладомъ жалованье вдвое. А которымъ людемъ написано будетъ даті не по окладомъ, и тѣмъ людемъ дати по росписи, кому что написано. А сю духовную писалъ я, Федоръ, по милості к себѣ блаженные памяти государя царя і великого князя Михаила Федоровича всеа Русиі, сь ево государьского повелѣнья, по подписной челобитной, за помѣтою думного діака Григорья Львова; а ту челобитную отдалъ я зятю своему, боярину князю Миките Івановичю Одоевскому, да дочери своей, а ево женѣ, княгине Овдотье. А до купленыхъ вотчинъ отца моего, и что пожаловалъ царь Іванъ Васильевичь отцу

моему вотчину, в Костромскомъ уѣзде, село Борисоглѣбское, Емсна тожъ, з деревнями и с пустошми, и до моихъ купленыхъ вотчинъ и до дворовъ моихъ и до животовъ, что я въ сей духовной написалъ зятю своему и дочерямъ своимъ і внучатомъ, дочери моей дѣтемъ, роду моему Шереметевымъ дѣла нѣтъ. А до родовыхъ вотчинъ, что я написалъ роду своему Шереметевымъ, и до тоѣ вотчины, что я написалъ купли отца своего крестнику своему князю Лву Александровичю Шлякову-Чежскому, и до тѣхъ вотчинъ зятю моему и дочерямъ моимъ і внучатомъ, дочери моей дѣтемъ, дѣла нѣтъ: крѣпки имъ вотчины по сей моей духовной, кому которые написаны. А что я, по государеву имянному указу, далъ при себѣ в Кириловъ монастырь двѣ вотчины, по сыне своемъ и по себѣ в вѣчной поминокъ, в прокъ, безъ выкупу, и до тѣхъ вотчинъ роду моему Шереметевымъ, и зятю моему, и дочерямъ моимъ і внучатомъ, дочери моей дѣтемъ, дѣла нѣтъ, и тѣхъ вотчинъ изъ монастыря не выкупать, а быти имъ в Кирилове монастырѣ по государевымъ жаловалнымъ грамотамъ и по моимъ вкладнымъ и по сей моей духовной, в прокъ, безъ выкупу, по мнѣ и по сыне моемъ и по родителехъ моихъ в вѣчной поминокъ. А хто сю мою духовную нарушитъ, тово со мною судитъ Богъ. А у сей духовной сидѣли бояре: князь Яковъ Куденетовичь Черкаской, да князь Микита Івановичь Одоевской, да отецъ мой духовной Богородицкой протопопъ Григорей. А сю духовную писалъ, по приказу боярина Федора Івановича Шереме-

тева, Оптекарского приказу подъячей Микифорко Валцовъ лѣта 7154-го ноября въ 29 день.

2. ИЗУСТНАЯ ПАМЯТЬ БОЯРИНА ѲЕДОРА ИВАНОВИЧА ШЕРЕМЕТЕВА, 21 ІЮНЯ 1649 года *.

Се азъ, Федоръ Івановъ сынъ Шереметевъ, пишу сию изустную память в цѣломъ своемъ умѣ. В прошломъ 154-мъ году билъ я челомъ государю царю і великому князю Алексѣю Михайловичу всеа Русиі, чтобъ онъ, государь, по милости ко мнѣ отца своево государева, блаженные памяти государя нашего, царя і великаго князя Михаила Ѳедоровича всеа Русиі, і по своей государской милости ко мнѣ, пожаловалъ меня, холопа своего, велѣлъ бы мнѣ свое государское имя въ духовной моей написать и по смерти моей грѣшную мою душу поминать. I государь царь і великій князь Алексѣй Михайловичь всеа Русиі, меня, холопа своего, пожаловалъ в духовной моей мнѣ свое государево имя написать велѣлъ. И тово жъ 154 году ноября въ 29 день, духовную язъ написалъ; а у духовной моей сидѣли бояре: князь Яковъ Куденетовичь Черкаской, да зять мой бояринъ князь Никита Івановичь Одоевской, да отецъ мой духовной Богородицкой протопопъ Григорей, и руки ихъ у той духовной приложены, да и моя, Ѳедорова, рука у той моей духовной есть. И после тоѣ моей духовной многое переменилось,

* См. выше, стр. 392—403.

иное прибыло, а иное убыло, і для того язъ пишу сію изустную память, и бью челомъ и милости прошу у государя царя і великого князя Алексѣя Михайловича всеа Русіі, чтобъ пожаловалъ меня, холопа своево, по смерти моей мою грѣшную душу, что после той моей духовной не переменилось, и тѣмъ быть по духовной моей; а что переменилось, прибыло или убыло, и тѣмъ статьямъ быть такъ, какъ в сей моей изустной памяти написаны. Челомъ бью государю царю і великому князю Алексѣю Михайловичю всеа Русіі: крестъ золотъ с мощми обнизанъ жемчюгомъ, в немъ пять яхонтовъ лазоревыхъ. Да въ духовной моей написано дати в Кириловъ монастырь, по моей грѣшной душѣ, к прежнимъ моимъ вкладомъ, триста рублевъ, и ныне дать по сей моей изустной памяти сто рублевъ, а двѣсте рублевъ язъ далъ при себѣ. Да въ духовноі же моей написано, что на выносе і на отпеванье дать по моей грѣшной душѣ патриарху і властемъ, которые в ту пору будутъ на Москвѣ, и отцу моему духовному, и къ церквамъ на сорокоусты, и ково чѣмъ благословлять, и тому роспись за моею Ѳедоровою рукою; и тому росписи за моею рукою нѣтъ, потому что грѣхомъ моимъ постигла меня слѣпота. А денегъ у меня на поминокъ, на годовые сорокоусты, на триста церквей три тысячи рублевъ, да на выносъ и на отпеванье триста тритцать девять рублевъ десять алтынъ; да людямъ на надѣлки и нищимъ на милостыню двѣ тысячи рублевъ; да что продадутъ хлѣба моево і изъ долговъ возмутъ денегъ, и іс тѣхъ денегъ дати полоняникомъ на окупъ

двѣ тысечи рублевъ. Да в духовной же моей написано: племяннику моему боярину Івану Петровичю Шереметеву вотчина, в Коломенскомъ уѣзде, село Городня, а Воскресенское тожъ, з деревнями і со всѣми угодьи, да в Переславскомъ уѣзде Резанского, двѣ деревни: деревня Стенкино, деревня Демкино. Да племяннику моему боярину Василью Петровичю Шереметеву написана родовая жъ моя вотчина, в Коломенскомъ уѣзде, село Мещериново з деревнями и со всѣми угодьи, да в Переславскомъ уѣзде Резансково, село Песошня з деревнями і со всѣми угодьи, да въ Московскомъ уѣзде, селцо, что была деревня Кусково, опричь купли отца моево и моей села Вешнякова и деревень и пустошей. Да в духовной же моей написано: крестнику моему, князю Лву Александровичю Шлякову-Чешскому, вотчина въ Коломенскомъ уѣзде, деревня Ивановская, а Кобякова тожъ, з деревнями и с починки и с пустошми и со всѣми угодьи. И судомъ Божиимъ племянника моево боярина Івана Петровича, во иноцехъ Іоны, не стало, и язъ далъ дѣтемъ ево Василью родовую свою вотчину, в Коломенскомъ уѣзде, село Городню, а Воскресенское тожъ, з деревнями и со всѣми угодьи того жъ, что была написана в духовной моей отцу ево. А брату ево Никите далъ родовую жъ и куплю отца своего вотчину, в Коломенскомъ же уѣзде, деревню Івановскую, а Кобяково тожъ, з деревнями и с починки і со всѣми угодьи, что была та вотчина написана в духовной моей крестнику моему, князю Лву Александровичю Шлякову-Чешьскому. А что написано было в духовной

моей вотчина, в Переславскомъ уѣзде Резансково, деревня Стенкино да деревня Демкино племяннику моему боярину Івану Петровичу, во иноцехъ Іоне, и тоѣ язъ вотчину далъ племяннику жъ своему, а ево Іванову брату, боярину Василью Петровичю Шереметеву, к своей же даче к вотчине къ селу Песошне, для того что та вотчина дана дяде моему Ѳедору Васильевичю за Неневаръдскую службу вмѣсте с Песошнею; и на тѣ вотчины племянникомъ своимъ і внучатомъ даные далъ, і в Помѣстномъ приказе по тѣмъ данымъ тѣ вотчины за ними записаны, и пошлины язъ с тѣхъ вотчинъ записные по данымъ платилъ, і старые крѣпости всѣ на тѣ вотчины отдалъ имъ в нынешнемъ во 157-мъ году. І внукъ мой Василей Івановъ сынъ Шереметевъ мою себѣ дачю вотчину въ Коломенскомъ уѣзде село Городню, а Воскресенское тожъ, з деревнями и со всѣми угодьи променилъ полюбовно брату своему, а моему внуку, князю Якову Одоевскому на мою жъ ему дачю, что язъ ему далъ в Московскомъ уѣзде на селцо Селарево, а Солослово тожъ, для того что селцо Селарево, а Солослово тожъ, смежно съ ево Васильевою подмосковною вотчиною, с селцомъ з Бузаевымъ; а принялъ онъ, Василей, у нево, князь Якова, к той своей вотчине, к моей себѣ даче, к селцу Городнѣ, а Воскресенское тожъ, денегъ, і в томъ промежъ себя укрепились меновными записми, і в Помѣстномъ приказе тѣ вотчины за ними росписаны. Да и то написано в меновыхъ ихъ записяхъ, что впередь ему, Василью, и дядьямъ ево і братьемъ Шереметевымъ в тоѣ меновную вотчину, в селцо Городню, а

Воскресенское тожъ, з деревнями и со всѣми угодьи не вступатца никакими дѣлы; а внуку моему князю Якову, и отцу ево, и матери и ево братьямъ, Одоевскимъ, у нево, Василья, в селцо Селарево, а Солослово тожъ, с пустошми и со всѣми угодьи по тому жъ не вступатца никакими жъ дѣлы, владѣть имъ тѣми своими меновными вотчинами, по меновнымъ своимъ записямъ. Да дьякъ Семенъ Володимеровъ Головинъ далъ мнѣ денегъ дватцать рублевъ, и тѣ денги отдать дѣтемъ ево, которые живы. Да въ духовноі же моей написано, что язъ взялъ, идучи на Литовское посолство, у гостя у Григорья Никитникова товару на семдесятъ или на восмьдесятъ рублевъ, и тотъ язъ взятокъ ему, Григорью, заплатилъ при себѣ. А мнѣ взяти на внуке своемъ, на Василье Івановe сыне Шереметеве, за иноходецъ Литовской бурой, тритцать семь рублевъ. Да на Ярославце, торговомъ человеке на Тимоѳѣе Ѳедорове сыне Ступине сто рублевъ; а в тѣхъ во всѣхъ долгѣхъ памяти за ихъ руками у меня. Да въ духовноі же моей написано: боярина князь Никиты Івановича Одоевсково княгине ево, а моей дочери, княгине Овдотье, да другой моей дочери, старице Александре, вотчина имъ обѣимъ вопчѣ, в Костромскомъ уѣзде, в Нерехоцкомъ стану, село Борисоглѣбское, а Емсна тожъ, на рекѣ Солонице да на рекѣ на Емснѣ, да к тому жъ селу тритцать двѣ деревни крестьянскихъ и с хлѣбомъ з землянымъ, опричь молоченого и стоячево хлѣба; да деревня Попова, да деревня Люцкая Пенья; да на рекѣ Солонице двѣ мелницы, колеса Немецкие, опричь жеребцовъ и кобылъ і жеребятъ, что въ

томъ селѣ ни будетъ. И даная имъ на тоѣ вотчину дана вопчѣ і в Помѣстномъ приказе та вотчина по даной моей записана за ними. Да въ духовноі же моей написано: дочери моей, старице Александре, тоѣ вотчины села Борисоглѣбсково, а Емсна тожъ, з деревнями и со всѣми угодьи, своей половины, мимо сестры своей, княгини Овдотьи, не продать, ни заложить і в монастырь по душе не отдать, а продать ей своя половина вотчины сестрѣ своей княгине Овдотье, а взять за неѣ тысечю рублевъ. А будетъ судомъ Божиимъ дочери моей княгини Овдотьи не станетъ, и дочери моей, старице Александре, своей половины вотчины, мимо племянниковъ своихъ, сестры своей детей, иному никому не продать и не заложить и никому не отдать, а взять у нихъ тожъ тысечю рублевъ. А ныне, по новому государеву указу і по соборному Уложенью, старицамъ вотчинъ за собою держать не велено, и та вотчина дочери моей княгине Овдотье одной, а давать ей с тоѣ вотчины сестрѣ своей, а моей дочери, старице Александре, половина хлѣба і всякихъ доходовъ, по еѣ старицынъ животъ. А будетъ судомъ Божиимъ дочери моей, княгини Овдотьи, преже старицы не станетъ, и тоѣ вотчину дочери моей, княгине Овдотье, отказать сыну своему, а моему внуку, князю Якову; а князю Якову с тѣ вотчины половину хлѣба і всякихъ доходовъ давать дочери моей, а своей тетке, старице Александре, по еѣ животъ по тому жъ. А какъ судомъ Божиимъ дочери моей, старицы Александры, не станетъ, і князю Якову дать в Новодѣвичь монастырь к прежнему вкладу по

тетке своей, по старице Александре, сто рублевъ, да на сорокоусты и на поминки по ней триста рублевъ. Да в прошломъ во 155-мъ году поступился мнѣ Григорей Горихвостовъ помѣстной своей пустоши Навалкиной, Навалкинское тожъ, в Московскомъ уѣзде, в стану Замосковномъ Раменейце, с пашнею и с лесы и со всѣми угодьи, и челобитную о томъ подалъ в Помѣстномъ приказе за своею рукою; і я билъ челомъ государю царю і великому князю Алексѣю Михайловичю всеа Русі, чтобъ тоѣ Навалинскую пустошь пожаловалъ велѣлъ мнѣ продать в вотчину, для того что она смежна с вотчинкою моею, с селцомъ Марковымъ; и государь меня пожаловалъ, велѣлъ тоѣ пустошь продать мнѣ в вотчину, и по подписной челобитной, за помѣтою думного діака, та пустошь ис Помѣстного приказа мнѣ продана в вотчину, и купчая на тоѣ пустошь дана в томъ же во 155-мъ году августа въ 23 день; и та моя купленая пустошь Навалкино, а Навалинское тожъ, внуку моему, князю Якову, к моему жъ данью, к вотчине, к селу Маркову. А животы я свои и лошади и служивую рухлядь продалъ и роздалъ при себѣ после духовной своей. Да въ духовной же моей написано: людямъ моимъ, после смерти моей, дати надѣлку по ихъ окладомъ вдвое; а которымъ людемъ будетъ написано не по окладомъ, и тѣмъ людемъ дати по росписи, кому что будетъ написано. И ныне по сей моей изустной памяти людямъ моимъ і внука моево князь Якова надѣлку на цѣлой годъ вдвое по ихъ окладомъ; а будетъ минетъ за дачею полгода, и имъ надѣлокъ дать въ полтора окла-

довъ ихъ, а не вдвое; а которымъ людямъ моимъ і внука моево князь Якова приказано в деревняхъ з доходы годовыми, и тѣмъ надѣлку не давать; а которымъ людемъ приказано в деревняхъ безъ доходовъ, и тѣмъ надѣлокъ дать по ихъ окладомъ противъ тѣхъ людей, которые будутъ на Москвѣ. А оклады люцкие написаны в книгахъ нынешняго 157-го году. А которымъ людемъ в нынешнемъ году в книгахъ написано: не дано за побѣгъ и за многие воровства, и тѣмъ надѣлку не давать. А дворъ свой на Тверской улице, съ полаты и с каменою поварнею і сс поваренною избою и со всякимъ дворовымъ строеньемъ, продалъ внуку своему, князю Ѳедору Никитичю Одоевскому, а дать ему, князю Ѳедору, за тотъ дворъ по мнѣ в десять лѣтъ пять тысячъ рублевъ; а давать тѣхъ денегъ нищимъ на милостыню і полоняникомъ на окупъ на годъ на пятисотъ рублевъ. А кому язъ вотчины свои далъ, и на тѣ вотчины далъ язъ имъ даные, и по тѣмъ данымъ тѣ вотчины в Помѣстномъ приказе за ними записаны, и на даныхъ ихъ подписано, и пошлины чертвертные с тѣхъ вотчинъ язъ платилъ, и тѣ даные и старые крѣпости отдалъ имъ при себѣ, кому которая написана. А дворы Московские, кому язъ которой далъ, записаны в Земскомъ приказе по моимъ данымъ. Да которыхъ язъ крестьянъ посажалъ в подмосковныхъ вотчинахъ, ималъ ізъ далнихъ своихъ вотчинъ, а иныхъ перевелъ за побѣгъ и за многие ихъ воровства, и тѣмъ крестьяномъ, которые куды переведены, быть в тѣхъ вотчинахъ; а которые крестьяне збегутъ на старину, откуды они переведены, а тѣ вотчины

за кѣмъ будутъ, и тѣмъ тѣхъ крестьянъ не принимать, и имъ до нихъ дѣла нѣтъ, быть тутъ, гдѣ они устроены при мнѣ, а не на старинѣ, гдѣ прежъ сего жили; и по нынѣшнему государеву указу и по соборному Уложенью, по писцовымъ книгамъ, в тѣхъ крестьянъ не вступатца. А которые статьи в духовной моей по сей ізустной памяти не переменилися, и тѣмъ статьямъ быть по духовной; а которые статьи перемѣнились і которые вновь написаны, и тѣмъ статьямъ быть по сей моей изустной памяти. А кто родителей моихъ в духовной моей і в сей изустной памяти что нарушитъ, и тово со мною Богъ судитъ. А у сей изустной памяти сидѣли: зять мой, бояринъ князь Никита Івановичь Одоевской, да бояринъ и дворецкой князь Алексѣй Михайловичь Львовъ, да отецъ мой духовной Богородицкой протопопъ Григорей. А сю изустную память писалъ, по приказу боярина Ѳедора Івановича Шереметева, приказу Болшого Дворца подъячей Івашко Патрекѣевъ. Лѣта 7157 Июня въ 21 день.

На оборотѣ духовной вверху рукою патріарха начертано: Смиренный Іосиѳъ, Божиею милостию Патриархъ Московский і всеа Русиі.

Потомъ слѣдуетъ запись:

Лѣта 7157-го Июля въ 6 день, по повелѣнию благочестиваго государя царя і великого князя Алексѣя Михайловича всеа Русиі, принесъ к великому господину, святѣйшему Иосифу, Патриарху Московскому и всеа Русиі, бояринъ и дворецкой князь Алексѣй Михайловичь Львовъ

духовную да изустную память боярина Өедора Івановича Шереметева для свидѣтельства подписи и печати при живомъ при немъ, боярине Федоре Ивановиче, а писана духовная в прошломъ во 154-мъ году, ноября в двадесятъ девятомъ числѣ; а изустная память писана в нынешнемъ во 157-мъ году, Июня в дватцать первомъ числѣ. А в той ево духовной написаны в сидѣлцахъ: бояринъ князь Яковъ Куденетовичь Черкаской, да бояринъ князь Никита Івановичь Одоевской, да отецъ духовной боярина Федора Ивановича, большаго собора Богородицкой протопопъ Григорей. А в-ызустной памяти написаны в сидѣлцахъ: отецъ же духовной Богородицкой протопопъ Григорей, да бояринъ князь Никита жъ Івановичь Одоевской, да бояринъ и дворецкой князь Алексѣй Михайловичь Лвовъ, и которой духовную писалъ Обтекарского приказу подъячеі, что ныне в Новой Четверти діакъ, Микиөоръ Вальцовъ. А изустную память писалъ приказу Болшаго Дворца подъячей Іванъ Патрекѣевъ. Передъ великимъ господиномъ, святѣйшимъ Иосифомъ, Патриархомъ Московскимъ і всеа Русиі, на свидѣтелство духовной и ізустной памяти тут же стали. І великиі господинъ, святѣйшій Иосифъ, Патриархъ Московскій і всеа Русиі, выслушавъ духовной і изустной памяти боярина Федора Івановича Шереметева, спросилъ болшаго собору Богородицкого протопопа Григория: ты, протопопъ Григорей, боярину Федору Івановичю Шереметеву отецъ ли духовной, и писана духовная и ізустная память боярина Федора Івановича по ево ли велѣнию, и при цѣлом ли ево умѣ и разумѣ и приказ

отъ него таков ли слышалъ, какъ в той духовной и в-ызустной ево памяти і въ спискахъ написано, и у той духовной и у изустной памяти ты сидѣлъ по ево же ли велѣнью, и на духовной ево боярина ли Ѳедора Івановича рука, и твоя ли протопопа на духовной ево и на изустной памяти и на спискахъ рука? А вы, бояря, князь Яковъ Куденетович і князь Никита Івановичь, у духовной боярина Федора Івановича Шереметева сидѣли ль, и по ево ли велѣнию, и на той духовной ево, боярина ли Федора Івановича рука и ваши руки? А у изустной памяти боярина же Федора Івановича Шереметева ты же, болшаго собору Богородицкой протопопъ Григореі, да бояринъ князь Никита же Івановичь, да ты, бояринъ и дворецкой князь Алексѣй Михайловичь, сидѣли ль же, и на той ево изустной памяти ваши ли руки, и духовную и ізустную память бояринъ Федоръ Івановичь Шереметевъ писати себѣ велѣлъ в цѣломъ ли своемъ умѣ и разумѣ, и приказъ отъ него таков ли слышали, какъ в духовной ево і в-ызустной памяти і в спискахъ написано, и почему на изустной памяти боярина Ѳедора Івановича руки нѣтъ? А ты, діакъ Микиѳоръ Вальцовъ, духовную, а ты, подъячей Іванъ Патрекѣевъ, изустную память боярина Федора Івановича Шереметева писали по ево ли велѣнию, і в цѣломъ ли ево умѣ и разумѣ, и приказъ отъ него таковъ ли слышали, какъ в духовной ево и в-ызустной памяти писано, и та духовная и ізустная память писмо ваши ли руки? І великому господину, святѣйшему Иосифу, Патриарху Московскому и всеа Русиі, болшаго собору Бо-

городицкой протопопъ Григорей сказалъ: Боярину, государь, Федору Івановичю Шереметеву отецъ духовной я, протопопъ Григорей; и у духовной и у изустной памяти я сидѣлъ боярина Федора Івановича Шереметева по ево велѣнию; и на духовной и на изустной памяти и на спискахъ моя, протопопова Григорьева, рука; и писана духовная и ізустная память боярина Федора Івановича по ево велѣнию і въ целомъ ево умѣ и разумѣ; и приказъ отъ него таковъ слышалъ, какъ в духовной ево і в-ызустной памяти і в спискахъ писано; и на духовной боярина Федора Івановича Шереметева рука; а на изустной памяти боярина Федора Івановича руки нѣтъ потому, что онъ ныне в великой скорби своеі і в древней старости очьми не довидітъ. А бояря, князь Яковъ Куденетовичь Черкаской да князь Никита Івановичь Одоевской сказали: у духовной боярина Федора Івановича Шереметева мы сидѣли; и на той духовной наши руки и боярина Федора Івановича Шереметева рука; и писана та духовная боярина Федора Івановича по ево велѣнию і в цѣломъ ево умѣ и разумѣ; и приказъ отъ него таковъ слышали, какъ в духовной ево написано. Да бояринъ же князь Никита Івановичь Одоевской да бояринъ и дворецкой князь Алексѣй Михайловичь Львовъ сказали, что у изустной памяти боярина Федора Івановича Шереметева мы сидѣли же, боярина Федора Івановича по ево велѣнию; и писана изустная при цѣломъ ево умѣ и разумѣ; и приказъ отъ него таковъ слышали, какъ в-ызустной ево памяти писано; и на той изустной руки наши; а боярина

Федора Івановича Шереметева на той изустной ево памяти руки ево нѣтъ потому, что онъ ныне отъ великой своей скорби и древней старости очми не довидитъ. А которой духовную писалъ, Новой Четверти діакъ Микиѳоръ Валцовъ, и которой изустную память писалъ, приказу Болшаго Дворца подъячеі Іванъ Патрекѣевъ, и списки боярина Федора Івановича Шереметева, сказали: духовную, государь, и ізустную память и списки писали мы по велѣнию боярина Ѳедора Івановича и при целомъ ево умѣ и разумѣ; и приказъ отъ него таковъ слышали, какъ в духовной ево і в-ызустной памяти і в спискахъ писано; и духовная и ізустная память и списки писмо наши руки.

И великиі господинъ, святѣйшиі Иосифъ, Патріархъ Московскиі і всеа Русиі, духовную и ізустную память и списки боярина Федора Івановича Шереметева, по свидѣтелству отца ево духовнаго, болшаго собору Богородицкого протопопа Григория, и сидѣлцовъ: боярина князя Якова Куденетовича Черкаского, да боярина князя Никиты Івановича Одоевского, да боярина и дворецкого князя Алексѣя Михайловича Львова, и которые духовную и ізустную память и списки писали: Новой Четверти діака Микифора Валцова и Приказу Болшаго Дворца подъячего Івана Патрекѣева, велѣлъ подписать и за своею святительскою рукою запечатать при ево животѣ боярина Федора Івановича Шереметева. И отдалъ святѣйшій Иосифъ патріархъ духовную и ізустную память боярину и дворецкому князю Алексѣю Михайловичю Львову; а списки

з духовной и с-ызустной памяти слово въ слово, за своею же святительскою рукою, велѣлъ оставить в своей патриаршей казнѣ. И ся духовная и ізустная память боярина Федора Івановича Шереметева подписана и запечатана лѣта 7157 года Июля въ 11 день.

Далѣе запись:

1704 года маия въ 15 день, по указу великого государя царя і великого князя Петра Алексѣевича всеа Великия і Малыя и Бѣлыя Росиі самодержца, в Московскомъ Судномъ приказе передъ бояриномъ Алексѣемъ Петровичемъ Салтыковымъ с товарыщи ся духовная чтена, в книгу записана, и пошлины по указу взяты.

Подписи: Діакъ Иванъ Молчановъ. — Справилъ Андрей Быковъ.

На оборотѣ изустной памяти вверху рукою патріарха изображено: Смиренный Іосиѳъ, Божиею милостию Патриархъ Московскиі і всеа Русиі.

За тѣмъ слѣдуетъ опять запись:

1704 года маия въ 15 день, по указу великого государя царя і великого князя Петра Алексѣевича всеа Великія і Малыя и Бѣлыя Росиі самодержца, в Московскомъ Судномъ приказе передъ бояриномъ Алексѣемъ Петровичемъ Салтыковымъ съ товарыщи, ся изустная память чтена, і в книгу записана, и пошлины по указу взяты.

Подписи: Діакъ Иванъ Молчановъ. — Справилъ Андрей Быковъ.

На оборотѣ духовной и изустной памяти, по склейкамъ, собственноручныя подписи: По государеву цареву і великого князя Алексѣя Михайловича всеа Руси указу, сию духовную (и) изусную память боярина Ѳедора Івановича Шереметева подписалъ думной діакъ Іванъ Оѳонасьевъ сынъ Гавреневъ.

К сей духовной язъ Ѳедоръ Шереметевъ руку приложилъ.

У сей духовной я бояринъ князь Яковъ Куденетовичъ Черкаской сиделъ і ру(ку) приложилъ.

У сей духовной я бояринъ князь Никита Івановичъ Одоевской сидѣлъ и руку приложилъ.

У сей духовной Богородицкой протопопъ Григорей сидѣлъ і руку приложилъ.

У сей изусной памети язъ бояринъ князь Никита Івановичъ Одоевской сиделъ и руку приложилъ.

У сей изусной памяти бояринъ и дворецкой князь Алексѣй Михайловичъ Львовъ сидѣлъ и руку приложилъ.

У сей іизустной памяти Богородицкой протопопъ Григорей руку приложилъ.

Ниже подписей приложена красновосковая патріаршая печать съ благословляющею рукою и надписью вокругъ: Іосиѳъ, Божіею милостію святѣ(йшій патріар)хъ Московскій і всеа Руси.

УКАЗАТЕЛЬ

ЛИЧНЫЙ, ГЕОГРАФИЧЕСКІЙ И ПРЕДМЕТНЫЙ

КЪ ТРЕТЬЕЙ КНИГѢ.

Аббасъ I, шахъ Персидскій. 40, 106.
Абрамово (Обрамово), пустошь. 94.
Аввакумъ, протопопъ. 386—389, 466—468.
Аврамій, келарь Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря. 137, 156.
Аггѣевъ, Тимоѳей. 226.
Азовъ, крѣпость. 201.
Акинѳіевъ (Окинѳеевъ), Герасимъ. 149.
Алатырь, городъ. 342.
Александръ Булатниковъ, келарь Троицкій. 80, 109.
Александръ Петровичъ, принцъ Ольденбургскій. 62.
Алексѣевское (Олексѣевское), Койкино, Дяткино тожъ, пустошь. 328, 503.
Алексѣй св., человѣкъ Божій. Его изображеніе. 262.
Алексѣй Михайловичъ, царь. 55, 108, 109, 111, 112, 114, 132, 133, 151, 173, 192, 225, 227, 229, 261, 268, 269, 276, 303—307, 309—317, 320, 321, 339—341, 345—349, 351, 355—357, 359, 361, 363—375, 377, 379, 381, 382, 391—394, 399, 402, 420, 421, 423, 436, 446, 448, 450, 452, 454, 464—467, 473—483, 485—491, 496, 497, 510, 516, 518.
Алифинцово, починокъ. 498.
Алмазъ Ивановъ, дьякъ. 233.
Алферково (Олферково), пустошь. 331, 505.
Алхимики (алхимисты) въ Россіи. 237—240.
Алябьевъ, Григорій. 91.
Алябьевъ, Ѳедоръ. 91.
Амуратъ IV, султанъ Турецкій. 201.
Ананьино, пустошь. 33.
Анастасія Романовна, царица. 44, 415.
Англія. 10, 213, 279.
Андреевскій монастырь, въ Москвѣ. 467.
Андреевское озеро. 440.
Андрей Критскій, св. Его изображеніе. 406, 408.
Андроньевъ (Ондроньевъ) монастырь, въ Москвѣ. 323, 415, 498.
Андроново (Ондроново), деревня. 330.
Анна, княгиня Кашинская, св. Ея мощи. 473, 476, 477.
Антоній, митрополитъ Всероссійскій. 198, 298, 501.
Антоній, игуменъ Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря. 262.
Апраксинъ, графъ Ѳедоръ Матвѣевичъ. 93.
Аптекарскій бояринъ. 17.
Аптеки. 234, 236, 258.
Арасланъ-ага, посолъ Турецкій. 290.

Аргамаковъ, Василій. 97.
Аргамаковъ, Иванъ. 97.
Аристово, Курово тожъ, сельцо. 320, 497.
Армово, деревня. 472.
Арпенбакъ, Гансъ, переводчикъ. 185.
Арсеньевъ, академикъ. 358.
Архангельскій (Архангела Михаила) монастырь, въ Архангельскѣ. 215.
Архангельскій соборъ, въ Москвѣ. 216, 217, 219.
Архангельское, село, что̀ было село Уполозы. 331, 339, 505.
Архангельскъ, городъ. 212—216, 256.
Архивы Сибирскіе. 434.
Аспидный столъ, въ Московской Золотой палатѣ. 178.
Астрахань, городъ. 176, 256, 257.
Атарскій, Василій. 437.
Аугсбургъ, городъ. 110.
Аялынская волость. 457.
Аѳанасіевскій монастырь (Кирилловское подворье), въ Москвѣ. 138, 141, 143, 152, 154, 156, 158, 272, 273.
Аѳанасій, игуменъ Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря. 402.
Аѳонинская (Оѳонинская), деревня. 149.

Бабино, пустошь. 94.
Байбагишка Якшигуловъ, юртовскій Татаринъ. 437.
Байгатовъ, Иванъ, Тоболецъ. 453.
Баклановское, Чертово тожъ, пустошь. 328, 503.
Балсырь, лѣкарь. 11, 12.
Барабинская степь. 433.
Барсуковъ, Николай Платоновичъ. 173, 360.
Баскаковъ, Ермолай. 153, 154.
Басмановы. См. Плещеевы.
Батоги, наказаніе. 420, 432, 488.
Бахтерецъ, воинскій доспѣхъ. 211.
Бедрикова, деревня. 149.
Безуй, цѣлебный камень. 13, 240.
Бережекъ, деревня. 330.
Березовъ, городъ. 425.
Бешта-волга, урочище. 457.
Бибикова, Софья Сергѣевна. 31.
Бибиковы. 30.
Бильсъ, Валентинъ, докторъ. 11, 12, 14.
Биргамакова, деревня. 456, 457.
Биричъ, глашатай, объявлявшій народу постановленія правительства. 190.
Благовѣщенскій соборъ, въ Москвѣ. 231.
Благой, Иванъ. 113.
Блюдо серебряное, пожертвованное Ѳедоромъ Ивановичемъ Шереметевымъ въ Кирилло-Бѣлозерскій монастырь. 410.
Боборыкинъ, Аѳанасій. 259, 260.
Богемія (Чехія). 243.
Богородское, село, что̀ была деревня Лодыгино. 326, 501, 502.
Богоявленскій монастырь, въ Москвѣ. 290, 357, 471, 483.
Богоявленскій переулокъ, въ Москвѣ. 118, 359.
Бодаково, пустошь. 327, 503.
Большево, сельцо. 326, 502.
Болѣзни: жаба, 279; падучая, 352; порча, 13, 29, 351, 353; рожа, 240.
Борисовская, пустошь. 34.
Борисоглѣбская церковь, въ Московскомъ Кремлѣ. 324, 499.
Борисоглѣбское, Емсна тожъ, село. 140, 298—301, 324, 325, 334, 397, 500, 501, 509, 514, 515.
Борисъ Ѳедоровичъ Годуновъ, царь. 102, 121, 423, 500, 502.
Борки, деревня. См. Волохово.
Борокъ, Бронниково тожъ, деревня. 360.
Борокъ, пустошь. 98.
Бортная (Бортное), Клешнино, Климово тожъ, пустошь. 277, 329, 504.
Бортныя угодья и бортники. 188, 377, 378, 470.

Борятинскій, князь Петръ Романовичь. 206.
Бояре. 3, 4, 28, 37, 41, 51, 56, 76, 115, 123, 194, 228, 229, 303, 352, 362, 366, 379, 420, 467, 479, 482, 487.
Боярская книга, подворная, 321.
Боярыни пріѣзжія (ко двору). 62, 127, 468.
Бредихинъ, Семенъ. 122.
Временъ, городъ. 213.
Бровкинъ, Иванъ. 47.
Бронниково, деревня. См. Борокъ.
Бронниково, пустошь. 95.
Бругманъ, Отто, посолъ Голштинскій. 183.
Брянскъ, городъ. 82—85, 205.
Брянцовъ, Матвѣй. 403.
Бубны, музыкальное орудіе. 387.
Бугай, потомокъ Кучума, царя Сибирскаго. 434, 442, 457, 458, 461.
Бузаево, село. 97, 98, 360, 396, 513.
Булатниковъ. См. Александръ Булатниковъ.
Булгакъ Миловановъ, дьякъ. 2.
Буррей (Бурѣусъ), Андрей, посолъ Шведскій. 256.
Бутурлинъ, Василій Васильевичь. 171, 305.
Бутурлинъ, Емельянъ Ивановичь. 8.
Бутурлинъ, Михаилъ Матвѣевичь. 305.
Бутурлинъ, Ѳедоръ Леонтьевичь. 8.
Бухалово, село, Волоцкая вотчина. 198, 506.
Бухарцы. 433, 451.
Быково, село, Звенигородскаго уѣзда. 96.
Быково, деревня, Костромскаго уѣзда. 327, 503.
Быковъ, Андрей. 523.
Бѣлгородъ (Курскій). 82—85, 342, 343.
Бѣлково, пустошь. 94.
Бѣлово, Еганусъ, докторъ. 282.
Бѣлое море. 257.
Бѣломорскій торговый путь. 212.
Бѣлоозеро. 256, 402, 506.
Бѣлый, городъ. 168.
Бѣлый городъ, въ Москвѣ. 71, 132, 333, 507.
Бюлеръ, баронъ Ѳедоръ Андреевичь. 87.
Бяконтовы. См. Плещеевы.

Валленштейнъ, герцогъ. 116.
Валовое дѣло. 350.
Валуйка, городъ. 86.
Валъ большой, въ Тамбовскихъ степяхъ. 350.
Вальцовъ, Никифоръ (Микифорко). 401, 510, 519, 520, 522.
Варварка, улица въ Москвѣ. 65.
Варлаамъ, митрополитъ Ростовскій. 137, 476, 485, 489, 490.
Варшава, городъ. 308.
Варѳоломей, казначей Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря. 137, 197, 199.
Василево, Воскресенское тожъ, село. 89—93, 326, 501, 502.
Василево, пустошь. 327, 503.
Василій Великій, св. Его изображеніе. 406, 408.
Василій Михайловичь, царевичь. 216, 219, 220.
Васильевская церковь, въ селѣ Чиркинѣ. 420, 421.
Васильевъ, Сенька, казакъ, 446.
Васильевъ Третьякъ, дьякъ, 437.
Васильчиковъ, Александръ Алексѣевичь. 72.
Введенская у Гостиннаго двора церковь, въ Москвѣ. 248.
Вежевицъ, Петръ, посолъ Польскій. 177, 179.
Велижъ, городъ. 168.
Вельяминовъ, Миронъ Андреевичь. 190, 191.
Венгерскіе послы въ Москвѣ. 116.
Веневъ, городъ. 202, 205.
Венеція и Венеціанцы. 213, 341.
Веригино, Неврюево тожъ, деревня. 119, 359.
Веригины-Волконскіе, князья. См. Волконскіе-Веригины, князья.

Верхотурье, городъ. 425, 426, 454.
Вершилово, село. 378.
Вешняково, Найденовское, Чюрилово, Позняково тожъ, село. 271, 273—277, 322, 328, 329, 472, 473, 498, 503, 504, 512.
Вздвиженское, село. 46.
Взлезня, рѣчка. 98.
Викторовъ, Алексѣй Егоровичь. 3, 126, 416.
Вильна, городъ. 308.
Винсъ, Томасъ, алхимикъ. 237—240.
Витовскій, Станиславъ, посолъ Литовскій. 479.
Вишневское, село. 91.
Вклады въ монастыри и церкви. 3, 128, 139, 140, 143—146, 150—155, 196—199, 271, 272, 343, 376, 394, 395, 398, 405—416, 418, 483, 497, 506, 509, 511, 515.
Владимірскій Рождественскій монастырь, что нынѣ архіерейскій домъ. 376, 377.
Владиміръ на Клязмѣ, городъ. 225, 226, 246, 377.
Владиславъ IV, король Польскій. 134, 135, 161 — 164, 168, 170—172, 179, 193, 221, 255, 266, 289, 341, 344, 362, 364, 365.
Власово, пустошь. См. Другое Власово и Старое Власово.
Владычня (Владычино), деревня. 323, 498.
Внуковъ, Иванъ. 327, 503.
Вознесенскій дѣвичій монастырь, въ Москвѣ. 26, 63, 139.
Возница, въ царскомъ поѣздѣ. 266, 478, 482.
Волга, рѣка. 183, 186, 189, 255, 256, 257, 385—388, 466.
Волковъ, Василій. 68.
Волковъ, Иванъ. 31.
Волконская-Веригина, княжна Марѳа Васильевна. См. Шереметева, Марѳа Васильевна.
Волконскіе и Волконскіе-Веригины, князья. 8. 118.
Волконскій-Веригинъ, князь Василій Богдановичь. 118.
Волконскій-Веригинъ, князь Василій Ѳедоровичь. 118.
Волконскій, князь Григорій Константиновичь. 24, 30, 64, 68, 74, 81.
Волконскій, князь Иванъ Ѳедоровичь. 65.
Волконскій, князь Семенъ Ѳедоровичь. 60.
Волконскій-Шериха, князь Ѳедоръ Ѳедоровичь. 27, 177, 224, 304, 380.
Вологда, городъ. 256.
Волохово, Борки тожъ, деревня. 100, 101.
Волошениновъ, Михайло, думный дьякъ. 291, 382.
Волынская, Анна Ѳедоровна. См. Шереметева, Анна Ѳедоровна.
Волынскіе. 13, 222, 225, 491.
Волынскій-Боброкъ, князь Дмитрій Михайловичь. 492.
Волынскій, Василій Семеновичь. 479.
Волынскій, Иванъ Васильевичь. 48.
Волынскій, Михаилъ Семеновичь. 480.
Вольдемаръ, королевичь Датскій. 228, 241, 252 — 254, 265, 267 — 269, 277, 283 — 289, 303—309, 388.
Вольная крѣпостнымъ людямъ. 334, 508.
Воробьево, пустошь. 329, 504.
Воронежъ, городъ. 48, 49.
Воротники, караульщики у городскихъ воротъ. 188, 190.
Воротынскій, князь Алексѣй Ивановичь. 124.
Воротынскій, князь Иванъ Михайловичь. 41.
Воскресенская церковь, въ селѣ Василевѣ. 90.
Воскресенская церковь, въ селѣ Вешняковѣ. 274, 275.

Воскресенская церковь, въ селѣ Городнѣ. 321.
Воскресенскіе ворота, въ Москвѣ. 237.
Воскресенскій соборъ, въ городѣ Кашинѣ. 476, 477.
Воскресенское, село. См. Василево и Городня.
Всеволожская, Евѳимія Рафовна. 351—355, 425.
Всеволожскій, Рафъ Родіоновичъ. 351, 425.
Вшивка, рѣчка. 98.
Выборъ государевой невѣсты. 9, 10, 23, 24, 54—56, 351.
Выдры, посылаются въ даръ контайшѣ Калмыцкому. 447, 452.
Выкупъ (окупъ) плѣнныхъ. 395, 399, 508, 511, 517.
Вылузгина, Марья Елизаровна. См. Шереметева, Марья Елизаровна.
Вылузгина, Степанида. 35.
Вылузгинъ, Елизаръ, думный дьякъ. 95, 97, 118.
Высокій, починокъ. 320, 497.
Высокое, село, Волоцкая вотчина. 198, 506.
Высокое, пустошь, Кашинскаго уѣзда. 326, 502.
Высокое, пустошь, Московскаго уѣзда. 332, 505.
Выть, мѣра земли. 152.
Выхонка (Выхонь), рѣчка. 96, 102, 328, 329, 504.
Выхонь (Выхино), деревня. См. Стафурово.
Вычегда, рѣка. 428.
Вѣнчаніе на царство. 311—313.
Вяземскій, князь Аѳанасій Ивановичъ. 212.
Вязовка, деревня. См. Калинино.
Вязьма, городъ. 112, 113, 163, 172, 306—308.

Гавреневъ, Иванъ Аѳанасьевичъ, думный дьякъ. 177, 227, 246, 300, 301, 365, 399, 524.
Гаврилково, пустошь. 90.
Гавриловское, деревня. См. Калинино.
Гавриловъ, Тимоѳей. 100.
Гагаринъ, князь Данило Григорьевичъ. 8.
Гагаринъ, князь Никита Никитичъ. 8, 191.
Гагаринъ, князь Романъ Ивановичъ. 8.
Галкинъ, Андрей, дьякъ. 427.
Гамбургъ, городъ. 213.
Ганзейскій союзъ. 213.
Гейденъ, алхимикъ. 237.
Герасимъ, архіепископъ Тобольскій. 426.
Германія. 116, 134, 279.
Герметическое леченіе (по ученію алхимиковъ о всеобщемъ цѣлебномъ снадобьѣ). 237.
Гермогенъ, патріархъ Всероссійскій. Его мощи. 484, 489.
Гжельская (Кжельская) большая дорога. 102, 104, 105, 328, 504.
Гиреево, деревня. См. Губино.
Глинскій посадъ, въ Холмогорахъ. 215.
Глухово, село. 326, 502.
Глѣбовъ, Богданъ Матвѣевичъ. 12.
Гнетнево, пустошь. 98.
Гнѣздниковскій переулокъ, въ Москвѣ. 72.
Гнѣздниковскій приходъ, въ Москвѣ. 71, 491.
Годунова, Ирина Никитична, рожденная Романова. 63.
Годунова, Ксенія Борисовна. См. Ксенія Борисовна, царевна.
Годуновъ, Петръ Ивановичъ. 419. 420.
Годуновы. 419.
Голеди (Голяди), рѣчка. 42, 111.
Голиковъ, авторъ. 286.
Голицына, княгиня Анна Яковлевна, рожденная княжна Одоевская. 331, 338.
Голицынъ, князь Василій Васильевичъ. 390.
Голицынъ, князь Дмитрій Михайловичъ. 331, 338, 417.

Голицынъ, князь Иванъ Андреевичь. 20, 42, 202, 219, 323, 498.
Голицыны, князья. 339.
Голландія и Голландцы. 213, 239, 254—256, 279, 479.
Голмеръ, гонецъ. 194.
Головина, Марина Ивановна, рожденная княжна Троекурова. 123.
Головина, Ульяна Ѳедоровна. См. Шереметева, Ульяна Ѳедоровна.
Головинъ, Алексѣй Ивановичь. 112, 123.
Головинъ, Иванъ. 121.
Головинъ, Семенъ Васильевичь. 107, 108, 114, 122, 123, 127, 128, 131, 151.
Головинъ, Семенъ Владиміровичь. 64, 395, 514.
Головины. 193; ихъ семейный архивъ, 126; усыпальница, 129.
Голохвастовъ, Василій. 378.
Голштинское посольство въ Россію. 182—191, 217.
Горихвостовъ, Григорій Ивановичь. 163, 331, 398, 505, 516.
Горицкій Воскресенскій дѣвичій монастырь (Горы, Горицы). 148, 149.
Горицы, село. 472.
Горки, деревня. 330.
Городище, городъ. 168.
Городище, деревня. 326, 327, 502.
Городня, Воскресенское тожъ, село. 299, 321, 395, 396, 497, 512, 513.
Городовое дѣло. 238.
Гороховецъ, городъ. 315.
Горчаковъ, князь Василій Андреевичь. 453, 456, 458—462.
Горы, Горицы. См. Горицкій Воскресенскій дѣвичій монастырь.
Горяиновъ, Владиміръ. 154.
Гравороново (Графороны), деревня. 42, 111.
Граманъ, Гартманъ, докторъ. 237—239.
Грамотинъ, Иванъ Тарасьевичь, думный дьякъ и печатникъ. 15, 36, 55, 171, 177, 178.
Грамоты (безмѣстныя, богомольныя, ввозныя, данныя, духовныя, изустныя памяти, жалованныя, крестоцѣловальныя, монастырскія, опасныя или проѣзжія, правыя, храмозданныя, челобитныя и грамотки или письма частныхъ лицъ). 3, 120, 135, 137—149, 151—158, 178, 198—200, 218, 219, 226, 251, 252, 256 — 259, 274, 275, 293—301, 317—336, 345—348, 359—361, 375, 379, 383—385, 392—401, 415, 425, 441, 452, 454, 456, 472, 474 — 476, 485—488, 493—524.
Грановитая палата, въ Москвѣ. 43, 57, 59—61, 80, 108, 267, 269, 362, 366.
Греняка (урочище). 152.
Грибоѣдовъ, Гавріилъ. 380.
Грибоѣдовъ. Ѳедоръ. 380.
Григорій, Богородицкій протопопъ, духовникъ Ѳедора Ивановича Шереметева. 318, 384, 392, 394, 400, 401, 509, 510, 518—522, 524.
Григорово, село. 386, 387.
Григорово, Ивашево тожъ, пустошь. 98.
Григорьевская, пустошь. См. Озорная.
Григорьевъ Пятый, дьякъ. 19.
Грязновъ - Ивашевъ, помѣщикъ. 327, 503.
Губино, Гиреево тожъ, деревня. 323, 498.
Гунжа, жена тайши Калмыцкаго. 459, 460.
Гурій Шишкинъ, инокъ Аѳанасьевскаго монастыря. 152—155, 158.
Густавъ II Адольфъ, король Шведскій. 114, 116, 134.

Далай-Абаша, тайша Калмыцкій. 458.
Далматовъ-Карповъ, Левъ Ивановичь. 57, 120.
Даниловское, село. 147, 149.

Даниловское, пустошь. См. Другое Микитино.
Данія и Датчане. 194, 286, 287.
Дарохранительница кипарисная, пожертвованная Өедоромъ Ивановичемъ Шереметевымъ. 418.
Дары, приносимые государю. 367.
Дары царю Алексѣю Михайловичу отъ контайши Калмыцкаго. 450, 451.
Двина Сѣверная, рѣка. 428.
Двинская область и Двинскіе воеводы. 212—215.
Дворы: Воеводскіе—въ Архангельскѣ, 214, 215; въ Нижнемъ, 185—187; въ Новгородѣ, 470; въ Тобольскѣ, 426; въ Холмогорахъ, 215; вотчинниковъ—въ селѣ Архангельскомъ, 331; Головиныхъ—въ селѣ Шахмановѣ, 129; попа Никифора — въ селѣ Вешняковѣ, 275; Денежный—въ Москвѣ, 234; Житный — въ Москвѣ, 66; Земскій — въ Москвѣ, 66; Казенный — въ Москвѣ, 26, 310, 311; князя Никиты Ивановича Одоевскаго—въ селѣ Вешняковѣ, 275, 276; Олсуфьевыхъ — въ Москвѣ, 71; Посольскій — въ Москвѣ, 288, 363—365; святительскій, въ Тобольскѣ, 426; вдовы Третьяковой—въ Москвѣ, 65; Бориса Петровича Шереметева—въ Москвѣ, 71; Василья Петровича Шереметева — въ Москвѣ, 71, 468; Ивана Петровича Шереметева—въ Москвѣ, 359; въ селѣ Уборахъ, 32, 33; Мареы Васильевны Шереметевой—въ Москвѣ, 118, 359; Петра Никитича Шереметева — въ Москвѣ, 67—69; Өедора Васильевича Шереметева — въ Москвѣ, 295; Өедора Ивановича Шереметева — въ селѣ Василевѣ, 90, 91; въ Москвѣ, въ Бѣломъ городѣ, 132, 133, 507; на Тверской, 398, 517; въ Московскомъ Кремлѣ, 70, 324, 499, 500; въ Нижнемъ Новгородѣ, 333, 507; въ селѣ Өедоровскомъ, 417; князя Шлякова-Чешскаго — въ Москвѣ, 248; Никиты Романовича Юрьева-Романова—въ Москвѣ, 69; Царево-Борисовскій, въ Москвѣ, 267, 285.
Дворяне Московскіе и городовые. 5, 6.
Дворяниковъ, Борисъ. 331, 505.
Девлетъ-Гирей, потомокъ Кучума, царя Сибирскаго. 434, 442, 443, 460.
Дёлеръ, баронесса Елизавета Сергѣевна. См. Шереметева, Елизавета Сергѣевна.
Демéство, старинный церковный напѣвъ. 57, 370.
Демкино, деревня. 299, 322, 384, 396, 498, 512, 513.
Денгофъ, графъ Касперъ. 250.
Денисовское, селище. 90.
Деньщики у воеводъ. 348.
Дерганцово, деревня. 471.
Деревянное дѣло. 449.
Дерптъ, городъ. 115.
Десятники у митрополитовъ и архіепископовъ. 348.
Деулинское перемиріе. 113, 114, 133—135, 166, 170.
Димитрій самозванецъ, лже-царь. 289.
Дій, Артемій, докторъ. 12, 14.
Дмитровъ, городъ, Московскій. 11.
Долгинино, селище. 90.
Долгорукова, княгиня Марья Васильевна. 26.
Долгорукова, княгиня Марья Владиміровна. См. Марья Владиміровна, царица.
Долгорукова, княжна Өедосья Борисовна. См. Шереметева, Өедосья Борисовна.
Долгоруковъ, князь Алексѣй Григорьевичь. 20.
Долгоруковъ, князь Андрей Семеновичь. 37.

Долгоруковъ, князь Владиміръ Тимоѳеевичъ. 24, 26, 28.
Долгоруковъ, князь Григорій Даниловичъ. 351.
Долгоруковъ-Шибановскій, князь Данила Ивановичъ. 20—23, 36—39, 50, 51.
Долгоруковъ, князь Иванъ Андреевичъ. 22.
Долгоруковъ, князь Иванъ. 275.
Долгоруковъ, князь Михаилъ Борисовичъ. 67, 69.
Долгоруковъ - Чертенокъ, князь Юрій Александровичъ. 344—346.
Долгоруковъ, князь Ѳедоръ Ѳедоровичъ. 364, 365.
Долгоруковы, князья. 22, 28.
Домрачѣева, пустошь. 99—102, 329, 504.
Домры, родъ музыкальнаго орудія. 387.
Донской монастырь, въ Москвѣ. 276.
Донъ, рѣка. 48.
Дорогобужъ, городъ. 55, 168, 169, 172.
Дороговизна. 470.
Доротея, принцесса Альтенбургская. 10.
Доспѣхъ воинскій. 211, 333.
Достоканъ серебряный, съ надписью боярина Ѳедора Ивановича Шереметева. 410, 411, 413.
Дрезденъ, городъ. 10.
Другое Власово, Мишино, Поддубное тожъ, пустошь. 328, 503.
Другое Микитино, Даниловское тожъ, пустошь. 90.
Дубенскій долъ. 94.
Дубецкое озеро, бродъ и лугъ. 33, 96, 97.
Дубецъ, Степановское тожъ, пустошь. 33, 96, 97, 360.
Дубровскій, Богданъ. 312.
Дуровъ, Александръ. 190.
Духовная, духовное завѣщаніе. См. Грамоты.
Духовницкій, Прокофій Михайловичъ. 417.
Дяткино, пустошь. См. Алексѣевское.

Евдокія Лукьяновна Стрѣшнева, царица. 54—56, 59, 62, 63, 72, 80, 107, 112, 127, 229, 250, 261, 309, 311.
Евсевьевъ, Емельянъ. 209.
Евфросинъ, архимандритъ Спасо-Каменнаго монастыря. 406.
Егорьевское, село. 129.
Екатерина II, императрица. 66, 139.
Елатьма, село, что нынѣ городъ. 184.
Елецъ, городъ. 86, 343, 350.
Елизаровъ, Ѳедоръ. 378.
Емельяновъ, Борисъ, по прозванію Жегаръ, крестьянинъ. 31.
Емсна, рѣка. 500. 514.
Емсна, село. См. Борисоглѣбское.
Еней Мульчина, посолъ Калмыцкій. 449, 454.
Есинова, Иванисово тожъ, деревня. 120, 121, 327, 502.
Ефремовская (Ѳеремовская), пустошь. 94.

Жаворонковъ, Василій. 47.
Жадикъ, Якубъ, бискупъ. 162, 168, 169, 172.
Жары, деревня. 471.
Жданъ Зиновьевъ. См. Зиновьевъ, Жданъ.
Желѣза (кандалы), наказаніе. 486.
Желябужская, Ѳеодора Григорьевна. 13.
Жемчужниковъ, Василій. 332, 506, 507.
Жеребиловъ, Димитрій. 389.
Жизневскій, Августъ Казиміровичъ. 272.
Житовъ, Данила. 321.
Жолкевскій, Станиславъ Станиславовичъ, гетманъ. 168, 172.
Жулебина, Евфросинія Ивановна. См. Шереметева, Евфросинія Ивановна.
Жулебино, сельцо. См. Тіуново.

Жулебинъ, Иванъ Ивановичь. 329, 330.
Жулебины. 330.

Забережинское, пустошь. См. Старое Власово.
Заборовскій, Семенъ, думный дьякъ. 420, 488.
Забѣлинъ, Иванъ Егоровичь. 141, 174, 229, 233, 369, 373.
Загорное, пустошь. См. Старое Власово.
Загорье, пустошь. 91.
Загряжскій, Григорій Алексѣевичь. 99, 101, 104.
Замойскій, Юрій. 478.
Записи: вкладныя, 509; мѣновыя, 396, 498, 513, 514; рядныя, 325, 330, 501.
Запорожцы. См. Казаки.
Запрудное, пустошь. См. Марьино и Мошково.
Запужаева, деревня. 197.
Засѣки лѣсныя. 205, 207.
Затинщики, прислуга при крѣпостныхъ орудіяхъ. 188, 190.
Захарково, деревня. 331, 339, 505.
Захарово, пустошь. 95.
Звенигородская дорога. 96.
Звенигородскіе лѣса. 480.
Звенигородскій, князь Василій Андреевичь. 212.
Звенигородскій, князь Юрій Андреевичь. 8.
Звенигородъ, Московскій. 478, 480, 482.
Зворыково, пустошь. 323, 498.
Земляной городъ, въ Москвѣ. 283. 333, 507.
Земскій соборъ. 380, 392.
Зиновьевъ, Жданъ. 139, 140, 143.
Змейкина, пустошь. 327, 503.
Знакомцы или державники, при боярскихъ домахъ. 55, 56.
Знаменія небесныя. 309.
Знаменскій Тобольскій монастырь. 426.
Золотая палата, въ Москвѣ. 25, 27, 35, 43, 73, 79, 81, 106, 131, 177, 178, 193, 222, 230, 244, 305, 311, 313, 357.
Зюзинъ, Григорій Алексѣевичь. 8.
Зюзинъ, Никита. 283.

Ибрагимъ I, султанъ Турецкій. 341.
Ивана Милостиваго церковь, въ селѣ Городнѣ. 321.
Иванисово, деревня. См. Есинова.
Ивановская колокольня (Иванъ великій), въ Московскомъ Кремлѣ. 65.
Ивановская, Кобяково тожъ, деревня. 251, 252, 323, 396, 499, 512.
Ивановъ, Михаилъ, крестьянинъ. 351.
Ивановъ, Ѳедоръ, Тоболецъ. 437.
Иванчинъ-Писаревъ, Николай Дмитріевичь. 132, 417, 420.
Иванъ IV Васильевичь Грозный, царь. 157, 198, 295, 298—301, 330, 334, 414, 415, 485, 500, 501, 506, 508.
Иванъ Дмитріевичь, лже-царевичь. 289.
Иванъ Ивановичь, царевичь. 415.
Иванъ Михайловичь, царевичь. 155, 173, 216—219.
Ивашево, пустошь. См. Григорово.
Игнатцово, пустошь. 471.
Игрушки царевича Алексѣя Михайловича. 229.
Игры (зернь, карты, качели, лодыги, скаканіе на доскахъ, шахматы). 429—431.
Избыльца, деревня. 506.
Измайловъ, Артемій Васильевичь. 175.
Измайловъ, Семенъ Артемьевичь. 389.
Измайловъ, Тимоѳей Васильевичь. 175.
Изразцы старинные, найденные въ селѣ Вешняковѣ. 276.
Изустная память. См. Грамоты.
Иконный рядъ, въ Москвѣ. 69.
Иконы: Пресвятой Богородицы,

письма св. митрополита Петра, 58; Пресвятой Богородицы Одигитріи, въ Кирилло-Бѣлозерскомъ монастырѣ, 408, 412; Успенія Богоматери, письма Андрея Рублева, 132; Живоначальныя Троицы, благословеніе царя Михаила Ѳедоровича, 141; Спаса Всемилостиваго, благословеніе царя Михаила Ѳедоровича, 2; комнатная икона Ѳедора Ивановича Шереметева, 406—408; икона, которою благословилъ царь Алексѣй Михайловичь Василья Ивановича Шереметева, 372.

Ильинка, улица, въ Москвѣ. 65.

Ильинскій, крестецъ, въ Москвѣ. 248.

Ильинское, сельцо. 91.

Индія. 183, 255.

Иннокентій, архимандритъ Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря. 414.

Иноходцы: Литовскіе, 395, 514; Ногайскіе, 70, 514.

Ипатіевскій монастырь. 415.

Ипатіевскій переулокъ, въ Москвѣ. 65.

Иргизъ, рѣка. 437.

Ирина Михайловна, царевна. 80, 112, 241, 245, 252, 254, 261, 265, 283, 289, 302.

Иртышъ, рѣка. 426.

Исадкова, пустошь. 91.

Исаевъ Первуша, дворцовый плотничій староста. 73, 107.

Исеть, рѣка. 455.

Иски о бѣглыхъ крестьянахъ. 32.

Исправленіе церковныхъ книгъ. 386, 466, 467.

Ишмалей, посолъ Калмыцкій. 459, 460.

Іакинѳъ Карпинскій, архимандритъ Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря. 263, 412, 413.

Іевлевское, сельцо. См. Царево.

Іезуиты. 134, 255.

Іоаннъ, королевичь Датскій. 194.

Іоасафъ, патріархъ Всероссійскій. 230.

Іовъ, патріархъ Всероссійскій. Его мощи. 484, 485, 489.

Іордань на Москвѣ-рѣкѣ, у Симонова монастыря. 25, 26.

Іосифовъ Волоколамскій монастырь. 415.

Іосифъ, патріархъ Всероссійскій. 230—232, 261, 274, 283, 303, 312, 313, 331, 356, 369, 379, 391, 393, 395, 400, 401, 418, 420, 464, 482, 483, 485, 488, 489, 490, 518—520, 522, 523.

Іосифъ, Чудовскій архимандритъ. 11.

Кабаки и кружечные дворы. 234, 235.

Кадницы, село. 189, 198, 199, 332, 506.

Казаки: Донскіе, 201, 286, 287; Запорожскіе (Черкасы), 83—87, 133, 190, 201, 224, 479; Сибирскіе, 428, 433, 436.

Казаковскій Первой, прикащикъ. 90.

Казанская дорога. 438.

Казанская церковь, въ Московскомъ Богоявленскомъ монастырѣ. 290, 357, 471, 483.

Казанская церковь, въ сельцѣ Марковѣ. 330.

Казанскій край. 19, 390, 391.

Казань, городъ. 158, 175, 176, 189—192, 381, 383, 385, 387, 389, 390, 438, 465.

Кайбулинъ, Михаилъ Михайловичь, царевичь. См. Михаилъ Михайловичь Кайбулинъ, царевичь.

Кайбулова, княгиня Агаѳья Ивановна. См. Шереметева, Агаѳья Ивановна.

Кайбуловичь, Михаилъ, царевичь. См. Михаилъ Кайбуловичь, царевичь.

Калинино, Шмотино, Гаврилов-

ское, Вязовки тожъ, деревня. 328, 504.
Калмыки и Калмыцкіе улусы. 427, 433—449, 452, 453, 455—460.
Калужская губернія. 207.
Калязинскій Макарьевъ монастырь. 475, 476.
Каменка—дорога. 101 — 103, 105.
Кантакузинъ, Ѳома, посолъ Турецкій. 116.
Каптаны (возки), кареты (кореты) и колымаги. 108, 109, 155, 306, 333, 467, 507.
Капустина, Ульяна Андреевна. 92.
Каракуль, тайша Калмыцкій. 438.
Карамзинъ, исторіографъ. 157.
Карандашева, пустошь. 129.
Карауловъ, Степанъ Осиповичъ. 38.
Карауловъ, Степанъ Ѳедоровичъ. 170.
Каргополь. 256.
Карпова, Марья Семеновна. 332, 505.
Карповъ, Левъ, окольничій. 505.
Карповъ, городъ. 342, 343, 350.
Карпунка, царскій сокольникъ. 474.
Карташевъ Яръ, урочище. 461.
Картина съ изображеніемъ Сампсона, раздирающаго пасть льва. 187.
Каспійское море. 183.
Каторги, гребныя суда. 256, 257.
Катыревъ-Ростовскій, князь Иванъ Михайловичъ. 20.
Кафтыревъ, Григорій Ивановичъ. 487.
Кафтыревъ, Дементій Васильевичъ. 132.
Кашинъ, городъ. 473, 476, 477.
Кедры Ливанскіе, сравненіе съ ними Польско-Литовскаго государства. 362.
Киргизы. 427.
Кирилло - Бѣлозерскій монастырь. 137—143, 146—148, 150—156, 158, 159, 196—200, 260, 265, 272, 293, 325, 335, 351, 375, 392, 394, 402—414, 496, 497, 506, 509, 511.
Кирилловская церковь, въ Кирилло - Бѣлозерскомъ монастырѣ. 261, 263, 264.
Кирилловское подворье, въ Москвѣ. См. Аѳанасіевскій монастырь.
Кириллъ, св. игуменъ Бѣлозерскій. 265; его мощи, 260; житіе, 261; изображеніе, 262, 405, 412.
Кирѣевскіе: Алексѣй, Григорій, Михаилъ и Семенъ. 331, 505.
Кисель, Адамъ. 345, 362—364.
Китай, страна. 462, 463.
Китай-городъ, въ Москвѣ. 65, 67—69, 71.
Клепиковъ, Владиміръ. 446, 447, 449.
Клешнино, Климово тожъ, пустошь. См. Бортная.
Клязьма, рѣка. 326, 502.
Ключаревъ, Василій. 190.
Кнутъ, наказаніе. 462.
Кобяково, деревня. См. Ивановская.
Ковры золотные. 57.
Кожухово, деревня. 332, 506.
Козловскій, князь Михаилъ. 82, 84, 85.
Козловскій, князь Петръ Андреевичъ. 304.
Козловскій, князь Савелій Ивановичъ. 304, 308.
Козловъ, Упадкинскій тожъ, лугъ. 34.
Козмодаміанская церковь, въ селѣ Большевѣ. 326.
Козмодаміанская церковь, въ селѣ Никитинскомъ. 153.
Козьма, игуменъ Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря. 157.
Койкино, пустошь. См. Алексѣевское.
Кокоревъ, Василій Борисовичъ. 434—437.
Колдовство. См. Чародѣйство.
Коледа (Коляда), святочная. 431.
Коллинсъ, Самуилъ, авторъ. 55. 311.
Кологривовъ, Лаврентій. 1, 99, 104, 105.

Колоколъ проситъ прислать контайша Калмыцкій. 449, 454.
Коломенское, село. 258, 478.
Коломна, городъ. 184.
Колоткины. См. Плещеевы.
Колычовъ, Андрей Ивановичь. 491.
Колычовъ, Семенъ Ивановичь. 491.
Колычовы. 484.
Коляповка, рѣка. 306.
Комнатные или ближніе придворные. 52, 119.
Комынинъ, Ѳедоръ. 321.
Кондыревъ, Иванъ Гавриловичь. 150.
Конскій заводъ, въ селѣ Борисоглѣбскомъ. 140, 325, 500, 514.
Конскій уборъ. 40, 333, 450, 451, 455, 507.
Конюшій, на царской свадьбѣ. 28, 29, 57.
Копенгагенъ, городъ. 241, 242, 253, 254.
Копцово, Коптево тожъ, пустошь. 98.
Копытово, Молахово, Якимово тожъ, пустошь. 328, 503.
Корабль, построенный въ Нижнемъ Новгородѣ. 184, 185, 189.
Корвинъ-Гонсѣвскій, Александръ. 162.
Кордесъ, Михаилъ, корабельный мастеръ. 184.
Кормовой дворецъ, въ Москвѣ. 66.
Коробельки, деревня. 471.
Коробьина, Мавра. 471.
Коробьинъ, Иванъ. 471.
Коробьины, древній дворянскій родъ. 471.
Коробѣйка, деревня. 472.
Корольки красные, посылаются въ даръ контайшѣ Калмыцкому. 452.
Кортуновское, пустошь. 90.
Корчягъ, деревня. 330.
Косино, село. 100—102.
Котошихинъ, авторъ. 121, 227.
Кошка, Ѳедоръ Андреевичь. 415.
Крапивна, городъ. 202, 204, 205, 207, 212.
Красное крыльцо, въ Москвѣ. 268. 305.
Красный, городъ. 168.
Кремль: въ Казани, 190, 390; въ Москвѣ, 45, 64, 65, 67—71, 139, 231, 286, 287, 324, 375, 467, 499, 500; въ Нижнемъ Новгородѣ, 185, 507.
Крестное цѣлованіе (присяга). 114, 135, 165, 176—180, 238.
Крестцы, въ Москвѣ. 374.
Крестъ золотой, принесенный въ даръ царю Алексѣю Михайловичу. 394, 511.
Крестъ съ каменнымъ подножіемъ, въ селѣ Ѳедоровскомъ. 417.
Крестьяне: бѣглые, 31; выведенцы, 75; переселенные подъ Москву изъ дальнихъ вотчинъ, 399, 517, 518; переселившіеся въ Сибирь, 428; заботы объ улучшеніи положенія крестьянъ, 77.
Критъ, островъ. 341.
Кровопусканіе (жильное отвореніе). 240.
Кропотовъ, Андрей, ротмистръ. 460, 461.
Кружка, принесенная въ даръ царевичу Алексѣю Михайловичу. 109, 110.
Крузе, Филиппъ, посолъ Голштинскій. 183.
Крымъ и Крымцы. 6, 167, 193, 206, 207, 342, 344, 349, 350, 362, 474, 479.
Ксенія Борисовна Годунова, царевна. 194.
Кубенскій, князь Ивановичь. 414.
Кубенское, село, Вологодской губерніи. 147, 148.
Кубинское, село, Московской губерніи. 171.
Кубки: жалованные — князю Никитѣ Ивановичу Одоевскому, 2; Василью Ивановичу Шереметеву, 372, 373; Василью Петровичу Шереметеву, 308; Ѳедору Ивановичу Шереметеву, 141, 173, 174. — Принесенные

въ даръ царю Алексѣю Михайловичу и царицѣ Марьѣ Ильинишнѣ—Борисомъ Петровичемъ Шереметевымъ, 368; Васильемъ Петровичемъ Шереметевымъ, 315; Иваномъ Петровичемъ Шереметевымъ, 314; Ѳедоромъ Ивановичемъ Шереметевымъ, 314, 367. — Съ надписью Ѳедора Ивановича Шереметева, хранящіеся въ Московской Оружейной палатѣ. 110.
Кудьма, рѣка. 506.
Кузнецовъ, починокъ. 320, 497.
Кузнечиха, деревня. 332, 506.
Куликовская битва. 492.
Кулинъ сынъ Секылъ, Калмыкъ. 447—449.
Кунь-делень, тайша Калмыцкій. 439.
Куракинъ, князь Ѳедоръ Семеновичь. 38, 277, 278, 315, 323, 329, 498, 504.
Курмененъ, Людовикъ, посолъ Французскій. 114, 115.
Курово, сельцо. См. Аристово.
Курскъ и Курчане. 86, 343, 350.
Курцевскій посадъ, въ Холмогорахъ. 215.
Кусково, село. 1, 34, 42, 99, 105, 111, 299, 322, 323, 329, 384, 472, 473, 498, 504, 512.
Кухтино Меньшое, деревня. 472.
Кучумъ, царь Сибирскій, и его потомки Кучумовичи. 421, 428, 434, 442, 443, 455, 457.
Кучюгай Казылбаевъ, Татаринъ. 453.
Кушегина, деревня. 149.

Лаговкина, пустошь. 98.
Лапино, сельцо. См. Озарово.
Лапка, пустошь. 94.
Ларіоновъ, Григорій. 44, 195.
Лейпцигъ, городъ. 10.
Леонида, царица. См. Шереметева, Елена Ивановна.
Леонтьевскій переулокъ, въ Москвѣ, 72.
Ливны и Ливенцы. 86, 343, 349.
Литва и Литовскіе люди. 82—87, 112—114, 188, 190, 295, 341, 345, 349, 362.
Литвиновъ-Мосальскій, князь Андрей Ѳедоровичь. 230—232, 290.
Лихачевъ, Василій Богдановичь. 331, 505.
Лихачевъ, Ѳедоръ Ѳедоровичь. 24, 36, 38, 44, 45, 50, 53, 64, 74, 81, 82, 224, 332, 505.
Лихвинская засѣка. 205, 206, 212.
Лодыгино, деревня. См. Богородское, село.
Лодыгинъ, Дмитрій. 197.
Лодыгинъ, Тимоѳей Дмитріевичь. 437, 463.
Лодыженскій, Ѳедоръ Михайловичь. 419.
Ломки, пустошь. 472.
Лохино, деревня. 331, 505.
Луба, Польскій шляхтичь. 289.
Лукьяновъ, Василій, служка Симонова монастыря. 104.
Лутошкино, деревня. 90.
Лыкова, княгиня Анастасія Никитична, рожденная Романова. 63.
Лыковъ, князь Борисъ Михайловичь. 5, 28, 57, 131, 179, 225.
Лыковъ, князь Иванъ Ѳедоровичь. 351.
Львовъ, князь Алексѣй Михайловичь. 124, 161, 162, 164, 202, 284, 285, 287, 306, 392, 400, 401, 403, 474, 518—522, 524.
Львовъ, князь Василій Петровичь. 212.
Львовъ, князь Дмитрій Петровичь. 8, 342.
Львовъ, князь Семенъ Петровичь. 342.
Львовъ, Григорій, дьякъ. 508.
Лѣсъ хоромный, въ Уборской вотчинѣ. 35.
Любекъ, городъ. 213.
Людовикъ XIII, король Французскій. 114, 115.

Лютовъ, Иванъ. 377.
Люцкая-Пенья, деревня. 500, 514.
Лялино, пустошь. 90.
Ляпунова, Елена. 8.
Ляпунова, Марья Григорьевна. 7.
Ляпуновъ, Иванъ Захарьевичъ. 342, 348.

Макарово, деревня. 330.
Максимъ Максимовъ, Благовѣщенскій протопопъ, духовникъ царя Михаила Өедоровича. 57, 109.
Малининъ, Петръ, 455.
Малиновскій, Алексѣй Өедоровичъ. 173.
Мамонино, пустошь. 98.
Мангазея, городъ. 425.
Мандельсло, Альбрехтъ, путешественникъ. 183, 185.
Мансуровъ, Иванъ Степановичъ, его жена. 92.
Мануйлово, пустошь. 472.
Марково, сельцо, Московскаго уѣзда. 330, 331, 398, 504, 516.
Марково, деревня, Суздальскаго уѣзда. 471, 472.
Марково, пустошь. См. Мошково.
Мармылевъ, Лука. 48.
Марселисъ, Петръ. 241, 242, 253, 254.
Мартіанъ (Мартиніанъ), казначей Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря. 197.
Мартыновъ, Алексѣй Александровичъ. 72.
Марьино, Запрудное тожъ, пустошь. 322, 323, 329, 472, 498, 504.
Марья Владиміровна Долгорукова, царица. 23—25, 28—30, 39.
Марья Ильинишна Милославская, царица. 365—369, 374, 418, 468, 473, 482, 488.
Марөа Ивановна Романова, рожденная Шестова, великая старица. 9, 14, 16, 23, 24, 26, 72, 112, 160.
Мастера: Бронники (дѣлавшіе брони), 449, 454; каменьщики, 449, 454; кузнецы, 449, 454; литцы (литейщики), 190; мастера серебрянаго дѣла, 233; ствольнаго, ложнаго и замочнаго дѣла, 235; тчанные (бондари), 190; часовники (часовщики), 190.
Мастерская палата, Мастерскія царицыны и Мастерицы. 26, 58, 123, 352, 353.
Матвѣй, черный попъ Архангельскаго монастыря. 215.
Матюшкинъ, Аөанасій Ивановичъ. 474, 475.
Матюшкинъ, Иванъ Павловичъ. 233.
Медвенка, рѣчка. 93, 94, 97.
Медвенскій станъ. 97.
Медвѣди плясовые. 387, 430.
Медвѣдка, рѣчка. 89, 90.
Медвѣдково, деревня, Нижегородскаго уѣзда. 197.
Медвѣдково, пустошь, Московскаго уѣзда. 90.
Медвѣжья охота. 480.
Медъ красный, за царскимъ столомъ. 179.
Межеваніе. 89, 91, 96, 99, 100, 278, 472, 473.
Межевые признаки. 96, 101—105, 323, 473, 498.
Мезецкій, князь Данила Ивановичъ. 20, 22, 50, 61, 81.
Меленки, село. 197—200, 497, 506.
Меллеръ, Яганъ. 133.
Мельницы: въ Борисоглѣбской вотчинѣ. 324, 500, 514; въ селѣ Кадницахъ, 506; въ Кожуховской вотчинѣ, 506; въ деревнѣ Уборахъ, 33.
Менно, священникъ, и его послѣдователи Меннониты. 238—240.
Мещериново, село. 299, 322, 384, 498, 512.
Мещерскія горы. 332, 506.
Микитино, пустошь. См. Другое Микитино.
Микитино-Козыцыльская, пустошь. 90.

Миллеръ, исторіографъ. 121, 469. Его портфели. 434, 462.
Миловановъ, Булгакъ. См. Булгакъ Миловановъ.
Милославская, Анна Ильинишна. См. Морозова, Анна Ильинишна.
Милославская, Марья Ильинишна. См. Марья Ильинишна, царица.
Милославскіе. 374.
Милославскій, Илья Даниловичъ. 55, 374, 474.
Милюковъ, Павелъ. 139, 140.
Мининъ, Агапій, крестьянинъ. 32.
Мирмахтуй Мааметевъ, посолъ Персидскій. 106.
Михаило-Архангельская церковь, въ селѣ Архангельскомъ. 331.
Михайловъ, Елизарій, писецъ. 99, 101, 104.
Михайловъ, Иванъ, дьякъ. 12.
Михайловъ, городъ. 6.
Михаилъ Кайбуловичъ, царевичъ. 148.
Михаилъ Михайловичъ Кайбулинъ, царевичъ. 7, 8.
Михаилъ Ѳедоровичъ, царь. 1, 3—5, 8, 9, 11, 12, 16, 21—24, 30, 38, 39, 42, 45, 46, 50, 54—57, 59, 62, 68, 72—77, 79—82, 106, 107, 111—113, 115, 116, 123, 130, 131, 133, 135, 141, 150, 155, 164, 171, 175, 177—182, 192—194, 196, 199—204, 206, 207, 216, 219—221, 225—227, 229—232, 237, 239, 240, 241, 244, 246, 250, 252—254, 258, 261, 265—269, 271, 274, 282—286, 288, 289, 292, 294, 297, 300—304, 317, 340, 393, 416, 495—497, 499, 500, 502, 505, 507, 508, 510.
Мишино, пустошь. См. Другое Власово.
Мнишекъ, Марина. 289.
Можайскъ, городъ. 306, 307.
Моклоково, деревня. 327, 503.
Молахово, пустошь. См. Копытово.
Молитвенный домъ у Нѣмцевъ, въ Москвѣ. 282.
Молчановъ, Иванъ, дьякъ. 523.
Монастыревское (Муромскъ), городъ. 168.
Монира, Антонъ, посолъ Шведскій. 115—117, 131, 133.
Мордва, народъ. 188.
Мордовская, деревня. 90.
Морозова, Анна Ильинишна, рожденная Милославская. 374.
Морозова, Ѳедосья Прокофьевна, рожденная Соковнина. 466.
Морозовъ, Борисъ Ивановичъ. 151, 225, 310, 311, 340, 341, 352, 356, 366, 374, 375, 391, 470, 474.
Морозовъ, Василій Петровичъ. 41, 117, 122.
Морозовъ, Глѣбъ Ивановичъ. 217, 389, 466.
Морозовъ, Иванъ Васильевичъ. 191, 225, 357, 381, 391.
Морозовъ, Михаилъ Ивановичъ. 482.
Москва, городъ, упоминается почти на каждой страницѣ книги.
Москва-рѣка. 25, 33, 34, 94, 96, 98, 184, 332, 385, 505.
Москворѣцкіе луга. 35, 94, 96, 98, 332, 505.
Московскій уѣздъ, льгота для него. 211.
Мошково, Посокинское, Марково, Запрудное тожъ, пустошь. 328, 503.
Мстиславская, княгиня Ирина Ивановна. 63.
Мстиславскіе, князья. 3.
Мстиславскій, князь Ѳедоръ Ивановичъ. 3.
Мункъ, графиня. 241.
Муромскъ, городъ. См. Монастыревское.
Мценскъ, городъ. 202, 220, 227, 303, 313.
Мышецкій, князь Даніилъ. 487.
Мышецкій, князь Евѳимій Ѳедоровичъ. 191.

Мьежъ, секретарь Англійскаго посольства. 223.
Мѣдь шумиха, листовая. 449, 454.
Мѣстничество. 20—23, 36—38, 44, 45, 49—51, 119, 180, 181, 195, 246, 247, 291, 292, 304, 305, 344—349, 364, 365, 381, 382, 419, 420, 486—488.
Мясницкіе (Фроловскіе) ворота, въ Москвѣ. 282.
Мятежъ: въ Москвѣ, 375—377, 379, 391, 469, 471; въ Новгородѣ и Псковѣ, 391, 470—472.

Навалкина, Навалкинская тожъ, пустошь. 398, 516.
Нагая, Мароа Васильевна, рожденная княжна Волконская-Веригина. См. Шереметева, Мароа Васильевна.
Нагой, Богданъ. 118.
Надгробныя доски (цки) и надписи. 147, 149, 156—158, 291, 358, 417, 420, 421, 471, 483, 484.
Найденовское. См. Вешняково.
Наказы и наказныя памяти. 164, 166, 211, 233, 241, 296, 307, 308, 363, 348, 442, 447.
Накры, бубны или литавры. 61, 370.
Нарва (Ругодивъ), городъ. 295.
Невель, городъ. 168.
Неволинъ, Константинъ Алексѣевичъ. 208.
Неврюево, деревня. См. Веригино.
Невѣровъ, Михаилъ. 210.
Нерехтскіе луга (Сороки). 328, 503.
Нероновъ Первой, дьякъ. 226.
Несвицкій, князь Данила Матвѣевичъ. 220.
Нескучный, садъ, въ Москвѣ. См. Сады.
Нестерко, бобыль. 32.
Нечаевъ, Григорій. 162.
Нея, рѣка. 332, 507.
Нижнее, село. 326, 502.
Нижній Новгородъ. 10—12, 15, 176, 184, 185, 187—189, 220, 333, 385, 507.
Никита, Благовѣщенскій протопопъ, духовникъ царя Михаила Ѳедоровича. 177.
Никитинковъ (Микитинковъ), Григорій, гость. 499, 514.
Никитинское(Никитское), Переладниково тожъ, сельцо. 152—155, 497.
Никитинъ, Власъ, по прозванію Влазня. 31.
Николаевская церковь, въ селѣ Ѳедоровскомъ. 132, 417, 418.
Николаевскій Антоніевъ монастырь, Тверской епархіи. 271, 272, 296.
Николаевскій Греческій монастырь, въ Москвѣ. 69.
Николаевскій Корельскій монастырь. 215.
Николы въ Гнѣздникахъ церковь, въ Москвѣ. 71, 491.
Николы Гостунскаго церковь, въ Москвѣ. 500.
Николы въ Столпахъ церковь, въ Москвѣ. 282.
Николы Чудотворца погостъ, на Мещерскихъ горахъ. 332, 506.
Никольская улица, въ Москвѣ. 67, 69, 359.
Никольскіе ворота, въ Москвѣ. 70.
Никольскій крестецъ, въ Москвѣ. 69.
Никоновская церковь, въ Троице-Сергіевомъ монастырѣ. 128.
Никонъ, патріархъ Всероссійскій. 355, 356, 392, 482, 485, 490.
Нищенка, рѣка, 90.
Нищимъ милостыня. 395, 399, 511, 517.
Новгородъ Великій. 175, 330, 391, 470, 471, 473, 482.
Новгородъ Сѣверскій. 168.
Новинки, пустошь. 90.
Новинскій патріаршій монастырь, въ Москвѣ. 72.
Новодѣвичій монастырь, въ Москвѣ. 73, 319, 361, 398, 477, 515.
Новоезерскій Кирилловъ монастырь. 416.

Новоселье, сельцо. 361.
Новоспасскій монастырь, въ Москвѣ. 141, 276, 355, 412, 415.
Ноготковъ-Оболенскій, князь Ѳедоръ Андреевичь. 21.
Нѣмцы. 187, 188, 213, 239, 282, 341.
Нюренбергъ, городъ. 10.

Облезовъ, Гавріилъ, дьякъ. 173.
Оболтино, деревня. 197.
Образцевъ, Дементій. 197.
Обрамово, пустошь. См. Абрамово.
Обыденкою построенные дома. 66.
Огороды: въ селѣ Вешняковѣ, 329, 504; Никиты Зюзина, въ Москвѣ, 282; Ѳедора Ивановича Шереметева, въ Москвѣ, 333, 334, 508.
Одежда (платье): дворовыхъ людей у бояръ, 41, 47, 48, 115; придворныхъ лицъ, 43, 131, 179, 186, 194, 222, 305; царское платье, 123—126, 178, 194, 269, 305; подвѣнечное платье, 249; Нѣмецкое платье, 387; смирное (траурное) платье, 217, 221, 305.
Одинцовъ, Григорій. 389.
Одоевская, княжна Анна Яковлевна. См. Голицына, княгиня Анна Яковлевна.
Одоевская, княжна Домна Яковлевна. 338.
Одоевская, княгиня Евдокія Ѳедоровна. См. Шереметева, Евдокія Ѳедоровна.
Одоевская, княжна Марѳа Яковлевна. См. Черкасская, княгиня Марѳа Яковлевна.
Одоевская, княжна Прасковья Никитична. См. Черкасская, княгиня Прасковья Никитична.
Одоевскіе, князья. 273, 292, 293, 337, 419, 514.
Одоевскій, князь Алексѣй Никитичь. 319, 327, 328, 502, 503.
Одоевскій, князь Иванъ Никитичь. 50.
Одоевскій, князь Михаилъ Никитичь. 319, 326, 327, 502, 503.
Одоевскій, князь Никита Ивановичь. 1—3, 43, 60, 129, 131, 147, 150, 151, 247, 268, 269, 276, 278, 291, 292, 303, 305, 317, 319, 324, 341—347, 351, 366, 380, 392, 401, 419, 474, 497, 499, 500, 508—510, 514, 518—522, 524.
Одоевскій, князь Яковъ Никитичь. 319, 324, 326, 328, 329, 331, 332, 334, 338, 339, 396, 398, 472, 473, 500, 502 — 508, 513—517.
Одоевскій, князь Ѳедоръ Никитичь. 319, 326, 327, 334, 398, 419, 502, 503, 508, 517.
Одоевъ, городъ. 202, 205, 479.
Озарная, Гавриловская тожъ, пустошь. 471.
Озарово, Лапино тожъ, сельцо. 97.
Ока, рѣка. 184, 332, 385, 506.
Окинѳеевъ, Герасимъ. См. Акинѳіевъ.
Оклады помѣстные и денежные. 173, 175, 350.
Оксаево, деревня. 332, 505.
Окупъ полоняниковъ. См. Выкупъ плѣнныхъ.
Олеарій, Адамъ, авторъ. 76, 183 — 189, 217 — 219, 245, 248—250, 385, 388.
Олсуфьевъ, Дмитрій Адамовичь. 72.
Олферково, пустошь. См. Алферково.
Ондроново, деревня. См. Андроново.
Онофріево, сельцо. См. Тіуново.
Опала царская. 106, 241, 296, 436, 441.
Опальные и ссыльные, въ Сибири. 428, 435.
Опашень, пожалованный Алексѣю Ѳедоровичу Шереметеву. 130.
Органы. 370.
Орелъ, городъ. 479.
Орликъ, Адамъ. 193, 194, 228.

Орлово, село. 206, 207.
Орловы ворота, въ Лихвинской засѣкѣ. 205, 206.
Оружейная (Оружничья) палата, въ Москвѣ. 110, 123, 130, 235.
Осада: Смоленска, 161; Азова, 201.
Оселъ въ духовной процессіи. 231, 356, 490.
Осколъ, городъ. 86, 343, 347—349.
Остѣева, пустошь. 104.
Отвѣтная палата, въ Москвѣ. 177, 224.
Очины. См. Плещеевы.
Ѳѳонинская, деревня. См. Аѳонинская.
Ѳѳремовская, пустошь. См. Ефремовская.

Павлуцкій, Иванъ, архіепископскій приказный. 452.
Паисій, св., Углицкій Чудотворецъ. 477.
Палашевскіе ворота, въ Лихвинской засѣкѣ. 205, 206.
Памва, игуменъ Николаевскаго Корельскаго монастыря. 215.
Панкратьевъ, Григорій. 233.
Парижъ, городъ. 10.
Патрикѣевъ, Иванъ. 242, 401, 518—520, 522.
Пафнутій Карачевскій, инокъ Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря. 154.
Пацъ, Казиміръ. 364, 365.
Пашкино, деревня. 330.
Пелагея Михайловна, царевна. 81.
Пелымъ, городъ. 425.
Первой Казаковскій. См. Казаковскій.
Первой Нероновъ. См. Нероновъ.
Первуша Исаевъ. См. Исаевъ.
Передняя, въ государевомъ дворѣ. 373.
Переладниково, сельцо. См. Никитинское.
Перепись правительственная. 30, 31, 32, 77, 89—91, 93—95, 97—99.
Переславская дорога. 40.
Переславскій Никитскій монастырь. 415, 416.
Перова, пустошь. 278.
Персія и Персидское посольство въ Москвѣ. 40—43, 106, 182, 183, 217, 225, 357.
Перстни: Ивану Петровичу Шереметеву, 189; оставшіеся послѣ Ѳедора Ивановича Шереметева, 333, 507.
Пертово (Петрово), сельцо. 119, 360.
Песочинскій, Александръ. 177, 179.
Песочня (Песошня), село. 299, 322, 384, 396, 498, 512, 513.
Петровскіе ворота, въ Москвѣ. 333, 507.
Петровъ, Евтюшка, крестьянинъ. 101.
Петръ, св. митрополитъ Кіевскій и всея Русіи. 58.
Петръ I, императоръ. 491, 523.
Печати: государева, 233; Бориса Петровича Шереметева, 216; патріаршая, 400, 401, 524.
Пивоваръ, при войскѣ. 190.
Пильемова, Анастасія Алексѣевна. 7, 8.
Пирожники. 348.
Писцовыя книги. 67, 68, 89.
Пищальное дѣло. 449.
Платокъ, которымъ дарили невѣсту. 249, 250.
Плащаница, пожертвованная Ѳедоромъ Ивановичемъ Шереметевымъ. 272, 273.
Плешково, пустошь. 94.
Плещеевъ, Андрей Львовичъ. 342, 487, 488.
Плещеевъ, Григорій Андреевичъ. 27, 60, 62.
Плещеевъ-Репей, Дмитрій Ивановичъ. 347—349.
Плещеевъ-Заика, Иванъ Дмитріевичъ. 8.
Плещеевъ, Левъ Аѳанасьевичъ. 331, 487, 505.
Плещеевъ, Леонтій Степановичъ. 374, 375.

Плещеевъ, Михаилъ Львовичь. 487, 488.
Плещеевы: Басмановы, Бяконтовы, Колоткины, Очины, Туровкины. 348, 488.
Плотники Русскіе. 66, 184, 449, 454.
Плотничная слобода, подъ Кирилло-Бѣлозерскимъ монастыремъ. 149.
Плуту кликать, колядованье. 431.
Поварово, Поварская тожъ, пустошь. 95.
Поганый прудъ, въ Москвѣ. 282.
Погодинъ, историкъ. 77.
Подачи царскія. 38, 179.
Подлѣсова, деревня. 360.
Поддубное, пустошь. См. Другое Власово.
Подносщики или приносщики великоденскихъ даровъ. 130.
Подолія, область. 255.
Пожарская, Мареа Семеновна. 378.
Пожарскіе, князья. 195.
Пожарскій, князь Дмитрій Михайловичь. 24, 30, 36, 37, 50, 51, 73, 74, 79, 81, 131, 136, 151, 177—180, 195, 196, 202, 224, 377.
Пожарскій, князь Дмитрій Петровичь. 212.
Пожарскій, князь Иванъ Дмитріевичь. 268, 378.
Пожарскій, князь Романъ. 83—85.
Пожарскій, князь Семенъ Романовичь. 268, 305, 378.
Пожары: въ Архангельскѣ, 214; въ Москвѣ, 64—70, 72, 77, 88, 89, 99, 499; въ Тобольскѣ, 426; въ Сибирскихъ ясачныхъ волостяхъ по рѣкѣ Исети, 455; въ Успенскомъ Долматовомъ монастырѣ, 455.
Позняково. См. Вешняково.
Покровская церковь, въ селѣ Чиркинѣ. 377.
Покровская церковь, въ подмосковномъ селѣ Покровскомъ. 266.
Покровскіе ворота, въ Москвѣ. 282, 333, 507.
Покровскій Углицкій монастырь. 477.
Покровскій погостъ. 332, 507.
Покровское, подмосковное село. 72—74, 258, 266, 357, 478.
Полазъ, длинный и узкій коверъ. 431.
Полтевъ, Василій. 197.
Полтина, пустошь. 471.
Польша и Поляки. 116, 117, 133—135, 137, 161, 163—165, 167, 168, 170, 172, 175, 176, 203, 210, 289, 341, 343, 362, 365, 390.
Поляновка, рѣчка. 162, 163, 172.
Поляновскій договоръ. 166—170, 172, 175, 177.
Попова Гора, урочище. 168.
Попова, деревня. 500, 514.
Портреты (парсоны). 9.
Посокинское, пустошь. См. Мошково.
Посольская встрѣча. 40, 115.
Посольская палата, въ Москвѣ. 15.
Постельное крыльцо, въ Москвѣ. 382.
Постниковъ, Степанъ. 149.
Потемкинъ-Таврическій, князь Григорій Александровичь. 263, 413.
Потемкинъ, Иванъ Гавриловичь. 206.
Потиръ, пожертвованный Борисомъ Петровичемъ Шереметевымъ. 376, 377.
Потоцкій, Николай. 344, 345.
Потчиванье пословъ на дому. 363, 364.
Почепъ, городъ. 168.
Починокъ, деревня. 330.
Починокъ Малой, пустошь. 330.
Пражмовскій, Альбрехтъ, посланникъ Литовскій. 478.
Претыкина, деревня. 129.
Приданое. 254, 325, 330, 359, 501.
Приказы: Аптекарскій, 234, 236, 237—240, 258, 278, 280, 281,

309, 510, 519; Большого Дворца, 280, 332, 403, 505, 518, 519, 522; Большой Казны, 208, 232—234, 310; Земскій, 374, 517; Иноземскій, 209, 234, 281; Казанскаго Дворца, 18, 390; Новая Четверть, 234, 307, 310, 519, 522; Новгородская Четверть (Четь), 310; Оружейный, 235; Печатный, 88, 89, 120; Помѣстный, 99, 100, 277, 330, 331, 385, 396, 397, 504—506, 513, 515 — 517; Посольскій, 307, 364; Приказныхъ дѣлъ, 120—122, 208, 209; Разбойный, 316; Рейтарскій, 209, 234; Сбора ратныхъ людей, 209, 210; Стрѣлецкій, 208, 209, 234; Судный Владимірскій, 119, 226, 246, 316, 381—383; Судный Московскій, 119, 123, 246, 247, 381, 523; Сыскной, 208; Устюжская Четверть, 209, 210; Что̀ на сильныхъ бьютъ челомъ, 208, 209.

Пріимковъ-Ростовскій, князь Алексѣй Васильевичь. 64.

Продѣльщики рыбнаго двора. 190.

Прозоровскій, князь Семенъ Васильевичь. 202, 380.

Прокофьевъ, Василій Сергѣевичь. 162, 209.

Пронская, княгиня Марья. 64.

Пронская, княжна Ульяна Петровна. См. Шереметева, Ульяна Петровна.

Пронскій, князь Иванъ Петровичь. 351.

Пронскій-Рыбинъ, князь Михаилъ Петровичь. 202, 381.

Пронскій, князь Петръ Ивановичь. 427.

Пронскъ, городъ. 6.

Протасьевъ, Ѳедоръ Григорьевичь. 92.

Проѣстевъ, Степанъ Матвѣевичь. 162, 195, 203, 204, 241.

Пруды Кусковскіе. 322, 329, 498, 504.

Псковъ, городъ. 115, 176, 391, 470, 471, 473.

Пурецкая, волость. 377, 378.

Пустынниковъ, Осипъ. 187, 189.

Путивль, городъ. 83, 344—346.

Пухнеръ, алхимикъ. 239, 240.

Пучнино, пустошь. 94.

Пушкари, служилые люди. 188, 190, 435.

Пушкина, Ирина Григорьевна. 97.

Пушкинъ, Александръ Андреевичь. 498.

Пушкинъ, Борисъ Ивановичь. 316.

Пушкинъ, Григорій Гавриловичь. 357.

Пушкинъ, Иванъ. 86.

Пушкинъ, Петръ Михайловичь. 488.

Пушкинъ, Ѳедоръ. 89, 91, 93, 95, 97, 105.

Пытки. 426, 458.

Пышма, рѣка. 439.

Пѣвчіе дьяки. 57, 370.

Пѣнкино, пустошь. 90.

Пѣсни, пляски и игры святочныя. 430, 431.

Пядницы, малыя иконы. 406—408.

Пятно. См. Тавро.

Пятый Григорьевъ. См. Григорьевъ.

Пятый Спиридоновъ. См. Спиридоновъ.

Радзивилъ, Христофоръ. 162.

Раздѣлъ семейственный. 297—299, 501.

Разрядныя книги, ихъ значеніе. 74, 487.

Раицкій, Христофоръ. 221.

Раймангулъ Бугаевъ, юртовскій Татаринъ. 446.

Рака надъ мощами Преподобн. Кирилла Бѣлозерскаго. 260—264, 405, 412.

Репнинъ, князь Петръ Александровичь. 209, 210, 226.

Риза честная Господа нашего Іисуса Христа, яже есть хитонъ. 40.

Ризы и другія принадлежности церковнаго облаченія, пожертвованныя: въ Кирилло-Бѣлозерскій монастырь, 409, 410, 411; въ Николаевскій Антоніевъ монастырь, 271.
Рогачева, деревня, Коломенскаго уѣзда. 91.
Рогачево, село, подъ Троице-Сергіевскимъ монастыремъ 475.
Родіоновъ, Юрій. 9, 10.
Родословцы, хранившіеся въ боярскихъ домахъ. 487.
Рождественскій соборъ, въ Саввино-Сторожевскомъ монастырѣ. 483.
Рождество-Богородицкая церковь, въ селѣ Мещериновѣ. 322.
Роздоры, Розлоги тожъ, пустошь. 332, 339, 505.
Розыскъ: по дѣлу Всеволожской, 351—354, объ изгибшей государевой казнѣ. 426, 427.
Романея, напитокъ. 61.
Романова, Ульяна Θеодоровна. 59, 63.
Романовъ, Иванъ Никитичь. 3—5, 10, 41, 59, 117, 131.
Романовъ, Никита Ивановичь. 315, 351, 375, 387, 388.
Романовы. 44, 123, 302, 376, 404, 423, 484.
Ромодановскій, князь Василій Григорьевичь. 91.
Ромодановскій, князь Григорій Григорьевичь. 486.
Ромодановскій, князь Иванъ Ивановичь. 391.
Ромодановскій, князь Юрій Ивановичь. 486.
Рославль, городъ. 168.
Роспопинская, пустошь. 328, 503.
Ростовъ, городъ. 238.
Ростокино, село, 474.
Ртищевъ, Θедоръ Михайловичь. 467.
Рублевъ, Андрей, иконописецъ. 132.
Рубль старинный. 126.
Ругодивъ. См. Нарва.
Русамъ-Бекъ, посолъ Персидскій. 42.
Русская исторія, ея отличіе отъ Западной. 77. 78.
Рыбныя ловли: въ Двинскомъ уѣздѣ, 215; въ Нижегородскомъ уѣздѣ, 378.
Рыльскъ, городъ. 86.
Рынды, при посольскихъ пріемахъ. 222, 223, 478.
Ряженье святочное. 431.
Рязань и Рязанскія мѣста. 6, 7, 202, 205.
Ряполовскіе, князья. 195.

Сабуровъ, Иванъ Никифоровичь. 6.
Саванино, пустошь. 331, 505.
Савва, св. игуменъ Сторожевскій. Его изображеніе и мощи. 480, 482—484.
Савваитовъ, Павелъ Ивановичь. 152, 200.
Савватій Юшковъ, келарь Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря. 262, 402.
Саввинъ-Сторожевскій монастырь. 97, 478, 480—483.
Савкова, пустошь. 97.
Сады и садовники: въ селѣ Вешняковѣ, 275, 329, 504; въ селахъ Коломенскомъ и Покровскомъ, 258; Нескучный, въ Москвѣ, 467; въ селѣ Песочнѣ, 322.
Сайдачный рядъ, въ Москвѣ. 69.
Саларево, Солословлево (Солослово) тожъ, село. 93—97, 332, 396, 505, 513, 514.
Салтыковъ, Алексѣй Петровичь. 523.
Салтыковъ, Борисъ Михайловичь. 218.
Салтыковъ, Иванъ Ивановичь. 91, 315, 437, 438.
Салтыковъ, Михаилъ Михайловичь. 11, 227, 340.
Салтыковы. 10, 11, 14—16.
Сапогово, пустошь. 98.

Сапѣга, Казиміръ Львовичъ. 177, 179.
Сарыево, деревня. 97.
Сары-Кабакъ, урочище. 447.
Свадьба царская (государева радость). 25—29, 56—61, 366, 369, 370.
Свибловы. 330.
Свіяжскъ, городъ. 18—20, 176, 191.
Свіязевъ, Өедоръ. 103, 104.
Свіязевы. 100, 101, 103.
Себежъ, городъ. 168.
Сеймъ, рѣка. 506.
Семлево, село. 163.
Сенегъ, село. См. Филисово.
Сенькино (Стенкино), деревня. 299, 322, 384, 396, 498, 512, 513.
Сергіевская церковь, въ селѣ Меленкахъ. 200.
Сергіевская церковь, въ селѣ Саларевѣ. 93.
Сергій, св. игуменъ Радонежскій. Его изображеніе. 262.
Серебреная палата, въ Москвѣ. 174.
Серебреный столъ, въ Золотой палатѣ. 178.
Серпейскъ, городъ. 168.
Сеткунъ Алблинъ, Тобольскій Бухаренинъ. 463.
Сибелиста, Винделинусъ, докторъ. 242, 253—259, 281, 288.
Сибелиста, Мартынъ. 258.
Сибирская торговля. 432, 433.
Сибирь, Сибирскіе города и Сибиряки. 10, 355, 423—432, 434, 436, 441, 443—445, 450, 462.
Сигизмундъ III, король Польскій. 114, 116, 133, 134.
Сигово, пустошь. 98.
Симоновъ монастырь, въ Москвѣ. 25, 73, 103, 104, 128, 129, 184, 276, 415.
Симонъ, архіепископъ Вологодскій. 406.
Синодальная Контора, въ Москвѣ. 413.
Сицкая, княгиня Анна Романовна, рожденная Юрьева-Захарьина, 44.
Сицкая, княгиня Евѳимія Никитична, рожденная Романова. 44.
Сицкій, князь Андрей Васильевичь. 44—46, 49—51, 53, 64.
Сицкій, князь Андрей Даниловичь. 73, 80.
Сицкій, князь Василій Васильевичь. 45, 49.
Сицкій, князь Иванъ Васильевичь. 44.
Сицкій, князь Юрій Андреевичь. 124, 304.
Скибинъ, Любимка, казакъ. 446.
Скоморохи. 429, 431.
Скопинъ-Шуйскій, князь. См. Шуйскій-Скопинъ, князь.
Слобода, сельцо. См. Филисово.
Слободка, пустошь. 102.
Смоленская дорога. 171, 308.
Смоленской иконы Божіей Матери празднованіе. 361.
Смоленскъ, городъ. 136, 161, 162, 168.
Смолково, Яковлево тожъ, пустошь. 94.
Снегиревъ, Иванъ Михайловичь. 69, 71.
Снѣжинъ, урочище. 83, 85.
Снятскіе ворота, въ Лихвинской засѣкѣ. 205, 206.
Собакинъ, Василій Семеновичь. 70, 499.
Собакинъ, Семенъ, дьякъ. 70, 499.
Соковнина, Өедосья Прокофьевна. См. Морозова, Өедосья Прокофьевна.
Соковнины. 468, 469.
Сокольская волость. 173, 320, 321, 497.
Соколиная охота и сокольники. 275. 276, 474—476.
Соловецкій монастырь (Соловки). 484, 485.
Соловьевъ, историкъ. 316, 365.
Солоница, рѣка. 500, 514.
Солословлево, село. См. Саларево.
Сомова, Марья Васильевна, рож-

денная княжна Волконская-Веригина. 118.
Сомовъ, Павелъ. 118.
Спасскіе (Фроловскіе) ворота, въ Москвѣ. 139.
Спиридоновъ, Пятый, дьякъ. 163.
Срѣтенская улица, въ Москвѣ. 71.
Срѣтенскіе ворота, въ Москвѣ. 40.
Станицы, въ хорѣ пѣвчихъ. 370.
Старица, городъ. 484, 485, 489.
Стародубскіе, князья. 195.
Стародубъ, городъ. 168.
Старое Власово, Загорное, Забережинское тожъ, пустошь. 328, 503.
Статейный списокъ. 449.
Стафурово, Выхонь (Выхино) тожъ, деревня. 100, 328, 503.
Стемпковскій, Гавріилъ. 290, 291.
Степановское, пустошь. См. Дубецъ.
Стефанъ Вонифатьевъ, Благовѣщенскій протопопъ, духовникъ царя Алексѣя Михайловича. 312, 313, 466.
Столбовскій миръ. 470.
Столѣтовъ, Андрей. 247.
Сторожевая линія. 205.
Стохорскій, Матвѣй. 221.
Страленбергъ, авторъ. 55.
Страсбургъ, городъ. 10.
Строевъ, Андрей, дьякъ. 89, 93, 95, 97, 105.
Стрѣльцы. 187, 190, 284, 306, 308, 348, 428, 489.
Стрѣшнева, Анна Константиновна. 60, 63, 81.
Стрѣшнева, Евдокія Лукьяновна. См. Евдокія Лукьяновна, царица.
Стрѣшнева, Ирина Прокофьевна. 64.
Стрѣшневъ, Василій Ивановичъ. 202, 315.
Стрѣшневъ, Иванъ Степановичъ. 62.
Стрѣшневъ, Лукьянъ Степановичъ. 55, 57, 62, 73, 80, 128, 225, 313.
Стрѣшневъ, Родіонъ Матвѣевичъ. 185.
Стрѣшневъ, Семенъ Лукьяновичъ. 315.
Стрѣшневъ, Сергій Степановичъ. 62.
Стрѣшневъ, Степанъ Ѳедоровичъ. 220.
Стрѣшневъ, Ѳедоръ Степановичъ. 315.
Стрюйсъ, путешественникъ, 66.
Стряпчій съ ключемъ, придворный чинъ. 233.
Ступинъ, Тимоѳей Ѳедоровичъ. 395, 514.
Стѣнная живопись, въ Кирилло-Бѣлозерскомъ монастырѣ. 263, 411.
Суевѣрія: встрѣча перваго дня луны; вѣра въ сонъ, во встрѣчу, въ полазъ (?), въ птичій грай (крикъ); купанье во время грома; сходки по зорямъ и въ ночи; умыванье съ серебра. 430, 431.
Суздаль, городъ. 254.
Сукно, посылается въ даръ контайшѣ Калмыцкому. 437, 447, 452.
Сулешева, княгиня Марѳа Михайловна. 64.
Сулешевъ, князь Юрій Еншеевичъ. 117, 210, 211.
Сургутъ, городъ. 425.
Сурны, музыкальныя трубки. 61, 369.
Сухона, рѣка. 428.
Сущовъ, Любимъ. 154.
Съѣзды посольскіе. 162—169, 172.
Съѣзжая изба: въ Осколѣ, 347, 348; въ Тарѣ, 461; въ Тобольскѣ, 426, 437, 460.
Сытный дворецъ, въ Москвѣ. 66.
Сѣдла Калмыцкія, съ приборомъ. 450, 451, 455.
Сѣверовъ, Иванъ. 44.
Сѣвскъ, городъ. 86.
Сѣнникъ или брачный чертогъ. 57—61.

Сѣнныя дѣвушки, при боярскихъ домахъ. 55, 56.
Сѣтунскій станъ. 97.

Тавро (пятно) конское. 140.
Тайши Калмыцкіе. 436—443, 445, 446, 456, 460.
Тамбовскія степи. 350.
Таможенная изба (таможня): въ Верхотурьѣ, 425; въ Москвѣ. 66.
Танинское, село. 151.
Тара, городъ, и Тарскій уѣздъ. 425, 433, 453, 454, 456—461.
Тарасовка, деревня. 474.
Тарасовъ, Илья. 100.
Татарскаго письма листъ. 450, 452.
Татары (Бардаковскіе, Кадомскіе, Казанскіе, Крымскіе, Ногайскіе, Сибирскіе). 6, 18, 19, 190, 201, 207, 220, 342, 349, 427, 438, 446, 460, 461, 475.
Татева, княгиня Марья. 277, 504.
Татевъ, князь Борисъ Петровичъ. 277, 504.
Татевъ, князь Иванъ. 329, 504.
Татевъ, князь Ѳедоръ. 329, 504.
Татищевъ, историкъ. 417.
Татьяна Михайловна, царевна. 261.
Таусень, колядованье въ канунъ новаго года. 431.
Тверская губернія. 125.
Тверская улица, въ Москвѣ. 72, 398, 517.
Тверскіе ворота, въ Москвѣ. 115, 284.
Тверской музей. 272.
Телепневъ, Иванъ Степановичъ. 488.
Телепневъ, Степанъ. 100, 102.
Телепневъ, Юрій. 100. 102.
Телятевскій, князь Ѳедоръ. 86.
Теплынцево, деревня. 471.
Тетеревники, деревня. 277, 278, 323, 498.
Тохановичъ, Герасимъ. 364, 365.
Тимоѳеевъ, Александръ Ильичъ. 434.
Тіуново, Жулебино, Онофріево тожъ, сельцо. 99—102, 105, 329, 504.
Тобольскъ, городъ. 176, 383, 422, 424, 425, 427, 429, 432—435, 437—441, 444—447, 449—455, 457, 458, 460, 463, 465.
Толбузинъ, Иванъ. 292.
Толмачевъ, губный староста. 259.
Толмачи, при воеводѣ. 190, 460.
Томскъ, городъ, и Томскій уѣздъ. 445, 447, 448.
Торгъ: въ деревнѣ Избыльцѣ, 506; въ селѣ Кадницахъ, 506; подъ Тюменью, 439—442.
Торъ, городокъ при рѣкѣ Торѣ. 349.
Тоюнъ-Убаши, тайша Калмыцкій. 439.
Травники, собиратели травъ. 279. 280.
Трахапіотовъ, Петръ Тихоновичъ. 374, 375.
Третьякова, вдова. 65.
Третьяковъ, Иванъ. 47.
Третьякъ Васильевъ, дьякъ. См. Васильевъ, Третьякъ.
Тризна, Марціянъ. 162.
Троекурова, княжна Домна Михайловна. См. Шереметева, Домна Михайловна.
Троекурова, княжна Марина Ивановна. См. Головина, Марина Ивановна.
Троицкая церковь, въ селѣ Бузаеевѣ. 98.
Троицкая на Рву церковь, въ Москвѣ. 65.
Троицкая въ Старыхъ Поляхъ церковь, въ Москвѣ. 68.
Троицкій-Сергіевъ монастырь. 24, 30, 44, 46, 53, 72, 74, 107, 111, 112, 128, 135, 150, 151, 343, 473, 475, 478, 480.
Трофимовъ, Анисимъ. 308.
Трофимовъ, Иванъ. 427.
Трубецкая, княгиня Елена Григорьевна, рожденная княжна Черкасская. 92, 338.
Трубецкіе, князья. 390.
Трубецкій, князь Александръ Юрьевичъ. 390.
Трубецкій, князь Алексѣй Ники-

тичь. 20, 42, 390, 480, 485, 486.
Трубецкій, князь Дмитрій Тимоѳеевичь. 390.
Трубецкій, князь Иванъ Алексѣевичь. 93.
Трубецкій, князь Петръ Юрьевичь. 390.
Трубецкій, князь Тимоѳей Романовичь. 296.
Трубецкій, князь Юрій Никитичь. 390.
Трубецкій, князь Юрій Петровичь. 390.
Трубецкій, князь Юрій Юрьевичь. 92, 93, 338.
Трубчевскъ, городъ. 168.
Тула, городъ. 6, 86, 202, 203, 205.
Тупики (глухіе переулки), въ Москвѣ. 65, 68.
Тура, рѣка. 442.
Тургеневъ, Денисъ Петровичь. 472.
Тургеневъ, Иванъ. 122.
Туренинъ, князь Иванъ. 121.
Туринскъ, городъ, и Туринскій уѣздъ. 425, 434, 435.
Туровкины. См. Плещеевы.
Турція и Турки. 124, 289, 362.
Тушино, село. 489.
Тысяцкій, на царской свадьбѣ. 27, 59, 366.
Тюменская, княгиня Марья Ивановна. См. Шереметева, Марья Ивановна.
Тюмень, городъ, и Тюменскія мѣста. 425, 434, 438—442.
Тюфякинъ, князь Григорій. 106.

Убора, рѣчка. 33, 34.
Уборы (Убора), Звенигородская вотчина Шереметевыхъ. 30—35, 96, 360, 483.
Угличь, городъ. 477.
Угрѣшскій монастырь (Угрѣша). 41, 42, 91, 111, 357.
Уложеніе царя Алексѣя Михайловича. 299, 301, 380, 392, 397, 399, 515, 518.
Упадкинская, пустошь. 34.
Упадкинскій лугъ. См. Козловъ лугъ.
Уполозы, село. См. Архангельское.
Уполоцкій, Алексѣй Ивановичь. 331.
Урлукъ, тайша Калмыцкій. 438.
Урусовъ, князь Семенъ Андреевичь. 373.
Урусъ, посолъ Калмыцкій. 439, 440.
Успенская церковь, въ селѣ Ѳедоровскомъ. 132.
Успенскій Далматовъ монастырь. 455.
Успенскій соборъ, въ городѣ Кашинѣ. 476.
Успенскій соборъ, въ Кирилло-Бѣлозерскомъ монастырѣ. 260, 263—265, 366, 405, 411.
Успенскій соборъ, въ Москвѣ. 27, 45, 54, 57, 65, 311, 312, 415, 484, 489.
Устюгъ Великій, городъ. 210.
Уфа, городъ. 438.
Ухабничій, въ царскомъ поѣздѣ. 266.
Ушаковъ, Михаилъ, 331, 505.

Фастамъ, Федулъ, посолъ Шведскій. 114.
Ферезь, происхожденіе этого названія. 124.
Фефилатьевъ, Михаилъ Даниловичь. 224.
Филаретъ Никитичь Романовъ, патріархъ Всероссійскій. 3—5, 8—10, 12, 15, 22, 25, 36, 38, 40, 41, 44, 49, 61, 72, 76, 79, 82—84, 87, 108, 109, 112, 113, 135, 160, 299, 416.
Филимоновъ, Георгій Дмитріевичь. 110.
Филиппъ, св. митрополитъ Всероссійскій. Его мощи. 484, 485.
Филисово, Сенегъ тожъ, село (сельцо Слобода). 299, 323, 498.
Фильгробромъ, пасторъ. 283, 289.
Флемингъ, Павелъ. 183.
Франція и Французское посоль-

ство въ Москвѣ. 114, 115, 254, 255.
Френевъ (Ѳреневъ), Залѣшанинъ. 91.
Фридрихъ, герцогъ Шлезвигъ-Голштинскій. 182, 183, 249.
Фролово (Ѳролово), деревня. 330.
Фроловскіе ворота, въ Москвѣ. См. Мясницкіе и Спасскіе ворота.
Фряжскія вина. 57.

Хворостининъ, князь Иванъ. 76.
Хилковъ, князь Андрей Васильевичь. 119, 178—181, 246, 247, 381, 382.
Хилковъ, князь Василій Дмитріевичь. 180.
Хилковъ, князь Василій Ивановичь. 463.
Хилковъ, князь Иванъ Андреевичь. 268, 381, 382.
Хилковъ, князь Иванъ Васильевичь. 176, 268.
Хилковъ, князь Ѳедоръ Андреевичь. 268.
Хлопова, Марья Ивановна. 9—18.
Хлопово, пустошь. 98.
Хлоповъ, Гавріилъ. 11.
Хлоповъ, Иванъ. 11.
Хлѣбенный дворецъ, въ Москвѣ. 66.
Хлѣбникова, пустошь. 90.
Хованскіе, князья. 469.
Хованскій, князь Иванъ Никитичь. 214.
Ховрино, село. 193.
Ховрины. 193.
Холмогоры, городъ. 212—215.
Хорошево, село. 491.
Хохловка, урочище, въ Москвѣ. 333, 507.
Христіанъ IV, король Датскій. 194, 241, 244, 250, 253, 254, 303.

Царево, Іевлевское тожъ, сельцо. 360.
Царская площадь, въ Московскомъ Кремлѣ. 139.
Цѣпь золотая, поднесенная Ѳедоромъ Ивановичемъ Шереметевымъ царю Алексѣю Михайловичу. 314.

Чародѣйство: колдовство на царицынъ слѣдъ, 352; косный разводъ, 351; наговоръ, 351; приворотный корень, 352; проволакиваніе полотенца сквозь перстень, 353.
Часы, въ Московской Золотой палатѣ. 178.
Чашники, придворный чинъ. 179, 270.
Чеглоковъ, Сильвестръ Александровичь. 434, 439—442.
Челобитныя. См. Грамоты.
Чередовъ, Власъ. 457—459.
Черемисы, народъ. 19.
Череповская, пустошь. 34.
Черкасская, княгиня Евдокія Васильевна. 63.
Черкасская, княжна Елена Григорьевна. См. Трубецкая, княгиня Елена Григорьевна.
Черкасская, княжна Ирина Борисовна. См. Шереметева, Ирина Борисовна.
Черкасская, княгиня Марья Петровна. См. Шереметева, Марья Петровна.
Черкасская, княгиня Марѳа Яковлевна, рожденная княжна Одоевская. 338.
Черкасская, княгиня Прасковья Никитична, рожденная княжна Одоевская. 92, 319, 325, 326, 337, 338, 501, 502.
Черкасскіе, князья. 339, 376, 417.
Черкасскій, князь Григорій Сунчалеевичь. 92, 325, 337, 501.
Черкасскій, князь Даніилъ Григорьевичь. 337.
Черкасскій, князь Дмитрій Мамстрюковичь. 18, 50, 59, 117, 121, 131, 232, 502.

Черкасскій, князь Иванъ Борисовичь. 3—5, 10, 27, 41, 50, 59, 73, 107, 108, 115, 117, 123, 131, 178, 179, 202—205, 207, 208, 217, 225, 227, 228, 230, 232, 237, 259.
Черкасскій, князь Михаилъ Яковлевичь. 338.
Черкасскій, князь Яковъ Куденетовичь. 43, 131, 147, 150, 232, 269, 315—318, 366, 376, 401, 418, 474, 509, 510, 519—522, 524.
Черкасы. См. Казаки Запорожскіе.
Черниговъ, городъ. 168.
Чернуха, деревня. 129.
Чертежи: города Москвы, 68—70; Шведской земли и прирубежной Русской, 256.
Чертово, пустошь. См. Баклановское.
Чеушовъ, Мартынко, гонецъ. 86.
Чехія. См. Богемія.
Чирикова, Евдокія Алексѣевна. См. Шереметева, Евдокія Алексѣевна.
Чириковъ, Пантелей. 209.
Чиркино, село. 377, 418, 420, 421.
Чистой, Назарій, дьякъ. 233, 374.
Чуваши, народъ. 19.
Чудовъ монастырь, въ Москвѣ. 80, 108, 251, 484.
Чулково, урочище. 152.
Чюрилово. См. Вешняково.
Чюркинъ, Ѳедоръ. 200.

Шапка Ерихонская Кучумовская, въ Московской Оружейной палатѣ. 421.
Шахманово, село. 129.
Шаховскій, князь Иванъ Леонтьевичь. 31, 33, 35, (226).
Шаховскій - Харя, князь Семенъ Ивановичь. 202, 207.
Шацкъ, городъ. 205.
Швеція и Шведы (Свѣйская земля и Свѣи). 114, 133, 134, 167, 256, 470.
Шегарская волость. 444, 445, 447—449.
Шеинъ, Михаилъ Борисовичь. 50, 131, 135, 161.
Шереметева, Агаѳья Ивановна, по по мужу княгиня Кайбулова. 7, 148, 298.
Шереметева, Анастасія Никитична, рожденная Миклашевская. 72.
Шереметева, Анна Ивановна. 191, 361.
Шереметева, Анна Ѳедоровна, во иночествѣ Александра. 129, 293, 319, 324, 325, 328, 397, 398, 468, 500, 501, 503, 514, 515, 516.
Шереметева, Анна Ѳедоровна, рожденная Волынская. 491.
Шереметева, Афимья, вторая жена Василья Ивановича Шереметева. 472.
Шереметева, графиня Варвара Алексѣевна, рожденная княжна Черкасская. 93, 338, 339, 390.
Шереметева, Варвара Петровна, рожденная Алмазова. 31.
Шереметева, Домна Михайловна, рожденная княжна Троекурова. 129.
Шереметева, Евдокія Алексѣевна, рожденная Чирикова. 118.
Шереметева, Евдокія Ѳедоровна, по мужу княгиня Одоевская, 1, 129, 274, 293, 319, 324, 325, 328, 366, 397, 398, 468, 500, 501, 503, 508, 514, 515.
Шереметева, Евдокія Ѳедоровна, жена Никиты Ивановича Шереметева. 468.
Шереметева, Евфросинія Ивановна, рожденная Жулебина. 330.
Шереметева, Евфросинія, вторая жена Ѳедора Ивановича Шереметева. 141, 156.
Шереметева, Екатерина Васильевна. 31.
Шереметева, Екатерина Никитична. 193, 353, 354, 376, 377.

Шереметева, Елена Ивановна, царица (жена царевича Ивана Ивановича), во иночествѣ Леонида. 415.

Шереметева, Елизавета Сергѣевна, по мужу баронесса Дёлеръ. 31.

Шереметева, Ирина Борисовна, рожденная княжна Черкасская. 141, 147.

Шереметева, Ксенія, первая жена Василья Ивановича Шереметева. 373, 471, 472, 483.

Шереметева, Марья Елизаровна, рожденная Вылузгина. 118, 191.

Шереметева, Марья Ивановна, по мужу княгиня Тюменская. 298.

Шереметева, Марья Петровна, третья жена Өедора Ивановича Шереметева. 26, 60, 62, 63, 127, 141, 156, 159, 229, 273.

Шереметева, Марья Петровна, по мужу княгиня Черкасская. 338.

Шереметева, Марөа Васильевна, рожденная княжна Волконская-Веригина, по первому мужу Нагая. 118, 192, 359—361.

Шереметева, Марөа Васильевна, по мужу княгиня Шлякова-Чешская. 188, 245, 248, 249, 251, 252, 499.

Шереметева, Ульяна Петровна, рожденная княжна Пронская. 193, 421.

Шереметева, Ульяна Өедоровна, по мужу Головина, 122, 123, 127—129.

Шереметева, Өедосья Борисовна, рожденная княжна Долгорукова. 67.

Шереметева (неизвѣстная по имени и отчеству), жена Василья Петровича Шереметева. 389, 466, 468.

Шереметевъ, Александръ Алексѣевичь. 72.

Шереметевъ, Алексѣй Өедоровичь. 27, 72, 130—133, 136, 138—141, 143, 145—156, 158, 197, 199, 319, 404, 496, 509.

Шереметевъ, Борисъ Петровичь. 5, 21—23, 27, 29, 37, 43, 46—48, 71, 73, 80, 81, 106, 107, 108, 111, 112, 119, 120, 176, 191—193, 212, 214—216, 228, 246, 294, 296, 299, 300, 304, 316, 323, 339, 353, 354, 356, 366, 367, 368, 376, 377, 418—421, 498.

Шереметевъ, графъ Борисъ Петровичь (фельдмаршалъ). 118, 183, 338. Его рожденіе. 491.

Шереметевъ, Василій Андреевичь. 297, 408, 498.

Шереметевъ, Василій Борисовичь. 192, 193, 216—219, 222, 223, 225, 228, 230, 231, 266—268, 270, 290, 303, 313, 317, 341, 342, 343, 346—352, 357, 363, 364, 366, 369, 381—383, 420, 422, 423—426, 428, 432—435, 437, 439—442, 444—447, 449—465.

Шереметевъ, Василій Ивановичь. 129, 191, 192, 267, 270, 305, 313, 317, 357, 359, 361, 362, 364, 365, 366, 372, 373, 395, 396, 471, 472, 478, 483, 484, 512, 513, 514.

Шереметевъ, Василій Петровичь. 5, 18—20, 29, 41—43, 46, 51—53, 55, 60, 62, 71, 73, 80, 81, 106, 108, 111, 112, 119, 120, 176, 183—189, 191, 193, 220, 227—232, 245, 247, 267—269, 294, 296, 299, 300, 304—308, 311—313, 315, 316, 322, 329, 339, 341 — 346, 350—352, 356, 357, 377, 378, 381, 383—389, 391, 392, 396, 418—420, 465—469, 472, 473, 479, 480, 484, 486—489, 491, 498, 504, 512, 513.

Шереметевъ, Василій Петровичь. 229.

Шереметевъ, Владиміръ Петровичь. 71.

Шереметевъ, Григорій Васильевичь. 157, 158.

Шереметевъ, Иванъ Васильевичь

Большой, во иноцѣхъ Іона. 7, 18, 157, 158, 298, 330.

Шереметевъ, Иванъ Васильевичь Меньшой. 49, 92, 140, 141, 146, 198, 199, 297—301, 322, 323, 329, 498—502, 504, 506, 508, 512.

Шереметевъ, Иванъ Петровичь, во иноцѣхъ Іона. 5—8, 20, 25, 27, 29, 30, 32, 35, 41—43, 46—48, 51, 52, 60, 62, 73, 74, 80, 81, 95—98, 105—108, 111, 117 — 120, 129, 175, 176, 189 — 196, 202, 204 — 207, 209—212, 218, 220, 223—226, 228—230, 246, 247, 267—269, 290—292, 294, 296, 299, 300, 313, 314, 316, 321, 339, 357—361, 372, 381, 382, 384, 395, 396, 419, 465, 483, 487, 488, 497, 512, 513.

Шереметевъ, Матвѣй Васильевичь. 188, 267, 270, 305, 346, 385, 386, 388, 389, 474, 476—478, 480, 482, 486, 488, 491.

Шереметевъ, Матвѣй Ивановичь. 192, 290, 291, 483.

Шереметевъ, Мокій Өедоровичь. 156, 159, 273.

Шереметевъ, Никита Васильевичь. 22, 298, 501.

Шереметевъ, Никита Ивановичь. 192, 360, 396, 468, 480, 512.

Шереметевъ, графъ Николай Петровичь. 175.

Шереметевъ, графъ Петръ Борисовичь. 339.

Шереметевъ, Петръ Васильевичь Большой. 71, 72, 188, 252, 267, 268, 270, 290, 305, 313, 317, 357, 364, 366, 369, 473, 476—478, 480, 482, 484, 486, 488, 491, 499.

Шереметевъ, Петръ Васильевичь Меньшой. 471, 472, 484.

Шереметевъ, Петръ Никитичь. 67, 69, 192, 292, 294—296, 298.

Шереметевъ, графъ Сергій Дмитріевичь. 87, 131, 132, 138, 272, 330, 403.

Шереметевъ, Өедоръ Васильевичь, во иноцѣхъ Өеодоритъ. 20, 22, 45, 295, 296, 298, 323, 396, 513.

Шереметевъ, Өедоръ Ивановичь, во иноцѣхъ Өеодосій. 1, 3—5, 7, 8, 10—15, 17, 18, 20—22, 24, 26—28, 30, 36—39, 41, 43—46, 49—53, 55—59, 61, 62, 64, 70, 73, 74, 77, 79, 81, 82, 87—89, 91—93, 96, 99—101, 104—109, 112, 113, 115, 117, 120—124, 127, 128, 130—132, 135 — 142, 144 — 171, 173, 175 — 181, 184, 189, 194, 196—200, 208, 209, 218, 219, 225, 228 — 230, 232 — 237, 238 — 240, 242, 244, 247, 251—253, 255, 257—263, 265, 269—274, 277—282, 284—288, 292—302, 307, 309—311, 314, 317, 319—339, 341—343, 359, 366—368, 382—384, 392—418, 423, 465, 493—524.

Шереметевъ, Өедоръ Өедоровичь. 416.

Шеремеmь, Андрей Константиновичь. 408.

Шибановскій-Долгоруковъ, князь. См. Долгоруковъ-Шибановскій, князь.

Шибановъ, Петръ Васильевичь. 138, 330, 403.

Шиповъ, Андрей. 65.

Шипулинъ, Никифоръ Ивановичь. 411.

Широносово, пустошь. 98.

Ширяевъ, Иванъ. 14, 16.

Шишкина, пустошь. 91.

Шликъ (Slick), старинный графскій родъ. 243, 250.

Шлякова-Чешская, княгиня Марөа Васильевна. См. Шереметева, Марөа Васильевна.

Шляковъ-Чешскій, князь Левъ Александровичь. 243 — 245, 248—252, 324, 335, 342, 388, 396, 499, 509, 512.

Шмотино, деревня. См. Калинино.

Шокуровъ, Михаилъ. 99.
Шокуровъ, Романъ. 99.
Шпанья (?) 348.
Шуба, пожалованная Өедору Ивановичу Шереметеву. 173, 174.
Шуйскій, князь Иванъ Ивановичь. 115, 117, 131.
Шуйскій, князь Иванъ Петровичь. 296.
Шуйскій-Скопинъ, князь Михаилъ Васильевичь. 123.
Шуклино, пустошь. 277, 278, 329, 504.
Шушеринъ, Өедоръ. 51.

Щелкаловъ, Василій Яковлевичь. 326.
Щетинина, пустошь. 323, 328, 472, 498, 504..

Югъ, рѣка. 428.
Юрдень, контайша Калмыцкій. 436—438, 444—455.
Юрій Васильевичь, князь, братъ Грознаго. 500.
Юрцово, сельцо. 330.
Юрьевъ монастырь. 412.
Юрьевъ-Романовъ, Никита Романовичь. 69.
Юсуповы, князья. 331.
Юсупъ Ахметевъ, посолъ Персидскій. 106.

Яблоновъ, городъ. 342, 343.
Языки Татарскіе. 349.
Якимово, пустошь. См. Копытово.
Яковлево, пустошь. См. Смолково.
Яковлевское, сельцо. 327, 503.
Яковлевъ, Авдѣй. 75.
Яковлевъ, Ефремъ (Өеремко). 100.
Ямщики. 190.
Яновъ, Василій Өедоровичь. 231.
Янычары. 201.
Ярмарки: въ Архангельскѣ, 214; Ирбитская, 433.
Ярославль, городъ. 254.
Ярыжкинъ, Петръ Андреевичь. 462.
Яузскіе ворота, въ Москвѣ. 333, 507.
Яхонина, Ульяна. 353.
Яцынъ, Никифоръ. 346.

Өедоровской иконы Божіей Матери празднованіе. 79.
Өедоровское, село. 132, 417, 418.
Өедоровъ, Викулъ. 149.
Өедоръ Ивановичь, царь. 120, 295, 296, 415.
Өедотова, Аленка. 353.
Өеклица, бобылка. 32.
Өеодоритъ, казначей Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря. 156.
Өеодоръ Освященный, его изображеніе. 262.
Өеодосій, игуменъ Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря. 137, 140, 142, 153, 154, 156, 157, 197, 199.
Өеоктистъ Колединскій, старецъ Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря. 402.
Өерапонтъ Бѣлоезерскій, св., его изображеніе. 262.
Өокина, пустошь. 94.
Өоминъ, Андрей. 32.
Өоминъ, Константинъ (Костка). 32.
Өреневъ, Залѣшанинъ. См. Френевъ.
Өролово, деревня. См. Фролово.

СПИСОКЪ

ПРИЛОЖЕНІЙ КЪ ТРЕТЬЕЙ КНИГѢ.

I. Древній чертежъ города Москвы, составленный въ царствованіе Михаила Өедоровича, до пожара 1626 года, и отпечатанный въ Амстердамѣ. Это точный снимокъ съ экземпляра, принадлежавшаго нѣкогда Петру Великому и хранящагося нынѣ въ императорскомъ Эрмитажѣ; экземпляръ сей весьма разнится и въ окраскѣ и нѣкоторыми подробностями отъ другого экземпляра того-же чертежа, помѣщеннаго въ «Памятникахъ Московской древности» (М. 1842—1845, стр. XLIV). Прилагаемый снимокъ сдѣланъ, съ разрѣшенія директора императорскаго Эрмитажа А. А. Васильчикова, фотографическимъ заведеніемъ Н. Т. Индутнаго, при полномъ содѣйствіи академика А. А. Куника, завѣдующаго Кабинетомъ Петра Великаго . . . къ заглавному листу.

II. Изображеніе сѣнника или брачнаго чертога царя Михаила Өедоровича и царицы Евдокіи Лукьяновны Стрѣшневой. По свадебному церемоніалу, устройство сѣнника и береженье его лежало на обязанности боярина Өедора Ивановича Шереметева, который и изображенъ на картинкѣ вмѣстѣ съ своими товарищами: окольничимъ Львомъ Ивановичемъ Далматовымъ-Карповымъ и государевымъ тестемъ Лукьяномъ Степановичемъ Стрѣшневымъ . . . . къ страницѣ 57

III. Изображеніе брачнаго пира царя Михаила въ Грановитой палатѣ. По разрядной росписи, Иванъ Петровичь Шереметевъ сказывалъ въ большой столъ, а Василій Петровичь Шереметевъ—въ кривой столъ. . . . . . . къ страницамъ 59—61

Обѣ картинки (II и III) сняты съ подлинной лицевой рукописи Московскаго главнаго Архива министерства иностранныхъ дѣлъ, подъ заглавіемъ: «Книга содержащая описаніе въ лицахъ чина бракосочетанія царя Михаила Өеодоровича съ дѣвицею Евдокіей Лукьяновной Стрѣшневою». Эта драгоцѣнная рукопись, конца XVII или начала XVIII вѣка, пожертвованная Архиву бывшимъ начальникомъ онаго А. Ө. Малиновскимъ, уже была издана П. П. Бекетовымъ (Описаніе въ лицахъ торжества, происходившаго въ 1626 году февраля 5, при бракосочетаніи государя царя и великаго князя Михаила Өеодоровича. М. 1810). Но во-первыхъ, изданіе это давно уже считается библіографическою рѣдкостью; а во-вторыхъ, самыя картинки переданы въ немъ не совсѣмъ согласно съ подлинникомъ. По Высочайшему повелѣнію, испрошенному, благодаря ходатайству гофмейстера барона Ө. А. Бюлера, подлинная рукопись была выслана въ императорское Общество любителей древней письменности и здѣсь, подъ наблюденіемъ князя П. П. Вяземскаго, сдѣланы прилагаемые снимки художникомъ М. М. Осиповымъ.

IV. Данная, 28 ноября 1629 года, на дворовое мѣсто въ Москвѣ, въ Китаѣ городѣ, у Троицы въ Старыхъ Поляхъ, принадлежавшее Петру Никитичу Шереметеву. Съ подлинника, принадлежащаго графу С. Д. Шереметеву. . . . къ страницѣ 68

V. Кружка, хранящаяся въ Московской Оружейной Палатѣ, даръ боярина Өедора Ивановича Шереметева новорожденному царевичу Алексѣю Михайловичу. Прилагаемый рисунокъ, съ разрѣшенія директора Палаты А. А. Талызина, и при содѣйствіи его помощника Г. Д. Филимонова, сдѣланъ съ натуры почетнымъ общникомъ императорской Академіи Художествъ Н. А. Мартыновымъ, а отпечатанъ въ Петербургѣ, въ фотографическомъ заведеніи Н. Т. Индутнаго . . . . . къ страницѣ 109

VI. Купчая крѣпость 1631 года на дворовое мѣсто въ Москвѣ, въ Бѣломъ городѣ, проданное Дементьемъ Васильевичемъ Кафтыревымъ Өедору Ивановичу Шереметеву. Съ подлинника, принадлежащаго графу С. Д. Шереметеву. . . . къ страницѣ 132

VII. Грамотка боярина Өедора Ивановича Шереметева къ игумену Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря Өеодосію съ братіею, отъ 28 февраля 1633 года, о цкахъ надъ гробами Шереметевыхъ, погребенныхъ въ той обители. Съ подлинника, принадлежащаго графу С. Д. Шереметеву . . . . . къ страницѣ 159

VIII. Храмозданная грамота патріарха Всеросейскаго Іосифа, отъ 12 апрѣля 1644 года, на построеніе въ вотчинной боярина Өедора Ивановича Шереметева деревнѣ Вешняковѣ каменнаго храма, во имя Воскресенія Христова. Съ подлинника, принадлежащаго графу С. Д. Шереметеву . . . . . къ страницѣ 274

IX. Данная, врученная въ іюлѣ 1648 года Өедоромъ Ивановичемъ Шереметевымъ своему племяннику, Василью Петровичу Шереметеву, на завѣщанныя ему родовыя вотчинныя села: Кусково, Мещериново и Песочню. Съ подлинника, принадлежащаго графу С. Д. Шереметеву. . . . къ страницѣ 384

X. Факсимиле первыхъ строкъ духовной боярина Өедора Ивановича Шереметева, 29 ноября 1645 года. Съ подлинника, принадлежащаго графу С. Д. Шереметеву. . . . къ страницѣ 495